

С. СОМ

КАТАКОМБНЫЙ МЭЙНСТРИМ,
КНИГА ТРЕТЬЯ:

КНИГА СТАРИЦЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Вступление
 Geographia
 Первое впечатление
 Motus
 Город контрастов
 Geologia
 О движении пятнадцатимаечников
 Star'itsa quomodo magnes nostri allicit
 Изобилие
 Tempores et mores
 Зима
 Technologia
 Весна
 Stercus
 Лето
 Requiem
 Подъём
 Тoccata
 Лагерь над Лисьей
 Andante
 Слово о голосе
 Introduction
 Каменка
 Bolero
 Качели
 Fuga
 Мышиный вариант
 Gloria
 Голодное лето 1991 года
 Lacrimosa
 Париж/Дакар — Лотошино/Старица
 Iter/marche/cursus
 Знаки судьбы
 Aridus lex
 Капкан
 Liber requisitio
 Карты, местность и жопа'эс
 Turn to white rock
 Осень
 Equinoxe

Голос и гитара Стрижа

Via est vita

Крюковский балет

Black-break-dance

Белый блюз

Misericordia

И снова Пев

Memoria: adagio Albinoni in lapsus libratus

Первая старицкая

Somnium

Ордино

CU-2

Баламутово

Libertas, aequalitas, fraternitas

Юра Кирин

Last blues

Летучие мыши

Рараноуа

Ночь перед раскопом

Visum

Комментарий к кадастру

Conspicuum

Причитание

Post scriptum

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Фоторезюме

Magnificat “a la durka”

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Вступление	6
Geographia	7
Первое впечатление	11
Motus	13
Город контрастов	14
Geologia	18
О движении пятнадцатимаечников	22
Star'itsa quomodo magnes nostri allicit	27
Изобилие	32
Tempores et mores	32
Зима	51
Technologia	59
Весна	67
Stercus	77
Лето	84
Requiem	87
Подъём	88
Toccata	89
Лагерь над Лисьей	90
Andante	99
Слово о голосе	100
Introduction	101
Каменка	101
Bolero	102
Качели	103
Fuga	107
Мышиный вариант	109
Gloria	110
Голодное лето 1991 года	114
Lacrimosa	117
Париж/Дакар — Лотошино/Старица	118
Iter/marche/cursus	123
Знаки судьбы	124
Aridus lex	128
Капкан	131
Liber requisitio	143
Карты, местность и жопа'эс	155
Turn to white rock	157
Осень	165
Equinoxe	173
Голос и гитара Стрижа	177

Via est vita	178
Крюковский балет	179
Black-break-dance	180
Белый блюз	181
Misericordia	182
И снова Пев	184
Memoria: adagio albinoni in lapsus libratus	185
Первая старицкая	188
Somnium	200
Ордино	201
CU-2	207
Баламутово	215
Libertas, aequalitas, fraternitas	229
Юра Кирин	232
Last blues	237
Летучие мыши	239
Paranoia	242
Ночь перед раскопом	246
Visum	246
Комментарий к кадастру	249
Conspicuum	253
Причитание	272
Post scriptum	284

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

*Река с простым названием Жизнь
Не так длинна, как мы хотели б –
К тому ж житейские метели
В лёд заковать её взялись...*
: В. Боков

ВСТУПЛЕНИЕ

“Семидесятые года. Закрыты лавки с керосином...” —

В истории подмосковной спелестологии наступил период “среднего репрессанса”. Были взорваны или залиты бетоном входы в освоенные пещеры Ближнего Подмосковья — но где-то заново вскрывались другие и оставались неисследованные, не столь близкие к Москве районы с традиционной добычей белого камня.

Одним из таких районов был Старицкий, — именно сюда после закрытия Съян устремилась большая часть тех, кто не мыслил себе жизни без пещер-каменоломен: группа “Парабеллум” Пети-Крота, ГКС И. Ю. Прокофьева, группа “Подольские Троглодиты” и группа зеленоградских спелестологов “под управлением Минотавра” — Коли Аксёнова.

Конечно, до них был кто-то — как после приходили иные.

: Независимо, сами.

Но именно они открыли для москвичей этот замечательный во всех смыслах спелеорайон — а потому им посвящаются мои следующие строки.

А ещё они посвящаются Никитскому Кругу и Юре Кирину.

И так уж случилось, что именно Старицкий район определил существование современной спелестологии. Не случись его освоения в семидесятые годы, или сложись оно иначе — ничего бы не было сейчас из того, что мы спелестологией называем. Да и слово это, скорее всего, в нашем лексиконе отсутствовало.

А потому не написать об этом районе — и о том, как случилось, что спелестология без преувеличения обязана ему своим современным существованием — я не мог.

Тем более, что сам я и все мои друзья обязаны ему очень многим.

И так как обязанность эта весьма велика, начнём не с захватывающих эпизодов — с простого и скучного географического описания. От которого всё равно никуда не деться —

: эпизоды и прочее вытянутся сюжетом повествования сами собой.

GEOGRAPHIA

Увы – даже скромного учебника краеведения по Старицкому району пока не написано. А потому придётся импровизировать, взяв за основу доклад Андрея Парфёнова, прочитанный на открытии Первой Всероссийской Спелестологической конференции, проведённой в Старице в июне 1997 года Никитским Кругом:

Старицкий район относится к Верхневолжью и примыкает западной своей границей к Валдайской возвышенности; административно входит в состав Тверской области. Район расположен в центре Русской равнины, имеет полого-всхолмленный рельеф. Высотные отметки изменяются от 280 м на водоразделах до 130 м (уровень Волги в районе г. Старица).

Главной водной артерией района является р. Волга и её притоки: Черемошня, Старченка, Нижняя Старица, Холохольня, Липинка и др. Волга судосходна до д. Чупруново, однако водный транспорт поднимается до этого места крайне редко. < В шестидесятые/семидесятые годы от Твери до Ржева несколько раз в день ходил катер на воздушной подушке, который причаливал к берегу “по требованию” — что было очень удобно для спелестологического осмотра местности; в начале восьмидесятых годов власть сочла такой сервис “излишеством” и рейсы были отменены. >

Волга на территории Старицкого района – типично равнинная река; скорость течения колеблется от 0,2 до 0,6 м/с (на стрежне в узких участках достигая 1,5 м/с – что необходимо учитывать не только при попытках перебраться с одного берега на другой, но и при простом сплаве); ширина русла изменяется от 45 до 150 метров, глубина от 2,0 до 3,0 м. Дно чаще всего каменистое, редко (на плёсах) песчаное. Долина Волги хорошо проработана, крутые скалистые склоны поднимаются на высоту до 60 м. Ширина долины от 70 ÷ 80 м в узких местах (в так называемых Старицких Воротах в 25 км выше города, а также на Ординском изгибе) до 1,5 ÷ 2,0 км в широких (ниже города Старица). Волга и её притоки имеют весенний паводок продолжительностью 2 ÷ 3 недели, приуроченный к таянию снегов, и устойчивый летний межень, характеризующийся минимальным уровнем воды. В настоящее время паводок усиливается аварийным сбросом воды из построенного в конце XX века Ржевского гидроузла; подъём воды может превысить средний на 2 ÷ 3 метра и длиться до второй декады мая. В засушливое лето 1992 года уровень Волги упал настолько, что её выше города можно было перейти вброд.

Вдоль русла Волги на дне долины тянутся, с перерывами, ровные террасы аллювиальных отложений, подходящие для установки экспедиционного лагеря – в народе их называют “аэродромы”. Долина Волги на всём своём протяжении окаймлена хвойными и смешанными лесами, что в сочетании с

крутыми склонами, включающими отвесные известняковые обрывы, делает её необычайно красивым ландшафтным объектом. Притоки Волги рассекают борта долины глубокими и узкими оврагами-балками, так же заросшими лесом, — внешний вид которых не отличается от горных ущелий; ручьи и речки, протекающие в этих ущельях, часто образуют водопады высотой до 3 метров. Путешествия по старицким каньонам в поисках каменоломен вызывают в памяти мысли о категорийных походах по Саянам или Алтаю — причём мысли эти касаются не только ландшафтно-растительной стороны, но и представителей местной фауны.

Растительность на территории района представлена смешанными и хвойными лесами с преобладанием ели и сосны, а также мелколиственных пород деревьев (ольха, осина, черёмуха, лещина, рябина, берёза; встречаются дубы, вдоль уреза Волги растут ивы). Животный мир района богат и разнообразен. Часто встречаются косули, заяц-русак и ежи. Мелкие грызуны представлены кротом, полёвкой и мышью-малюткой (самым мелким млекопитающим Европы и Азии). Отряд копытных также обильно представлен кабаном и лосем — при встрече с ними следует затаиться или ретироваться как можно осторожнее и быстрее. Из хищников распространены барсуки и лисы (эти сами ретируются при виде человека — однако в каменоломнях, где они обитают, тем более в весенне-летний период выводки молодняка, встреча с ними более, чем нежелательна: когти у барсука достигают нескольких сантиметров длины, и ударом передней лапы он способен разорвать собаку средних размеров). С севера Тверской области заходит волк. По берегам рек встречаются бобры, ондатры и выдры. Крысы замечены только в непосредственной близости от населённых пунктов; в каменоломнях их присутствие не обнаружено. Представителями отряда рукокрылых, обитающих в Старицком районе, являются ночница и ушан — больших колоний в каменоломнях они не образуют (предпочитая индивидуальный образ жизни), но нам встречались зимующие группы по 15 ÷ 50 особей, причём часть из них предпочитала спать в горизонтальном, а не вертикальном, вниз головой, положении — используя в качестве “спаленок” небольшие каверны и углубления, — вплоть до следов от удара кирки.

Из птиц можно отметить лесных голубей (витютень), аистов, иволгу, цаплю, чаек, диких уток, кукушку, несколько разновидностей дятлов, многочисленных представителей отряда врановых (вороны, грачи, вороны, сороки; в последнее время отмечено появление галок); часты трясогузки, скворцы, жаворонки, зимородки, сойки, соловьи, много синиц и воробьиных. Хищные птицы — совы, филины, неясыть, соколы и орлы. На зиму прилетают снегири.

Средь многочисленных пресмыкающихся — ужи, гадюки, зелёные ящерицы, тритоны, саламандры и веретеницы. В Волге и её притоках встречаются лещ, плотва, окунь, краснопёрка, налим, щука, чухонь; некоторые ручьи населяет хариус. Прежде в Волге водилась белорыбица, осетры и стерлядь — к сожалению, в XX веке с постройкой ниже по течению Волги многочисленных гидроузлов нерест этой рыбы в верховьях Волги прекратился.

Климат района умеренно-континентальный. По данным многолетних на-

блюдений, средняя температура самого холодного месяца (января) -10°C ; самого тёплого (июля) $+18^{\circ}\text{C}$. Тем не менее, январский мороз может достигать -30°C ; летняя жара $+30^{\circ}\text{C}$. Начало зимы приходится на середину ноября; окончание на третью декаду марта. До третьей декады мая на почве бывают заморозки; первые осенние заморозки отмечаются в сентябре. Осадков выпадает от 540 до 750 мм в год. И хотя основное их количество падает на осенне-зимний период, самый дождливый месяц года – июнь (об этом следует помнить, планируя летние выезды в этот район). Июль, как правило, обходится без дождей – даже если всю европейскую часть России заливают потоками ливней; так же без дождей (но с меньшей вероятностью) обходится август. “Майские иды” могут быть как солнечно-жаркими, с вполне прогретой для купания Волгой, так и омерзительно-мокрыми, с порывами шквального ветра и даже снегопадом. < Следует также помнить, что общеевропейский прогноз погоды в районе Старицы не срабатывает – по какой причине, никому не известно, – очевидно, по той же иррациональной причине не срабатывают и всевозможные “народные приметы” для определения погоды на завтра. >

Почвы района дерново-подзолистые и подзолистые; в пониженных местах встречаются болотистые и аллювиальные.

В экологическом отношении Старицкий район представляет собой одну из наиболее чистых зон России – наряду с районом Валдая он рекомендован для отдыха западными руководствами по экологическому туризму.

Удивительное сочетание равнинных пейзажей и горных (долина Волги и каньоны её притоков) делают этот район весьма перспективным не только с точки зрения спелеотуриста (которого притягивает в эти места изобилие каменоломен и карстовых пещер) — природная ценность района дополняется внушительным количеством разнообразных памятников истории и культуры, не последнее место среди которых занимают музей-усадьба Вулфов в Берново и многочисленные церкви и монастыри в городе Старица.

Основное количество карстовых (по происхождению) гротов вскрыто каменоломнями при добыче белого камня; при этом в Старицком районе практически нет Систем, не украшенных кристаллическими или натёчными формами – как позднего происхождения, развившимися на стенах и кровле каменоломен, так и более древних (в естественных полостях, вскрытых каменоломнями). Потому пещеры Старицкого района в равной мере привлекательны как для исследователей карста, так и для исследователей рукотворной Подземли. (Что ещё раз указывает на принципиальную нераздельность “мира искусственных пещер” и “пещер естественных”.) Немалую роль в эстетической притягательности старицких пещер играют также различного вида ПЛО – пещерные ледяные образования, украшающие старицкие каменоломни в зимний период. Фотография этих ПЛО, выполненная в старицкой пещере Ледяная, напечатана на обложке монографии проф. Гвоздецкого Н. А. «Карст» [“Мысль”, Москва, 1981 г.] — в соответствии с представлениями редколлегии о том, как *должны* расти ледяные сосульки, напечатана она “вверх ногами”...

Борта долины Волги образуют естественные горнолыжные трассы любого

требуемого уклона от 50 до 100 м длиной; реки района позволяют развивать водный туризм во всех его видах, включая экстремальный сплав. Перспективы для развития пешего, лыжного, конного и велотуризма не уступают спелестологической составляющей и ландшафтно-архитектурной; многообещающи перспективы охоты и рыбной ловли. Тем не менее, не смотря на имеющееся в городе отделение Совета по туризму и экскурсиям, туристические направления в городской и районной экономике не значатся; все попытки местных жителей, а также москвичей и тверчан заняться оным, потерпели либо экономическую, либо организационную неудачу.

: Может, оно и к лучшему.

До последнего времени в городе (на территории Успенского монастыря) действовали два музея – краеведческий и традиционного русского шитья; вкупе с архитектурным наследием города они привлекали иностранных и отечественных туристов. Увы: православная власть, которой были отданы строения монастыря, выселила музеи и расположенную по соседству с ними музыкальную школу “на все четыре стороны”. Что будет с музеями дальше, никому не известно. До “кризиса девяностых” несколько автобусных экскурсий (100 ÷ 150 человек) ежедневно посещали Старицу, – что было не так плохо, если учесть полное отсутствие рекламы. Сейчас поток экскурсантов сократился.

В городе есть гостиница “Волга” и несколько кафе и ресторанов. Железнодорожная станция Старица находится от города на расстоянии в 20 км – так учудили железнодорожные подрядчики при строительстве магистрали Ржев/Тверь в конце XIX века (согласно исторической легенде, городские купцы отказались им дать взятку – в результате чего магистраль была намерено проведена в обход города; согласно иной версии, взятка-таки была дана: купцами, что занимались водным извозом и не хотели конкуренции “железного коня”).

Хотя производство в районе в основном сельскохозяйственное, в городе Старица действуют механический и электротехнический заводы; в последние годы добился экономического процветания завод пищевых концентратов фирмы “Быстров”. Кроме этих предприятий в городе работают лесопилка и асфальтовый завод; в окрестностях города в нескольких карьерах открытым способом добываются известняк (на цемент и известь), песок и глины. Два конкурирующих дорожно-строительных предприятия (ПМК и РСУ) занимаются строительством и ремонтом дорог и жилого сектора города. На востоке и западе района есть торфяные разработки.

В Старице имеются больница и две поликлиники, кинотеатр, большой современный ДК (в нём проводилась лекционно-докладная часть Первой Всероссийской Спелестологической конференции) и городской парк – находящийся в крайне запущенном, заброшенном состоянии. Часть домов в городе блочные пятиэтажки; в центральной части сохранились двух- и трёхэтажные “доходные дома”, построенные во второй половине XIX века и одноэтажные дома XVII ÷ XIX вв. Основная масса жилого сектора города – одноэтажная частная застройка (с прилегающими садовыми и огородными участками).

Население района 30.000 человек, из них 12.000 проживает непосредственно в Старице. Тем не менее, Старица является городом районного подчинения — то есть по современному административному делению имеет такой же статус, как прочие деревни и посёлки района.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

(из письма Н. К.)

... Ещё у тебя на проводах Наумыч, Наташка Брук, Сашка Валявин и я договорились ехать на праздники в Старицу. Как всегда, не обошлось без хвостов: Вадик и Гриша.

До Старицы добирались с трудом. В Калинин на вокзале возле одной-единственной автобусной кассы стояла толпа пронумерованного народа, так что нам даже нечего было мечтать о билетах. Решили идти на трассу. Долго катались по Калинин на первых троллейбусах, трамваях и автобусах. Пока, наконец, не добрались до трассы. Там уже голосовала куча народа — надеяться на попутку было нечего. И тогда мы решили извернуться. Выслали двух самых обаятельных (т.е. Сашку и Умыча) на переговоры с ГАИшником. Ребята придумали целую историю о том, что мы — спасатели и едем в Старицу, в пещеры искать пропавшую группу.

Ну сам подумай: кто бы мог устоять перед силой личного обаяния Сашки и Наумыча? ГАИшник согласился остановить автобус. Но всё оказалось не столь просто. Два автобуса, идущие до Старицы, остановились, но водители, сославшись на переполненный салон, взять нас отказались. И только когда мы совсем отчаялись уехать, окончательно замёрзли и уже начали поговаривать о близких уютных Никитах, наш ГАИшник остановил крытый грузовик, который вёз посылки. Можешь себе представить наш восторг, когда мы забрались в тёплый освещённый кузов, разлеглись на ящиках, отогрелись. Ехали долго. Несколько раз сворачивали с трассы, чтобы завезти посылки в окрестные деревушки — но мы даже были довольны. После всех катаклизмов напала такая лень, что не хотелось вставать, — разморенные, лежали и дремали. Но когда машина сворачивала с трассы на просёлочные дороги, сразу начиналась такая тряска, что клацали зубы. Ни о каком сне не могло быть и речи. Сашка гарцевал по кузову верхом на посылке и вспоминал, как он помогал тебе с мамой переезжать на новую квартиру и точно также прыгал по грузовику верхом на стуле с банкой варенья в руках.

В Старице на автовокзале встретили Матроскина с толпой народа. Они потом стояли на другом берегу. На нашей стоянке жили ребята из топографического техникума — люди, знающие пещеры вообще и Старицу в частности. Толпа большая, но народ довольно скучный и неорганизованный.

Потому мы остановились в гроте Москва. Жили шикарно, как и в родных Никитах: спали в палатке, куча спальников, куча еды, гитара, магнитофон и прочие удобства, — Сашка даже собственный водокан устроил. Всё хорошо,

если бы не Вадик со своей постоянной мыслью – нажраться и с циничной матерщиной. До такой степени надоел – мы проклинали всё на свете, что взяли его с собой.

На следующее утро Сашка, я, Вадик и Гриша вылезли наверх и вместе с ребятами из МТТ пошли гулять по дыркам, по другую сторону ручья. Первой нам показали Сталактитовую. Я ходила там с открытым ртом: сталактиты, сталагмиты, сросшиеся в самых причудливых формах, стены в белых и голубых натёках. Свисают капельки воды и в свете фонариков всё это сверкает, переливается. А ещё мы видели подземное озеро в миниатюре. Представь себе: узкая щель, куда свободно может пролезть только рука с кружкой. Но если эту щель осветить фонариком, то откроется необыкновенное зрелище: узкая, длинная щель заполнена водой, берег покато уходит вниз и постепенно исчезает в глубине озера; стены в натёках изумительных форм, свисают сталактиты – и всё это уходит вверх, в пустоту. Где уже теряется свет твоего фонаря.

Из Сталактитовой я вышла очарованная. Сашка, по-моему, тоже. Пока мы бежали, он постоянно с тоской вспоминал фотоаппарат со вспышкой.

Потом пошли в другую дырку. Здесь мне очень понравился спуск: постепенно сужающаяся воронка метра 2,5 в глубину. Но когда я спустилась, идти дальше мне почему-то расхотелось.¹ Народ полез в Систему, а я выползла наверх. Потом ещё раз спустилась и опять поднялась. Насладившись лазаньем, я села и стала ждать ребят. Уже почти стемнело, в лесу полумрак, но небо ещё совсем светлое. Деревья стоят голые – чёрные силуэты с корявыми растопыренными ветвями. Всё мёртвое, застывшее. Ни одного признака жизни. Высокие тёмные ели не шелохнутся. Тихо. Тишина какая-то мрачная, давящая. Только мерный скрип высохших стволов и изредка карканье ворон где-то в верхушках деревьев. Я потерялась в огромном пугающем храме. Страшный гипноз. Исчез постоянно занимавший меня ворох мелких мыслей. На душе смутно и тревожно, какой-то безотчётный страх. Но мне хорошо. Никакой суеты. Я наедине с чем-то огромным и чистым.

Но встать мне всё-таки пришлось: от холода ломило руки, пальцев ног я уже совсем не чувствовала. Собрала ветки и развела костёр. Сразу стало теплее и уютнее. Гипноз прошёл. Костёр был маленький и весёлый, из сухих еловых веток. Я согрелась. Мне было светло и спокойно. Не получается описать, но поверь – было здорово! Скоро вылезли ребята — разочарованные и злые. Дырка оказалась неинтересной, Сашка застрял в каком-то шкурнике и порвал комбез.

¹ Наверное, многим знакомо это ощущение: после некой увиденной Красоты не хочется, чтобы что-то иное её перебило. В этом смысле гуляние по старицким каменоломням весьма быстро провоцирует чувство эстетической усталости: как-то удивительно стремительно “наедаешься по самое никуда” разного рода красотами – так, что они просто перестают восприниматься. И возникает парадоксальное желание: хочется, чтобы они как можно быстрее закончились.

*Да, ещё: будущие топографы показали нам дырку, где можно было со-
брать красивые камушки. Мы пролезли в эту щель и очутились в маленьком
тупиковом гроте. Весь пол был усыпан кристаллическими осколками. И тут
меня обуяла жадность. Я заползла в угол, где было побольше красивых камней,
и никого не подпускала к своему участку. Ползала по камням, выбирала самые
красивые, – а хотелось ещё, ещё и ещё, и всё мне, мне, мне! Сашка меня еле
докликался, я всё говорила: “сейчас, ещё чуть-чуть, ещё немного”, – и про-
должала хапать. Набрала две полные рукавицы камней и выползла только
когда в гроте уже дышать стало нечем от плекса.*

*Вечером мы пошли в гости к топографам. Хотели устроить большой
костёр и факельное шествие – но все куда-то разбежались, осталось только
несколько человек и мы просто сидели у костра и пели.*

*Потом мы вернулись к себе в грот. Включили магнитофон. Слушали
“Магнитные Поля” Жана-Мишеля. Я даже взгрустнула немного – вспомнила
Ласточкино Гнездо. Все уже легли спать, а мы с Сашкой сидели, пили чай с
лимоном, немного потанцевали под хорошую эстраду.² Потом Сашку обуяла
жажда деятельности. Он вырубил на стене полупрофиль человека, закоптил
плексом, оставив белыми только рот и глаза. Получилась жуткая маска.
«Великий Мганга», – смеялся Сашка. Он был очень горд своей работой. Я уже
легла спать, а Сашка всё никак не мог уgomониться, бегал туда-сюда, искал в
бутовых отвалах натёки — никому спать не давал.*

MOTUS

...: 47 км от Ржева; 65 км от Твери по ав-
томобильной трассе. (От Твери до Москвы 160 км; от Ржева почти 200.) До
Твери можно доехать электричкой; до Ржева поездом. Удобнее всего ночны-
ми: великолукским или рижским. Далее автобусом. Прямым или проходя-
щим – без разницы. (До Твери, кстати, тоже удобнее добираться ночной
электричкой – если вы стартуете из Москвы: с тем, чтобы “вписаться” на
первый идущий в сторону Старицы автобус и как можно раньше оказаться на
месте.) Впрочем, от Ржева удобно добираться и “почтарём”: через четыре
остановки или полтора часа времени станция Старица. Откуда до городской
автостанции довезёт автобус – достаточно рейсовый, чтоб не брезговать его
услугами.

Обратная дорога — строго и только через Тверь. Ибо в направлении
“Ржев – Москва” никаких электричек не ходит; поезда же, как правило,
следуют либо слишком неудобно, либо сесть в них – Проблема Проблем. Наша
команда пользовалась бесплатным проездом на товарняках (доезжали до

² “С моей подачи” в Никитах, в противовес *поверхностной моде*, всегда
была популярна западная эстрада семидесятых – Ласт, Папетти, Коннифф,
Абба – и так далее.

Волоколамска,— там пересаживались на идущую до Москвы электричку); думаю, что этот способ перемещений по “железке” отошёл в прошлое: времена изменились, и теперь любителей халявного катания на товарняках просто отстреливают.

Как зайцев.

В 2001 году был открыт прямой автобусный маршрут “Москва – Старица”. Автобус ходит два раза в день с Тушинского автовокзала, рейсы в 10 и 16 часов. Вариант, во всех отношениях удобнее прочих — тем более для возвращения.

— Владельцам личного автотранспорта рекомендую опробованную в Никитском Кругу трассу Москва – Волоколамск – Лотошино – Афанасово – Степурино – Старица. Единственный не асфальтированный участок этой дороги (на границе Московской и Тверской областей, между д. Афанасово и д. Гурьево) даже в конце апреля преодолевается, “аки посуху”. К тому же его можно объехать по современной асфальтовой дороге чуть севернее — смотрите автомобильные атласы.

Но учтите: коль ваша машина по окончании асфальтового покрытия перестаёт называться машиной — в Старице вам делать нечего. Ибо асфальтовые трассы района, кроме центральных магистралей, ограничены административными пределами города.

До Волоколамска удобнее ехать по “Новой Риге”; вариант достижения Старицы по “Ленинградке” мы в ужасе отвергли после пары наивных попыток его использования. Тем не менее, не смотря на очевидный ‘сократизм’ опробованной нами трассы (время в пути около 3,5 часов), хоть раз в жизни рекомендую добраться до Старицы через Ржев. Поскольку Ржев...

ГОРОД КОНТРАСТОВ

(из письма А. К.)

«Вы, конечно, будете смеяться» — но доложу я вам: не самое лучшее время вы выбрали, о Великий Никитский Удав, чтоб отдать Родине свою ‘почётную привязанность’. Потому как лето — уходящее уже — удалось просто на славу. Про никитские наши открытия-закрытия я в прошлом письме сполна отписал, добавить нечего,— как и о том, что появилось у нас в Никитах несколько новых добрых компаний. В том числе зеленоградская группа Коли Аксёнова, Минотавра. Которые вполне вошли в наш Никитский Круг,— и не просто вошли!

Вот об этом-то я и хочу поведать тебе.

Потому что Минотавр спросил: — А какого хрена вы, ребята, упёрлись в свои Никиты? Про Старицу слышали?..

Оказалось, что нет. И мы устремились. И весь август в Старице данной провели: как попали туда в первые августовские выходные с Минотавром (и всей его зеленоградской компанией, проводниками нам послужившей) — так и

продолжили: каждую пятницу, уже сами по себе. До того нас это место прикололо. И было бы странно, коль не прикололо: нещер там – в дивном сочетании каменоломен с естественными, сталактитами и кристаллами выше всякой крыши украшенных, **просто немерено-нехоженое количество.** В первый выезд нам сразу четыре дыры показали – Сельцо, что ближе всех к городу Старица (штреки высотой по три метра, но до каменоломен Верблюда, сам понимаешь, как тебе сейчас до Никит),– ещё четырнадцатикилометровую, по сумме ходов, Барсучью, что на другом берегу Волги, и пару поменьше. Но тоже дивно красивых. А уж в следующем выходе мы, глобальную поисковку-прочёсывание вдоль берега устроив, сразу две новых дыры, никем не хоженных нашли: такой красоты, что не в письме это описывать. Вернёшься цел-и-невредим — сам увидишь. Дырки небольшие, одна в 300 метров всего, другая метров в 500,– но сталактитовых драпировок и кристаллов в них – включая, между прочим, и аметистовые, такого розово-фиолетового отблеска — как грязи в старом никитском входе в марте месяце.

И получается, что каждый выезд в Старицу подобные открытия приносить должен.

Теперь понятно, отчего мы к этому месту так прикололись?

Одно плохо: дорога. Потому как даже до Бяк добираться попроще. (Сел на шестичасовую ожерельевскую на Павелецком, через два часа пересел на “мотовоз”, ещё через час-полтора вышел в Хрусловке – и, считай, приехал. Никаких трудностей, кроме общения с тупорылыми местными.)

До Старицы же не дорога, а Геморрой. С Очень Большой Буквы.

Минотавр с компанией нас везли так: в полночь мы встретились “у фаллоса” – то бишь ленинского кочана на Питерском ‘фак-зале’,– погрузились в калининскую электричку и в 0.23 тронулись. В смысле, поехали. Во втором от головы состава вагоне, как с Минотавром условились. В Крюково минотавровская компания к нам подседа – они все, как ты, надеюсь, понял, в Зеленограде живут. Пока то-да-сё,– знакомство, “за знакомство”, песенки (Рашипиль гитару расчехлил, и до самой Твери ему рта закрыть не давали),– анекдоты и прочий трал — приехали. Полчетвёртого утра, Калинин. То есть – по-человечески – Тверь. Далее, по приказу Минотавра, устроили стометровый бросок к дверям закрытого для удобства пассажиров с детьми и инвалидов автовокзала. Благодаря чему оказались перед этими, верняком бронированными танковой сталью дверями, почти первыми. Не считая десятка совсем полоумных граждан из местных, что ещё с вечера номерки на ладошках записали. Час держали оборону перед этими металлически-бронированными дверьми (очередь собралась сзади нас человек под пятьдесят, не меньше — а то и все сто),– в полпятого одна из четырёх дверных створок гостеприимно приоткрылась. **И тут началось...** Слава Богу, Минотавр нас весь этот час инструктировал: ни на что не отвлекаться, рюкзаки не хватать – а ломиться сразу к самому правому кассово близкому нам окошку.

Ну, мы и ломанулись. Оставив Рашипиль с гитарой, тётками и шмотками перед входом. Что было за нашими спинами в дверях – КНЭД при встрече

опишет, письмецо это передавая (она полчаса потом заикалась),— а то, что было у касс, гораздо превосходило “события на Трубной площади” в известную каждому культурному человеку годину. Но мы сцепились руками и держали “оборону у касс” до самого их открытия. То есть ещё около часа. Наконец оснастились билетами — полкомпании на первый автобус, половина на следующий. Потому как эти суки почти все билеты, видите-ли, заранее продавать изволят. А как их нам “заранее” из Москвы купить?.. В общем, в шесть утра первый состав выехал — после страшной ругани с контролёрами, заставившими нас оплатить рюкзаки (нигде в России такого хамства и мздоимства не видел!),— препирались с ними до потери пульса, только когда поняли, что автобус вот-вот уйдёт без нас, запихали в него “согласно купленным билетам” первую пятёрку с совсем уж крошечными ридикулями — в основном дам с проводником из минотавровой компании,— а сами отправились доплачивать хер знает за что в кассу. И выехали ещё через сорок минут. В результате чего прибыли в возжеленную Старицу лишь к девяти утра — злые, абсолютно-невыспавшиеся... < Как уезжали обратно из Старицы — вообще не поддаётся описанию. Об этом — потом, при личной встрече. >

Сам понимаешь, такая “дорога” поперёк горла встаёт. Но пещеры, что мы увидели, просто свели всех с ума — и стали мы, когда домой вернулись и оклемались малость, другие варианты искать и рассматривать. И обнаружили по карте, что от Ржева до Старицы всего 47 км (против 65 от Твери),— а Бес(t) ещё на старицкой автостанции заметила рейсовый автобус из Ржева. И на всякий случай расписание в памяти зафиксировала. Дозвонились до Рижского вокзала — оказывается, целых три поезда вечером уходят в нужном нам направлении, и во Ржев прибывают весьма удобно: в четыре-пять часов утра. Билет же в “общий” всего четыре рубля стоит.

Понятно, что Минотаврам такой крюк не с руки делать было < “Зеленоград — Москва — Ржев — Старица”; оттого они и ломались каждый раз, как бараны, касками в двери тверского автовоиндустриальства > — мы же просто душой воспарили. И полный вкус жизни почувствовали. На следующей неделе так и выехали: в 22.10 на рижском поезде, где дорогой просто замечательно выспались, и в четыре утра были аккуратно и вежливо высажены на ржевском перроне.

Автовокзала во Ржеве не оказалось,— невиданная это роскошь для Ржева,— но деревянная хибара-будочка с продажей билетов и без всяких предварительных, естественно, касс, имелась. Прямо почти рядом с парадным вокзальным входом, никуда бежать не надо. К тому ж выяснилось, что от Ржева до Старицы через день и почтовая кукушка ползает: ещё удобнее отходит, почти сразу после прибытия последнего из трёх московских поездов. В пять утра то есть. А первый автобус — как и из Твери, в 6.00. Взяли мы без проблем на него билеты (в два раза дешевле, чем из Кал-Инина) и принялись город осматривать. Так как спать большие никому не хотелось.

И тут нас ожидало такое открытие... Мы сразу целую фотоплётку на него извели, вместо красот старицких подземных.

Во-первых, я прямо на вокзале сфотографировался под замечательной

двойной вывеской – представь себе, что одним шрифтом, друг под другом написано: «МИЛИЦИЯ/ПАРИКМАХЕРСКАЯ». От смеха ещё цел?.. Тогда оглашаю вторую, напротив висящую: «КОМНАТА ОТДЫХА ДЛЯ МУЖЧИН». (Самое пикантное, что “комнаты матери и ребёнка” мы на вокзале, как ни искали, не обнаружили.)

И я сразу понял, что попал в некий государственный заказник. Только вывески — это ещё полная фигня была.

Прямо напротив вокзала нас поразила следующая скульптурная группа – две самки (очевидно, супруги) и самец мужского полу с девочкой на руках. Весьма мужественного виду. В общем, типичная Ржевская Семья — наследие проходивших здесь когда-то на заре крещения Руси шведских варягов. Одна самочка так умоляюще тянет ручонку к вокзалу (видать, опоздали на московский поезд),– другая размахивается в сторону того же вокзала кирпичом. Возможно, скульптор имел в виду книгу. Но всё равно вышел кирпич: “торжество поЦсознания, значить”.

Все, конечно, сфотографировались под сим шедевром – тем более, что выполнен он в масштабе “1 : 1”, и протянутая самочья рука в аккурат на плечо при съёмке ложится. Очень интересно получается...

Отправились гулять по городу далее – вспоминая известные анекдоты о “поручике века” и внутренне замирая от возможного лицезрения Вождя Мирового Пролетариата с парой кепок (в руке и на голове, если верить байке),– но вождя не обнаружили, а обнаружили в кустах по соседству Венеру Ржевскую: тоже в масштабе нормального человеческого достоинства. На постаменте. С горном во рту, но, как водится, без рук. **Аж вздрогнули...** Тоже, конечно, сфотографировались рядом — все, кроме Рашиля. Потому как он углядел, что нога у Венеры явно изъедена лепрой,– бетон так характерно-язвенно отвалился и выкрошился,– арматурина, как кость торчит. И кровавые потёки от ржавчины.

Рядом в кустах обнаружили практически целого Павлика Матросова с барабаном, горном и красным знаменем – покрытого серебрянкой с ног до головы. Кроме знамени — ясное дело, радикально-красного цвета. И золочёного горна.

Это снимали на слайды.

Прогуливаясь дальше вдоль станции, нашли пол-олень (очевидно, памятник барону Мюнхаузену)– переднюю, соответственно, половину: вполне уверенно стоящую лишь на двух копытах,– и чуть дальше некую доярку или колхозницу в сапожищах размера сорок восьмого или полставторого – держащую на руках овцу. В качестве возможной компенсации за “недооленья” (по версии Хмыря) **с шестью ногами**. По версии Мамонта, это была дань лысенковским селекционерам; по версии Рашиля, скульптор долго колебался, в каких позициях эти ноги вылететь-изобразить – и при этом безостановочно квасил. На нервной почве. А как прочухался – увидел, что сроки сдачи заказа прошли, и он уже красуется. Хоть и не на самом видном месте.

Но мы всё равно увидели. И сфотографировались: по очереди и вместе. Между прочим, изо рта овцы торчит не отрезанная арматурина – как бычок.

Очень похоже, значит.

Далее, в центре главного проспекта, что по прямой уходил от вокзала (ясен пень – имени Ленина) обнаружили паровоз. Стоящий на обрубках рельсов. С тупиками, выполненными спереди и сзади: очевидно, чтоб не угнали. Табличка гласила, что этот монстр привёз в город советскую власть.

Назначение тупиков стало понятным.

Тут же какой-то интеллигент поведал нам, что на въезде в город со стороны Москвы стоит танк Т-34, нацеленный пушкой на приближающиеся автомобили, а где-то между Ржевом и Истрой на левой стороне дороги находится “памятник обороны Москвы от немецко-фашистских захватчиков в 1941 году”: немецкая танкетка, до сих пор рвущаяся на своём постаменте в сторону непокорённой столицы. Кто ставил памятник – наши или побеждённая сторона, неизвестно.

Отфотографировались, и пошли обратно к вокзалу. И тут, буквально за десять минут до отхода автобуса, улицезрели в обрамлении вокзальной сирени **подлинный прикол соц-реализма:**

“ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ”, КАК МЫ ЕГО СРАЗУ НАЗВАЛИ.

Ты только представь: **ОДИНОКИЙ МУЖИК БЕЗ НИЧЕГО ДЕРЖИТ НА РУКАХ ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ЕГО РЕБЁНКА — РУЧКИ, НОЖКИ, ДВА КУСКА ТЕЛЬЦА И ГОЛОВКУ МЕЖДУ НИМИ,— КУЧКОЙ-РОССЫПЬЮ.**

Комментарии были излишни. Рашиль просто осел на землю и простонал: – **Ржев — город контрастов...**

Тут же дали себе слово: впредь ездить в Старицу лишь этой прикольно-прекрасной дорогой. Тем более, что прибыли мы туда (на старицкую ‘автопространцию’) ровно в семь часов утра, – свежие, полные сил и выспавшиеся — и готовые к новым спелеоподвигам. Против безумно-бессонного калининского варианта просто немыслимый кайф! Целый день был впереди, – и ночь, и ещё день.

В общем, ты понял, что только зря время в своей армии убиваешь?..

Я, например, понял. О чём тебе и сообщаю: готовься к дембелю изо всех сил!..»

GEOLOGIA

С удовольствием привожу прямую цитату из доклада замечательного спелестолога, профессора Горного института, кандидата технических наук и профессионального маркшейдера А. А. Парфёнова – прочитанного в 1997 году на Первой всероссийской спелестологической конференции в г. Старица³:

³ Всегда преклонялся пред профессиональными знаниями своих друзей – как не считал достойным “пересказывать иными словами” то, что профессио-

«Геологическое строение района определяется его расположением в центральной части Русской платформы. Характерной особенностью платформ является наличие двух структурных этажей: складчатого кристаллического фундамента и осадочного чехла.

Южная часть Тверской области расположена в Московской синеклизе – наиболее пониженной части кристаллического фундамента, вскрытого при бурении структурных скважин на глубине 1200 ÷ 1500 м. Фундамент сложен магматическими и метаморфическими породами архея и нижнего протерозоя (граниты, сиениты, гнейсы). Поверхность кристаллических пород видоизменена древним выветриванием. Древняя кора выветривания достигает мощности 20 м. Осадочный чехол представлен отложениями верхнего протерозоя с последующим перекрытием кембрийской, девонской, каменноугольной, юрской и четвертичной систем.

Породы верхнего протерозоя лежат в основании разреза осадочной толщи и представлены конгломератами, песчаниками с гравием, слюдистоглинистыми сланцами и окаменевшими глинами (отложения мелкого моря). Общая мощность отложений на территории Старицкого района лежит в пределах 1400 ÷ 1500 м.

Кембрийские отложения представлены нижним и средним отделами. Толща сложена красно-коричневыми и зеленовато-серыми глинами, формировавшимися в мелководном морском бассейне. Поверхность глин сильно размыта и имеет следы древнего выветривания. Мощность увеличивается с юга на север от 70 до 90 м. После отложения морских толщ кембрия на территории Тверской области происходил устойчивый подъём земной коры, и в морском осадконакоплении произошёл перерыв.

Формирование осадочной толщи возобновилось только в девонском периоде. Девонские отложения распространены практически повсеместно и залегают на размытой поверхности кембрия. Для девонского времени на территории Тверской области характерно чередование мелководных морских и континентальных отложений, – что говорит о частых колебательных движениях земной коры. Девонские толщи представлены доломитами, ангидритами, гипсами и известняками, переслаивающимися мергелями,

нально-ёмко может поведать специалист. А потому цитирую фрагмент из его работы с полным сохранением авторской стилистики, – ибо язык строгой научной статьи не всегда совместим с литературно-художественным понятием о “красоте слога”. Возможно, в результате таких “сугубо профессиональных вставок” моё повествование о Старице кому-то покажется излишне эклектичным, стилистически ломаным — но поверьте: ровность стиля не всегда достоинство мысли. Как ни к лицу Пишущему вещать о прикольно-отвязном выезде языком строгой научной статьи (этим передёргиванием грешат многие мои коллеги по Жанру, выдавая весёлый “поход выходного дня” за Серьёзную Спелестологическую Экспедицию) — так не к месту фривольность в описании того, что в заигрывании с не вполне образованным читателем *не нуждается по определению.*

глинами, песчаниками и песками. Отложения девона на территории Старицкого района на поверхность нигде не выходят. Суммарная мощность толщ лежит в пределах $350\text{ м} \div 800\text{ м}$.

Каменноугольные отложения в целом являются наиболее распространёнными в пределах Старицкого района. Именно к этим толщам приурочены подземные выработки известняков. На протяжении каменноугольного периода территория Тверской области то поднималась, то вновь опускалась. Всё это привело к частой смене характера осадков (мелководные, прибрежные, континентальные). В основании разреза каменноугольных отложений залегают угленосные толщи – на отдельных участках разрабатываемые (“Нелидовоуголь”). Они сменяются чередованием толщ известняков, доломитов, песков, глин. Особо следует отметить прослой плотных известняков с ровным мелкозернистым изломом, являвшихся объектом подземной добычи. Эти известняки относят к старицкому горизонту среднего отдела каменноугольной системы. Данные отложения формировались в условиях тёплого, чистого и солёного моря с богатой фауной (кораллы, брахиоподы, гастроподы, морские ежи и морские лилии).⁴ Общая мощность каменноугольных отложений достигает $300 \div 350\text{ м}$.

В последующие геологические эпохи начались мощные поднятия Русской платформы и на территории Тверской области вплоть до середины юрского периода господствовал континентальный режим. К этому времени сформировался рельеф, в основных чертах близкий к современному.

Каменноугольные отложения выходят по берегам р. Волга, её притоков, а также вдоль балок и оврагов, расчленяющих склон. В основном они представлены подольским и нижнемячковским горизонтами московского яруса. Породы каширского горизонта залегают ниже уровня Волги и на поверхность не выходят.

Подольский горизонт представлен криноидными известняками мощностью до 23 м, частично доломитизированными и слабокремнистыми. Для него характерно включение конкреций кремня, в основном в кровле горизонта, и

⁴ Согласно сообщению В. Земляной (директор научно-производственного информационного центра “Геоэкология”, г. Тверь), именно этот пласт известняка за свои характерные свойства (в частности, морозо-и-влагоустойчивость) пользовался наибольшей популярностью у заказчиков каменного материала; строители Санкт-Петербурга называли его “старицкий мрамор”. С геологической точки зрения “старицкий мрамор” представляет собой уникальное сочетание известняка и доломита, являющееся прослоем меж подольским и мячковским известняковыми горизонтами среднего карбона. Пласты его, отзывающиеся на удар кайла характерным ‘железным’ звуком, толщиной до 2,5 м, вскрыты Волгой в нижней части речной долины, практически на уровне паводкового подъёма её вод. Долгое время считалось, что “старицкий мрамор” добывался только в этих нижних каменоломнях, – однако, несколько прослоев известняка подобной структуры проходят и выше — толщина их колеблется от 0,1 до 0,5 м; в случае экономической выгоды добывался и этот камень.

прослой мергелей. Литологический состав горизонта довольно изменчив, породы частично закарстованы.

Отложения мячковского горизонта согласно перекрывают подольскую толщу. В основании разреза залегают доломиты с прослоями известняков и мергелей, с линзами и конкрециями кремня. Мощность отдельных слоёв доломита лежит в пределах $0,4 \div 4,6$ м. В верхней части разреза мячковского горизонта залегают толща известняков. Известняки кавернозные, различной плотности и крепости, с прослоями мергелей, линзами и стяжениями кремня. Мощность мячковских отложений лежит в пределах от 10 до 30 м. Доломитизированный “старицкий горизонт” перекрывает подольские и нижнемячковские известняки в виде прослоев.

Юрские отложения сохранились лишь на востоке Старицкого района в виде небольших останцев на водоразделах и представлены тёмными глинами и песками.

Четвертичные отложения, плащеобразно перекрывающие все более древние отложения, характеризуются большей изменчивостью осадконакопления – вызванной неоднократными оледенениями Тверской области (Днепровское, Окское, Валдайское). По возрасту отложения четвертичной системы подразделяются на древнечетвертичные-доледниковые, среднечетвертичные-ледниковые, позднечетвертичные-последледниковые и современные. По составу среди четвертичных образований можно выделить валунные супеси и суглинки, безвалунные суглинки и глины, валунники, косослоистые пески, а также аллювиальные отложения р. Волги. Мощность четвертичных отложений весьма изменчива; так как все они перекрывают разрабатывавшийся в районе известняк, их провалы в виде конусов красного, коричневого, светло-серого и серо-зеленого цветов совместно с валунными включениями весьма разнообразняют пейзажи заброшенных выработок.

На территории Старицкого района выделяется несколько водоносных горизонтов различного возраста. К четвертичным породам приурочены надморенные (верховодка), межморенные, аллювиальные и подморенные водоносные горизонты. С каменноугольными отложениями связаны воды, циркулирующие по системе трещин в известняках и доломитах. Известняки, лежащие ниже зеркала Волги (каширский горизонт и подстилающие его породы нижнего карбона, а также девонские известняки) сильно обводнены. На глубине каменноугольные воды минерализованы, причём содержание солей достигает $1 \div 2$ г на литр. Выход минерального источника отмечен в деревне Холохольня в 8 км вниз по течению Волги от г. Старица.⁵ Воды девонских отложений, залегающие на большой глубине, представляют собой рассолы, содержание солей в которых больше, чем в морской воде (более 50 г/литр).»

– Рискну добавить от себя:

Скорость карстовых процессов в известняках Старицкого района весьма

⁵ В Ординском изгибе Волги на левом берегу также находится несколько мощных источников карстовой, сильно минерализованной воды, основные соли в которой относятся к кальцитовым и железосодержащим группам.

высока — об этом свидетельствует обильное кристаллическое и натёчное убранство искусственных пещер даже относительно молодого возраста (разработки конца XIX века), высота вскрыши над которыми не превышает пяти метров (из них карстующийся слой занимает не более 2,5 м), — отчасти эта скорость обусловлена техногенными причинами (кислотные осадки, продольная распашка склонов с обильным внесением химических удобрений — в результате чего ряд сталактитов и иных натёчных образований причудливо окрашены в голубые и жёлто-зеленоватые тона). Высоко также в верхней части известняков содержание железистых примесей: кальцитовые кристаллы, обильно окрашенные в красные тона, для верхних пещер Старицы — самое обычное дело. В итоге насыщенная кальцием и железом вода проникает по трещинам (которых в этих породах также в избытке, как древних тектонических — вызванных многочисленными поднятиями и опусканиями суши, так и современных, бортового отпора) в нижние слои известняков, на уровень Волги. Часть насыщенных железом и кальцием вод изливается в Волгу в виде вклюдов и грифонов; часть “отстаивается” в более удалённых от Волги площадях. В результате чего более тяжёлая минеральная составляющая опускается в насыщенные грунтовой влагой девонские известняки; более лёгкая, в которой минерализация меньше, медленно движется в сторону долины Волги. Вообще на примере карста Старицкого района видно, что, в отличие от горных районов, где карстовые воды имеют возможность свободно разгружаться в долины рек или в море (побережье Кавказа, Крыма), карст равнины склонен формировать в нижней толще известняков, лежащей на водоупорных слоях, самые настоящие солёные моря и озёра.

О ДВИЖЕНИИ ПЯТНАДЦАТИМАЕЧНИКОВ

(вдохновенное повествование Ю. Кирина у одного из старицких костров перед чайниками, снятое с тайно записанной магнитофонной ленты)

— Конечно, Командор вам о Ржеве уж с три короба натрендил — не спорю, есть в нашей провинции некий подкупающий идиотизмом шарм... Ну да ведь на каждый шарм и очарования, как говорится, выше крыши хватает — да. Так вот, чтоб глубинка мёдом не казалась — пару эпизодов-моментов поведаю. После которых сами решайте, стоит-ли провинциальным извозом в трезвом виде баловаться. А потом уж к пятнадцатимаечникам нашим перейду: органично до боли, “значить”. Да.

— Итак, эпизод, то бишь приколы, то бишь момент первый. Едем под Новый год — слава богу, тридцатого ещё. Чтоб Новый год этот в Старице встретить: поскольку в аккурат за две недели до того нам родной домодовский “горком со товарищи из ГБ” Никиты аммонитом запечатал. Надёжно, как бутылка самого марочного в мире шампанского. Но не в городе ж такой праздник встречать? Потому и едем: хоть в Старицу, хоть... Через Ржев, поскольку данный вариант с подачи гада Кома нам предпочтительней

тверского безумия показался: явно по дури и от недомыслия, да. Давка в вагоне поезда – много выше средней. То есть билетов они верняком продали как в пять-шесть вагонов – на каждое место. Представили? И мы ещё не первыми в него влезли, потому как народ наш просто не умеет не опаздывать. По моей сообразительности только и остались живы, бо скомандовал я всем: в тыловой тамбур! Срочно!!! – и мы оккупировали его, пока до давящихся в вагоне мещан все преимущества нашей позиции не дошли. Восемь человек плюс столько же шмотников соответствующего новогоднего объёма. Но в вагоне на порядок теснее было. Перегнули ключами входы-выходы, – слава богу, набор железнодорожных отмычек у меня всегда с собой, – и начали посылать ломящихся в нашу обитель на следующие после Ржева станции.

Подряд описывать не буду – процесс, в общем, понятный. Но монотонный. Посылаем, посылаем... Наконец некий хрен через дверное стекло на языке глухонемых объясняется, что ему нужно открыть обязательно, потому как он начальник-таки этого поезда, а в поезде Большая Беда. И билеты он у нас проверять не думает. На хрена мы их только брали, я тебя, вражина главнокомандующая, спрашиваю, а?.. Быстро налей. За свою тогдашнюю вину, да. Вот так...

... Открыли. Делится бедой – в половине вагонов, оказывается, отопление гавкнулось: состав не тот подсунули, вместо нормального – списанный, да теперь уж поздно. Нужно людей спасать. То есть пропустить их через наш тамбур из случившихся рефрижераторов в более-менее действующие. Как душегубки.

– Ладно: разжались к дверям-выходам, коридор, стало быть создали – открыли – и лавина хлынула... Совершенно-безумно-замороженных граждан. И гражданок с детьми-без-пяти-минут-инвалидами.

... Пронесся этот “девятый кал” через наш тамбур – я и думаю: чем в принципе отличается неотапливаемый набитый нами, как сельдями бочка, тамбур – от неотапливаемого так же вагона?.. А ничем, думаю, не отличается. Кроме объёма. В смысле – просторности, да. Ну и скомандовал снова: по коням! – и по следу толпы, в освобождённое ею пространство.

– Влетаем. Простор, факт, есть. В первом же захваченном вагоне лишь пяток безнадёжно нетрезвых сограждан – свой Новый год, стало быть, уже встретивших. В следующем – и того меньше. Даже проводники куда-то попрятались. «Ну, – думаю, – живём!..»

И компания некая: пара интеллигентных с виду хмырей средней алкогольной вменяемости, на столике меж ними свеча и сбоку “посвящение Леннону” автографовское из однокассетника типа “электроника-302” наяривает. «Стойте! – кричат нам, – дальше хода нет!..» А я и сам чувствую: здесь врастаем. Но Командору ведь всё на своей дурной жопе испытать-заценить нужно... Рванул на полной скорости вперёд – со шмотником за спиной неприподъёмным, – но уже через пару секунд вновь нарисовался: бледнее раз в десять, чем до того от холода было.

– Представляешь, Кирин, – говорит, слегка заикаясь, – там дальше пола вообще нет...

– Мы же вас предупреждали, – отзываются мужики.

Не поверил поначалу, каюсь. Пошёл глянуть. И вправду: вместо пола за соседним купе под ногами серой такой полосой-ленточкой гравий со снегом проносятся. И поток заморозки в морду..

– М-да...

Делать нечего – расположились в соседнем с интеллигентной компанией купе. Дам наших укутали всем, чем можно было, – достали спальнички, не привыкать, – я полез свою подругу на верхнюю полку устраивать. Гляжу – а там даже подушечка неучтённая такая лежит, в ослепительно белой наволочке – так в потёмках показалось мне, бо света в вагоне естественно ни люмена не было, кроме наших коногонов. «Вот это да!» – успел удивиться. И хлопаю её руками, дабы культурненько взбить. И она разлетается во все стороны снежным сугробчиком. Так как таковым по определению и являлась.

– Ну да ладно, устроили дам на ночь; сами взяли бухло и некоторую закусь – пошли знакомиться с соседями. Первая фляга просто пулей у виска пролетела, вторая некоторый сугрев обозначила. Познакомились, классно протрендили всю ночь, – жаль только, Раипиль вначале от холода руками по струнам не попадал, а потом от сугрева. Но всё ж волшебнo-классно доехали. Только, я вам скажу, хоть эта предновогодняя поездка мне и на всю жизнь своей невообразимой экзотической сказочностью запомнилась – второй раз меня через Ржев в Старицу ни одна в мире скотина ехать не заставит. Да.

– Это “момент первый” был. То бишь, приколы. Или эпизод – кому что милее. А “момент второй” поджидал нас во Ржеве. Щас жахнем по одной – и дальше продолжим.

– Так вот. Прибыли во Ржев, обстряхнули с себя сосульки – и стали ждать почтово-пассажирского, который по расписанию вот-вот должен подойти и повезти нас дальше: в Старицу. Ждали, естественно, в тёплом вокзале. Млея от такого невероятного тепла и кайфа после пережитого рефрижераторного анабиоза... И тут слышим – объявляют: «почтово-пассажирский поезд номер 647 прибывает на первый путь к первой платформе», – я, естественно, пытаюсь объяснить Командору, что после пережитой заморозки нам нет никакого резона покидать уютный и тёплый вокзал – пока двери нашего вагона не распахнутся ровненько перед выходом из вокзала на перрон. Но куда там! Этот гад хватает шмотник и выкипает на улицу. И остальные сдуру за ним. Типа, чтоб теперь точно первыми быть. На мороз, прямо в объятия предновогодней метели. Будто из окошка зала не видно, что никаким поездом там пока и не пахнет. А снегопад, напротив того, весьма значительный. С соответствующими порывами просто-таки шквального ветра. Да.

Обливаясь мысленными слезами, влекусь за ними. Выходим на перрон – кстати, единственный, так что непонятно, на фига объявлять его номер, как и номер пути. Другого-то всё равно нет, и это зримо видно.

– Ждём объявленного поезда и дрожим от холода. На совершенно-ледяном ветру. Под порывами снега со всех сторон. Объявляют снова: «почтово-пассажирский на Калинин подаётся на первый путь». Всматриваюсь в

даль, откуда он предположительно подаётся, — затем в противоположную, но с тем же успехом: ни хера ниоткуда на этот единственный во Ржеве перрон не подаётся.

— Снова ждём. Ровно по расписанию новое объявление: «почтovo-пассажирский поезд № 647 “Ржев – Калинин” прибыл на первую платформу первой пути».

“Всё, думаю, — крыша едет, дом стоит. Только ещё вопрос, у кого: у нас всех, или у диспетчера. Новый год, судя по всему, уже встретившего — и проводившего. С блеском, да.”

На всякий случай Командор внимательным взглядом осматривает снежные сугробы впереди — нет-ли там каких других скрытых путей или платформ; затем обращается с очевидным вопросом к ошарашенным не меньше нашего аборигенам. Аборигены на понятном языке объясняют, что никаких иных путей и платформ на этом вокзале сроду не было.

Тогда Рашиль подходит к краю перрона и осторожно пробует воздух перед ним — вначале ногой, затем руками: вдруг поезд невидимый?..

Нам объявляют, что нумерация вагонов с головы поезда и провожающих от греха просят убраться подальше.

— Просто умираем в растерянности.

Затем объявляют, что поезд на Калинин отходит от первой платформы с первого пути. Тут не выдерживают прочие пассажиры, — кстати то, что мы не одни падаем жертвами этого невидимого состава преступления, позволяет надеяться, что с крышами у нас всё в порядке.

— Выслушиваем объяву, что поезд на Калинин отправляется. Откуда — непонятно, но явно без нас и без прочих, купивших по дури билеты, пассажиров. Самые нервные из которых отправляются громить диспетчерскую. В результате чего через некоторое время слышим растерянное: «ой, извините... А что, так и не пришёл?..», — из матюгальников над головами.

Я излагаю Кому всё, что думаю о преждевременном покидании тёплого здания вокзала — как и вообще о целесообразности дальнейшего достижения Старицы через это вольноприкольное место.

— Наконец: появляется-приползает. Двери не открывая, — возможно, из страха пассажирской расправы. Но ключи у меня с собой, — проникаем внутрь, впускаем пассажиров с детьми и инвалидов — и созерцаем бригаду проводников: просто никаких уже... Высказываю сомнение, что с таким ‘экипажем машины боевой’ данный состав сможет до Нового года добраться до Старицы. Не заблудившись меж рельсов и не сгинув где-нибудь по дороге. «А куда он из колеи денется?..» — парирует Леший. «Из колеи, может, и никуда — но что, если не остановится в Старице?» — парирую я.

Ладно. Позади Москва, впереди Новый год, — отступить некуда. Располагаемся в практически пустом и относительно тёплом (после пережитого рефрижератора и перронной метели) вагоне; расчехляем бухло и закуски. Делаем завтрак. После второй выходим покурить в тамбур — и тут нас ожидало такое открытие... Вот, Командор не даст соврать — да и Сапиенс с Лешим тож: “истинную правду вещаю, миссис Хадсон!”

– Так. У всех ноливо?.. Ну, стало быть, жажнем. Потому что я сейчас такое скажу — трезвому не-понять-не-представить, что такое может быть на самом деле. А ведь было — сдохнуть мне на месте. Коль вру!..

Так вот. В углу тамбура — куча какого-то тряпья. Типа мусора. Стоим, курим,— стараясь на кучу эту искру случайную не обронить, ибо я просто жопой чувствую, что после Коцита ледяного нам только соответствующего Круга не хватает: с полным запеканием внутренностей заживо. Бо огнедушителей вокруг — ясен пень, ни шутики. И вдруг из кучи тряпья — голос:

– Мужики, дайте хоть закурить...

Слабый такой, то-ли умирающий на самой последней, то-ли воскресающий на самой первой стадии. А надо сказать, что бомжиков по тем годам ещё не сильно много было, да. Зато митьки питерские во славу входили,— ну да я всегда думал: чтоб они о себе ни трендили, ни декларировали — митьком при известной натуге себя любой обозначить может: хлещи себе портвейн в тельнике и телаге,— вот фурагой самарской, конечно, труднее представить... Да.

Даём мужику закурить. Но похмелогической помощи не оказываем: сильно баловать ни к чему, потому как потом от него хер отвяжешься.

Мужик закуривает, понемногу приходит в себя. И естественно спрашивает: где, мол, он находится.

Отвечаем. Мужик не верит. Отвечаем ещё раз: хором.

– Хватит врать,— говорит он,— лучше скажите, далеко отсюда до Владимира?

М-да. Представили?.. То-то. Рашипиль быстренько подсчитывает — и сообщает. В километрах и днях пути.

– А какое сегодня число? — интересуется мужик, уразумев наконец, что мы не шутим.

– Тридцать первое декабря одна тысяча девятисот восемьдесят шестого года,— отвечаем.

Опять требует, чтоб мы прекратили издеваться.

“Опять — двадцать пять”. Всеми силами растолковываем, что не шутим.

– А когда ты хоть из дому вышел? — интересуется Леший.

– Пятнадцатого,— отвечает мужик.

«Ничего себе,— думаю,— погулял...» Хотя, конечно, за пятнадцать дней даже совсем без сознания можно от Владимира до Ржева добраться. И тут мужик уточняет — такое, что я просто сползаю вдоль тамбурной стены на пол:

– Пятнадцатого мая,— говорит он. И на всякий случай переспрашивает — в последней безумной надежде на наш розыгрыш:

– А что, на улице точно зима?

Вместо ответа Леший поднимает его с пола и приставляет мордой к дверному стеклу — тому, за которым мелькают занесённые снегом просторы.

Некоторое время мужик стоит у окна молча, затем без сил падает обратно. На пол.

— Ёб твою мать... — слышим мы. И дальше какое-то вздрагивание. Кстати, замечаю: на ногах у мужика — летние резиновые тапочки.

— Я ж только ведро мусорное вынести вышел... — причитает мужик — и тут же без перехода:

— А что, ребята, выпить у вас нет?..

— По-моему, тебе хватит,— отчеканивает Ком.

“По-моему, вам пора освежиться”, — вспоминается мне.

— Так вот, к чему я всё это нёс: не гоняйтесь, ребятаушки, за нашим чудесным провинциальным колоритом — по крайней мере, в зимнее время суток, это раз,— а два: будущее не за митьками и даже не за фурагами, да. Будущее этой страны — ПЯТНАДЦАТИМАЕЧНИКИ. Потому как такое фиг подделаешь, и под такое не закосить. Как ни тужься. Или ты пятнадцатимаечник — или нет. Если “да” — бери 15 мая мусорное ведро и смело выходи из дома в тренировочных штанах и шлёпках. И встречай Новый год во Ржеве. Ежели нет — сиди дома и не тренди. КОНЕЦ СВЯЗИ.

STAR'ITSA QUOMODO MAGNES NOSTRI ALLICIT

— Церкви, подворья и монастыри,— история российского христианства — пучком стрел времени пронзают её. Являя миру торжество Веры и стойкость Белого Камня — знаменитого “старицкого мрамора”: уникального известняка, добываемого лишь в одном месте в мире — в окрестностях этого города,—

— и красоту человеческого гения, соединившего их в этом вызове Вечности —

... а также грустную картину множества преступлений...

Но “не будем за рабочим столом о ...”, — как и не будем “хай-штилем”:

: Это крайности. Ни к чему нам их лажовая смычка.

— СТАРИЦА ПРИТЯГИВАЕТ НАС, КАК МАГНИТ:

Удивительные леса — мрачные исполины елей в седой бороде лишайников; светлые берёзовые и ольховые рощи — и заросли орешника по склонам лощин; глубокие каньоны-расщелины с водопадами и звонкими, будто на самом деле горными ручьями и речками, бегущими по камням,— крутые обрывы к Реке, заросшие черёмухой в фантастической майской цветовой пене — и осиной, что деревянно постукивает листочками на ветру и даёт ощущение Осени — утром, лета — ранней весной и странно-невозможной инопланетной сущности в позднюю осень по первому снегу — в растрёпанных шапках вороньих пристанищ,—

: осина — “воронёное дерево”; летний порох в костре и едкий весенний дым,— ломкие корявые ветки в ватной небесной мгле: комплиментарная пара осенней слякоти под ногами. И растопыренные, скрюченные морозом ломкие

пальцы сказочных великанов, утонувших в снегах русской зимы —

... *А ещё* — двойной закат жёлтого солнца: в небе и на воде, Тень и Отражение Амбера,— волны Реки белыми барашками в ветер и тёмным глицериновым зеркалом на грани дня и ночи в штиль — всё это прекрасно и здорово; здорово и красиво *настолько* — что писать об этом можно горстями и красками, кистью и угольком старого кострового пятна, рифмой и карандашом, в дождь и жару, тихую и ветреную погоду; в мягкий утренний туман и призрачные часы меж собакой и волком, когда становится *видимым* пламя костра и когда замирают звуки — летом и зимой, по последнему мартовскому снегу и ломающимися друг о друга льдами — и первому утреннему ледку, когда над бездонной поверхностью воды — синий рифлёный металл — рыжезолотой цепью вытягиваются искрящиеся кристалликами инея Холмы Другого Берега,—

— и когда тонко-прозрачная полоска первой зелени пробивается сквозь жёлто-фиолетовый ковёр прошлогодней листвы и нежных фиалок —

: *всё это здорово. Но не это главное* —

— *СТАРИЦА ПРИТЯГИВАЕТ НАС, СЛОВНО МАГНИТ:*

Потому что вправо и влево от неё, вверх и вниз по течению, по обоим берегам Волги на многие километры протянулись цепочки старинных каменоломен.

: Отсюда брали Белый Камень, когда строили Астраханский кремль.

— Отсюда брали камень, когда Иван Грозный разорил и подчинил себе Тверское и Старицкое княжества; сжёг Успенский собор и прочие церкви, посады и дома, что попались под руку,— вырезал местных жителей, монахов пытал лично — но, усовестившись, повелел “отстроить краше прежнего, и чтоб из камня”,—

— и согнали крепостных. И зодчих. И отстроили,—

Оставив грядущим столетиям то, что теперь называется величием Руси Белокаменной. А нам — километры подземных выработок.

: Вся Старица построена из этого, добытого из-под земли, камня.

И камень этот под землёй — не просто камень; ходы — не просто ходы, похожие и не похожие на иные каменоломни,—

... КАРСТ. Югославское немецкое слово.

< *РЕМАРКА ПО НАИТИЮ И ОТ ЗАРАЗЫ КОМПИЛЯЦИИ: ‘у нас это место тоже есть — а слова нету’: **обычное дело...*** >

— ВСЕ ЭТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ пронизаны раскарстованными трещинами и гrotами; кристаллы кальцитов и кварца, сталактиты и натёки покрывают стены и своды древних ходов, прорубленных в белом камне человеком,—

: ровные потолки коридоров и залов — и *словно вытягивающиеся из ничего* тонкие хрупко-прозрачные каменные пальчики, “кажущие вниз” — из земли в землю, из камня в камень, из точек

карбонатной извести когда-то живого — в отпечатки-следы этой жизни и наши следы по ним, пронзая полётом капельки известковой воды барьер пустого пространства: из мира каменных призраков *форм живого* — сквозь выдыхаемый нами воздух — *во вновь былое, ушедшее...*

Но из Ушедшего — в Будущее:

— *МЕТАМОРФОЗ.*

: Чудо превращения камня,— из мёртвого камня — сквозь живое — и его застывший камнем след — вновь в камень.

: Вечное Чудо Живого.

И ВЕЧНОЕ ПОДЗЕМНОЕ ЧУДО — *ЧТО ТАМ, В ТОЛИЦЕ СКАЛ...*

... творит своё упрямое превращение. Свой сказочный рост.

— *Фантастическое мерцание свода над головой в гроте — роспись каменного вечного инея — микро-кристалликов кварца,—*

: *СТАРИЦА ПРИТЯГИВАЕТ НАС, БУДТО МАГНИТ.*

А вот — на день; но быть может, и полчаса: *бисеринки серебряной пыли* — капельки росы на стенах пещеры неподалёку от входа. Только в единственном месте, ни дальше, ни ближе — будто фата-моргана, возникает неожиданно на скрещении потоков холодного и влажного воздуха — и также исчезает... Мгновенно — как от дуновения ветра.

— Но ближе ко входу зимой, от дыхания ледяной студящей поверхности вырастают из стен, пола, сводов, крепей и обломков плит невероятно-прекрасные гигантские ледяные иглы, и паутиной затягивают вход растущие друг из друга и прямо из воздуха кружева чудесных снежинок — столь невесомых и призрачно-тонких, что от дыхания твоего просто бесследно растворяются в воздухе над торчащими из сухого каменного пола пеньками ледяных сталагмитов-булав — “сосулек наоборот” — *никогда наверху так; наверху — иначе...*

: *НАВЕРХУ* — Лес, в который нельзя не влюбиться, и Река, которую невозможно не полюбить.

: *НАВЕРХУ* — поля и облака, восходы и закаты,— солнце в рассветный туман *лилово-жёлто-зелёно* —

— рисуя фиолетовой полутенью контуры наших душ-оболочек в зыбком мареве форм дрожащих предметов,— *иссинее пламя костра, озноб и тепло его в утро,— шёпот ночного ветра и далёкие переклички птиц, отзвуки вечной жизни — и звёздная карта Мира над головой; обрыв над берегом воды и шорох осеннего дождя по опавшей листве в октябре,— переходящий в похрустывание её под твоими ногами в первые ночные заморозки...*

— белая морозная оторочка брёвен кострового ‘пентагона’, иней на оставленной посуде — малиновый отсвет пары недогоревших угольков посреди чёрного кострового пятна, из которых — раздувается — сказкой, греющим теплом и чудом касания пучка сухих травин — цветок нового дневного костра...

... И НЕОБЫЧАЙНО КРАСИВЫЙ ГОРОД — такой, какой он есть на самом деле: простой и пыльный, усталый и наивно-торжественный, с красными флагами “ретро” на свежеекрашенной церкви, испытанными и мрачными лицами, хитрым попом и согбенными старушками-прихожанками, старыми требовами и новыми расценками на ремонт крыши, случайно уцелевшими фрагментами уникальных росписей в полуразрушенных храмах и двориках, мощёных “белым кирпичом”, — простой и ветхой мэрией с добрыми людьми, работающими в ней — в контрасте с бессмысленно-помпезным бывшим городским партийным храмом, против которого за крутой изгибающейся улочкой, что сбегает по склону к Реке, — похожий на свалку городской парк с церковными руинами и самозахватными гаражами...

... книжный отдел на втором этаже универсама, закрытый “за отсутствием спроса”, но постоянно открытый — для нас: в нём я покупаю уникальные издания Меня и Галича, и достаточно редких — даже для Москвы перестроечных лет — Желязны, Лондона и Саймака, и прекрасно изданный, с замечательно стилизованными иллюстрациями томик Ли Бо...

— *А ещё* редакция местной газеты, где действительно рады тебе и написанным тобой строкам; где можно запросто сказать обо всём на свете, и тут же отпечатать свою статью на грохочущей “ятрани” с безобразно-старой — дырявой и узловатой — лентой, — и всё ещё пить чай с ощущением лёгкости, непродажности и свободы, и познакомиться с интересными и по-настоящему стоящими людьми, что действительно — будущее, пришедшее из вчера без манерного трёпа и тресковых фраз, —

... и “школа искусств” в старых палатах конфискованного у церкви монастыря, — три преподавателя на три десятка провинциальных интриг, делёж практически не выплачиваемых государством денег, — но: рисунки и музыкальные этюды, и такие замечательные дети (‘*а всё, что мы делаем руками...*’) и кайф вечернего общения “не только за кружкой чая”, —

: под гитару у костра, — наши аккорды и строфы, и замечательно ‘укопчённого’ в ольховой коре и можжевельнике курёнка, —

— но и: археологи, реставраторы, художники, охотники, рыбаки, туристы из всех стран мира и потрясающий местный краеведческий музей с уникальной коллекцией старинного русского шитья и одежды, и...

... всё сказать невозможно: чем больше слов — тем меньше, оказывается, сказано.

: *ПРОВИНЦИЯ*. Никогда не думал, что это слово можно писать БОЛЬШИМИ ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ. Потому что дело не в старой машинной ленте, флагах и парках, —

— *всё это мишура*. Оно уйдёт: неизбежно, как и пришло, — как отмирает больное, ненужное.

Потому что главное остаётся *внутри*.

: Главное в том, что называется *суть*.

— В том, что зовётся *смысл*.

И в том, что ещё есть *ЖИВОЕ*.

— Так вот: этот город, и место, и всё, что в нём и вокруг него — *живое*.

Но я приближаюсь к опасному пределу: к черте, за которой любая попытка *описать* является *стёбом*.

: Грехом и немощью. А потому (в тщетных попытках не опрокинуться на полном ходу и случайно не повредить крышу) отступаю на несколько мовементов назад,— и не отрекшиваясь, но и не вполне разделяя школярское своё описание, падаю — *погружаюсь* — *проваливаюсь...*

: *ЛЕЧУ В ГЛУБЬ* —

— БАНАЛЬНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ

ПРОЦЕССА:

: Жёлто-лимонные, голубые, багряные, бежевые и снежно-белые леденцы сталактитов.

— Сталактитовый лес сосулек по всему потолку грота. Не важно, что не метровой длины,— красота не передаётся размерами; огромное не значит прекрасное (вы когда-нибудь пробовали посмотреть в лупу на кожу любимой?),— *и пятисантиметровый сталактитик должного цвета и формы...*

Вместо завершения фразы — строки Басё и Блейка:

«Учусь Великое видеть в малом...»
«В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка...»

...: Ослепительный снежный сугроб на полу — бархатная щетина кораллитов. Сказочные известняковые ёжики в немыслимо-призрачной воде под ногами,—

— в маленькой ванночке, выбитой в монолите пола беспрестанно долбящей капелью, крутятся под ударами капель, наращивая годовые слои-колечки, крупинки подземного жемчуга. Оолиты.

...: *БЕЗУМНОЕ СИЯНИЕ ФАНТАСТИЧЕСКОГО БРИЛЛИАНТА ТЁМНОЙ КВАРЦЕВОЙ ДРУЗЫ. СУМАСШЕДШАЯ РОСПИСЬ ОХРЫ ПО ИЗЛОМАМ И ФОРМАМ СТЕН — ПЕРЕЧЁРКНУТАЯ ВЕТВЯЩИМИСЯ, КАК СЛЕДЫ-УДАРЫ МОЛНИЙ, БЕЛЫМИ И ГОЛУБЫМИ ЗМЕЙКАМИ НАТЁКОВ,—*

— *БОСХ?.. ДАЛИ?.. ФОМЕНКО?..*

ЭСХЕР???

— Россыпи жёлтых, красных, рыжих и белых кальцитов.

: Нежнорозовые и фиолетовые вкрапления аметистов — посреди розливов очень мерзкой и противной белой глины...

: “Молочная речка” — удивительной красоты застывший белый натёк на

рыжем глиняном полу пещеры; после фотовспышки светится голубым — знаменитое “послесвечение” баритов...

— И кальцитовая кора по стенам грота: всех цветов радуги застывшая шёлковая лента танцовщицы — камень, такой живой, растущий,—

: ВЕЧНЫЙ —

: ПРИТЯГИВАЮЩИЙ НАС, КАК МАГНИТ.

ИЗОБИЛИЕ

: Верховья Волги, извилистой речной лентой делящие Старицкий район пополам. Берега — то пологие, то обрывы пятидесяти метров высотой; в иных местах почти отвесные, со скалами-выходами известняков. Ярко белого цвета — разделяемые посередине жёлтыми и розовыми полосами иных геологических включений. По верху — поля или лес. Обрывистые склоны речной долины пересекают овраги; во многих текут речки (весной в каждом).

И в каждом таком овраге или в любом месте достаточно крутого склона — не сомневайтесь: есть каменоломня. Или *заломка*, — по-местному. Да не одна.

Причём в некоторых местах “в два наката”: более древние разработки по низу склона — метрах в пяти ниже его верхней границы более поздние.

: От времён, постарше Ивана Грозного — до почти современных. На десятки километров выше и ниже Старицы. По обоим берегам Волги —

— *такое спелеоизобилие...*

Если бы не ряд обстоятельств.

TEMPORES ET MORES

История Старицы столь драматична, что даже в изложении мажористых на зрение трескунов-патриотов выглядит не вполне прилично. Как, наверное, и вся история Государства Российского. Дабы не быть голословным, приведу компиляцию из официальных исторических источников — ибо что наши излюбленные каменоломни **вне времени и места?..**

: народ, не помнящий своего родства.

: Люди жили в этом месте издревле — по-видимому, со времён отступившего ледника. Под слоями древнего городища остатки поселений неандертальцев. На террасах приволжских “аэродромов” курганы древних захоронений и межевые дольмены, означавшие племенную принадлежность местности.

Крутой зигзагообразный изгиб Волги, прорезавшей пласты известняков по случившемуся геологическим разломам, и впадающая в неё на этом изгибе речка Верхняя Старица (названная так по имени уже сложившегося поселе-

ния),– распилившая береговые волжские холмы глубоким каньоном,–

: Холм-останец в месте слияния Старицы и Волги представлял собой хорошее естественное укрепление. Позволявшее контролировать Великий Водный Путь к верховьям Реки,– а потому люди не могли не селиться в столь удобном месте.

Так что посёлок был там столько, сколько тянется история освоения людьми этих мест. То есть – с глубокой древности.

И не только посёлок.

«В 1110 году [от Рождества Христова] пришли на урочище Старый бор иноки Трифон и Никандр из Киевских пещер и стали там жить.» Пришли они проповедовать христианство в этой, считавшейся тогда глухой северной стороне, среди народа, поклонявшегося языческим богам.

: Место понравилось. Как и камень, в котором оказалось возможным создавать подземные ходы и убежища, не уступающие привычным киевским. Что известны ныне, как Киево-Печерская лавра. Мало того: старицкий известняк, прочный и морозоустойчивый,– отзывающийся на удар кайла металлическим звоном в силу своей кристаллизованности, оказался замечательным строительным камнем. Получившим название “старицкий мрамор”.

По-видимому, именно с этого времени берёт начало добыча известняка в районе. Не столь, конечно, активная – как будет потом, когда на “старицкий мрамор” образуется устойчивый спрос, и поплывут по Волге, вверх и вниз по течению тяжело гружённые добытым камнем баржи,–

: всё начинается с малого. Глубочайшая пещера мира – с первого колодца-щели. Заново вскрытая потерянная многокилометровая каменоломня – с кусочка дёрна, поддетого лопатой на дне провальной воронки.

Дерево – с тонкого слабенького росточка.

И так далее.

Иноки Трифон и Никандр основали Старицкий Успенский монастырь (судя по всему, соединявший в себе надземную и подземную части в едином культовом комплексе – подобно Псковско-Печерскому монастырю, основанному такими же выходцами из Киево-Печерского монастыря, но на два века позже); после их смерти труды по устройству монастырской жизни продолжили иноки Мисаил, Парфений и Феодорит. При иноке Феодорите был построен храм во имя Успения Божьей Матери⁶. Освящал храм епископ Новгородский Гавриил в присутствии великого князя суздальского Андрея Боголюбского.

В XIII веке монастырь подвергся татаро-монгольскому нашествию и был уничтожен. Были убиты игумен Серапион и 124 человека братии – тела которых, брошенные в Волгу, не были унесены волнами. После чего их

⁶ Как и прочие строения первого монастыря, до нашего времени не сохранился; нынешний Успенский монастырский комплекс находится ближе к реке – так что искать на его территории древние подземные ходы бессмысленно. Особенно “ведущие на другой берег Волги”.

похоронили христиане.

Видимо, нападений было несколько — потому что легенда гласит, что название своё городок получил от некой *старицы*, что одна лишь пережила “туристическо-экскурсионный поход” по этим местам монголо-татарской орды. Потому что спряталась в пещере. Однако, естественных просторных пещер (доступных для посещения человека с поверхности) в районе нет,— значит, то была некая “горная выработка”: “каменоломня закрытого типа”. Что традиционно именовалась *печерой*, в духе монастырских “отцов-основателей”.

: Не подвёл старицкий известняк,— хоть одному человеку, да спас жизнь.

— Первое “официальное” упоминание о Старице относится к 1297 году. В Тверской летописи читаем: «6905 [1297 год по современному летоисчислению] в лето срублен бысть городок на Волзе, ко Зубцову, на Старице».

: Как уже говорилось, поселение на этом месте было. Как и имело название. В летописях отображались лишь “официальные события” — как правило, связанные с административными распоряжениями тогдашней княжеской власти.

: Обратил внимание тверской князь на замечательное, с точки зрения фортификации, место — находящееся к тому ж на границе его владений,— и повелел основать крепость. Для охраны рубежей и укрепления личной власти над районом.

Крепость основали, о чём оставили упоминание в летописи. Для потомков. “В духе времени” позабыв упомянуть, что и до светлого княжеского распоряжения там жили люди — да не в соломенных шалашах.⁷ Конечно, я понимаю, что опоясанная земляным валом и рвом с водой (соединившим перемышкой Старицу и Волгу выше крепостного холма) крепость — не чета защищённому традиционным тыном посёлку.

Но ведь всё относительно. И для многих приезжающих сейчас в Старицу иностранцев, как для питерцев и москвичей, “Старица — не город”. А так: нечто среднее меж селом и музеем развалин под открытым небом.

: Всё от взгляда зависит.

Кстати, с точки зрения современных тверских властей, Старица городом не является. Ибо она выведена ими в заштат и подчиняется районной власти. То есть в Старицком районе главная власть — районная; сама Старица имеет точно такой же статус, как прочие районные сёла, “посёлки городского типа” и деревни. Вот такие невесёлые размышления. И столь печальные выводы — что лучше вернуться к “славному прошлому”.

Стратегически Старица была важнейшей крепостью тверских князей, а потому для её фортификационного развития князюшки денег не жалели. Особенно в виду традиционного противостояния с “западными врагами” — Литвой, Великим Новгородом и Польшей — и не менее традиционной вражды с Московским княжеством. Что, к неудовольствию тверских князей, возникло

⁷ Впрочем, что до “времени” — похоже, оно не сильно изменилось. А значит, дело не в нём: в *хроническом менталитете*.

на “ничейно-спорной” территории меж границ непримиримых славянских врагов – Тверского, Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств – и, быстренько прибив под своё крыло всякое маргинальное, по отношению к “законной власти”⁸ население, развернулось так, что соседям “мало не показалось”.

А потому – строили на совесть. В центре Старицкой крепости в XIV ÷ XVI веках был кремль, обнесённый четырёхметровой стеной из толстых брёвен с 13 башнями (леса в округе было в достатке, потому камень, как правило, шёл лишь на сооружение фундаментов и княжских дворцов; к тому же строить из леса было быстрее). На его территории находились собор и две церкви. И потребные для обороны постройки. В скрытых траншеях крепостного вала были установлены батареи “полуторных тюфяков” – по тому времени весьма мощных орудий; в цокольном (белокаменном) этаже Борисоглебского собора хранился запас ядер и пороха.

: Такое сочетание религии и военного дела. К сожалению, для того периода развития государственности – явление неизбежное. Ибо власть была озабочена лишь сохранением “самой себя”, – оттого любой монастырь строился с учётом неизбежной обороны от врагов и больше напоминал военную крепость, чем приют обратившихся от мирской суеты к Богу. Соответственно, собор, находящийся на территории крепости, исполнял военные функции. Тайные подземные ходы из его подвалов (как и из подвалов любой тогдашней крепости или монастыря) уходили за крепостные стены – это были специальные “слухи” и “мины”, рассчитанные на противодействие возможному подкопу; тайники для хранения княжеской казны (“кошта”) и религиозных ценностей, – были также обязательные ходы, выходящие к Волге и нижним водоносным горизонтам: для питания водой крепости в случае осады. Именно наличие этих ходов сеет в некоторых бредовых спелестологических головах параноидальные идеи о том, что “если имеется церковь и рядом с ней река – то от церкви (монастыря, крепости) *обязательно ведёт подземный ход на ту сторону реки*”.

: НЕТ. Строительство должным образом гидроизолированных ходов было нашим предкам не под силу — да и задач таких не было. Была одна задача: выдержать осаду врага до прихода регулярных военных сил. И ходы, что вели в направлении реки, делались исключительно для борьбы с жаждой. Учтите: в

⁸ “Законной властью” на Руси, ясное дело, тверские князья полагали исключительно себя; на крайняк, ‘соседей-ворогов-родственников’ (и “братьев во Христе”): Владимирского и Рязанского князей. Кстати, противостояние с Великим Новгородом у Тверских князей тоже было не шуточное — что не мешает помнить “товарищам-патриотам”, кричащем о “великости” и “богоносности” русского народа: *что князи, – когда рязанское население, например, тверских за людей и христиан не считало (с полной ответной взаимностью), – потому татары столь легко и захватили все русские княжества: одно за другим. Ибо когда была осаждена Рязань, в Твери царило просто народное ликование. Читайте летописи.*

крепости (монастыре) находило убежище не только мирное население – но и скот. Включая коров и лошадей. Так что воды требовалась *прорва*. Никакой “запас” или отдельно вырытый колодец обеспечить её не мог “по определению”.⁹

... около трёх столетий трепали Старицу страшные события русского лихолетья. И нашествия иноземцев были в них лишь эпизодами – против постоянного раздора меж Тверским и Московским княжествами за право обладания Старицей.

И что с того, что Старица была отстроена усилиями исключительно тверских князей? Слишком сладок был кусок, слишком лакомый.

: В 1375 году весьма почитаемый в моём родном городе князь Дмитрий Донской нанёс поражение войску тверского князя Михаила Александровича – такая вот “борьба с татарами”. После чего овладел Старицей и подверг город сожжению и разорению. Что было с мирными старицкими крестьянами и городскими ремесленниками, можно себе представить. Особенно по части действий ничем не сдерживаемой княжеской дружины в отношении женского населения. Такие вот “православно-христианские нравы”.

— Город-то и мирные жители чем этому супостату и защитнику-собирателю земли русской не угодили?..

: Вопрос риторический.

Через некоторое время Тверь вернула себе Старицкую крепость – но не на долго. В 1485 году Москва снова взяла верх. < За этой строчкой – новый погром и разорение. > С данного времени Старица постоянно входила в состав Московского государства.

В начале XVI века Иван III отдал Старицу в удел своему младшему сыну Андрею, княжившему здесь в течение трёх десятилетий. Андрей проявил себя вначале, как прекрасный военачальник (в течение 20 лет он возглавлял военные силы Ивана III, охраняя границы Московского княжества от супостатов), затем удалился в дарованное ему княжество. Где вполне состоялся, как мудрый правитель и хозяйственник – по примеру Москвы в Старице создаётся Удельная дума; в 1530 году возрождается успенский монастырь, основанный в

⁹ О старицких подземных ходах – реальных и мнимых – читайте в статье В. Ю. Байбикова [Археолог] «История города Старицы и его окрестностей (мифы и реальность)», опубликованной в “Спелестологическом ежегоднике РОССИ” за 2001 год. Кстати, ник Археолог Слава носит не даром — он действительно является профессиональным историком и археологом; в том же номере ежегодника РОССИ опубликована ещё одна его замечательная статья – «Подземные каменоломни и рудники города Москва». Причём, в отличие от многих своих собратьев по профессии, Слава – активно ходящий под землю историк. А потому его суждения о Подземле имеют большую ценность, чем иные “кабинетные монографии” коллег по жанру. При подготовке “исторической главы” своей старицкой повести я, естественно, консультировался с ним – благо, живём рядом и ходим в одни и те же Системы. Где с удовольствием и общаемся.

1110 году и разрушенный татаро-монголами. В это время в городе было построено каменных зданий больше, чем за всю предидущую историю. Камень, отличавшийся прекрасными строительными качествами, брался из “нижнего старицкого горизонта” — что прослоем вклинивался в этом месте меж подольского и нижнемячковского горизонтов. Можно сказать, что систематическая добыча известняка подземным способом началась в Старице с княжения Андрея. Казалось бы — пример достойного и мудрого руководителя, выгодно отличавшегося от прочих князей-бандитов. Но думать так — идти против Государственной Точки Зрения. Что определила свой взгляд на историю не в Твери или в Старице, Новгороде. Киеве или Пскове — а в Москве. А потому официальная историография нам гласит: «В последние годы княжения Андрей Старицкий стал претендовать на новые земли и проявил непокорность по отношению к правительнице Российского государства Елене Глинской, проводившей политику единения русских земель.» То есть отказался платить дань — ибо не считал её законным правителем земли русской. Со своей, достаточно обоснованной, генеалогической точки зрения.

Не думайте, что Глинской руководили некие высшие государственно-стратегические соображения — равно какая-то “национальная идея”: чего быть не могло в принципе, того не было. Просто действовал принцип: больше земли нахапашь — больше дани соберёшь. И вся мотивация. Это теперь, когда в объединении вокруг некого “центра” победила Москва, историю трактуют исключительно с “высших мотиваций-позиций”. А победы Тверское княжество — в школах бы нас учили, что политику собирания русских земель проводили именно тверские князья, а не “московские сепаратисты-раскольники”. От которых, кроме военных авантур и урона, русской земле иного прикупа никогда не было. И вообще: если «Киев мать городов русских», — с какой логики понадобилось “собирать русские земли” не вокруг него, а вокруг никому в те годы не известной Москвы?..

— А почему не вокруг Господина Великого Новгорода, что в отличие от новоявленного сепаратистского княжества, прав на наследование Киевской Руси имел не меньше Твери или самого Киева?

: дурной, провокационный вопрос в свете московских исторических юпитеров.

: Наверное, с современных гуманистических позиций, вопрос можно было решить если не миром в пользу единой славянской нации — так хоть паритетным государственно-военным союзом в ту же пользу. История им судья. Строптивостью своей князь Андрей заронил естественное подозрение в посягательстве на великокняжеский престол (на который, замечу, прав имел поболее, чем московская приживалка) — и Елена решила расправиться с непокорным.

Получив об этом сообщения от немногочисленных сторонников в Москве, Андрей Старицкий 2 мая 1537 года вышел с войском из крепости и двинулся к Новгороду, рассчитывая обрести там поддержку и помощь. О стратегических намерениях князя Андрея — как и об его уверенности в принятом решении — говорит старицкая летопись: «Не зная, будет ли ему успех, а либо смерть от

меча, схоронил тайно князь Андрей Иванович в Бернове часть своего кошта».

: Схоронил – и ладно. После чего, раз уж оставил крепость, к Новгороду нужно было двигаться со всей дружиной, не щадя ног ратников и копыт лошадей, –

– ан, нет. Двигался не спеша в тяжелейших сомнениях и раздумьях. Настолько не спеша, что московское войско, вышедшее в поход через некоторое время под руководством воеводы Телепнёва-Оболенского, легко догнало его. Не смотря на “фору” в 250 км и несколько дней, что были у Андрея Старицкого.

: Судя по историческим свидетельствам, князь Андрей не хотел новой кровопролитной войны между русскими.

Так для этого нечего было фрондировать: изначально. Или, показав свои вполне справедливые претензии на московский престол, окончить дело миром. Но это теперь хорошо судить и рядить.

Как бы то ни было, два войска расположились друг против друга: истощённое стремительным марш-броском московское, и двигавшееся до того не спеша старицкое. Начались переговоры.

Имея целью завлечь князя Андрея в Москву, Телепнёв-Оболенский *по*клялся, что московская правительница (официально она ни царицей, ни государыней не являлась), не желая кровопролития, обещала его простить.

Князь Андрей кровопролития тоже не желал. А потому с небольшой дружиной отправился в Москву. Поверил он обману или нет – неизвестно.

В Москве, не вступая в переговоры с князем, Глинская повелела заковать его в цепи.

И уморила голодом в темнице – одном из подземных кремлёвских ходов, специально для этой цели переоборудованным в каземат. Вместе с отцом в заточении томился и его сын Владимир, – но тому хоть есть-пить давали.

: наверное, вообразившая себя светлой исторической личностью сожигательница московского князя решила продлить “созерцательное удовольствие”. Однако, пала жертвой интриг вполне в канонах времени, – в 1540 году пришедшие к власти князья Шуйские освободили Владимира из темницы и вернули ему старицкий удел. Вместе с сыном была освобождена из темницы вдова князя Андрея Ефросинья.

Такой “хэппи энд”. Без очередного сожжения города и массового изнасилования крестьянок и жён ремесленников. Но – увы! – эта история была *только предтечей* кошмара, что начался позже. Ибо у власти на вполне законных основаниях оказался **подлинный защитник великого русского народа, истинный собиратель земли русской, включая Казань и прочие славянские ойкумены, – неимоверный радетель образования и знания, прекрасный муж и любящий отец (и так далее “по всем пунктам”)** –

: вы поняли, КТО.

: Самый любимый Иосифом Сталиным российский государь. Кумир и, можно сказать, символ. Почти близнец. Маяк в тёмных глубинах истории. –

— *очень хочется сказать: «и х... с ним», – да вот против исторической правды – куда деться?..*

ГОРОД СТАРИЦА МНОГИМ ОБЯЗАН ЭТОМУ ЦАРЮ-ВЫРОДКУ. НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ – ИЛИ КАЗАНЬ. Да только татары в последнее время заваливают московское и российское правительства жалобами исторического содержания, – из Старицы и Новгорода протестов не поступает.

: Не трудно сообразить, почему. Выносить сор из избы — не наша традиция.

... А было так. К середине XVI века Псков, Смоленск, Рязань, Владимир и ряд других удельных княжеств были упразднены московскими князьями, боровшимися за объединение Руси. Старицкое княжество и Великий Новгород оставались последними форпостами удельной обособленности в государстве.

Сын Андрея Старицкого князь Владимир пошёл по стопам отца — вначале проявив себя, как один из лучших полководцев XVI века, возглавил войско русского царя при взятии Казани. Затем в 1557 ÷ 1559 гг. воевал на юге против крымского хана Девлет-Гирея, участвовал в походе на Полоцк. В 1568 году он был назначен командующим русскими войсками против турок. Особо можно отметить, что русские войска в этой турецкой компании весьма преуспели в подземных боевых действиях (припомним и о взятии Казани путём рассекречивания и взрыва тайного водоснабжающего подземного хода), – складывается ощущение, что Владимир многому научился у своего отца не только в области военной стратегии и хозяйственной организации мероприятий – но и в том, что потом будет названо спелеовойнами. Очевидно, сказалось детство, проведённое в краю интенсивной подземной добычи “старицкого мрамора”. Надо сказать, что талант военачальника проявляется не в одной тактической удали или стратегическом мышлении — войско, наступательные или оборонительные операции которого не подкреплены в должной мере организованным снабжением едой, обмундированием, боеприпасами и людским, обученным пополнением, полноценным войском считаться не может. Хозяйственное и прочее снабжение войск были у князя Владимира организованы на должной высоте – оттого и ценил его Иван Грозный, выделяя среди прочих военачальников¹⁰. Однако другими русскими князьями (и современными историками) князь Владимир Старицкий рассматривался, как законный претендент на российский престол.

В марте 1553 года произошло первое столкновение Ивана Грозного и Вла-

¹⁰ Личные полководческие качества Ивана IV, конечно, были ниже всякой критики — всем своим начальным военным победам он обязан исключительно “кадровой политике”, то есть умелой расстановке “нужных людей на нужных местах”. Что для правителя страны, конечно, важнее полководческого таланта. Одна беда: с прогрессированием МДП эти качества Грозного сошли на нет. И мудрая поначалу политика авторитарного руководства страной превратилась в самый настоящий психоз. В результате которого в конечном итоге, истребив всех действительно талантливых полководцев, Иван Грозный собственноручно возглавил войска — и больше ни одной военной баталии не выиграл. [Творгов О. В. «Древняя Русь. События и люди», СПб., “Наука”, 1994.]

димира Старицкого. Во время болезни (судя по всему – белогорячечного запоя) Ивана IV Владимир был выдвинут боярами в качестве кандидата на российский престол. Однако, учтя печальный опыт отца, отказался от этой роли – публично засвидетельствовав Ивану Грозному свою верность. Тем не менее, вражда между Иваном Грозным и Владимиром Старицким осталась.

В 1558 ÷ 1561 гг. Владимир Старицкий строит на старом городище Борисоглебский собор. В это же время в Москве строится храм Василия Блаженного. Строительство двух шатровых соборов в двух городах в одно и тоже время не было совпадением. Возможно, оно было выражением соперничества между двумя городами. К сожалению, до нашего времени дошёл лишь собор в Москве.

При Владимире в Старице развивается лицевое шитьё; из других городов Владимир выписывает лучших мастериц; вышивки выполнялись по эскизам известных художников. Эти вышивки представляют памятники прикладного искусства.

Одновременно в Старице продолжает развиваться каменоломенная (подземная) добыча “старицкого мрамора”, развивается кузнечное дело. Город, стоящий на великом водном пути, богатеет и украшается новыми каменными домами, фортификациями и церквями.

Стерпеть такое Иван IV не мог. Зная, что на знатного, умного, сильного Владимира (к тому же: пострадавшего от воли московских самозванцев, и могущего на законных основаниях претендовать на российский трон) недовольные бояре делают ставку, как на возможного владельца московского престола, Иван Грозный решил “образцово-показательно” уничтожить его. Позже эту тактику возьмёт на вооружение Сталин.

: В 1569 году князь Владимир был вытребован в Москву с женой и детьми. Приняв их в своём дворце, Грозный подал старицкому князю чашу с ядом и велел выпить его. Та же участь постигла всю семью Владимира, кроме матери – Ефросинья была отравлена в монастыре угарным газом.

– Вдумайтесь, вдумайтесь в это:

Самостоятельно испить чашу с ядом.

В присутствии всей боярской думы. Для острастки.

Что говорить – великий государь был. Полумерами, как матушка, не ограничивался.

А потом – очевидно, на радостях, – лично возглавив свою боевую дружину, навел на город Старицу. Совершил христианское паломничество. Что там – Донской...

: Грозный сжёг не только посад и крепость. Грозный сжёг все монастыри, соборы и церкви. В том числе красивейший, судя по описаниям, Борисоглебский собор. И стоящий против него на другом берегу реки Успенский. Монахов казнил. Женское население подверглось поголовному изнасилованию; мужское – умерщвлению. На пытках и казнях Грозный не только присутствовал лично – принимал самое зверское участие. По воспоминаниям очевидцев, “Волга две недели была красной от крови”.

Официальная историографическая версия нам гласит, что некоторое время спустя Грозный как бы “усовестился” – повелел нагнать мастеров по добыче камня со всех волостей,– ибо старицких вырезал начисто вместе с прочими городскими ремесленниками,– и нещадно “бити плетью”, пока не отстроят новые соборы. Из камня. Чтоб остались в веках “краше прежнего”.

: Краше, по ряду причин, не получилось – но, в конце концов, отстроили. Сколько народу полегло на этой стройке шестнадцатого века и в возобновившейся, благодаря ей, подземной добыче камня — никто не считал. Но каменоломни остались. Об этом эпизоде стоит помнить всем спелестологам, навещающим старицкие подземные красоты. Думаете, ржаво-окрашенные кристаллические друзы и сталактиты старицких пещер такие от того, что в их состав входит охра?..

: В принципе, конечно, оно так. Да только *та же охра входит в состав нашей крови.*

Расправившись с “непокорной Старицей”, Грозный поспешил в Великий Новгород. С той же самой культурно-воспитательной программой.

А по дороге “навестил Тверь”. Опять же: лично пытал, лично убивал. Пять недель гулял, истребляя в день по 500-600 человек, а когда и до полутора тысяч. Пока пытать и убивать стало некого.¹¹

И не думайте, Бога ради, что были это какие-то отдельные “эксцессы”, обусловленные клеветой или белой горячкой. Это было по всей стране и во все годы правления Ивана.

: Читайте историков – только, Бога ради, не советских. Те безостановочно врут – или молчат о некоторых эпизодах нашей истории, словно их не было. Вовсе.

— Узнав о смерти князя Владимира, Девлет-Гирей собрал войско и двинулся с ним на Москву. Ибо, по его представлениям, русская армия была “вполне обезглавлена” и сопротивления оказать не могла. Расчеты крымского хана оправдались: в 1571 году он без помех переправился со своей ордой через Оку. Где была разведка Ивана Грозного? Где были знаменитые “засечные полосы” – что возводились за несколько дней, но на месяцы могли задержать продвижение крупного войска? (Тем более, “по природе своей” не склонного к стремительному продвижению в овражно-болотистых лесных массивах.) Мостов на Оке не было. Течение сильное – до 2 м/с. Московский берег – крутые обрывы, а меж ними и рекой – многочисленные болота и старицы плоского берега. За обрывами – непроходимые смешанные леса. Глубокие овраги-каньоны.

Население территории, прекрасно знавшее особенности местного ландшафта, не горело желанием идти в полон к захватчикам. Ибо крымский полон однозначно сулил рабство: здоровым мужикам – на рудниках и галерах, их жёнам, сёстрам и дочерям – участь продаваемых на невольничьих рынках гаремных наложниц.

¹¹ Костомаров Н. М. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.» М.: Чарли, 1973. С. 488÷489.

Прочим – смерть.

— Но горело-ли оно желанием защищать московско-княжескую власть?

: Вопрос риторический. После всего, что сотворил Иван Грозный и его опричники с народом...

: И где были военачальники, что могли организовать достойное сопротивление вторжению — в идеальном месте, на естественном водно-ландшафтном рубеже?.. Вопрос, опять же, риторический.

Неуместный для наших историографов-мифотворцев.

: За истреблением полководцев Иван Грозный лично возглавил войска — и, убоявшись превосходящих сил хана, отступил без сражения. Да так лихо отступил, что остановился только в Ростове. Бросив столицу своего государства на произвол судьбы. 23 мая хан “неожиданно” появился под стенами Москвы. Поджёг город. Из-за сильного ветра пожар быстро распространился — столица выгорела за три часа. В Кремле сгорели церкви и деревянные дворцы, взорвалась Пушечная изба, дотла выгорел Китай-город...

: *Погибло от 50 до 500 тысяч человек* — колоссальное различие в оценках доказывает одно: никто, как обычно, не считал. Девлет-Гирей ушёл в свои степи, уводя огромный полон; возвратившийся в столичное пепелище Грозный поспешил найти “виновных”: был казнён деверь царя — командующий опричным войском Михаил Черкасский; был утоплен боярин В. И. Темкин-Ростовский; по приказу Ивана его лекарь Бомелий отравил дворецкого И. Ф. Гвоздева-Ростовского, спальника Григория Грязного и до ста других опричников,—

Наверно, эти “зачистки высшего командного состава” русской армии показали Девлет-Гирею, что набег можно повторить. И уже на следующий год он повторяет его по прошлогоднему сценарию — но после переправы через Оку получает отпор от войск воеводы Михаила Ивановича Воротынского и молодого талантливого военачальника князя Дмитрия Ивановича Хворостинина.

Многие десятки тысяч русских воинов погибли в этом сражении в долине реки Лопасня — но историкам место сражения в точности не известно.

: Как и место знаменитой Куликовой битвы. [После которой русские города и сёла на десяток лет *просто лишились мужского населения* — *дань же Золотой Орде продолжали платить исправно, и восстанавливал князь, за удивительную победу прозванный Донским, свою столицу после очередного татарского набега и сожжения... Заодно и каменно-ломенный промысел организовав.]*

А в следующем, 1573 году, Иван Грозный самолично казнил воеводу Воротынского. И многих других — кто в нарушение его воли организовал отпор крымским завоевателям.

Московский царь-государь лично рвал бороду Воротынскому. Лично подсыпал горящие угли к бокам 63-летнего князя на Лобном месте против кремлёвских стен...

: такова цена шизанутости верховного правителя стра-

ны, собирателя-коллекционера земель русских. Такова цена преданности стране и государю. Такова цена полководческим и организаторским талантам.

: Такова невесёлая наша история...¹²

«Гибель князя Владимира,— говорится в совковом историческом исследовании,— ознаменовала завершение длительной агонии последнего сколько-нибудь значительного удельного властителя на Руси. После этого старицкий удел был включён в опричнину и стал обычным городком Русского государства.»

— без комментариев.

— "Фолиант из библиотеки

Ивана Грозного",—

http://www.tverinfo.ru/obshestvo/foliant_iz_biblioteki_ivana_groznogo.html:

«Сын Грозного Иван как-то заболел грудной жабой. Плохо себя чувствуя в Москве, он по совету лекарей отбыл в свою вотчину — Старицу. Но и тут болезнь не отступила. Тогда царевичу порекомендовали обратиться к местному знахарю Феофану, монаху-расстриге, родному брату старца Зосимы — основателя Соловецкого монастыря. Приложив ухо к груди больного, чудодей долго прослушивал хрипы и бульканье внутри высокопоставленного пациента. И посоветовал царскому отпрыску недельки две безвыходно побыть в пещерах под Старицей. Говорят, наследник Московского престола последовал предписанию знахаря. И более двух недель провел в известняковых штольнях, при свете свечей читая привезенные с собой из Москвы мудрые книги.

Вскоре наследник был вызван в Москву. Обвинен отцом в заговоре. И в припадке гнева избит родителем до смерти. С поломанными ребрами и отбитыми внутренностями царевич Иван умирал мучительно. Ему не смогли помочь ни заграничные врачи, ни московские колдуны, ни вызванный из Старицы знахарь Феофан. Удар посохом в висок — это просто красивая легенда, что и подтвердило вскрытие гробницы убиенного в усыпальнице московских царей в Кремле.»

— Ладно. Переведа дыхание,

следуем дальше нашей наглядной истории.

При Грозном велись практически не прекращающиеся войны с Литвой и Польшей. Результативными их может назвать только очень недалёкий и некомпетентный историк,— это “к вопросу о полководческом гении” Иосифа... пардон, Ивана Грозного.

Оно понятно: для карательной экспедиции во “вражеский стан” собственного невооружённого народа требуются иные таланты и доблести, чем для ведения действительно победоносной войны с хорошо вооружённым супостатом. Да ещё в тысячевёрстной дали от привычных снабженческих баз.

А потому боевые действия — когда активные, когда достаточно вялотекущие — длились и длились, изматывая и русский народ, и государственную казну.

¹² Творогов О. В. «Древняя Русь. События и люди», СПб., “Наука”, 1994. Стр. 129.

И военно-политические обстоятельства периодически приводили государя в им же разорённую дотла Старицу. Которая теперь по его велению “отстраивалась заново и краше прежнего”. Заодно оснащаясь новыми укреплениями и соборами, на строительство которых не жалели камня, добываемого по берегам Волги в каменоломнях. Или “заломках” – как их называет местное население. В отличие от открытых карьеров.

Грозный присматривал за строительством – одновременно, по сути, превратив Старицу в свою ставку. И именно этот город он избрал местом переговоров с польским королём Стефаном Баторием в 1581 году.

: Переговоры были вынужденные. Русского царя преследовали вполне естественные неудачи, ибо не может действительно продуктивно работать государственная и военная машина, основанная на одном страхе. Поляки и литовцы вернули себе все прибалтийские города (тамошние народы и власти, знающие о немыслимой даже для средневековой Европы жестокости Грозного, вполне разумно не желали его победы – а потому сражались против “славянского агрессора” с предельной отвагой),– польско-литовское войско подошло к Пскову и начало его осаду.

В качестве посредника между Стефаном Баторием и царём в Старицу прибыл иезуит Антонио Поссевино – доверенное лицо папы римского Григория XIII – с миссией убедить Грозного вернуть полякам Ливонию. Как у всякого иезуита, у него была и другая цель: попытаться обратить русского царя и Московию в католическую религию.

Не знаю, возможно-ли было это – в те годы. Говорят, что история не знает сослагательных наклонений. Это, конечно, так. Но есть иные Мировые Линии – на которых, не нарушая причинно-следственных связей, реализуются иные её варианты. Во всём своём многообразии.

: Конечно, Грозный на всех них остаётся типичным жестокосердным самодуром-тираном,– “это факт”,– но не менее интересная возможность: перекрестив Русь всей силой своей жестокости, Грозный получил надёжную, без врагов, западную границу Руси. Пусть не столь обширную территорию при этом на западе (как ему хотелось, но известно, что амбициям предела нет),– самое важное: поддержку Европы в его борьбе с исламом на востоке и юге. С гарантированным миром на западе – подчёркиваю ещё раз. **Чем не перспектива для стратегически мыслящего государя?..**

— Но оставим теоретическую историю.

Самодур, конечно, не “перекрестился”. И не надо говорить о его “верности православию” — оную он с успехом показал при умиротворении “бунтующих” Новгорода Великого, Твери и Старицы. Да и в Москве тоже. Не перекрестился, потому как по жизни был нагло-упрямым бараном. Католичество предложили *враги* – и этим всё сказано.

Демонстрируя силу Москвы, Грозный прибыл в Старицу с многочисленным войском, превратив город в военный лагерь. Послать эти войска на помощь осаждённому Пскову,– снять осаду с русского города и тем переломить ход переговоров – ему, конечно, в голову не могло прийти. Как и Сталин, одержимый маниакально-депрессивным психозом, Грозный вообразил, что

переговоры с ним в Старице (которую он же и выбрал в качестве “переговорного пункта”) — только повод для поляков захватить не столь далёкую и, одновременно, не столь близкую Москву. Которые, по его мысли, прямо с переговорного процесса могли туда направиться.

А потому, не доверяя Баторию, начал спешно создавать в Старице мощный “противопольский заслон”. < Смею заметить, что для этого, во-первых, не нужно было перед тем разорять город и его укрепления — лишь усилить их камнем. > В «Истории государства Российского Н. М. Карамзин отмечает, что в Старице было сосредоточено до 300 тысяч русских воинов. И вся артиллерийская мощь. *Если бы хотя бы половину этого воинства государь двинул под не столь далёкий Псков,— остальным частям приказав разыграть должную маскировку...*

: для этого необходим хотя бы средний ум стратега. Пусть не на уровне Рокоссовского, Конева,— хотя бы в “один жуков”. Или в 1/10 Петра Первого. Ну пусть — “в один меньшиков”. Так ведь не было!..

В «Записках о Московии», изданных в Италии в 1586 году, папский посол сетует на ненормальную подозрительность русского царя — не пожелавшего сблизиться с католической церковью и отказывающегося от видимых благ, как результата этого сближения.

Не понял посол “загадочной русской души”.

Русское войско, простоявшее в Старице вместо оказания помощи Пскову, Грозному не пригодилось. Не приняв сближения с католической церковью, Грозный был вынужден поступиться ливонскими городами. И русским городом Псковом.

: Такой вот “итог”. Тоже, по-своему, *катакомбный*.

... Четверть века спустя Старицу постигло новое бедствие. В 1608 году Москву осадили отряды “Лжедмитрия II”, объявившего себя наследником русского престола. < На *той Мировой Линии*, где остался жив князь Андрей и его сын Владимир, такого произойти не могло. Прими Грозный католицизм — тоже. >

: Ряд русских городов, в том числе Старица, отказались присягнуть самозванцу и заперли перед отрядами “Лжедмитрия II” крепостные ворота. Интервенты пошли на штурм. В летописи говорится: «И поднялся тут страшный грохот, аки грому подобный, и вздыбилась к небесам вода, и поплыли по Волге во множестве тела супостатов».

: Новое смертоубийство. Новое разорение.

Судя по всему, защитники крепости сражались героически — и всё же крепость пала. Старица была разграблена, крепостные укрепления разрушены.

После этого крепость начала приходить в упадок. Выведенный “в заштат” город не имел средств на ремонтно-восстановительные работы; большой пожар 1637 года, истребивший деревянные городские постройки, довершил разруху.

Во второй половине XVII века, после очередной войны с Польшей, границы передвинулись на запад; надобность в Старицкой крепости отпала. Забро-

шенные укрепления истлевали, тайные подземные ходы и схроны обрушивались. Город, спустившись с высокого холма, переместился на отлогие берега Волги. Как ни странно, потеря оборонного статуса пошла ему только на пользу. Хотя, если разобраться, ничего “странного” тут нет – коль крестьянин не кормит прорву дармоедов-стрельцов, а металл не тратится на пушки — куются топоры и плуги; лошади работают на извозе и пашнях. Продуктами же занимаются те, кто их производит. В соответствии с рыночным спросом.

Как и освобождается рабочая сила для развития ремесленной промышленности.

Добываемый в заломках камень идёт не на строительство фортификаций – на постройку домов и храмов, мощение мостовых, – в конце концов, по весне продаётся страждущим на ежегодной ярмарке. Волжская водная дорога уходит вглубь России, к Валдайской возвышенности, – и, широким полукольцом охватывая север, спускается на юг. По Оке и Москве-реке приводит в столицу. Не стоит обольщаться, что раз в Подмосковье велась добыча белого камня, то в старицком нужды не было: всё гораздо сложнее. Во-первых, играет роль качество камня. Например, изначально находящиеся в Москве Дорогомиловские и Хорошовские каменоломни были просто заброшены с открытием более дальних Мячковских: камень в Дорогомилове оказался много хуже мячковского, а в Хорошове для его добычи приходилось вначале вертикальной шахтой уходить вглубь пород на десятки метров, и лишь потом ломать потребные блоки – вынимая их наверх вручную. Во-вторых – себестоимость. И в третьих: “Приказ каменных дел”, основанный Борисом Годуновым и ведавший государственными разработками белого камня, при Петре Первом был разогнан – ибо царь был озабочен лишь строительством новой столицы, везти для которой камень из Подмосковья было “несколько дороговато”. Старицкие разработки были ближе. А потому подмосковная добыча камня захирела и пришла в упадок; Мячковские каменоломни вместе с обслуживающими их крестьянами были переданы в частное владение князя Меншикова. При государственном одновременном запрете на любую добычу камня в течение нескольких лет. При Екатерине добыча возобновилась на “частном уровне” – но грамотных мастеров-то уже не было, “секреты ломки” частично утеряны. А потому в эти годы “старицкий мрамор” в России был *вне конкуренции*. По Клязьме доставлялся к Владимиру и Суздалю. С помощью “переволоков” Волга соединяется с активно нуждающимся в строительном камне растущем Петербурге. До Жигулёвских гор в те годы единственный добываемый на Волге известняк мячковского типа – “старицкий мрамор”. Все остальные годятся, в лучшем случае, на производство известкового раствора, – и то не самого высокого качества. Жигулёвский же камень практически по всем параметрам уступает старицкому.¹³ Чем не замечательная торговая перспектива для

¹³ В районе Жигулей Волга прорезает мощные слои пермских, более молодых отложений, покрывающих каменноугольные породы и верхнекарбоновые известняки. Эти породы хотя и белого цвета, часто доломитизированы – то есть содержат примеси окиси магния, и потому не морозоустойчивы. Они плохо

сообразительного купца?..

: Зарождающееся купечество дало Старице новую жизнь. И гораздо более достойную, чем царские военные авантюры и разборки с ни в чём не повинным населением.

Торговала Старица хорошо – на ежегодную весеннюю и осеннюю ярмарки прибывали покупатели из Твери, Ярославля, Костромы, Смоленска, Новгорода, Торжка, окончательно отвоёванного Петром Псковом и из заложенной им “северной столицы”, –

– продавался (причём большими оптовыми партиями) лес, лён, пенька, воск, мёд, мясо, зерно, стерлядь и белорыбица, кафтаны и войлочные армяки, гончарные и керамические изделия из местной глины, серпы, плуги, подковы, замки, кованые гвозди (древние кузницы до сих пор опоясывают подножие старицкого холма); были развиты пряничное, прядильное, кожевенное и сапожное производства, –

— и, конечно же, добыча “белого камня”.

Старицкого мрамора, добываемого во всё большем и большем количестве.

Российская власть, занятая вместо реального развития государства административно-географическими проблемами, попеременно относилась процветающий ремесленно-купеческий город то к Смоленской, то к Петербургской, то к Новгородской губерниям — пока, наконец, Екатерина II не определили ей статус уездного города Тверской губернии. Заодно восстановив прежний герб города: на серебряном поле согбенная старуха с клюкой.

В память о его действительном основании и истории.

... В конце XIX века в Старице проживало около 5.000 жителей, – в основном мещан-ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев. В городе было 5 учебных заведений, типография (издавалось две городских газеты – как водилось, либерального и консервативного направления ¹⁴), историко-краеведческий музей, общественное собрание, где старичане «имели возможность проводить свободное от занятий время с удобствами, приятностью и пользой». Член собрания вносил годовой взнос – 15 рублей – и посещал балы, маскарады, литературные вечера, представления; пользовался довольно обширной библиотекой. Здание торговой биржи до сих пор украшает въезд на городской мост со стороны Ржева; прежде напротив него на другой стороне дороги стоял архитектурный близнец – Дворянское собрание < естественно уничтоженное большевиками >.

Были здесь и прочие заведения и учреждения обычного уездного города – от больницы и богадельни до похоронных контор и острога.

поддаются обработке и резке, чем отличаются от мячковского известняка и от старицкого – который, хотя и содержит доломитовые примеси, характеризуется одновременно прочностью доломитов и морозоустойчивостью известняка подольского и мячковского горизонтов. Что ещё выгодно отличает прослой “старицкого мрамора” – равномерная и обильная кристаллизация, действительно делающая его сходным с мрамором.

¹⁴ Теперь – одна.

В общем — город, как город. Чуть лучше многих иных провинциальных российских городов. Но, без сомнения, сильно уступавший столицам.

Кроме трёх моментов: воистину замечательной архитектуры, имени Пушкина и музейного дела.

: Собственно, это один момент — ибо разделить его мне не представляется возможным.

Да я и не пытаюсь. Хотя бы потому, что всё, связанное в нашей стране с именем А. С. Пушкина — Музей и История; опять же: любой памятник зодчества — живая История и Музей под открытым небом в одном лице. *А уж в Старице...*

Об архитектуре и зодчестве — не буду. Потому как не являюсь специалистом, — цитировать же чужие статьи на эту тему полагаю безнадежно глупым занятием: *красота и величие описываются не научными категориями*. Скажу лишь, что насмотревшись в детстве и юности Владимира, Суздаля, Ростова Великого, среднеазиатских и европейских архитектурных форм, с первого посещения Старицы влюбился в её замечательные руины. Ибо они были не отлакированным декором для туристов, но — *Настоящим Временем*. В котором мастерство людей, угадавших/создавших в камне невыразимые строкой формы, переплелось с ландшафтной красотой и величием Места.

Теперь — о Музее.

Старицкий музей, начало которому было положено ещё в “пушкинскую эпоху” наездов Александра Сергеевича в берновскую усадьбу Вульфов (да, интерес его был связан с самой воспетой в мире уездной “дамой свободного поведения” по фамилии Керн, — и что с того?¹⁵), — этот музей, что начал создаваться коллекциями просвещённых окрестных дворян и усилиями местного краеведа И. Крылова, которому удалось собрать воистину уникальную коллекцию древнего оружия от каменного века до наших дней, —

— музей, созданию которого также отдал немало сил образованнейший человек своего времени Евгений Клодт, внук знаменитого архитектора и известнейший в начале XX века коллекционер, —

— музей, располагавший просто замечательной коллекцией старинного русского шитья и одежды, —

: *этот музей по праву был включён в знаменитый лейпцигский справочник «Музеи мира».*

¹⁵ Строки, написанные А. С. в Старице — элемент Вечности. Не меньший, смею заметить, чем знаменитый период “Болдинской осени”, — сам Пушкин неоднократно замечал в письмах к друзьям, что в Берново и Малинниках (усадьбах Вульфов) ему писалось “на удивление легко”. Такова оценка Поэта этого места. По воспоминаниям старичан той эпохи, в каждый приезд Пушкина в Старицу “на него съезжались, как на Праздник” — литературные вечера следовали один за другим. Кстати, в литературном мире Старица известна не только именем Пушкина — из наиболее значительных имён того периода можно упомянуть И. И. Лажечникова, автора «Ледяного дома» и «Последнего Новика».

Это не моя – международная оценка специалистов по культуре и истории. И к ней нельзя было бы не присоединиться, если бы...

— если бы в тридцатых годах наиболее ценные экспонаты музея не были изъяты из него большевиками и переданы московским и ленинградским музеям. Ибо с точки зрения коммунистических “спецов по культуре”, районному музею не к лицу было располагать столь впечатляющими коллекциями. По другой версии, всё изъятное в старицких музеях ушло на Запад, в общем потоке национального достояния, распроданного большевиками.

Ну что ж – спасибо, что хоть развалины церквей оставили для всенародно-го любования. Да усадьбу Вульфов в Берново – превратив её в музей (вместе с могилкой А. П. Керн) соответствующего содержания.

: кстати, о развалинах.

Конечно, неизмеримый вред замечательным старицким памятникам древнего зодчества нанесли большевики – разграбив и уничтожив в двадцатых/тридцатых годах монастырское убранство, взорвав и разобрав “на строительный камень” ряд церквей и подворий. Ибо камень был-таки нужен, а артели, добывавшие его под землёй, были *раскулачены*. И окончили свои дни в лагерях. Такой вот финт по отношению к тяжелейшей из профессий. Однако об этом – после. Потому как окончательный и полный урон старицкому архитектурному великолепию нанесла война. Причём, как ни странно — не немцы.

: Осенью 1941 года немецкие оккупанты вошли в Старицу. По воспоминаниям местных жителей, обстреливать и бомбить город немцам не понадобилось – наши войска драпали так, что не то, что о сопротивлении иль обороне – о спасении своей же военной техники вопроса не стояло. Местный брандмейстер (естественно, большевик, ибо должность эта считалась “районно-номенклатурной”) отказался пойти в услужение к врагам-захватчикам. И всё время оккупации проходил, посвистывая-поплёвывая, – перед тем загнав пожарные телеги-водовозы в болото, в соответствии с партийной инструкцией: чтоб не достались врагу. Получив его отказ от работы, немцы были вынуждены создать в городе свою противопожарную службу. Силами военной полиции.

: Брандмейстера не тронули. Однако, опасаясь шмона, он заначил служебный наган и партбилет в промасленной тряпиче под венцом своей избы.

СС в городе не было – только полевые части и жандармерия. Оттого местные жители не сохранили об оккупации неприятных воспоминаний. Рассказы же коммунистических историков — ВРАНЬЁ. Смело говорю это, ибо в содружестве с местными “красными следопытами” (просьба не путать с “чёрными”) опросили сотни местных жителей. Мы опрашивали их на предмет наличия заброшенных каменоломен; ребята – собирая свидетельства военного времени. Их урожай был таков, что на разглашение соответствующие органы наложили категоричный и мгновенный запрет.

: Партийный организатор партизанского районного движения Смирнов в день отступления наших войск из Старицы получил пулю в спину. “Движе-

ния” не получилось. Склад оружия, оставленный в одной из каменоломен, несколько часов обороняла от сил полевой жандармерии пара “чонкиных” – которых бегущее в панике начальство просто “забыло” снять с поста.

: Единственный настоящий бой.

Когда попрятавшиеся в каменоломнях коммунисты явились в одну из деревень реквизировать продукты для партизанского отряда, местные жители их сдали в полицию. “Живодёры-полицай” запрягли комиссаров в сани, прокатились по декабрьскому снежку от деревни до Старицы – и отпустили. Указав, что за погромы и хулиганства, как и за возможные грабежи, осудят по всей строгости закона.

Несчастный мальчонка, что подорвался на гранате, подобранной в день бегства наших войск, был вылечен в немецком госпитале. Хотя перед тем, влекомый пионерской коммунистической пропагандой, пытался метнуть эту гранату в немецкий обоз.

За “изъятые” продукты немцы расплачивались со свойственной им педантичностью; мародёрство пресекалось на корню – таких расстреливали при стечении досужего народа, – как никогда не забиралось последнее.

Не было рейдов в духе коммунистических “продотрядов” в поисках излишков. С заложниками, коих расстреливали, если семья, к примеру, не сдавала 100 кг мяса. Или зерна.

Немецкие офицеры, расквартированные в частных домах, помогали продуктами хозяевам, если видели, что им туго. Кроме того – платили за постой.

: Такая вот война. Странная – для моего поколения. Выросшего на коммунистической лжи.

Это, конечно, потому, что войск СС в Старице не было. Но в природе всё компенсировано – по освобождению города пришло НКВД. Про Дмитрия Донского и Ивана Грозного жители не могли вспомнить “за давностью”. Для знающих историю параллелей хватает.¹⁶

... победоносное освободительное наступление наших войск было страшным. Два дня подряд город обстреливала тяжёлая артиллерия, – хотя немцы из него ушли.

: Обстреливали, пока не были разрушены все церкви и видные здания. *Теперь на экскурсиях в музей экскурсовод уклончиво сообщает туристам: «во время немецкой оккупации город сильно пострадал – перед уходом немцев из города были уничтожены все его архитектурные памятники».*

: Можно сказать и так. *Уклончиво-лживо.*

Коль правда глаза режет.

Местное население спасалось от обстрела в отдалённых от города камено-

¹⁶ Частное замечание: мой дядя провёл три года в Бухенвальде. Участвовал в знаменитом восстании; остался жив, был освобождён – после чего до 1955 года трудился на Колыме. Его свидетельство: «БУХЕНВАЛЬД ПРОТИВ СТАЛИНСКИХ ЛАГЕРЕЙ БЫЛ САНАТОРИЕМ». Ему я верю; коммунистам – нет.

ломнях. При обстреле попал снаряд и в избу брандмейстера. Партбилет и наган сгорели вместе с домом.

Вошедшие за танкистами и артиллеристами части НКВД две недели свирепствовали в городе, *показывая старичанам ужасы настоящей оккупации.*

Брандмейстер был расстрелян за утерю партбилета: одна смерть из многих. Довольно стандартная для того советского времени. Его жена — как “пособница предателю” и “член семьи врага народа”. Очевидно, по совместительству.

Всё не расстрелянное мужское население города (от 14 лет до примерно 80) было построено в колонны — и маршем пошло на Ржев. Заглаживать вину перед Родиной, что не бежали ужасов жизни под оккупантами.¹⁷

Уцелевший от репрессий НКВД тринадцатилетний сын брандмейстера (спрятался в каменоломне вместе с другими жителями) рассказывал, как за старичанами *две недели подряд через Старицу на Ржев непрерывным потоком, день и ночь, маршировали новобранцы — “чёсом” набранные по всей Тверской (тогда Калининской) области. Узнавались знакомые и родственники из окрестных деревень; колонну по бокам охраняли работники меча и щита. С автоматами, как военнопленных. Чтоб не разбежались.*

: Никто из них не вернулся живым из ржевской мясорубки имени Жукова...

— Пожалуй, хватит. Вернёмся к историческим страницам чуть позже — в контексте того, *зачем* мы год за годом приезжаем/возвращаемся в это печально-славное место.

Всё-таки — славное, что бы ни творила отечественная дура-история с ним и с живущими в нём людьми.

ЗИМА

Впервые я попадаю в это удивительно-сказочное место в декабре 1982 года.

: Уже около года группы, слагающие Никитский Круг, уверенно рассекают по известнейшим старицким пещерам — Сельцу и Дохлобарсучьей, — я же, занятый в начале 1982 года подготовкой своего спелеонавтического пребывания, затем сражённый естественной депрессией по его срыву, игнорирую открывшиеся моим друзьям спелеогоризонты.

: Все разговоры о тамошних подземных объёмах (ах, вскрывать и вскрыв-

¹⁷ До самых последних лет совка официальные анкеты украшал пункт следующего содержания: «Находились ли вы или ваши родственники в период Великой отечественной войны на временно оккупированных территориях?» И коль “находились” — беда. Отношение государства к вам заведомо было, как к врагу. Способному охаять усилия коммунистических историков-пропагандистов.

вать, топосъёмить и топосъёмить!) и красотах (ах, ты бы видел!!!) — мимо.

Как припарки семидневному додику.

: Слишком велико чувство фрустрации, благоприобретённое в попытках посеять в совдеповских окоёмах “разумное, доброе, вечное”,—

— а тут ещё крушение моего междугороднего романа (что презентовал в “Белом Камне” персонажу Коровину)...

: Фрустрация в квадрате. Депрессия в кубе. Нежелание что-либо делать, открывать какие-то новые “дальние дали” — зачем, к чему? — в энной степени. От восхищённых цоканий полубивших Старицу друзей просто подташнивает. Никакого стремления разделять их мажористый восторг —

И желания жить примерно столько же. Такое вот настроение.

Но Минотавру и Золушке удаётся его сломить (под вторящий им рефрен Татьяны Бестолковой и Рашпиля) — Минотавр сетует, что намеченная им поездка в Старицу находится под угрозой срыва. Поскольку он ведёт новое спелеопополнение своего зеленоградского клуба — а кроме него и Золушки из спелеовeterанов никто не может поехать. По тем или иным причинам.

— Я же не знаю там ничего, ни разу в жизни не был — какой от меня прок?

— Мне не нужны проводники. Мне нужен ещё хоть один спелеоинструктор с реальным подземным опытом.

: Призыв о помощи — дело совсем иное, чем мажорные трели восхищения. Или экскурсионно-халявный визит в стиле “поглазеть на дармовщину”, что там кто-то открыл-обнаружил.

Собираюсь и еду.

Встреча с Золушкой “в полночь у фаллоса” — бюста Лукича, эрегированной елдой высящегося посреди зала ожидания Ленинградского вокзала,— электричка до Калинина в 0.24. В Крюкове в наш вагон с визгом и грохотом врывается толпа Минотавра < процесс, ставший традиционно-ритуальным на все наши следующие поездки в Старицу на ближайшие годы > — глаз сразу выхватывает лицо некой чайницы...

: Как выясняется к концу этого выезда — моей первой будущей жены. Ольги.

Настроение поднимается пропорционально вспыхивающему чувству.

Минотавр имеет на неё свои виды — но Минотавр, как официальный инструктор турклуба, традиционно “имеет виды” на пару-тройку свежеприглашённых чайниц в любом походе [“инструктор, что не способен в первые же минуты выезда завести в группе три-четыре перекрёстных романа — не инструктор, а недоразумение. *Держитесь от такого подальше!*”],—

— а потому Колю всерьёз можно не принимать. Кстати, Золушка также “определяется со своим взглядом”,— как выясняется, взгляд его удачно падает на вторую будущую жену. Которую, как и первую, зовут Света.

Вообще наш с Золушкой 1982 год прошёл в столь унисонной связке событий, что, казалось, поведай кому о них — высмеет, как лжеца... Вполне

признаю право Читателя полагать, что описанные в “Белом Камне” Коровиным события – “чистый вымысел”. Но из моей жизни никакая сила их изъять не способна. Более того: параллели наших Мировых Линий в 1982 году ясно говорили, что странно-немыслимым образом мы лихо оседлали сценарий, написанный явно для одного человека — и реализовали его минуту в минуту, день в день: будто прочитали с листа одну и ту же роль... Убоявшись читательского недоверия, устами (или, как бы, рукой) Коровина описал лишь самую незначительную их долю. Где-то на уровне 0,01. < Именно Золушка жил у меня, когда разводился со своей первой женой — я же переживал взлёт и кризис своей междугородней любви; он нашёл в урне овощного магазина 7 рублей, когда у нас день в день внезапно кончились деньги — а потому, когда позвонил Аксёнов и предложил поехать в Старицу с его чайниками, и Золушка сказал: «Я еду. А ты?..» — отказаться не смог. >

... Дохлая Барсучья поразила меня не меньше вспыхнувшего чувства к Ольге. Гуляли по Системе, в восторге созерцая карбидочную роспись Крота (поведал чайникам о нём и его замечательной группе “Парабеллум”), столь похожую на росписи Курьей; любовались невероятными натёками, кристаллами и сталактитами в тектонических трещинах, вскрытых рукотворными ходами,—

: Апофеоз веселья настал, когда к окошку в сталактитовой драпировке размером 15 X 25 см мы подошли одновременно с группой Минотавра — но с разных сторон и на вопрос, как мы там оказались, не сговариваясь с Золушкой, в один голос ответили: пролезли через эту щель — и Коля, по объёму превосходящий меня в полтора раза, начал протискиваться. Что парадоксально — но, пожалуй, точно передаёт стиль мышления любого опытного спелеолога: убедившись, что плечи, вслед за головой, не пролезают в явно узкую щель, Коля начал пропихиваться в неё вперёд ногами. Ногу (одну, а не две) удавалось пропихнуть лишь до половины бедра. Тем не менее, сомнения в том, что мы с Золушкой как-то проникли именно через эту щель, у Коли не возникло — опытный спелеолог, в отличие от чайника, знает: нет предела человеческой изворотливости. И Коля продолжал наивные попытки. Пока мы с Золушкой не указали ему на вполне проходимый просвет ниже сталактитовой драпировки. «Ах, мерзавцы!!!» — проревел Минотавр и устремился в дивном прыжке вниз. Под сталактитовый занавес. Прямо в заполнявшую тектонику до самого этого занавеса идеально-прозрачную воду...

: ЧТО мы слышали после этой его попытки, на бумаге не передать.

: день и ночь, проведённые в Дохлобарсучьей, пролетели столь стремительно, столь невероятно-быстро, что и мне, и Золушке стало ясно: главное теперь — затаив дыхание, дожидаться следующей пятницы.

Но и следующего выхода нам оказалось мало — попытки сесть в переполненный последний автобус, уходящий на Тверь, запомнились на всю жизнь.

Тем более — без билетов.

Да ещё с нашими шмотниками.

— Увы! Ситуация эта повторилась и в следующем выезде в Старицу...

Ну просто невозможно оказалось оторваться от её сказочных красот и просторов. Сутки общения — это ведь так мало!..

Тем более, что в Москве на меня свалилась просто прорва волшебной ма-
нящей информации — в основном от ЮДА, успевшего в середине семидесятых
несколько раз посетить это сказочное место: и с компанией Пети-Крота, и с
“самым жестоким из спелеоинструкторов семидесятых” — Рексом. Как его
звали “официально”, Юра не помнит — Рекс возглавлял “дворцовую секцию”
юных альпинистов, конкурирующую с основанной Мишей Геллером ГРТН, и
вывозил своих воспитанников не только в горы, но и в пещеры. В том числе
рукотворные. Поскольку к “официальной спелеологии” секция альпинизма
Дворца Пионеров по определению отношения не имела, Рекс с успехом
посылал все официальные запрещения на посещение каменоломен “в полости,
не столь отдалённые”. Методу же преподавания исповедовал такую, что
современные любители экстремальных походов “на выживание” в его экспе-
дициях вряд-ли смогли бы принимать участие. За полной своей непригодно-
стью.

: Юра несколько раз ездил с его группой в Старицу — и не был отсеян, как
слабак. Хотя после некоторых поездок на занятия не возвращалось до трети
группы. < То есть в город, конечно, возвращались все участники выезда —
травматизм, несмотря на крутость маршрутов, в группах Рекса был нулевой, —
не все полагали себя достаточно сильными, чтобы продолжить такого рода
занятия. >

В этих поездках Юра обратил внимание на несколько мест, где явно име-
лись каменоломни, ускользнувшие от внимания Пети-Крота и его группы — и
теперь сватал эти места нам. Мол, к чему рассекать по пещерам, и без нас всем
известным?

: Словно какие-то клубные чайники, право...

— Резон в его словах был. Тем более, что
к “спелеохаляве” отношение у меня всегда было самое отрицательное.

А потому 25 января 1983 года мы отправились в своё первое самостоя-
тельное путешествие по старицким спелеозакромам. Я, Склизский Змей,
Рашпиль с Татьяной (к тому времени его будущей женой — между прочим,
сближение их, окончившееся в ЗАГСе, началось с совместной поездки в
старицкую пещеру Сельцо); Золушка, его будущая жена Света и моя будущая
жена Ольга. Мороз случился под стать дате выезда: ровно в -25°C . У меня до
сих пор хранится фотография, сделанная на автостанции Старицы — когда мы,
наконец, добрались до неё после предутреннее-ночного марш-броска на
выживание с рюкзаками в 40 кг на плечах — ибо везли с собой полный ком-
плект “вскрышного железа”, включая пятикилограммовую кувалду-Машку. И
лом в качестве тросточки. На моём лице на этом снимке за сплошной снежно-
ледовой корой видно лишь три отверстия: рот и глаза.

Сугробы, кстати, были соответствующие — примерно с мой рост. Лыж мы
по собственной непробиваемой дурости не взяли (и это был наш последний
зимний выезд в Старицу без лыж).

Когда дошли до приблизительно указанного ЮДА места в 8 км выше Ста-

рицы по правому берегу Волги, о каком-либо поиске Системы речь можно было вести лишь с истерическо-издевательскими интонациями.

Сейчас на зимнюю поисковку в Старицу меня и стометровым сталакитом не заманишь, и другой аметистов размером с “хаммер”,—

: зима – не время для поисковки. Зимой оборудуются стояночные гроты; зимой делается топосъёмка и фотосъёмка вскрытых летом пещер —

— зимой самое время любоваться невероятной красотой эфемерных ПЛО и пытаться пробиться, разбирая завалы и забутовки, в недоступные с поверхности части пещер,—

— НО ПОИСК... И ВСКРЫТИЕ...

: Поиск оставим весне. Вскрытие – лету.

Когда мы как бы прибыли в точку назначения, ни о каком поиске и вскрытии обещанной ЮДА Системы речи идти не могло. Бросив тяжеленные рюкзаки, Золушка и Склизский Змей, ведомые Никитской Интуицией, ломанулись вверх по склону и дальше по снежной целине — туда, где упомянутое чувство указало им наличие действующего источника самогона. Мы с Рашпилем занялись мгновенной заготовкой дров (однодневная стоянка имени Джека Лондона). Девицы – утаптыванием ложбинки меж сугробов у почти вертикально уходящего вверх борта речной долины. С целью защититься от ветра.

Через 10 минут у нас уже полыхал костёр; через 15 он достиг такой силы, что всем почудилось: жизнь налаживается. Палатки или тента у нас не было – так что пещеру всё равно нужно было искать. Хотя бы для того, чтоб переночевать с большим комфортом. А заодно не показаться мудаками, притащившими 20 кг вскрышного железа лишь для того, чтоб бросить его среди заснеженных просторов.

Оставив будущих жён у горячо гудящего пламени с полным каном снега для приготовления чая, мы с Рашпилем, вооружась самым необходимым при такой погоде инструментом (снеговая лопата, топор – коль понадобится рубить слегу, – кайло и небольшая складная ‘сапёрка’), начали прочёсывать местность. По описанию ЮДА, вход в полость должен был открыться в “слепом устье” оврага в виде некой щели-понора – беда была в том, что если “просто сугробы” доходили мне до уровня груди, овраги были занесены снегом на максимально возможный уровень. То есть – целиком и полностью.

Но зимой пещера “дышит” даже активней, чем летом — а потому я, презрев гарантированный дискомфорт от ныряния в снежный бассейн явно не мерянной глубины, смело сиганул в трещину, из которой шёл пар. И начал крутиться вокруг источника пара, раздвигая и уплотняя снежные массивы. Рашпиль присоединился ко мне со снеговой лопатой; на дне созданной нами ямы (глубиной в два моих роста) мы увидели щель: в борту оврага, на самом его дне. Уходящую под каменный козырёк и активно “дышащую”. Пока Юлик бегал за “взрослой” лопатой и ломом, я начал пытаться раскрыть её тем, чем обладал: нижний край трещины представлял собой не вполне смёрзшуюся землю.

К возвращению Юлика я уже смог заглянуть внутрь – ход явно продол-

жался дальше, причём расширяясь и исчезая в темноте. На тупиковый “карман” это было меньше всего похоже. За азартом вскрытия куда-то подевался страшный мороз, — я даже был вынужден снять пуховку. Чтоб не вспотеть.

— Между прочим, чай готов, — доложил Юлик. — И дамы интересуются: им поднимать сюда вещи?

— А КАК ЖЕ!!! — заорал я, устремляясь в темноту раскопанного лаза.

: Из грота сразу в двух направлениях уходили штреки. По которым можно было идти почти в полный рост. Более без света ничего видно не было. Я начал изнутри расширять сделанное отверстие — благо, комбез был предусмотрительно надет под пуховку и запачкать “цивил” я не боялся; когда наверху вновь послышался голос Юлика (и возбуждённо-радостные вопли вернувшихся “с хабаром” Змея и Золушки¹⁸), вход приобрёл вполне пристойные очертания.

Первым делом я потребовал свой свет — и пока ребята натягивали на цивильные рюкзаки транспортные мешки и пропихивали их внутрь Системы, устремился вперёд.

: Сказать, что пещера поразила меня с первых же своих метров = ничего не сказать. Красота неописуема, как вкус кофе у Борхерта.

: Можно сказать, что мы были в ней первыми после её разработчиков. А потому всё богатство её фантастического убранства было перед нами. И раскрывалось во всей своей красоте.

Можно сказать, что сталактитов и кристаллов *такой красоты* я до того ни разу в жизни не видел — даже в крымских пещерах.

— Но что ещё можно передать словами?..

Разве — изумление, граничащее с нервной дрожью. Когда, наклонившись над уходящей вниз тектонической трещиной — явным устьем потока, текущего из оврага — услышал *рёв самой настоящей реки. Текущей где-то на её дне*. Трещина была на вид “полупроходима” — а потому несколько следующих выездов мы естественно посвятили её дорабатыванию кувалдой, долотом и ломом в тщетных попытках пробиться на нижний, естественный этаж Систе-

¹⁸ Никитские люди способны *взять* в любой обстановке, в любое время года, в любой, даже принципиально незнакомой местности. Возможно, никитское чутьё на алкоголь сродни никитскому же чутью на Систему — а потому не найти пещеру я так же не мог, как Змей и Золушка — не добыть алкоголь в этой, по-зимнему пустынной, местности. Кто полагает, что чутьё на алкоголь “более мелкая доблесть”, чем чутьё на пещеру, пусть представят: что было бы с нами, не найди они свой источник?.. Ага — скажете, был же костёр. Костёр, конечно, образовался на нашей временной стоянке столь же естественно, как и был найден вход в пещеру — но представьте: вдруг в этой местности не нашлось бы и промёрзшей насквозь, обледеленой черёмуховой хворостинки?.. Что тогда?.. А если бы вход в Систему был так замыв, что она не парила? Между прочим, уже на следующий год мы убедились: каждую весну вход в Бродяжью замывается грязевым потоком практически наглухо. Так что подумайте о случайностях — и ответьте на вопрос: бывают-ли они в нашем мире?..

мы. Конечно, шум мог быть значительно усилен акустическими свойствами трещины – но против этого места на Волге даже в самый лютый мороз (например, в день нашего вскрытия этой пещеры) красовалась большая незамерзающая полынья: явный признак карстового источника грифонного типа. Причём значительной мощности.

— Мы назвали Систему Бродяжья в честь первой группы ЮДА, “Wanderers”.

Несколько часов, как замороженные, ходили по её залам, гротам и штрекам в полном обалдении от открывшегося нам Чуда. Потом занялись поиском места, удобного для стоянки.

Грот выбирался по принципу “наименьшей красоты”; но если грот, пол которого не был усыпан волшебными мерцающими кварцевыми и кальцитовыми соцветиями, ещё оказалось возможным найти – с туалетом случилась напряжёнка: целый час ушёл у нас с Юликом на то, чтобы, из последних сил сдерживая естественные позывы, расчистить от обломков кристаллических друз более-менее подходящее для клозета место. *Не будь на поверхности столь жестокого мороза – конечно, выходили бы туда.*

Обустроившись по никитскому канону в первом подземно-экспедиционном приближении – то есть расчистив участок пола под спальню, сдвинув несколько камней для обеденного стола и сидений вокруг него и оборудовав удобное кухонное место, приготовили обед. Плавным перешедший в торжественный ужин, сопровождавшийся прекрасной гитарой и голосом Юлика.

Добытый Змеем и Золушкой напиток поглощался под тосты в честь ЮДА, Подземной Красоты, наших дам и Той Дамы, без которой наше пребывание в мире Подземли эзотерически невозможно.

Песни пелись соответствующие.

Мороз, оставленный наверху, казался несуществующим.

Всё было просто прекрасно и здорово.

Включая тёплые тела подруг в тесных спальниковых объятиях.

Мысль о том, что завтра придётся выходить на совершенно-лютый холод – из этой красоты, из этого тёплого подземного уюта, – из этой, дарованной только нам, сказки, – казалось неприлично-дикой. А потому утреннее пробуждение, хоть и состоялось – подъёма не вызвало.

Мы валялись в спальниках в гроте, облюбованном для стоянки – и ни один не находил в себе сил первым подняться и подойти к примусу. Зажечь свечу, сделать несколько качков насосом...

: даже Склизский Змей. Все старательно делали вид, что спят.

Наконец в темноте раздался его хриплый (с оттенком угрожающей иронии) голос:

– Я это так понимаю. Если мы хотим уехать отсюда сегодня...

– То уже нужно вставать, – договорил я. Посветив налобником на часы. На которых уже значился первый час дня.

– И, к сожалению, в темпе.

: добавил из темноты голос Юлика.

– Ну-ну... – отозвалась рядом Татьяна. – Выходить на мороз...

: было сказано ключевое слово.

– А самогон, между прочим, выпили только наполовину, – добавил Золушка.

– И топосъёмку так и не сделали, – завершил общение Змей. – А у меня, между прочим, полный топосъёмочный комплект с собой...

– Собственно, кому завтра с утра на работу – могут удалиться на выход, – сказала золушкина Светка. – Мне лично во вторую смену.

– Мне тоже, – сказала моя Ольга. Они со Светкой вместе работали на зеленоградском предприятии “Ангстрем”. В одну смену, в одном цеху. На травлении микросхем.

– Если выйти отсюда часиков в пять, чтобы уехать на одном из первых автобусов...

– Кстати: на первые автобусы никакого билетного лома нет. Факт...

– А сейчас можно и не сесть. Тоже факт. И прискорбный.

– В восемь будем в Твери; к полудню в Москве. А зеленоградские даже раньше...

– Значит, спокойно разлагаемся ещё полчаса.

– А встанем-то — в такую рань?

– У меня будильник есть. Как чувствовал, взял...

– Поставишь на полчетвёртого. Чтоб в пять утра гарантированно выйти.

– ТАК ЭТО ТАКОЙ КАЙФ, РЕБЯТА!!!

: Топосъёмка показала, что суммарная длина основных ходов Бродяжкеей – 320 м. Всего. Но эти 320 м заключали в себе столько — что, казалось, мы будем ездить и ездить сюда. В эту маленькую уютную пещеру наших сердец.

Фантастически красивую и тёплую – тем теплом, что не измеряется приборами и градусами. Как красота не измеряется словом.

Потом будут иные зимние старицкие походы – встреча Нового года в Лисьей и подготовка в ней зимнего Пребывания, –

: походы с добрыми друзьями, новыми открытиями и новой радостью встречи с Красотой, –

: равного этому выезда не будет.

Такое ощущение возникнет во мне, когда с моего лица отпадёт ледяная корка на старицкой автостанции – и тёплый “икарус” понесёт нас заснеженными полями в Тверь...

И станет тоскливо и больно — и вместе с тем тепло и радостно свершившегося Нового Открытия Мира. Чудо которого никогда более не повторится – потому печаль неизбежна. Но к которому можно возвращаться в своей памяти раз за разом, заново переживая его прекрасно-светлые минуты, —

: видеть, как рука без перчатки бережно берёт перед тобой с пола сверкающий фиолетовым отблеском каменный цветок и кладёт его на полочку – ибо пройти, не наступив, невозможно, –

: как кружатся кристаллики снега в ночной темноте в свете налобника...

TECHNOLOGIA

Как было сказано, подземные разработки “белого камня” в окрестностях Старицы начались в незапамятные времена. Кстати, “старицкий мрамор” был не единственным видом известняка, добывавшимся в этом районе — строительные технологии во все времена требовали извести, на которую пережигались более мягкие известняки и отходы, остающиеся от добычи и обтёски “псевдомраморных” заготовок, так называемый бут,— более простого и лёгкого в добыче камня требовало мощение дорог и “залатывание прорех” в фортификациях после очередной военной баталии. Думается мне, и свойства “старицкого мрамора” открылись разработчикам не сразу — лишь со временем, ведя добычу разных пластов и убеждаясь в преимуществе одних перед другими, основные усилия каменотёсы сосредоточили на коммерчески более выгодных прослоях.

Подтверждает эту мысль большое количество древних печей для отжига извести, наблюдаемых на террасах у берегов Волги и первые вскрытые каменоломни “нижнего старицкого яруса” — исторически более древние, чем верхние. В них соотношение объёма освобождённых от камня полостей к объёму оставшихся под землёй бутовых отходов много выше, чем в исторически поздних каменоломнях — если в старых каменоломнях оно от 8 : 1 до 3 : 1 (при этом видно, что оставленный бут несёт крепёжные функции), то в поздних каменоломнях конца XIX÷ начала XX века это соотношение обратное — вплоть до 1 : 40. А то и 1 : 80.

: Это говорит о том, что в поздний период под землёй добывался лишь так называемый “дельный камень” — плиты и блоки-кирпичи строго конкретных размеров. Отходы за ненадобностью оставляли под землёй, за фронтом отработанного пространства. Очевидно, известь добывалась более простым способом. Да и спрос на неё в строительном деле упал — за развитием цементного производства (со своими карьерами-поставщиками).

Поначалу неспешно-медленная добыча (лишь для собственных строительных и фортификационных нужд) с годами набирала темп; росли мастерство и технические приёмы разработчиков, передававшихся в семьях от отца к сыну. Без сомнения, здесь следует отметить *автохтонность* старицких мастеров добычи камня — их разработки были плодом лишь их личного, самостоятельного опыта. А потому по своей топологической структуре и виду старицкие пещеры-каменоломни не походят ни на подмосковные, ни на какие иные. Можно даже сказать: в силу этой автохтонности, причём часто семейного типа, единого топологическо-ландшафтного стиля в старицких каменоломнях не прослеживается. Каждая разрабатывалась по своим семейным рецептам и в своё время; двух одинаковых средь них нет.

Схожи были лишь инструмент (находимый нами совместно с керамикой), крепёжный материал (при этом стили крепления сводов различны) и размеры известняковых заготовок.

Ко времени выхода старицких мастеров на уровень “общероссийской строительной значимости” не было нужды привлекать ни иностранных горных специалистов (что делалось при Петре и Екатерине для организации новых каменоломенных разработок), ни мастеров из иных провинций с традиционной добычей камня. Исключение, по-видимому, было сделано лишь при Иване Грозном – когда он повелел собрать в Старице мастеров тогдашнего “каменного дела” со всех волостей Московского государства для того, чтобы как-то компенсировать избиение старицких,–

— и то: прибывшие для работ поступали в распоряжение немногих оставшихся в живых местных специалистов – а значит, работали по их технологиям. В основанных ими заломках.

Но уже до Ивана Грозного добыча “старицкого мрамора” развилась настолько, что камень продавался в разные концы России – ибо, как признают геологи и историки каменоломенного дела в России, конкурентов ему было мало.¹⁹ Из летописей известно, что в XIV ÷ XV веках “старицкий мрамор” добывался для строительства в Твери и возведения церквей и прочих строений Спасо-Каменского монастыря на Кубенском озере; изразцы Астраханского кремля выполнены из старицкого камня. При этом, что не менее удивительно, Успенский собор в той же Астрахани (1710 год) и ряд церквей в Нижнем Новгороде построены из мячковского камня, добытого в каменоломнях Домодедовского района по берегам реки Пахры,– видать, всё-таки сильна была конкуренция различных производителей строительного известняка, и москвичи, коим везти камень до Астрахани было на тысячу вёрст ближе (имею в виду естественный водный путь в самосплавных баржах), предложили астраханцам более дешёвую цену.²⁰ Примечательно, что камень этот был добыт и привезён в Астрахань в годы “официального запрета” подмосковной его добычи — из чего можно сделать риторический вывод: *«строгость российских законов всегда компенсировалась их полным неисполнением»* [Карамзин].

: “Кушать хотелось” не только оставшимся без работы мастерам, но и пронырливым “частным” купцам-предпринимателям,– старицкий же камень практически весь в то время потреблял строящийся Петербург. Можно сказать, что “астраханско-нижегородский заказ” спас подмосковное каменоломенное производство от полного и окончательного упадка.

К древнейшим сооружениям Старицы относится Успенский собор, по-

¹⁹ «Всемирная история архитектуры», Стройиздат, 1966/72 г.г.; Грабарь И. Э. «История русского искусства»; Павлинов А. П. «История русской архитектуры» – СПб, 1984 г.; Азанчеев Ю. Д. «Каменоломни и разработки простых полезных ископаемых в России» – СПб, “Горный департамент”, 1894 г.; Азанчеев Ю. Д. «История каменоломенного дела в России»,– СПб, 1912 г.; Сперанский А. Н. «Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства» – Москва, РАНИОН, 1930 г.

²⁰ См. «Белый камень», А. М. Виктор, Л. И. Звягинцев – “Наука”, Москва, 1981 г.

строенный в 1550 году — его стены и опорные столбы сложены из блоков и плит на известковом растворе. Размеры блоков опорных столбов 50 X 25 X 36 см; размеры блоков стен (по высоте) 16 X 42 см. Пространство между рядами стен заполнено бутом из обломков известняка и валунов разных пород, скреплённых известковым раствором. На левом берегу Волги, у моста, расположена белокаменная Пятницкая церковь постройки примерно 1700 года – белокаменные блоки, из которых в два ряда сложены стены церкви, вытесаны из однородного известняка размером преимущественно 50 X 30 см; пространство между рядами блоков заполнено белокаменным бутом на известковом растворе. Площадка перед входом в церковь вымощена плитами из того же известняка – как и все архитектурные детали (карнизы, колонки, порталы); пожалуй, эта церковь – наиболее сохранившаяся из всех старицких строений исторического периода. Как свидетельствуют летописи, при строительстве Борисоглебского собора также использовался белый камень; остатки древнего земляного вала с наружной и, частично, внутренней стороны покрыты белокаменными плитами на известняковом растворе. Встроенные в подошву холма кузнецы XIV ÷ XVI веков “стопроцентно белокаменны” – включая полукруглую, поставленную “в распор”, кровлю из специально вытесанных блоков, скреплённых известковым раствором. И, конечно, большое количество старицких домов построено из известняка; их сохранившиеся старинные дворики, иной раз на метр лежащие ниже современного уровня мостовой, вымощены известняковыми плитами и вытесанными из известняка кирпичами. Как правило, это очень древние постройки – ибо развившееся в XIX веке местное производство кирпича (глиняный карьер располагался неподалёку от города) сделало более выгодным строить жилые дома из него, добываемый же камень шёл исключительно “на экспорт” или на строительство культовых сооружений.

Из старицких каменоломен в XV ÷ XVI веках белый камень доставлялся водным путём (вниз по Волге до устья р. Ламы, а затем вверх по ней) для строительства церквей в г. Волоколамске, в Иосифо-Волоколамском монастыре и в других районах северо-западного Подмосковья. В Смоленске в 1596 году была заложена крепостная стена, фундамент которой также сложен из старицкого камня.

Большое влияние на развитие старицкого каменоломенного дела оказало изъятие в 1764 году у монастырей вотчин и земель, а также “крепостных душ” (вот так: монахи православной религии владели крепостными рабами своей же веры!),– была сокращена численность монахов и их влияние на городскую и районную экономику упало. В силу чего ремесленники и крестьяне старицких и окрестных земель получили большую свободу, которой воспользовались: если до того камень в основном добывался для строительства культовых зданий и фортификаций (причём монастырское начальство указывало, где и сколько камня нужно добыть, поскольку было и заказчиком, и подрядчиком в одном лице), теперь его в больших количествах стали добывать для “частного жилого сектора” и “на экспорт”, продавая в условиях свободной рыночной экономики на весенних ярмарках, что устраивались на берегу Волги.

– Уже в XIX веке берега Волги у Стари-

цы были изрыты до такой степени, что верхние береговые уступы проявляются только в виде отдельных холмов – рукотворных известняковых “останцев”, – часть которых к тому же сложена глиняно-бутовыми отвалами, непригодными для изготовления извести. Ниже, вдоль берега реки, сплошное чередование остатков печей для отжига извести и обрамляющих бывшие входы в каменоломни холмов – отходов от этого производства.

: Такой рукотворный ландшафт. Настолько характерный, что любого, впервые попавшего в эти края спелестолога, невольно пробивает дрожь несидения на месте — и “руки сами тянутся к лопате и рамке” –

: основным инструментам для поиска и вскрытия рукотворных пещер.

— Как же была организована непосредственная добыча “старицкого мрамора”?

Ответ на этот вопрос можно получить, внимательно осмотрев сохранившиеся каменоломни и сделав из их топологического и ландшафтного анализа соответствующие выводы – вполне подтверждаемые старожилками и сохранившимися летописными свидетельствами.

: КАМЕНЬ В СТАРИЦЕ ДОБЫВАЛСЯ НА ДВУХ ГОРИЗОНТАХ. Наверное, это уникальный случай для Подмосковья, – как ближнего, так и дальнего. Ибо нигде более не встречается столь редкое сочетание: вскрытие долиной Волги сразу двух известняковых пластов, пригодных для добычи камня. Разделённых двадцатиметровым буфером прослаивающих пород — а потому не ищите в Старице “двухэтажных пещер”: разработки велись независимо, – единственное, что может подарить нам Природа (как в системах Бродяжья и Молоковская) – вполне проходимое, или *почти проходимое* соединение естественной раскарстованной трещины с верхней рукотворной пещерой. Соединение, по счастливой удаче выходящее нижней частью трещины (нередко – бортового отпора) в остатки нижней каменоломни. Или в достаточно большой естественный грот с текущим по нему потоком воды – изливающимся далее воклюзным образом (левый берег Ординского меандра) из склона холма или грифонным (Бродяжья). То есть – ниже уровня Волги.

Первоначально разработки велись на нижнем уровне, находящемся практически у уреза воды. А потому с транспортировкой добытого камня проблем не было. Однако, распространившись вверх и вниз по течению Волги от города Старица на расстояние до 20 км, эти разработки были прекращены: и далеко стало ездить до места работы, и Волга по весне частенько заливала пещеры – в силу плотности разработки слившиеся меж собой в практически одну непрерывную Систему < по некоторым оценкам от 500 до 1000 км суммарной длины ходов, – вот такие масштабы... >

Затопления нижнего яруса и массовые обвалы кровли вкупе с излишне удалившимися как от города, так и от речных склонов (вглубь горы) “фронтами выработки” сделали невозможной дальнейшую добычу камня в нижнем горизонте.

: Естественно, она переместилась наверх. Судя по всему, произошло это в середине XIX века; в районах, близких к городу, возможно, раньше. Точную

дату ещё предстоит уточнить.

Некоторые спелестоиистики связывают разработку верхнего яруса известняков с отменой крепостного права в России — “получив вольную”, крестьяне сами стали выбирать себе вид приработка, и, конечно, не могли отказаться от столь прибыльного дела. Которым можно было заниматься в осеннее и зимнее время, свободное от полевых работ; по весне добытый за зиму камень продавался, работники возвращались к полевым работам — в “антрактах” которых пережигали на известь случившийся во время добычи и обработки камня брак. На осенней ярмарке продавался и он, что было неплохим подспорьем в хозяйстве.

: Вполне возможно, что освоение верхнего яруса старицкого мрамора обязано очередному прогрессивному веянию власти.

Судя по виду и структуре верхних разработок (это подтверждают немногие оставшиеся в живых очевидцы), геологический известняковый блок, ограниченный с двух сторон оврагами-балками, а с третьей волжским обрывом, делился поровну меж семьями (хозяйствами) расположенной поблизости деревни. Каждая семья получала “надел” — пространство склона от одного скального выступа-обнажения до другого. И начинала бить из обнажения ход, отклоняющийся в сторону противоположной границы участка. Через какое-то время (или одновременно — это зависело от числа работников в семье и от того, могли-ли они нанять рабочих из других деревень) со второго выступа закладывался встречный ход.

Потому большинство сохранившихся входов в старицкие пещеры-каменоломни — “сдвоенные”. Начинаясь практически в одном месте, они расходятся вправо и влево: каждый к своему участку работ. Образуя свою *систему* — абсолютно непохожую на соседнюю. Ибо, как я уже написал, старицкое каменоломенное мастерство было не только автохтонным, но и исключительно индивидуальным.

Общим было лишь — помимо инструмента, изготавливавшегося на местных кузницах — подземная обработка камня. Прямо по месту добычи, в забое. Ибо под землёй камень влажнее, — а значит, легче поддаётся обработке, — и на поверхность не нужно тащить огромную бесформенную глыбу (из которой, может, и не удастся изготовить блок требуемых размеров и формы). А более лёгкий и удобный в транспортировке параллелепипед.

: В каждой семье практиковалась своя методика добычи. Свои представления, какой камень выламывать, как предварительно обрабатывать под землёй, — каким способом транспортировать глыбы на выход и в каком направлении лучше вести проходку.

Ибо: чем глубже в склон врезается каменоломня, тем дальше путь транспортируемой глыбы. Тем больше усилий. В тоже время — чем плотнее ходы, тем больше вероятность обвала. При частой сетке взаимопересекающихся ходов даже в случае обрушения кровли в одном месте можно продолжать разработку по другому штреку. Можно сделать упор на производство извести, — можно эту известь похерить (летом и без того проблем хватает). Сосредоточившись на производстве лишь заказанных “чемоданов”. Которые, в

зависимости от размеров и целей заказчика, подразделялись на следующие категории:

“Кабаны”, или параллелепипедальные блоки до двух метров длины шли на памятники. “Полуторники” в 1,5 аршина длины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины шли на строительство и на фундаменты. “Аршинники” и “третники” – исключительно на фундамент; некондиция и щебень – на приготовление извести.

— Кто-то применял для выемки камня лошадей. Кто-то таскал его на волокушах, на подкладываемых под глыбу катках-брёвнах. Иные семьи вывозили на тачках. Рельсовые пути в “верхних семейных” заломках не применялись, – по крайней мере ни в одной выработке данного типа мы их следов не обнаружили. Наверное, простой крестьянской семье, пусть и применявшей труд двух-трёх нанятых из соседних деревень родственников, устройство рельсового подземного пути было не по карману. Впрочем, сиё очевидно: ибо камень добывался не в одной-единственной штольне, а по периметру всей выработки. Так что ж: всю её оснащать рельсовыми путями?

: Не просто дорого — весьма и весьма трудоёмко. Даже если под “рельсами” подразумевать деревянные доски с набойкой по верху жестяной полосой (подобные “рельсы” были обнаружены в старой части подмосковной Системы Силикатная). А уж с учётом предельной извилистости старицких пещер-каменоломов...

: ну буквально ни одного прямого штрека длиннее десяти, а то и пяти метров (зависит от конкретной системы, то есть от принятого в семье типа добычи камня) не найдёте вы там.

Конечно, великое разнообразие типов выработки позволяет без сложностей ориентироваться в каменоломне, состоящей из нескольких случайно соединившихся “семейных систем”, – но оно же и путает. Особенно, когда нужно определить время и методы конкретной разработки.

– В общих чертах процесс добычи камня выглядел примерно так:

Наиболее здоровые мужчины трудились непосредственно в забое: окончании штрека или в отходящем от него в сторону “кармане”, – подсекая металлическими орудиями (клевало и клинья) камень по глиняным прослоям и случившимся трещинам (которых в пласте “старицкого мрамора” на порядок больше, чем в известняках подольского и нижнемячковского горизонтов). Потом камень выламывался и от него “отсекалось всё лишнее”. Основные рабочие инструменты были – кирка, лом, клевало, металлические и деревянные клинья, кайло для обработки камня и лопаты для отгребания щебня и глины. Разработку хода вели вдоль естественных, часто раскарстованных трещин – так было удобнее. А потому в старицких пещерах не только большая извилистость ходов (заложенных по многочисленным пересекающимся трещинам), – не редко одна стена штрека – изумительной красоты натёчная кора; противоположная – не менее красивая рукотворная стена из обломочного бута. Сложенного полукругом-контрфорсом плотно, изгиб одного угловатого камушка к изгибу другого, – пространство за ней заполнено мелким щебнем и

глиной “внакидку”.

– Думается, возведение столь красивейших стен не могло не быть своего рода творческой гордостью их строителей.

До весны изготовленные и обработанные в первом приближении “чемоданы” оставались в забоях – ибо вывозить на мороз пропитанный влагой камень тоже самое, что его сломать. [Потому версию, гуляющую в литературно-исторических источниках – что камень выволакивали на поверхность по подсыпаемому снегу – смело можно назвать бредовой: когда камень начинали вынимать на поверхность, никакого снега наверху уже не было.] В 2008 году в каменоломнях ЗК и УБДУК наша группа обнаружила несколько складов такой готовой продукции – по непонятной причине оставшихся под землёй. Плиты стоят вертикально, прислонённые плотно одна к другой; их размеры приблизительно 80 X 30 X 20 см. При этом интересно следующее: как минимум два из этих складов были замаскированы со стороны откатного штрека (по которому транспортировался на поверхность камень) бутовыми отходами, – щебнем и осколочным камнем. От кого пряталась продукция – от соседей-конкурентов или от купца-заказчика (“чёрный нал белого камня”!), теперь сказать невозможно.

Учёт добываемых блоков вёлся на стене заломки путём нанесения вертикальных сажевых чёрточек соответствовавшей добытым блокам длины и крестиков (вертикальных и диагональных); грамотные крестьяне также ставили у этих “подсчётов” дату выработки. Сажевые и резные граффити в старицких пещерах имеются, но в незначительном количестве; иной раз можно встретить пространные надписи, выполненные очень каллиграфическим почерком.

Младшие братья или сыновья разработчиков и каменотёсов приносили работавшим под землёй лучины и следили за светом [лучина требует под землёй очень бережного обращения – даже специально высушенная заранее еловая или сосновая щепка через несколько часов подземного пребывания набирает из воздуха такую влажность, что светить не способна, – а вот отравить угарным газом может запросто]. В некоторых каменоломнях лучины перед употреблением окунались в горшочек со смолой или маслом; в иных обходились без этих “излишеств”. Понятно, что смазанная смолой или маслом лучина горит лучше – но ведь и больше даёт дыма. Кто приносил рабочим еду – они сами, их жёны или дети – можно только гадать. Но известно, что еда и питьё были в глиняных кувшинах [найдены в достаточном количестве, причём с остатками заварки травяного чая в специальных берестяных плетёнках] и туесках; также обнаружены нами стеклянные бутылки. Специальные люди занимались крепежом сводов (крепи в Старице делали из любого древесного материала, но в основном мы находим берёзовые и осиновые), – иногда крепь возводилась из бута. Безусловно: предварительной обработкой добытой глыбы занимался специально обученный человек. И вряд-ли его, или поднаторевшего в добыче камня, имело смысл использовать на очистке забоя от бутовых отходов.

Впрочем – тут мы вступаем в область догадок. Что кажется логичным нам,

могло быть вовсе не очевидным для наших предков.

— Ещё раз повторю: в силу большого разнообразия не только “стратегических приёмов” развития системы ходов (то есть их плотности, длины и отношения заполняемого бутом пространства к свободному), но и тактических методов добычи камня, есть заломки, где принцип “добычи по естественным трещинам” не соблюдался; в некоторых Системах проходка велась “напролом”,— абы как или в поисках “более подходящего” для ломки известняка,— не взирая на пересекающие ход трещины. Так же в окрестностях Старицы много так называемых “пупков” — совсем небольших системок, длиной единственной штольни не более $10 \div 30$ м, или состоящие из одного единственного грота-кармана, где камень брался “разово” — для строительства конкретного дома. И далее система не разрабатывалась. Конечно, такие “ложные минисистемы” иной раз сильно портят настроение спелестологам, затратившим на их торжественное вскрытие целый выезд... И хорошо, если только один. Из чего следует вывод: *прежде чем кидаться с лопатой и кайлом на дно случайной провальной воронки или зримого надвходового обрушения, нужно как следует приглядеться к поверхности. И не побрезговать скрупулёзного хождения по оной с “рамкой”. Как и расспросов местных жителей (впрочем, занятие это на порядок менее продуктивное, чем внимательный осмотр склонов и их исследование лозоходством — к “особенностям старицкой охоты за пещерами” я вернусь в специальной главке-исследовании).*

— Как бы то ни было, неповторимая исключительность составляющих старицкие пещеры систем даёт при их посещении весьма положительный эстетический эффект — разнообразие размеров и типов ходов, бутовых стен, ландшафтных форм гротов-забоев при их существенной закарстованности, выражающейся в не меньшем разнообразии всевозможных натёчных и кристаллических образований,— имеются натёки знаменитого “лунного молока”; зимой ледяные булавы сталагмитов и просто фантастических размеров снежинки изморози украшают не только входы в Системы — в каменоломнях, достаточно вентилируемых холодным зимним воздухом, их можно встретить даже в дальних от входа гротах... Как-то удивительно-унисонно это разнообразие: созданное трудом людей и созданное Природой. Что не может не радовать глаз и той части нашей души, что ответственна за эстетическое восприятие Мира.

В некоторых Системах практиковалось оборудование небольшого, специально высеченного в камне, уголка под “мини-часовню” с соответствующей иконкой.²¹

В семьях, что практиковали вывоз камня на лошадях, погонщики лошадей (их называли “коногоны”) освещали свой путь масляными лампадками; позже — керосиновыми лампами. Конечно, наличие двух последних источни-

²¹ Иное мнение: найденные нами “культовые гроты” обязаны своему появлению гонениями на церковь в самой Старице, что устроили большевики по приходу к власти — богослужения переместились под землю. Насколько эта точка зрения права, гадать не намерен.

ков света определялось благополучием семьи. Что, в свою очередь, зависело от усидчивости в работе – и грамотно подобранного купца-заказчика. Ибо не каждый купец стремился по весне оплатить добытый камень в полном объёме его выработки; архивные записи свидетельствуют: случаи мордобоя по окончании расчёта были самым обычным делом.

Обычным делом было и пиратское “захождение” на чужие участки: зачем работающей семье тянуть ходы вглубь горы, когда можно вклиниться на участок ленивого соседа, от которого до выхода гораздо ближе?.. А потому в старицких пещерах смыкались не только ходы, начинавшиеся из одной точки склона, но и крайние, образующие при контакте с соседями характерного вида “сбойки”. Что неизбежно превращало (тем более, в отсутствии строгого маркшейдерского учёта) раздельно начинающиеся системы выработок в единую пещеру, охватывающую весь геологический блок. От оврага до оврага. В результате в пещерах верхнего яруса при средней длине ходов отдельной выработки в $300 \div 600$ м общая протяжённость “сбитой” Системы достигает 10 и более километров.

Если б не разделившие горизонт на блоки овраги – было бы много больше.

Кстати, это свойство старицких пещер всегда позволяет надеяться: даже если вскрытая “дыра” представляет собой вполне законченного и логичного вида выработку метров в 500 длины, это не есть конец всей возможной Системы. Коль с двух сторон её зримо не ограничивают овраги, это, скорее всего – только её Начало. Найди присыпанную бутом сбойку с соседней, не имеющей в наше время выхода на поверхность разработкой, – исследуй тяги воздуха, походи по поверхности и периметру вскрытой Системы с рамкой; сравни полученные данные со сделанной топосъёмкой, – послушай свою интуицию, внимательно приглядишься к буту, к рыжему боку обвального глиняного конуса —

— и Система “пойдёт”. С каждой присоединённой таким образом частью даруя новые километры ходов, сказочной красоты гроты, кристаллические друзы, натёчные коры и сталактиты. Гарантированно не тронутые лапой вандала.

ВЕСНА

Безусловно: май – красивейший месяц Старицы. Точнее, период с конца апреля до третьей декады мая.

... конец апреля — склоны холмов, обращённые к Волге, представляют собой сочетание лишь двух цветов: жёлтого, что от прошлогодней жухлой травы и листвы, и фиолетово-синего: пробивающиеся сквозь них весенние первоцветы фиалок и перелесков. Такое удивительное двуцветие — сквозь прозрачную паутину голых чёрных древесных ветвей. Приезжаем в наш базовый старицкий лагерь в двадцатых числах апреля – любуемся жёлто-

фиолетово-голубым ковром — и тем, как постепенно он сменяется зелёным цветом пробивающейся травы. Проходит первая неделя выезда — и вот уже все цвета вокруг нежно-зелёные, и не видно склонов за пышной древесной листвой и поднимающимися стеблями крапивы, папоротника, дикого лука и снытя — что так помогали разнообразить наш экспедиционный стол в лихие годы российских голодных перемен (вкупе с замечательно-деликатесным лягушачьим мясом и рыбой²²) —

: кажется, наступило самое настоящее лето,—

— и погода говорит: ну как можно не искупаться в текущей воде?..

Которая уходящим паводком каждый день предательски отступает от мостков, и их приходится передвигать вслед за ней — в день на полметра, на метр,— : действие, становящееся ритуальным в каждый майский выезд,—

И если в день приезда традиционное “отрывное бултыхание в Волге” провоцируется лишь нашей безбашенностью, выпитой водкой, да радостью от встречи с этим местом — через неделю вода прогревается настолько, что купаются все. Каждый день. С утра пораньше, пока готовится завтрак — и во возвращению в лагерь после осмотра очередной вскрытой дыры.

Или безуспешного шляния по волжским склонам в поисках оной.

Впрочем, “раз на раз не приходится” — даже выезд, начинающийся при тёплой, солнечной погоде, неизбежно кончается дождями и холодом. Окружающая зелень листвы затмевается пышным черёмуховым цветом — следует Традиционное Старицкое Весеннее Похолодание:

: ледяной ветродуй с дождём, а иной раз со снегом,— причём, что самое подлое, никакие народные погодные приметы в Старице не действуют. За годы убедились в этом. Целый день жуткий западный ветер гонит на лагерь потоки воды; к вечеру устанавливается ясная, пусть и не вполне тёплая, погода и западный горизонт являет нам заходящее светило радикально-красного цвета размером настолько больше обычного, что теория эволюции звёзд заставляет задуматься: *а понадобятся-ли билеты на обратную дорогу?..*

— согласно народной мудрости, это сулит прекрасную погоду на следующий день.

Что ночь при ясном небушке гарантирует в начале мая образцово-показательный колотун, переходящий в заморозки — это понятно. Но греет мысль, что завтра солнышко-таки восстанет из-за горизонта. И при чисто-ясном небе подарит нам...

: На следующий день ветер подло дует с востока, и возвращает нам тучи, дожди и снег, ушедшие в сторону столицы.

²² Слухи, что в Волге водится рыба, несколько не преувеличены — даже невооружённым удочкой взглядом видно, как она плещется, чуть не выскакивая из воды на берег,— вот только поймать её можно лишь сетью или динамитом. Червячков на крючках волжская рыба игнорирует начисто. А потому лягушачье и змеиное мясо в нашей голодной диете начала девяностых годов значилось в меню гораздо чаще, чем рыба.

Невысохшие за холодную ночь после вчерашних дождей вещи продолжают намочить. Дрова... ладно, не будем о грустном.

Хотя один эпизод привести можно. Ибо он передаёт всю прелесть и магнетизм наших майских старицких выездов.

: Сидим под морозящим дождём вокруг нашего костра. Ветер то гуляет по кругу, то дует одновременно со всех сторон, умудряясь одновременно ударять в спину потоками почти ледяной мороси, а в лицо — клубами кострового дыма. Но спать не расходимся: интересные гости, интересное общение. Однако, “сильно холодно”. И мокро. Дрова не горят — тлеют.

«Надоело это блядство!» — рычит Юра Кирин и удаляется куда-то во тьму. Через 20 минут возвращается, волоча телеграфный столб. Столб кладётся в костёр; пропитанная креозотом древесина разгорается. Все начинают чувствовать подобие уюта — одно плохо: уж очень воняют сгорающие компоненты пропитки. Так, что дышать у костра через некоторое время становится невозможно.

«Надоело это блядство!» — заявляет кто-то, подражая интонациям Кирина, — столб вынимается из костра. Дышать становится легче — но потоки влаги и холод делают своё дело.

«Надоело это блядство!» — вновь говорит кто-то — и столб возвращается в костёр. Мы начинаем согреваться.

Однако, дышать снова нечем...

: Сколько раз в течение ночи была сказана эта дежурная фраза, я не знаю. Ибо через пять-шесть повторов мне это надоело, и я отправился спать.

К утру столб сгорел.

Но пересидевшие непогоду получают вознаграждение сполна — после десятого мая всё устаканивается, приходит в норму — солнце светит и греет так, что кажется: вот оно, лето. Наступило.

Две недели назад вокруг — голые ветви деревьев. Да жёлто-фиолетовый ковёр под ногами.

Теперь — трава, крапива и папоротник чуть не до пояса. Деревья в весеннем цвету и вполне летней, пышной листве. Земля подсохла ровно настолько, что путешествие по склонам каньонов и волжских обрывов мата не вызывает, но копке поддаётся легко.

Волжская водица вошла в своё летнее русло и передвигать мостки больше нет надобности.

И купание не вызывает дрожи. Самое время...

— Увы! Самое время собирать рюкзаки и возвращаться в проклятый город.

: Мысль о Вселенской Несправедливости объединяет лагерь. И ведь, как правило, какой-то шурф уже почти вошёл в новую Систему («монтажка свободно шеволится под нижним краем плиты на дне раскопа!..»); во вскрытой дыре практически пробились через забутованную сбойку в соседнюю — из щели в дальнем углу дует поток пропитанного *подземным запахом* воздуха, и луч даже самой сфокусированной системы не пробивает закрасившего эту

щель мрака,— того *истинно подземного мрака*, что однозначно говорит: впереди пустота, полость,— в общем, осталось совсем чуть-чуть, и это понятно каждому,— и буквально одного дня не хватает, чтобы замкнуть маршрут, топосъёмочной команде («ну, двух,— ну, недели,— кстати, ещё не осмотрели район Белой Скалы: что, опять на следующий год оставлять?...»),—

Но проклятые городские дела и работы...

— Приходится сворачивать лагерь. Достигающий, между прочим, к этому последнему дню своего максимального комфорта и удобства — вплоть до того, что аварийный запас дров (которого так не хватало в пережитую непогоду!) недельным запасом пионерских костров высится на дровяной площадке,—

: Ясно, что когда вернёмся сюда в следующий раз, и следа его не увидим. А солнце светит так предательски-ласково...

В полном контрапункте с нашими кислыми рожами. Ибо одна мысль о штурме старицкого автобуса,— затем об аналогичной военной компании на перроне тверского вокзала... И трёх-с-половиной часах в проклятой электричке — увозящей прочь от этого дивного места в мороки городских проблем,—

... с гарантированно отключённой подачей горячей воды —

... и тупым сидением у телефона в ожидании звонка душегуба-менеджера с предложением “приехать и оценить объект” (делать который тебя могут позвать или не позвать, но коль не согласишься приехать и бесплатно оценить — не позовут точно),—

: У Ани Кролика просто истерика. Обыкновенная, отъездная. Лежит на поляне, вцепившись руками в пуки травы — и причитает/стонет:

— Не хочу, не хочу, не хочу...

— Чего не хочешь?

— Уезжать не хочу...

Но собраны рюкзаки. Дальнейшее промедление грозит всем очень большими проблемами.

— Уезжаем, уходим. До следующего раза:

...: Четыре раза в год мы приезжаем сюда и живём — каждый столько, на сколько может *оторваться от города* — и отсюда, из этого нашего лагеря делаем поисковые выходы вверх и вниз по течению Реки, разыскивая и вскрывая “новые старые каменоломни”,— этакий Свободный Поиск,— ну и просто *отрываемся от городской жизни*:

: Отдыхаем.

Потому что пещеры, “подземля” и сталактитовые красоты над-и-под нами — это не главное. Главное — внутри.

ГЛАВНОЕ ВСЕГДА ВНУТРИ — не только внутри нашей Земли,— внутри каждого из нас. Свободный Поиск, что ты можешь вести в себе, своей памяти и всей своей жизни,—

— Четыре раза в год: в мае, в июле, в ноябре и на Астрономический новый год 22 марта *мы здесь* — иное вообразить себе трудно,—

— *НО МАЙ...*

: С тех пор, как в 1982 году совки разогнали Чимганский фестиваль, для многих из нас *май не мыслим без Старицы*.

С тех пор *каждый май в Старице* —

..: Май в Старице — каждый год после отмены-запрещения Чимгана: в память о нём и теперь вместо него — **наш**.

— *Здесь, наверное, нужно сделать некоторое замечание,— ибо часть Никитского Круга всё-таки какое-то время продолжает свои майские поездки к ташкентским друзьям — организаторам этого дивного Праздника — той же памяти и общения ради, и показуя власти, разогнавшей Фестиваль, некий демарш — мол, вот мы всё равно продолжаем приезжать — но по мере отъездов наших ташкентских друзей “на Запад и на Юг” смысл данных визитов исчерпывается. Да и длятся они не долго. Так что через буквально три-четыре года в мае мы все собираемся в Старице. И продолжаем приезжать туда каждый год.*

До сих пор.

Помимо Никитского Круга на “майские иды” в Старицу регулярно выезжают наши друзья и партнёры по Подземле из Силикат, а также “сборная команда” Миши Сохина — состав которой каждый год меняется за исключением основного “экспедиционного ядра”: самого Миши, прозванного за свои спелеосвершения Подземоходом, и его неразлучного спутника по старицким экспедициям Андрея Парфёнова (носящего ник Маркшейдер и действительно являющегося профессиональным маркшейдером, а потому область его спелеоинтересов очевидна); в старицких экспедициях конца восьмидесятых — середины девяностых годов Мишу часто сопровождают Ольга и Паша Руссо (Гюрза и Крокодил; при этом Ольга — профессиональный геолог-полевик; Паша — профессиональный инженер подземной безопасности) и не менее профессиональный геолог и специалист в области рудничного дела, ветеран группы “Летучие Мыши” Юра Долотов.

Иногда к нам присоединяются наши коллеги из других городов — Питера, Самары, Твери, Ржева, Владимира, Одессы, Коврова (и конечно, из подмосковных Зеленограда, Александрова, Фрязино, Железнодорожного, Балашихи, Домодедово, Подольска), — в иных выездах принимают участие волею судеб оказавшиеся в Москве или Питере наши коллеги из Новосибирска, Челябинска, Томска, Ташкента, Екатеринбурга, Киева и даже Петропавловска-Камчатского. Такие совместно проводимые “междугородние спелеовыезды” традиционно именуются “звёздными”.

Экспедиция Сохина облюбовала для изучения нижний (относительно Старицы) левый берег Волги; “силикатный экспедиционный отряд”, состав которого периодически меняется в соответствии со сменой поколений посетителей этой Системы, делит своё внимание меж левым верхним берегом (район

Молоково – Федурново) и нижним правым (Сельцо, Осиновая, Подмётки).

Никитский Круг прочно врос в окрестности Лисьей и Щаповой горы.

: Каждый ищет своё спелеосчастье там, где ему кажется светлее.

— и обретает. С доброй завистью (которая, впрочем, не отличима от радости) к открытиям друг друга. Днём – Свободный Поиск и вскрытие новых Систем; по вечерам – гостевые визиты в лагеря друзей/конкурентов. Нередко затягивающиеся до холодного утреннего рассвета.

: Не могу сказать, что *все* старицкие открытия делались в самый последний день выезда (и тем более, выезда майского), – но тенденция такая, безусловно, просматривается. Возможно, связано это с тем, что дни наших старицких выездов всегда недостаточно-кратки; выезды эти редки – и то, что в иных обстоятельствах с лёгкостью может быть перенесено “на потом”, в Старице приходится делать “сразу, сейчас”. Потому что “потом” ещё хрен знает, когда наступит. И наступит-ли?

Вот и рвём метафизические жилы, пытаюсь впихнуть в полуторадневный выезд недельной задачи и работу, и отдых (а отдых в Старице не менее притягивает нас, чем героическая спелеодеятельность — такова эзотерика этого места; если хотите – его Главная Условность: та, без которой Старица – не Старица вовсе) — естественно, пик таких спрессованных недостаточным временем усилий падает на момент, когда душевно невозможно сказать себе: всё, хватит, хорош – *но приходится...*

А что в майском выезде мы проводим в Старице аж две недели “без отрыва от места” – так это только те, кому удаётся грамотно “задвинуть работу”. А удаётся такое далеко не всегда, и не всем. Даже в наши относительно свободные дни.

Но коль и удаётся — тот же самый эффект. Всё равно не хватает времени, не хватает дней.

: В мае 1985 года ставим лагерь на верхней террасе ущелья Каменки у Щаповой горы (7 км от Старицы вверх по правому берегу Волги). По имеющимся у нас сведениям там около пяти “гарантированных дыр” – и примерно столько же ждущих нашего открытия/вскрытия.

Состав выезда: я, Володя Байдан из зеленоградской компании Минотавра, ЮДА, Серёжа Барон – и наши жёны. Календарь дарует нам четыре экспедиционных дня: первое мая приходится на четверг – такая удача! — **но совдеповская власть рассуждает иначе**. Чем-то пугает её, что советский человек может на четыре дня оторваться от государственного ока. Хоть на даче, хоть в далёкой походной поездке.

— Да хоть бы и за праздничным столом, бля!

А потому воскресенье каким-то немислимым “автоматом” приплюсовывается то-ли к пенсии, то-ли к отпуску, – в субботу объявляют субботник. Явка на который строго добровольно-обязательна.

— Именно тогда родился дивный своей горечью анекдот: выступает на собрании перед тружениками парторг и объяв-

ляет, что партия решила по-новому переименовать дни недели – понедельник будет теперь называться начинальник (памятны были коммунистические названия годов пятилетки: Начинаящий, Продолжающий, Решающий, Определяющий и Завершающий), вторник – продолжалень, среда – решальник, четверг – определяльник и пятница – завершалень.

– А как же суббота и воскресенье? – спрашивает голос из зала.

– Так они уже называются: суббота – субботник, воскресенье – воскресник!

: С жутким скандалом (под совковое “ты что, лучше других себя считаешь? Тебе наплевать на коллектив! Смотри, в Первом Отделе припомнят тебе!..”) беру два дня за свой счёт “по семейным обстоятельствам” < здорово, правда? “За свой счёт”, то есть бесплатно буду потом работать на государство два дня за то, что пытаюсь воспользоваться вполне законными своими выходными! > – у меня полуторагодовалая дочка, и не позволить мне взять два дня за свой счёт начальство не может. Но может – потом – так обустроить мою рабочую жизнь, что “мало не покажется”. Зависть сотрудников тоже, кстати, сбрасывать со счетов нельзя — *с какого такого хера он не желает вкалывать на равных со всем коллективом?..*

Понятно, что “вкалывать” никто в эти субботники не собирается. Отношение у всех к государству по данному поводу однозначное. А потому коллективная попойка, начинающаяся уже зачастую “в рабочий полдень”, следовала в такие субботники *всенепрерывно*. Пили все – лаборанты и техники, завлабы и руководители отделов – сдвигая рабочие столы в некое подобие пиршественного и уже за неделю обсуждая во всех тонкостях раскладку, кто чего купит, по сколько скидываться и кто из дам чем украсит стол из продуктов домашнего консервирования и выпечки... Отказ от этой совковой пьянки приравнивался к плевок в рабочую душу коллектива. Но спрашивается: коль главным свершением подобного рода “бесплатных трудовней” была самая банальная пьянка, и уже за неделю до неё главная тема всех служебных разговоров была – “кто чего купит”, – а после субботника трясущиеся руки половине отдела просто не позволяли работать, — *какая экономическая выгода была государству устраивать подобного рода затеи?..*

: *СОВОК.*

– Но разве может он быть важнее пещер?

– А потому устремляемся в Старицу. Какие бы скандалы за это ни грозили. И прибываем в оную, поливаемую непрекращающимся весенним дождём. Под которым и проходит весь выезд – кроме, разумеется, самого последнего дня.

Как это обычно в Старице и бывает.

: Несмотря на осадки, работаем очень плотно – то самое желание вместить в краткий выезд программу недельной, как минимум, сложности – подгоняет лучше иных стимулов. Дожди и грязь под ногами – по барабану. Осматриваем Базовую – достаточно известную в московской спелеосреде и уже посещавшуюся никитянами, – за ней Угловую и Мокрую. На дне воронки находим полуоткрытую щель; расширяем – и входим в абсолютно нетоптаную камено-

ломню около 300 м длиной. Которую называем Слизняковая – пол входового грота покрыт их шевелящейся массой. По которой скачут лягушки. Судя по всему, все они – пленники трещины на дне воронки. Дырка находится неподалёку от Угловой и, судя по всему, обещает дать с ней соединение. Угловая, в свою очередь, соседствует в массиве Щаповой горы с Базовой... Но так далеко наши планы пока не распространяются.²³

По вечерам заслуженно отдыхаем под тентом у достаточного по мощности костра, – утро начинается с проклятий в адрес старицкой непогоды. Прочёсываем ущелье Каменки в поисках новых дыр – находим пять подозрительных мест, три из которых вскрываем. Результат: два незначительных “пупка” и одна очень красивая, но небольшая естественная пещера.

Вечером предпоследнего дня подводим у костра итог содеянного за этот выезд. ЮДА говорит, “что если бы нам ещё один день – можно было бы проверить одно подозрительное место в километре от нашей стоянки: дескать, видел он там лет пять назад нечто вроде входа в Систему...” То есть каменоломня там по всем признакам есть; другой вопрос: насколько взорвана, и удастся ли войти внутрь. Я говорю, что поскольку уезжаем в обед, то полдня у нас так или иначе есть – пока одни будут сворачивать лагерь, другие вполне могут “прогуляться” в это место. Так и поступаем.

В результате чего в почти указанном Юрой месте действительно находим вход — явно “нетоптанный”, полузасыпанный оползнем обрушившейся со склона земли. Расширяем его и входим внутрь. И сразу понимаем: это — Система.

А потому провожаем наших жён с ЮДА до Старицы, сдаём свои билеты в кассу автостанции – и возвращаемся к открытой пещере. К чёрту город с его совковыми заморочками — Подземля тянет, зовёт, – как можно уезжать, не завершив осмотр едва найденной пещеры?

: Оставив рюкзаки у входа, всю ночь гуляем по ней. В полном обалдении от открывшихся сталактитовых драпировок, кристального изобилия, – аметисты, кварц, бариты и кальциты, светящиеся после фотовспышки, – разливы “лунного молока” и ослепительно белых кальцитовых “дорожек” на идеально ровном рыжем глиняном полу...

Пещера получает название Лисьей. Ибо вход, через который мы проникли в неё – не единственный: как минимум, в трёх местах она соединяется с поверхностью через лисьи норы; соответствующие названия гротов Лисий Сральник, Лисья Лёжка до сих пор свидетельствуют о первых обитателях этой Системы. [Через несколько лет барсуки вытеснили лис, но первоначально данное название осталось.]

За время ночных хождений по ней убеждаемся не только в её неописуемой красоте, но и в “более, чем разнuzданных” экстрасенсорных свойствах: несколько часов не можем выйти из совсем небольшой внутренней системки,

²³ В 2002 году Миша Сохин повторно вскрыл Слизняковую; группа Юры Долотова, разобрав бут, соединила её с Угловой и начала работы по сбойке с Базовой. В 2003 году это соединение было завершено.

названной нами Крепость за контрфорсные формы тамошних бутовых кладок — каждый раз, когда мы садимся в изнеможении перекурить у места, через которое проникли в эту системку, Володя Байдан по какому-то странному стечению обстоятельств закрывает своей задницей шкуродёр-сбойку, через которую мы попали в неё,— слово Крепость приобретает и экстрасенсорный оттенок.²⁴ Мы находим (совсем недалеко от входа, как кажется нам) грот с невозможно красивыми прозрачными сталактитами — но удивительно: более в него не можем попасть. И Володя, и Сергей, и я в точности представляем себе это место — но при всех возвращениях в Лисью до сих пор видим там, где должен быть проход в полный рост, непроницаемую монолитную стену. Без каких-либо признаков обвала.

Как такое может быть, я до сих пор не понимаю — лишь знаю: МОЖЕТ.

... рыжие и ярко-красные глиняные обвальные конуса. Изрыгаемый нижним отверстием понора подземный ручей с небольшим водопадиком. Сажевые граффити — рисунки и надписи на стенах десятых и двадцатых годов XX века. Абсолютно ровный глиняный пол штрека — след давнего замыва Системы. Дымчатые срезы расколотых кварцевых друз в стенах — до четверти метра в диаметре. Грозди ржаво-кальцитовых соцветий. В омерзительно-мокрой белой глине — жеоды аметистов. Разноцветные, в том числе радикально-голубого цвета! — натёчные коры и сталактиты на одной стороне грота; против них — удивительной красоты полукруглая бутовая кладка: все камни неровной, осколочной формы — но как же плотно они пригнаны друг к другу! *Если это не хай-итиль “подземного арта” — то что тогда “подземный арт” вообще?..*

— Лисья становится самой любимой нами пещерой в Старицком районе.

Но увы: за всё приходится платить. За открытие Лисьей мы заплатили по полной программе — решив при утреннем возвращении в город опробовать “более скоростной”, как нам показалось сдуру, “ржевский вариант”. Чтобы успеть на работу. А если и опоздать — то не сильно.

: До Ржева мы действительно долетели мгновенно — на первом проходящем утреннем автобусе, менее чем за час. А во Ржеве наступил Полный и Трагический ОБЛОМ: *ибо само слово “электричка” в лексиконе ржевских обывателей не значилось, купить же билеты в проходящий поезд просто-напросто невозможно. Примерно за три часа мы добрались до Волоколамска на товарняке; там пересели в московскую электричку. Которая ползла до столицы ещё не менее трёх часов... А быть может, и все четыре.* < Что было потом на работе — отдельное повествование. > Но наверное, оно того стоило. Я не жалею.

Естественно, при планировании следующего выезда решаем ставить лагерь точно над входом в Лисью — ибо понимаем: теперь, отныне, эта пещера для нас — Главная Система района.

²⁴ Рекорд “крепостных блужданий” поставят в 1991 году Хмырь и Вит — они будут искать из Крепости выход 8,5 часов. *И это не чайники — спелестологи с весьма почтительным подземным стажем!*

И оборудованный над входом в Лисью лагерь становится нашим базовым лагерем при проведении всех дальнейших старицких экспедиций. Положение его так стратегически-удобно, что никому в голову не может прийти предложить какое бы то новое место: одновременная близость к Бродяжьей, Щаповой горе, Старице, Дохлой Барсучьей и Капкану говорит о столь многом, что подробно развивать эту тему нет смысла. На целых 17 лет – пока мы не решаем “волевым усилием” оторвать свои ‘хобби’ от эзотерически нагретого места и обратить спелеовнимание на Ординский изгиб Волги – Никитский Круг обретает свою вторую спелеородину.

Столь же важную для сердца каждого из нас, как и родные Никиты.

– НО! Если бы мы не решились потратить последние полдня на ничего не гарантирующий Свободный Поиск? Если бы отдали эти полдня заслуженному после совершённой работы и пережитой непогоды отдыху под ласково выглянувшим из облаков солнышком?..

А ведь и увидев “как бы вход” – могли со спокойной совестью вернуться в лагерь. “Да, там что-то может быть и наверное есть — но сейчас не до того.”

А когда станет “до того” – и места не найти, и вход рухнул. “Ну и фиг с ним — других, что-ли, мало?”

: *Как оно часто и бывает.*

Да, других не мало. Но Лисья – одна. За прошедшие 20 лет мы все поняли это.

... Через год, точно также в день майского отъезда из Старицы, пока наши жёны пакуют рюкзаки, мы с Тимуром и Длинным Кирой решаем “немного прогуляться на север” по склону от существующего входа в Лисью. Ибо развитие Системы зримо идёт на север – под девизом “дранг нах норд” мы уже прибавили к ней более километра новых ходов. И не далее, как утром этого отъездного дня, проломились с Тимуром из вскрытого нами завала в просто офигительное по своей красоте и размерам её дальнейшее “северное продолжение”, –

– да вот беда: свет наш уже скорее, не свет – катафоты. Но тайна не пройденной до конца пещеры повелевает, гонит – пусть хотя бы поверху, по поверхности, осмотреть все воронки и провалы, – насколько может уходить на север эта Система?..

: Влекомые то-ли зовущей спелеоинтуицей, то-ли не желающим размениваться на унылые лагерные сборы неутолённым зудом спелеодвижения, покоряем буреломы древесной мешанины склона и крапивные заросли — и получаем Достойнейшее Вознаграждение: вполне открытый вход шириной около полутора метров и высотой около полуметра. Как мы проглядели его за год – уму непостижимо. Впрочем, в окружающих его лесодебрях сам Спасатель Чёрт ногу сломит, а потому немудрено было проглядеть. Так утешаем мы себя.

Поскольку света у нас нет, в ход идёт берёзовая кора, намотанная факелами на сухие ветви кустарника. И с этими факелами – прямо в “цивиле”, в котором через полчаса возвращаться в город! – мы устремляемся вовнутрь. Ибо удержать себя на поверхности *психически невозможно*.

Решаем: только “прикидочно осмотреть”, что открыли,— удалившись внутрь не более, чем на половину берестяного запаса — и назад. Но остановиться не получается — гроты, натёки, сталактиты, кристаллы, новые проходы и штреки следуют один за другим...

: На поверхность, к сидящим на рюкзаках товарищам и жёнам, возвращаемся на спичках и зажигалках. Новая Система называется нами А-Лисьей; затем это наименование превращается в Алису. В честь бессмертной фразы Л. Кэрролла: «прежде чем лезть в какую-нибудь дырку, внимательно подумай: а как я оттуда вылезу?» — явном девизе спелестологии...

На следующем выходе убеждаемся: Алиса и Лисья — единая Система. И точно также, в последний день выезда, присоединяем к ним их дальнейшее продолжение — Тартар...

— Последний день выезда. Жуткий слом установившейся экспедиционной жизни — и такие открытия...

Именно в последний день нашего первого “ординско-старицкого выезда” совместно с группой Министра мы вскрываем Тристоун (его правую часть) — затратив перед тем две недели на создание 12 шурфов, из которых лишь два могут куда-то, когда-то (коль приложить совсем уж немеряные усилия), возможно, и вывести,—

: в последний день весеннего Ординского выезда 2003 года приходит понимание, как там разрабатывались каменоломни — и где, естественно, их нужно вскрывать на самом деле (а не где мы два года подряд пытались это делать),— то есть *теперь можно начинать копать всерьёз...*

Но приходится уезжать.

— В последний день нашей весенней экспедиции 1993 года вскрывается “самая сенсационно-скандальная” пещера Старицкого района — Капкан.

И столь много других замечательных Систем —

В последний день выезда.

Как правило — весеннего.

STERCUS

... К двадцатым годам советская власть “прочно и окончательно” утвердилась в Старицком районе. Город был на веки веков признан заштатным, уравнен в правах с окружающими деревнями и посёлками,—

: писал уж о том. В сельском хозяйстве и ремесленной промышленности произошли очевидные изменения, в результате которых что район, что город потеряли практически все источники своего дохода. Кроме добычи “старицкого мрамора” — по прежнему популярного как строительный камень, и как сырьё, необходимое для производства цемента и извести.

Ибо ещё в годы столыпинских реформ в Старице из горных мастеров организовалось две конкурирующие артели — достаточно кооперативно-

колхозных и рабочих по своей сути, чтоб вписаться в продиктованные большевиками порядки.

А потому их не тронули. Собственно, они одни и продолжали делать в городе хоть какое-то “промышленно-значимое дело”, — кустарям-ремесленникам при новой власти дорога в будущее была закрыта. Как и единоличному крестьянскому хозяйству. Включавшему в себя былой зимний “каменный приработок”, организуемый радетельными купцами.

: Город утопал в нищете и голоде, — артели процветали. Ценой упорного и, во всех смыслах этого слова, каторжного труда. Кто полагает, что добывался “старицкий мрамор” без пота — пусть попробует на досуге отколоть от монолитного пласта хоть одну стокилограммовую глыбу, вытесать из неё ровный параллелепипед — и дотащить до выхода из заломки. Из самого дальнего её забоя.

: Попробуйте, попробуйте. Замечательно приближающая к реальной жизни процедура — и весьма оздоравливающая ВНД.

Одна артель работала на правом берегу Волги в двух километрах по течению выше города; где работала другая, до последних лет было нам не известно.

Камень били уже не дедовскими способами, когда самый дальний участок Системы и на сто метров не удалялся от берега, — разрабатывали угол, образованный бортом оврага при его устье, и берегом Волги. Входы делали как из овражного склона, так и с берегового. В результате пересечения штреков вырабатывался квадрат — примерно 300 X 300 метров. Суммарной длиной ходов полуколонной выработки (ширина штрека до трёх метров, высота 2,5; толщина квадратного столба-останца — до пяти) около 20 км. Со стороны тридцати. В общем случае.

По крайней мере, столько успели наработать. Двадцать человек за двадцать лет работы.

: Камень давали, столь необходимый государству для преодоления последствий революционной разрухи, — и денежку зарабатывали. Исключая, конечно, годы военного коммунизма. А уж с введением НЭПа не на шутку развернулись — и технику новую стало возможным покупать, и взрывчатку, в горном деле необходимую. Камень, кстати, вывозили, как и в Никитской каменоломне: по рельсовому пути на лошадках. И штреки, в общем, похожие били. С крепежом, абсолютно не похожим на старицкий — и от никитского неотличимым. Местами настолько похожие на никитские системы ЖБК и Мартингал — что неизбежно возникло мнение: не иначе, кто-то из мартьяновских мастеров по окончании никитского промысла (его оборвало наводнение 1913 года) в Старицу на заработки подался.

— А что? Вполне могло быть. Уж очень выработка схожа — и, опять же: ни на какие иные каменоломни Подмосковья при этом не похожая...

: Наверное, они могли бы оснастить Старицу и вовсе огромными Системами. Если б продолжали себе добывать камень по избранной технологии: на краю-стыке каждого глубокого оврага и волжского склона проходили имев-

шиеся кустарные разработки насквозь, и вертели свои взаимопересекающиеся под прямыми углами ходы. До сороковых годов вполне могли подарить спелеомиру километров 50, а то и 100 новых замечательных Систем. Всё с теми же сталактитовыми драпировками и кристаллическим изобилием. С залами и гротами.

: Но не склалось. НЭП был нужен партии большевиков временно – чтоб страна маленько передохнула и хоть чуть-чуть покушала после продемонстрированных преимуществ военно-коммунистической экономики.

А затем всех “нэпманов” – к ногтю. Кого удушили налогами, кого – ГПУ. Кто вовремя понял, куда и откуда ветры дуют — уцелел. Тем или иным способом. Как, например, свидетель, поведавший нам эту историю. И те, что её подтвердили.

: 1929 год был объявлен Сталиным “годом великого перелома”. Переломали всё, что можно было переломать – и вновь взялись за бразды управления экономикой. Курс – на индустриализацию, милитаризацию. На грядущую мировую войну. Нэпманы, артели, кооперативы и прочие малоуправляемые и свободолюбивые элементы, воскресшие из пепла революции в двадцатые годы, пошли в расход – чтоб не мешались и не путались под ногами.

В расход были пущены и старицкие артели. В одну мерзопакостную ночь марта 29 года НКВД повязало мастеров в своих постелях. Накануне объявив о принудительной остановке работ по добыче камня. Наверное, чтобы никто не оказался “в час X” под землёй.

Об остановке работ остались характерные записи на стенах забоев.

О варфоломеевско-энкавэдэшной ночи – рассказы чудом уцелевших детей.

Добыча “старицкого мрамора” закрытым способом была остановлена враз и навсегда.

По освобождению города от немцев, правда пришлось организовать некое подобие добычи, – известняк требовало восстанавливаемое хозяйство, – организовали, как привыкли: под Молоково, в карьере открытого типа, трудились вольнонаёмные женщины (мужчин в районе не осталось ни одного, кроме присланной руководить тыловой номенклатурной сволочи) — и, естественно, эки. Которых пригнали из Торжка, из ИТК-14.

Архивные документы того времени, конечно, сильно подчищены – но вот бухгалтерскую книгу карьероуправления в городском архиве мне почитать довелось. И сделать из неё весьма недвусмысленные выписки.

: Финансовые расчёты карьера шли через НКВД.

Да, в общем, чего доказывать? Вся Старица знала, кто работал на этом карьере. На месте бывшей каменоломни. До семидесятых годов оставалась “колючка” на столбах, ограждавшая несколько бараков. Руины карцера высятся на красивом берегу Волги до сих пор.

НКВД вообще сыграло огромную роль в прекращении традиционного старицкого промысла.

В 1947 году Сталин принял Указ о запрещении “самовольного посещения” горных выработок и пещер. И прочих подземных объектов, до кучи. Ибо недра нашей страны принадлежат исключительно Государству, и только Государство имеет право там что-либо делать. Прочим не фиг. Понятно, что собственно Указ принимал ВС на своей августовской сессии, а не Лично товарищ Сталин,— *“но мы-то знаем, какая власть была и взаправду ВЛАСТЬ”* [А. А. Галич] — что делалось в нашей великой стране по прямому распоряжению товарища Сталина, что с его молчаливого одобрения, а что не делалось. Ибо планам его и мыслям противоречило. А по мыслям Сталина (или соответствующих чиновников-руководителей МГБ/НКВД) многовато старичан спряталось в заломках-пещерах и от победоносного артобстрела города Старица нашими наступающими войсками (а значит: слишком много уцелело свидетелей не столь ужасной оккупации города), и от двухнедельного заваливания немецких позиций подо Ржевом телами стариков и мальчишек. По мнению власти, спрятавшиеся под землёй являлись “дезертирами”. “Предателями народа и Родины”.

В принципе, в других регионах страны — где имелись пещеры и каменоломни — происходило “примерно тоже самое”. Плюс “зелёные эстонские братья”, что попрятались от установления советской власти в Прибалтике в сланцевых выработках. В одночасье превращённых нашим бравым спецназом в катакомбы.

Плюс очевидная мысль, опытом Великой Отечественной войны как бы подтверждённая: в каменоломнях можно не только спрятаться от любой власти, но и оказывать ей некоторое “сопротивление”. И вообще: слово “подполье” — подземное слово. Одесские большевики, например, свою подпольную типографию и запасы оружия где держали? Правильно: в катакомбах. Подальше от взглядов царских стукачей и жандармов.

Не могли большевики-коммунисты не учитывать столь вызывающий исторический опыт. Тем более, “в условиях перманентного обострения классовой борьбы” —

: Так что здоровая параноидальная логика в принятии этого Указа была. Слово “параноидальная” можно заменить на “эмдэпэшная”,— если кому не нравится мой диагноз. Коль не прокатит такая версия — что ж, пишите “советская”. Или “совковая”. Так даже будет вернее.

— В ознаменование этого психопатического Указа прошли по обоим берегам Волги от Калинина до Ржева сапёрные части НКВД из дивизии “Незабудка” — и взорвали к чёртовой матери все обнаруженные входы в каменоломни, карстовые пещеры (имелись в районе и такие — сказочной, между прочим, красоты) и даже барсучьи норы. Не удивляйтесь: барсук — первый помощник спелестолога, он свою нору в районе с каменоломнями всегда норовит выкопать как можно ближе к Системе, чтобы войти в неё и использовать её, готовую — вместо того, чтоб копать сотню метров от природы необходимых ему лабиринтов...

Повезло ещё, что входы в некоторые пещеры-каменоломни по окончании добычи камня были закрыты местными жителями (чтоб не терялись дети),

или замыты случайными оползнями. Часть входов просто ускользнула от внимания подрывников, ибо находилась слишком далеко от берега Волги, в бортах каньонов-оврагов. Или скрывалась непроходимыми зарослями летней “зелёнки”.

Так что чего исследовать – осталось.

: по крайней мере примерно четверть входов в пещеры верхнего, кустарно разрабатывавшегося яруса, уцелела.

Быть может – не четверть. Одна десятая. Всё равно спасибо.

А вот входы в каменоломни нижнего яруса – наиболее древнего и исторически ценного! – положили практически все.

Возможно, вместе с той самой рукотворной “печерой” – вырытой в старицких известняках киевскими иноками Трифоном и Никандром, – в которой укрылась от монгольского погрома легендарная старица.

Ну, советская власть — не дикие степные монголы. От неё под землёй не укроешься.

В последнее время на патриотической волне всеобщего обеления российской истории стали всё чаще задавать ехидный вопрос: а насколько вообще достоверна информация об этом Указе и взрывах пещерных входов? “Текст Указа – срочно в студию, плиз!”

: С текстом получается “не очень”. По крайней мере у меня. Нет доступа к охраняемым госархивам, – утешает, что не только у меня нет. У многих историков ВОВ тоже самое. Что поделать: мы живём в стране, в которой нет “срока давности” для многих важнейших государственных актов.

А вот с информацией об этом Указе и его реализации на практике чуть лучше:

Информация получена мной лично от руководителя диверсионно-десантного отряда особого назначения В. Калганова; её подтвердил ряд старицких старожилов при опросах 1992-1993 гг. Опрос проводился участниками нашей спелеогруппы совместно с местным отделением “Красных следопытов”. По счастливому стечению обстоятельств Виктор Калганов – мой двоюродный дядя. Он же – знаменитый десантник Борода, участник печально известного Крымского десанта, командир передового отряда Дунайской флотилии, проникший в ещё занятый немцами Будапешт по сетям городской канализации и взорвавший вначале офицерское казино, а затем, так же “из-под земли”, и штаб фронта; потом разминировавший канализационные системы Белграда – то есть фактически создатель и первый руководитель спецподразделения, ныне называемого “городской подземный спецназ”. Ему, одному из немногих в Советской армии, разрешалось носить бороду. Книга, посвящённая ему, так и называлась: «Отряд Бороды». О разминировании Белграда был снят художественный фильм «Проверено, мин нет».

В 1948 году во исполнение этого Указа он руководил уничтожением эстонских сланцевых каменоломен, в которых закрепились тамошние “зелёные братья” –

: Эстонские каменоломни просто взорвали со всеми “зелёными братьями”, сгрузив во вход две машины тротила. Такое нашли

решение, немцам под Аджимушкаем почему-то не пришедшее в голову.

– *На фотографии эстонского леса, снятые с борта “кукурузника” в апреле, мне, как спелестологу, было страшно смотреть. Будто изрыт лес кротовыми норами — только приглядишься к прутикам деревьев, вникнешь в масштаб — и понимаешь: не кротовые это норы, — катакомба...*

: ГЕКАТОМБА.

– И также были взорваны каменоломни на западе Московской области. И поблизости от Ленинграда и Москвы. В результате чего через тридцать лет мы, конечно, получили немыслимых сложностей прохождения и вскрытия лабиринты, — многие из спелестологов законно полагают, что самые сложные в техническом отношении не вертикальные пещеры и не гипсовые гиганты Подолии — а наши родные бывшие каменоломни, приведённые бериевской “Незабудкой” в состояние полного спортивно-тренировочного рая...

Но хотелось всё ж, чтоб таких незабываемых подарков в истории нашей было поменьше.

Справедливости ради, замечу: в Интернете не удалось найти текст данного Указа, — только ссылки на оный. Конечно, наивно полагать, что абсолютно все законодательные акты советской власти будут представлены в Интернете неким государственным доброхотом, — однако, и в профессиональной литературе упоминания об этом Указе не встречаются. Есть лишь косвенные доказательства его существования — отражённые в этапах развития горной промышленности и её структуризации и в соответствующих постановлениях горнодобывающих трестов и министерств, — и есть устные упоминания спелеологов и спелестологов старших поколений. Верить им или нет — личное дело Читателя. Но известно, что многие (вполне реальные) постановления власти в сталинскую эпоху, причём и по более важным государственным вопросам, принимались и воплощались на практике, не оставляя бумажных следов. О них знали, ими руководствовались при принятии решений, — попытки отыскать их в архивах бессмысленны. И что говорить о столь частных документах — когда даже о существовании “секретных приложений” к известному пакту Молотова-Риббентропа товарищ Горбачёв врал всей стране и всему мировому сообществу на голубом глазу (при этом не забывая осведомиться у своего помощника Яковлева: «Как, ты ещё не уничтожил эти позорящие нас документы?..»), —

— ввали о так называемой “докладной записке” Ватутина/Жукова Сталину о приграничном развёртывании наших войск и объявлении тайной мобилизации накануне Великой Отечественной войны, —

: ввали буквально обо всём —

Так что удивляться не стоит. Как и искать какие-то “следы” спустя столько лет. Мне лично вполне хватает упоминаний об Указе тех лиц, которым я доверяю. И тех следов эксплоссионного вида, что они оставили на месте многих пещерных входов. Например, в старицком районе Ордино. И в Баламу-

товском урочище. Ибо разведочные шурфы показывают: бывшее перекрытие входов не просто “съехало вниз”, как съезжает оползень,— при относительной сохранности боковых входов и разведочных штолен, севших по естественным причинам (не нужны они были разработчикам, а потому не крепились и от оползней не расчищались), привходовая часть откатных, то есть главных штреков, *зримо поднята в воздух*. Монолитные глыбы привходового козырька расколоты, разбросаны на несколько метров и при этом перевёрнуты; многие получили такое ускорение, что при размерах с дачно-садовый домик докатились до Волги. Причём приписать эти упавшие в Волгу глыбы естественному разрушению берега по трещинам бортового отпора сложно: каждая из них упала оттуда, где был вход в соответствующую “заломку”. С явно выраженным точильным рвом.

: Непонятно, какие ещё нужны доказательства.

Тем более, что А. Парфёнову удалось-таки найти в геологическом архиве Твери отчёт о взрывном уничтожении Молоковской каменоломни, проведённом “в связи с прекращением добычи камня”. И это очень интересный момент, имеющий прямое отношение к старицкой истории:

... когда в 1971 год встал вопрос хотя бы о частичной реставрации старицких церквей,— международный туризм приносил коммунистам вполне реальную валюту, и эксплуатация храмов Владимира, Суздаля, Переславля и Загорска в качестве туристических объектов себя *не просто оправдывала*,—

— а в Старице ещё и музей, числящийся в лейпцигском каталоге, и Имя Пушкина,—

— не покривив душой, приняли решение: отреставрировать хотя бы половину города. Ну, треть разрушенных храмов. Для начала. И пусть текут туристические доллары и фунты марок в хиреющий провинциальный городок... А из него, не задерживаясь — в область. Далее — в Москву. В министерство определённой культуры. И Совет по Туризму и Экскурсиям.

: решение приняли. И заказали камень... В КРЫМУ. Крымский молодой известняк-ракушечник. Что и от излишней влаги сыплется, как песчаник, и от мороза раскалывается...

ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ САМЫМ ЛУЧШИМ ДЛЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ КАМНЕМ, ЧТО БЫЛ — ПОД НОСОМ.

Но добытый современным карьерным способом (то есть взрывным) камень “по определению” строительным не является. Пригоден лишь в качестве щебня, или для производства цемента и извести.

Для получения настоящего реставрационно-строительного камня его нужно было добывать так, как он добывался спокон веку. В тех же самых геологических горизонтах. Только — современными промышленными технологиями. Что производительней и, наверное, дешевле раз в сто.

— Разве нельзя было это сделать? Разве дешевле было везти из Крыма ни к чему не годный ракушечник?..

: Вопрос, конечно, риторический. Поскольку каменоломни уничтожены-взорваны. И если “спелеология” в нашей стране бранным словом не являлась,— хоть употребление сего термина не сильно приветствова-

лось, по крайней мере в центральной прессе и в книгоиздательских кругах, —
ТО СЛОВА “КАМЕНОЛОМНЯ/КАТАКОМБА”... Объединённые с чьей-то журналисткой руки, как синонимы...

[...]

: *ЛАКУНА. In stercus политиканов с их навозными играми* —

ЛЕТО

... многие никитяне считают, что июль и август — лучшие месяцы Старицы. Не уступающие маю столь же, сколь Старица Зимняя не уступает летней. И наоборот.

Весна — лучшее время для поиска новых дыр; время закладки разведочных шурфов и оценки разделённых оврагами блоков на их спелестологическую значимость. Но климат в Старицком районе во время майских ид столь непредсказуемый, что планировать какие-либо серьёзные вскрытия на этот период нет никакого смысла.

: Как можно всерьёз вести речь о вскрытии Системы, когда шурф заливают потоки взбесившейся небесной аквы, а со склона течёт откровенный грязевой сель?.. В результате чего на каждое поднятое из раскопа ведро грунта приходится ведро грязи, ведро омерзительно мерзкой жижи — и пара ведер “просто воды”. + две-три истерики и одно, плавно растущее чувство: *бросить всю эту тряхомудию к Белой Дзуликой, Медной Паренди, Гному Шубину*, —

: Тент, конечно, спасает. До некоторой степени. Но когда жизнь в лагере сводится к поиску более-менее пригодных для горения дров — не до жиру. Не до педантичного осмотра каждого квадратного сантиметра подозрительного склона, когда просто бешенный ветер швыряет тебе в морду то снег, то дождь — а руки не находят иной опоры, кроме скользкой грязи. И даже цивильная одежда через пару/тройку часов такой “поисковки” мало отличается от комбеза. Не до дальних поисковых выездов, когда машины вязнут в непролазных гавнищах дорог, а Волга и овражные речки выходят из берегов, ставя вопрос о водоплавающих свойствах пенополиуретановых ковриков и спальных мешков.

Да — никакой экспедиционный выезд Никитского Круга (что выезд: простой поход!) уже давно не мыслим без костровых тентов, закрывающих от осадков всю главную поляну лагеря.

Да — палатки наши не протекают и у каждого есть аварийная персональная газулька или бензиновый примус.

Да — во время экспедиционных выездов на три наших “жигуля” или “москвича” приходится один “уазик”, обладающий достаточно вездеходными свойствами. И одна “Нива”.

Но в том-то и состоит психология нормального человека (то есть спелестолога хоть с каким-то реальным опытом экспедиционной работы), что

результат выезда не может быть оценен без учёта затратной части.

Пусть вскрыта каменоломня – коль ради одного реально рабочего дня по её вскрытию силами двух человек 10 рыл неделю томились лагерным бездельем, сражались с непогодой или банальными бытовыми трудностями (чинили машины, выкапывали их из грязи, гоняли в город за каждой мелочью, занимались банальными разборками или постельно-лидерской грызнёй) — ЭТО НЕ РЕЗУЛЬТАТ.

В тоже время результативным может считаться выезд, на котором пусть и не было вскрыто ничего нового — тем не менее, погода была прекрасная, лагерная жизнь кипела весёлыми приколами, народ ни в чём не испытывал недостатка, а вечера ласкали слух любимыми песнями — и пусть ни один из 10 заложенных шурфов не вышел в ожидаемую полость, все ощущают: *пришло подлинное понимание этого места,— этого блока и того, как когда-то в нём добывался камень,—*

: даже если понимания такого не пришло, но была написана хоть одна новая песня, сложен новый спелеоанекдот —
— Выезд удался.

С этой точки зрения июль и август, конечно — лучшие месяцы Старицы. Сулящие самые плодотворные открытия и свершения.

: даже осина горит в летнем костре, как порох — какие проблемы с дровами?

Нет ни какой необходимости прикрывать творимый шурф струпьями рвущегося на ветру полиэтилена,— не достают проклятые комары, а вес вынимаемой из раскопа породы складывается только из веса этой породы. Без капли влаги.

Тёплая волжская вода смывает пот любой усталости; грибы и ягоды существенно дополняют походный рацион. Как и рыбная ловля.

При желании (или необходимости) рацион можно разнообразить лягушками и змеями,— где они в холодном и абсолютно непредсказуемом в погодном отношении мае?..

Слово “непогода” в лексиконе отсутствует напрочь; случайная гроза — в радость.

В 1992 году наши палатки всё лето простояли в лагере над пещерой Лисья — кто-то приезжал, кто-то уезжал,— кто-то жил постоянно. Ковровская компания Киса сменялась Никитским Кругом (состоящим к этому времени уже из единой общности *спелеодрузей* — вне зависимости от того, “who made who”: Силикаты, Кисели, Никиты, Бяки иль Сьяны); группы из Москвы чередовались с тверскими и ржевскими командами,—

Анжела и Лиса на всё лето “забили на проклятый город” — они были хозяевами нашего лагеря. Я приезжал к ним на две-три недели в паузах меж высотных работ; писал за околокостровым столом “Последнюю Каплю Стактита” — созерцая в паузах “затыкающихся строк” просторный пейзаж долины Волги с пятидесятиметровой высоты. Когда кончались продукты, подрабатывали у местных на огородах. Переловили в качестве мясных деликатесов всех калошинских лягушек и змей. Грибы и ягоды были столь же при-

вычным блюдом, как волжская рыбка.

Которой по мере везения снабжал нас главный рыболов Никитского Круга Юра Кирин. А так как Юра не только главный никитский рыболов, но и главный никитский художник — частенько его творческий зуд реализовывался по соседству с моим: рядом на пентагоном бревне. В декоративном преобразовании берёзового капа замысловатой формы, “доведении до истинно художественного вида” добытой в бутовых отвалах аметистовой или кварцевой друзы — или перед походным мольбертом. С задумчивым посасыванием кисточки, обмакнутой пред этим в медовую гуашку. [Юрина картина, на которой нарисован наш летний старицкий лагерь этого года, украшает одну из стен моей квартиры — даруя столь светлые воспоминания, что рука при невольном взгляде сама собой тянется к сигарете.]

— Через день мы с Лисой удалялись в Старицкий архив: районная власть даровала нам допуск на его спелестологическое обследование. Время от времени я писал статьи в местную газету; встречался с ветеранами и краоведами-любителями. В деревнях опрашивали местных — кто хоть что-то помнил о разработках камня в районе.

: Собрали такой урожай, что анализировать его можно годы.

Попутно искали землю для строительства коттеджей запланированного туристическо-спелеонавтического комплекса.

Вечера проходили у костра в окружении старицких гостей — коптящийся в можжевельнике и ольхе курёнок, гитара или магнитофон. И байки-рассказы. Наверное, в то лето всё старицкое начальство и “творческо-техническая интеллигенция города” перебивали у нашего калошинского костра. Вплоть до председателей окрестных колхозов. (С которыми нам пришлось вести суровые, но неизбежные споры о принципиальной недопустимости *продольной распашки склонов* над каменоломнями,— сводили их в несколько пещер, расположенных под распаханнми таким чудовищным образом полями,— показали пару колоколен, в которых “до первого весеннего трактора” оставалось уже не более метра явно поверхностного суглинка — добились запрещения на распашку этих полей. Причём не только продольную, что просто зверски разрушала склон — но и поперечную. Конечно, не ради сохранения наших любимых каменоломен — ради сохранения их тракторов и комбайнов. Смайлик улыбки.)

— Ночью, когда над Волгой повисал непроницаемо-белый туман, купались под его покрывалом в будто парной, невесомо-неосязаемой воде.

— А какие гости приезжали к нам “из далёкого далека”! — кто на вечер, кто на день; кто на неделю. Игорь Башкиров [Пюля, “бывший никитский алкоголик”, уехавший/бежавший в 1986 году в Чехию], рискнул провести “на исторической родине” свой отпуск университетского преподавателя русской литературы — приехал в Москву, вечер провёл с родителями,— затем позвонил мне. И весь отпуск потчевал нас у старицкого костра рассказами о том, как его друзья в Праге организовали фирму коммерческого спелестологического туризма. Чередуя прикольные байки о тупых, но

богатых западногерманских спелеододиках балладами чешского барда-диссидента №1 Карела Крила.

Завораживающие воображение рассказы Пюли, а также ежевечернее общение со старицкими туристами и байдарочниками, сотрудниками местного краеведческого музея, музыкальной школы, редакцией еженедельного “Старицкого Вестника” и даже “отцами города” – проявившими к нашей спелестологической деятельности недюжинный интерес – и сподвигли нас на создание вначале “неформального объединения” РОСС [Российское Общество Спелеонавтики и Спелестологии]; затем на учреждение коммерческой фирмы “Паренди”. Исключительно для реализации совместного московско-старицкого проекта, в котором спелестологический туризм (с опорой на иностранных гостей) мыслился базой, необходимой для проведения спелеонавтических пребываний.

Всё началось с вечерних костров этого нашего летнего лагеря.

Фрэнк [Лебедько Андрей, в то время Главный лесничий Камчатской области] приехал в Москву на операцию по коррекции зрения — остался у нашего костра на месяц.

Чета американских туристов, совершавшая кругосветный велопробег, гостила у нас сутки. Вместо намеченной по плану двухчасовой остановки с заходом в Старицкий музей (где мы их и встретили).

Группа питерских байдарочников, задумавшая покорить Волгу от истока до устья, остановилась на днёвку на “аэродромной” террасе неподалёку от нашего лагеря. Осмысленность задуманного ими мероприятия мы обсуждали с капитаном их команды примерно сутки. В том числе под сводами Лисьей.

Ученики Серёжи Лещины стали постоянным местным фоном; сам Серёжа дал два замечательных концерта в городе.

: Сказочное было время. Случившееся в столь прогарных временах, что приезжавшие из Москвы, не скрывая, завидовали нашему “бегству от действительности” – и поедая крапивно-лягушачий супчик, причитали о том, что “в городе сейчас творится самый настоящий голод и безработица”, а у вас тут —

— что нам были их слова?

Наше спокойное бытиё включало совсем иные слова и мысли:

REQUIEM

— Я живу вне времени, меж времён,
Где осенний лист от дерева отторжён
Жарким летом в сумерки ранним утром
Где в секунду вдруг обернётся день
И из точки в линию цедя тень
Превращается в день секунда

– Игорь, Пев, и Коля! Бумажный лист,
Вдоль строки строка, словно гибкий хлыст –
По кишкам извилин скребущий Янус
Между сном и болью стоит тоска,
Меж Землёй и Небом висит строка –
И неспешно жизнь переходит в анус

– Боже! Всё, что есть на моей земле
Предано огню и в седой золе
Погибает суть саламандрой смысла, –
: Мир един. И смерти у жизни нет
И звучит, и рвётся вовне ответ
Из петли, в которой душа повисла

ПОДЪЁМ

От Старицы до нашего лагеря было около 5 или 6 километров. Вначале грунтовая дорога, затем тропинка вела вдоль берега Волги. В общем-то, небольшое расстояние. Сходить в город по каким-то делам или за продуктами не очень напрягало. Особенно в хорошую летнюю погоду.

Но в дождь... По весенней или осенней распутице...

Что и говорить – возникали проблемы. Ибо большее время года в нашей стране не дороги. А направления – чавкая по гавнищам которых, пребываешь не в самом светлом расположении духа. Особенно когда на твоих кирзачах килограмм по пять налипшей глиняной суспензии, а шмотник откровенно ломает спину.

И каждый второй шаг сопровождается изворачивающим голеностоп про-
скальзыванием. Каждый третий – погружением в засасывающую яму, поверх-
ность которой внешне неотличима от окружающего пейзажа, –

: Шествуем в Старицу, стремясь не опоздать на автобус – билеты на кото-
рый благоразумно купили заранее, – но чувствуем: неизбежно опаздываем. Ибо
и в дыре своей засиделись, по обыкновению, и реальная скорость движения в
случившийся “доннерветер” явно ниже рассчитанной.

После очередного проваливания в предательски скрытую гавнищами яму
останавливаюсь, пытаюсь стряхнуть с сапог хотя бы два-три килограмма
налипшего на них глиняного гавна – и начинаю материться.

Юра Кирин, бредущий по тем же гавнищам впереди, тоже останавливает-
ся. Некоторое время безуспешно отряхивает со своих кирзачей налипшую
суспензию, затем смотрит на меня – и ласково произносит:

– Командор... Я только сейчас понял: *сколько гавна в нашей стране!*

: Как-то это поддерживает силы. И даже
увеличивает скорость движения. Настолько, что на автобус удаётся не опоз-
дать.

Но даже в “хорошую летнюю погоду” пройти эту дистанцию иной раз было не просто.

: Ибо “мало мы на себе никогда не носили”. Потому что и комфортное бытиё любили традиционно — неотделимое, к примеру, от некоего музыкально-магнитофонного устройства со всеми подобающими аками и кассетами (обязательное присутствие в лагере гитары все обсуждений), и чтимые на выезде книги,— и спелестологическое вскрышное оснащение “мало не весит”.

А уж когда ты приезжаешь на две недели с одной только мыслью: всё это время не видеть никакого города, даже Старицы — и несёшь соответствующий запас продуктов...

Помимо общелагерного снаряжения. И всего того, без чего мы себе настоящий отрыв от города не представляем.

Не буду причитать, насколько увеличивается вес твоего рюкзака, когда ты приезжаешь в Старицу с маленьким ребёнком. Своё, говорят, не весит. Даже сидящее на шее поверх рюкзака. С ежеминутным «папа, папа!..»

: не доходя ста метров до лагеря у идущего по летней жаре кончались самые последние силы. В дождь, осеннюю или весеннюю слякоть, было аналогично.

Но последняя сотня метров перед лагерем — подъём по склону на высоту порядка пятидесяти метров. А может, и чуть больше. Ибо лагерь находился у верхнего края обрыва.

Этот подъём мог сломать любое настроение,— отнять, высосать самые последние силы.

: Поскольку деваться было некуда — приходилось подниматься.

Сколько раз в своей жизни я прошёл этой дорогой и задышался на этом последнем предлагерном подъёме — не сосчитать.

— было время, когда мы в Старицу ездили каждые выходные. Как в родные Никиты.

И каждый раз поднимались на этот проклятый подъём.

Каждый раз спасало: за этим *последним подъёмом* — уют нашего замечательного лагеря. Друзья. Отдых.

И главное: Пещера, погрузиться в которую, не поднявшись на этот подъём — невозможно.

Под тяжёлый ритм шагов, поднимающих тебя к цели.

И неизбежные капельки пота.

ТОССАТА

Заклинанье небес,
заклинанье светил,
заклинанье звёзд —
вожделенье чудес,

возжеланье мерил,
восхищение грёз —

Легче тела — душа,
что опишет дугу — траекторию — взлёт —
Твёрже дела — земля,
что очертит предел, за которым полёт.

: Каплей лёгкой дождейки
стекает усталость —
— И ПАДАЕТ ВНИЗ:

— Мы идём.
— Мы вдвоём.
— Мы поём:
ПОГРУЖЕНИЕ ВВЫСЬ

ЛАГЕРЬ НАД ЛИСЬЕЙ

: если “выезжаешь” так, как каждый год это делаем мы — что может быть важнее удобного, хорошо оборудованного лагеря?.. Чтоб дрова были под рукой, но не мешаясь у всех под ногами; сиденья вокруг костра располагались на достаточно удобном от него расстоянии: чтоб не было ни слишком жарко, ни холодно в сырую и ветреную ночь, и не мешал дым, откуда бы ни задул ветер, а сам лагерь мог одновременно вместить достаточное количество народу — без лишней толкотни и скученности — и в то же время чтоб в нём не было слишком просторно и одиноко, когда ты приезжаешь сюда вдвоём или втроём...

: *Или совсем один* — как тоже бывает. Иногда.

— Вот как это было устроено у нас:

Небольшая полянка на самом краю обрыва, ниспадающего в Волгу почти вертикальной зелёной стеной,— красивый ступенчатый откос, на котором почти отвесные участки чередуются с ложбинками точильников, откатными террасками и выпуклыми контрфорсами бутовых отвалов. Вполне, впрочем, скрытых густыми зарослями полевых трав, цветов и папоротников. Чёрно-белые стволы берёз — по странной прихоти судьбы примечательно изогнутые против входов в пещеры²⁵ — и осиновые исполины разделяют заросли орешни-

²⁵ Эта “указующая на входы” корявость берёзовых стволов годы служила в нашем Кругу темой самых фантастических спекуляций — от “вполне научных”, основанных на предположениях о неких травмах, полученных молодыми деревьями во время добычи белого камня (как явно не старше, чем в полвека

ка, черёмухи и ольхи. Снизу — от берега Волги наверх, к нашей поляне — ведёт узкая тропка: мы пользуемся ей, когда спускаемся купаться. За питьевой водой ходим в соседнюю деревушку к артезианской скважине, — там очень хорошая вода, и идти недалеко: каких-то 500 метров.

“И обратно примерно столько же”.

Деревушка называется Калошино.

И около неё — прямо *под* нашим лагерем находится любимейшая всеми нами пещера Старицкого района: Лисья, открытая в “финальную ночь” майского выезда 1985 года.

— Точнее, лагерь *был поставлен над* ней: тем же летом. Как временный. Только для исследования этой Системы — но прошли годы (а затем пара десятков лет), и все убедились: нет в этом мире ничего более постоянного, вечного — чем, якобы, временное.

: Центральная полянка маленькая, совсем крохотная. Заросли черёмухи отделяют её от поля, горб которого внушает мысли о шарообразности Земли. Третью или четверть — костёр и уютно расположенные вокруг сиденья из брёвен, по традиции называемые ‘пентагоном’. И костёр, и сиденья находятся под большим старым деревом, верхушка которого когда-то обломилась, и теперь навесом накрывает это место сверху, упираясь сухой кроной в землю с другой стороны костра. В жару и непогоду поверх этого естественного навеса удобно натягивать тент для защиты от дождя или солнца; от ветра со стороны обрыва сиденья защищены плетнём-изгородью из переплетённых ольховых стволов. Защита скорее номинальная, чем физическая — но Красота действительно спасает мир. Как физически действующая видимость, провоцирующая состояние уюта и защищённости — так и вполне материально. Ибо при очень уж нестерпимом ветроуде можно накинуть на этот плетень полиэтиленовую плёнку. И ветер на полянке кончается — зато укрытые от ветра пентагоновые сиденья начинают окуривать закручивающийся каруселью дым...

Что, конечно, тоже красиво — коль созерцать этот процесс со стороны. Из палатки. По возможности не очень громко комментируя метания по околокостровому пентагону спасающихся от дыма товарищей.

Конечно, у каждого из ветеранов лагеря есть своё любимое место на костровом “пентагоне” с сопутствующим, своими руками оборудованным сервисом — пеньком-опорой для спины (он же столик для удобного принятия пищи), — моё место, например, оснащено письменным столом, воздвигнутым

дерево может получить “травму” во время разработки каменоломни, закончившейся 100 лет назад, для меня осталось загадкой — но кто-то в этот материалистический бред верил, или по крайней мере делал вид, что верит) и предположениях о сомнительном мутационно-климатическом влиянии дующего из входов пещерного воздуха — до чисто эниологических фантазий о некоем “информационном влиянии” каменоломни на расположенный перед входом ландшафт... [Последняя версия этой связи звучит так: пятидесятилетние кривые берёзы получили свои травмы во время НКВДэшных взрывов старицких пещер, — возможно, эта версия не столь спекулятивна, как прочие.]

из деревянных досок меж пентагонным сиденьем и обрывом, ниспадающим к Волге — вид с моего “творческого места” открывается просто фантастический... Для творчества в ночное время суток на ветви сухого дерева, что прикрывает “пентагон”, подвешивается головка осветительной системы, имитирующая настольную лампу. (Мысль, что можно просто писать в налобнике, “тонкого эстетства” не содержит — а потому отвергается мной сразу и навсегда.) Когда пишу, сижу спиной к тёплому костру — когда у костра намечается какое-то общение, разворачиваюсь спиной к столу. И внимаю. В этом случае стол можно использовать, как опору для спины. Что тоже удобно.

..: Утром Солнце, а ночью Луна встают за черёмуховыми кустами, дающими лагерю прохладную утреннюю тень (майское предхолодовое цветение укутывает их пышной, ни с чем не сравнимой, кипящей белым и розовым, пеной); восход светил можно встретить, забравшись на одну из исполинских берёз или осин, что высятся меж кустов черёмухи и лещины — но можно просто выйти на поле.

Заход Солнца вечером и ночью Луны — наши:

: Солнце садится точно против нас за другим берегом Реки, и каждый вечер это дарит ни на что не похожее, необычное по своей красоте зрелище: *закаты в Старице — это такое диво...*

Оставшаяся часть полянки — свободная; палаток мы на ней никогда не ставим. Это очень красивое место, обрамлённое кустами орешника, и мы используем его для отдыха — “полежанок” на пенках вокруг нашего любимого поля для сражения в “жучка”²⁶, или как место общего сбора, когда в лагере собирается много народу.

: Палатки обычно ставятся между подступающими к обрыву берёзами и осинами — на небольших прогалинах, не занятых подлеском, и у каждого из нас есть, словно любимый грот под землёй, маленький расчищенный пятёчок с

²⁶ Вообще-то эта игра называется “мандавушка” — потомок древнего морского “триктрака” и арабского их варианта, известного как “нарды”, — я привнёс её в 1986 году в Никиты, почерпнув у полярников, с которыми работал в ГРМЦ. В спелеоверсии мы пользуемся стеклоточное шахматное поле и несколько вариантов игры, самый краткий из которых занимает около 20 минут — самый продолжительный может длиться двое суток. Попытки переименовать её хоть как-то “более литературно” ни к чему не привели — латинский неологизм, образованный от “pediculus” + “ludus” [pediludus] оказался не более жизнеспособен, чем эвфемизм “жучок”. Хотя некоторые смаковали его, как древнее латинское ругательство. Не в пример обиденному для Руси слову “мандавушка”, матерный корень в котором многие просто не замечают. Но как бы ни называлась — эта игра стала в Никитском Кругу *воистину культовой*; представить без неё хоть один наш старицкий выезд или подземное Пребывание я лично не в силах. О чём сполна поведал в “Долгой Ночи у Костра” и “Белом Камне”. Самое удивительное — она начисто вытеснила в нашем Кругу столь распространённые в иных спелеокомпаниях карты, домино, шашки и шахматы. Что, наверное, говорит о ней лучше иных аттестаций.

канавками для отвода воды в дождь и прогалиной-окном меж окружающих кустов орешника: сказочный вид с высоты на долину Волги —

— или на соседней полянке за небольшим овражком, меж кустов орешника и ольхово-черёмуховой поросли.

Первоначально мы эту полянку никак не использовали — чтобы попасть туда, приходилось или штурмовать овражные склоны, или продираться сквозь ольхово-черёмуховый бурелом, что ограждал полянку со стороны поля — но так как ютиться в тесноте вокруг костра никому не хотелось (на майском выезде 1989 года нас было более 20 человек — он впервые проводился совместно с “Детьми Сталкера”; удобные же палаточные места меж кустов лещины “с видом на Волгу” были заняты ветеранами лагеря), сама собой возникла идея сделать через овраг мост. И “обжить” полянку, что до того крыловским виноградом приковывала наши взоры.

Буквально за пару часов через овражек был перекинут изящный мостик: пара брёвен, и привязанные проволокой поперёк них половинки расщеплённых поленьев,—

— а уже к вечеру в лагере прочно привилась новая традиция: как только у костра пара ‘интеллектуально ударённых’ индивидов затевала какой-то, понятный лишь им, разговор (о специфических особенностях усилителей одних типов перед усилителями типов других, о тонкостях верёвочно-железного оснащения мира промальпа, о нелёгких приёмах поиска и ловли рыбы в старицких территориальных водах, о компьютерно-игровой мертвечине или специфике регулирования карбюратора на холостом ходу, а также при ручном толкании машины в гору) — прочий народ хором скандировал:

— НА ПОЛЯНКУ!!!

— и ‘лексические извращения’ либо замолкали, не мешая другим внимать гитарным переборам (или тихой, неспешной беседе на более волнующие всех темы) — либо удалялись по мостику в “выселковую часть” лагеря. Где продолжали свои городские рассуждения. В должной сторонке от тех, кого эти темы ещё в городе достали до нужной кондиции.

При этом было установлено: на “официально-пентагоной” части лагеря поддерживается Необходимый Порядок — на “полянке-выселках” каждый живёт, как ему удобнее. Хоть в полном бардаке и свинстве.

: Такой вот “плюрализм альтернативы”.

На долгие годы этот наш лагерь близ Калошино над Системой Лисья стал базой Никитского Круга при освоении и исследовании спелеозакромов Старицкого района — отсюда каждый май мы делали свои радиальные выходы в поисках новых Систем; сюда приезжали “просто отдохнуть” — или отметить какие-то светлые дни. До самых последних лет: в какие бы старицкие дали мы ни забирались, “официальный лагерь” экспедиции ставился только в этом месте.

Исключение было сделано лишь при совместной экспедиции с МВО, когда исследовался Капкан (тогда лагерь было необходимо поставить как можно

ближе к вскрытой Системе) – и при проведении Первой Старицкой Международной Спелестологической конференции.

Ибо 150 её участников две наши полянки над Лисьей не смогли бы вместить ни за что в жизни. Как и около 20 автомобилей, включая пару автобусов.

Да и нельзя было разменивать такой домашний и камерный, привычный уют нашего Верхнего лагеря на какие-то прагматические затеи. Просто потому что нельзя.

Ведь всему своё место.

И потому что ГЛАВНОЕ, в конце концов, даже не этот наш замечательно продуманный и уютный лагерь, – главное не то, что в нём — *а то, что под ним.*

: Наша любимая старицкая пещера, Лисья.

От красот и какой-то прямо эзотерической магии которой вполне можно сойти с ума —

: Прорываемся с Длинным Кирой в новую часть, пройдя-разобрав один из завалов на периметре – проныриваем шкурником в штрек. Сохранившийся в идеальном состоянии, – изумительно-ровные бутовые стены, молочно-белая плёнка баритов и кальцитов по полу, – некуда ступить! – стонем от красоты, двигаемся вперёд, как-то расчаливаясь меж стен —

: выходим в поражающий своими размерами зал. На полу – озерца с берегами. По стенам – лимонно-прозрачные сталактитовые драпировки. В рассекающей свод трещине будто напиханы вафли – скальцинировавшие пластинки древних жёлто-мохнатеньких заберегов...

И так ещё сотни две метров.

Все чувства притупляются; в голове одно: хватит! это невозможно! нельзя же столько! подряд! сразу!

Эмоциональный перегруз требует прекратить проходку, вернуться назад. Потому что увиденное не оставляет места новым эмоциям —

: не можем в безрассудстве своём остановиться. Повернуть, вернуться наверх.

А по стенам – кварцевые и кальцитовые друзья.

И такие красивые башенные контрфорсы из бута — исторические памятники отдыхают.

Кажется, что невозможно дальше сделать ни шагу: крышу уже явно сносит. Но вижу перед собой – впереди, в разрывающей проход трещине –

«Кира! Гляди, какие замечательные здесь сталактиты!!!»

«Не хочу сталактитов. Хватит! Хочу гавна!!!» – заявляет Длинный.

И тут созерцаю перед собой в небольшой ямке на глиняном бугорке посреди штрека –

– оно, родимое. Правда не человеческое. А лисье. Но в вызывающем уважение количестве.

«Вот, – говорю, – прошу любить и жаловать!»

«Ух ты, – Длинный склоняется над копролитовой пирамидкой, – действительно ОНО. Здорово.»

: *равновесие наступает,—*

... В 1986 году было вскрыто “очередное северное продолжение” Лисьей – Тартар. До неприличия богатое натёками, кристаллами и сталактитами всех возможных форм, размеров и минералогического состава. Ну прямо – этакий “Кап-Кутан старицкого масштаба”. Около двух часов мы заморожено рассекали по Тартару, пока *просто не охуели* от этих красотостей. Народ начал стонать, повторяя давешнюю фразу Длинного: «Ну куда это годится – что ни сантиметр, то натёк или друза,— хоть бы какой кусочек гавна! Сколько можно хай-штиля?!»

И тут на кальцитовый полочке – бывшем забереге, щетинившемся, как ёжик, полупрозрачными кристаллами лимонно-жёлтого цвета, я увидел вовсе фантастический сталагмит: от рос из этой полочки и тоже был весь такой мохнатенький, лимонно-жёлто-полупрозрачный. Сказка, Чудо, Фантазия Природы,— тем более, что по форме своей он был точной копией пениса.

: Вот только размеры подкачали.

– Хуй... – изумлённо протянул я. – И какой миниатюрный...

– Один к трём,— подтверждает Сапиенс, склонившись, как и я, к Маленькому Чуду.

– “К трём”... К СЕМИ!!! – презрительно бросила Волчица, нависая над нашими плечами.

– Видишь-ли, Наташа,— серьёзно замечает Сапиенс, поворачиваясь к ней,— ты просто видишь их в максимально возможном агрегатном состоянии...

Наверное, именно потому, и ради того самого душевного равновесия, в одном из гротов, окружённом просто удивительными натёчно-кристальными артефактами, мы создаём Галерею Многочленов: скульптурно лепятся как отдельные пенисы с самым невообразимым количеством сопровождающих яиц (Колобок их называет “наседками”), так и “однойяйцевые близнецы” – то есть собственно многочлены при одном яйце. А то и вовсе без оно, выступающие из глиняного пола, аки букетики.

— А вот ещё:

: Во время недельного мартовского выезда в пещеру Лисья мы с Серёжей Лещиной вместе написали одну из поэтических глав “Белого Камня” – сидели-оставались в гроте, пока остальные, влекомые “первопроходческим инстинктом”, рассекали по хорошо известной нам пещере — и *творили*: через слово, чередуя поэтическую строку с прозой, рождая новые рифмы и переделывая написанное им и мной ранее,—

: так, как того требовали Язык Персонажа и ритм Приходящей Строки —

— *Сказочная была Работа.*

Лишь в предпоследний день, “поставив заслуженную точку”,— влекомые тем самым неистребимым *первопроходческим зовом* – отправились “пошуровать” в одной из дальних частей Системы, что ускользнула от внимания серёжиных учеников и моих друзей.

: Пошли с ковровским Кисом, нашим

давним приятелем (наделённым просто удивительным чувством на отыскание *нычек*: шхерить от него что-либо под землёй бесполезно что породе, что людям) — влекомые лишь неким “внутренним зовом”. Без какой-либо, вербально выражаемой, цели — по принципу: “куда Двуликая выведет”.

И посреди разливов омерзительно мокрой и вязкой белой глины, заполнявшей до половины один из гротов, наткнулись на Чудо Чудес: скрывавшуюся в этой грязи россыпь аметистов. И подобно золотоискателям, будто сошли с ума: вначале набивали ими карманы, рукавицы и шапки,— затем начали кидать друг другу наиболее красивые друзья, что сами унести уже не могли —

: *“Аметистовая лихорадка”. Засовываешь руку по локоть в отвратительную белую жижу, вытаскиваешь облепленный грязью комок, раскалываешь о колено — глаза ослепляет блеск фиолетовых и сиреневых граней,— швыряешь добытое другу, так как самому унести ЭТО уж нечем — и не в чем, заполнено всё: карманы, снятые рукавицы, шапки-подшлемники и даже противогазные сумки из-под акомных банок налобников,—*

: *в ответ получаешь экземпляр не хуже.*

— *Одежда промокла до самого тела, комбезов просто не видно из-за налипшей глины; других бы уже давно бил жесточайший колотун... У кого-то из нас садится свет,— мы ведь неделю прожили под землёй и ясно, что за первой севшей системой неизбежно последуют остальные — но раскопки продолжаются: к чёрту свет, выйдем на запасах,— “смотри лучше, какая у меня классная друза!” И сказочное аметистовое соцветие летит в приятеля...*

Как-то это безумие надо было прервать —

— Останавливает фраза Лещины:

— *Через неделю спасатели нашли трёх дураков, швырявшихся друг в друга аметистами...*

...: такой Подарок Системы за написанные в ней Строки. Рождающий очередное философствование на тему “Что есть Грязь?..»

: Ходили годами мимо этой омерзительной лужи — не мы одни,— так бы и продолжали ходить, не подозревая, *какая красота* скрывается в том, что априори “любови не вызывает”,—

... перед уходом из грота выложили на стенных уступах узоры из того, что было добыто в грязи под ногами.

А вот в отношении настенных граффити Лисья “подкачала”. Не считая редких штриховых отметин количества добытого камня, оставшихся от разработчиков, мы нашли всего две сажевых надписи: «РА Беляй [Бяляй] 1929» и «РА Бяляй, РА Тятка». Возможно, “РА” не инициалы, а аббревиатура “Рабочей Армии”: в двадцатых годах “сознательных пролетариев” отрывали от родного станка и направляли на принудительные сельхозработы (практика эта процветала в совке до самого его издыхания), на “укрепление милиции”, армии и т. п. Нам удалось выяснить, что Беляй работал местным участковым — но его интерес к Подземле был не прагматическим (“в поисках криминального

элемента”, как можно подумать), а самым, что ни на есть, спелестологическим: согласно воспоминаниям калошинских старожилов, “он вообще был немного сдвинутым человеком, мог залезть в заломку и сутки не выходить из неё”. В тридцатые годы он исчез — как впрочем, исчезли многие жители нашей страны, “желавшие странного”.

И ещё одно граффити, вполне современное, мы нашли у входы Алисы — на стене было процарапано: «СПАТЬ!» Эту надпись в 1978 году оставил Петя-Крот: при прочёсывании берега он обнаружил вход в Алису, заполз в него, *просто охренел* (по выражению Крота) от увиденных красот,— сбойки с основной частью Системы не заметил (по его тогдашней оценке «в пещере этой было не более 200 метров, но какие это были метры, Командор!...»),— в полном обалдении от увиденного оставил на стене эту надпись и удалился в верхний лагерь для её осуществления.

Других входов в этом блоке, по рассказу Крота, тогда не было.

: Для нас вход в Лисью открылся “как бы сам собой”,— весенние воды смыли часть осыпи, которой он был затянут. Собственно, многие старицкие пещеры периодически как открываются, так и закрываются — та же Бродяжья, например. Не сомневаюсь: как этот вход приоткрылся в мае 1985 года, так и...

— тем более, что так оно и случилось.

... уже на второй наш выезд в Лисью, в котором мы подыскивали удобную для организации подземного лагеря систему гротов, я пригляделся к светлому пятнышку лисьей норы. Интуиция буквально приказала мне: копать здесь! Народ вначале встретил моё предложение недовольно — к чему устраивать новый вход, когда один уже есть? Сейчас все силы нужно положить на создание стояночных гротов...

Но первый вход выходил в Старую систему — почти по свод замытую глиной. Как я понимал, из этого самого входа. Если бы вскрыли лисью нору — до будущих стояночных мест двигаться стало бы удобнее. Это перевесило возражения, и на третий выезд в Лисью мы сделали новый вход. Вполне в никитских традициях даже соорудив над ним защитный козырёк — материалы для которого в изобилии дала деревенская свалка.

: И хорошо, что мы его сделали. Потому что через год первый вход просто упал,— его не замыло весенним оползнем — рухнул привходовой фрагмент штрека. Метров в 10 длиной.

— а если бы мы в это время находились внутри? Да: для никитян старицкий завал не помеха,— как минимум, выкопались бы за час через ту самую лисью нору...

: при условии, что в момент обвала не протаскивали бы через первый вход свои трансы.

На ноябрьском выезде 1985 года мы с Сапиенсом и Бароном провели топосъёмку исследованной части Лисьей с подробным её фотографированием — и увидели: длина Системы перешагнула 2 км. В последний день майского выезда следующего, 1986 года, была открыта Алиса; в июльском выезде пройдено её соединение с Лисьей.

Летом 1987 года с юга к Лисьей была присоединена система Жопа. Вначале из карстовой щели (точнее: раскарстованной трещины бортового отпора) мне с Володиёй Байданом и Сапиенсом удалось пройти жутко извилистый шкуродёр, за своеобразие названный Пищеводом. Он вывел нас в грот – который мы естественно назвали Желудком. Далее был шкурник, который мы не смогли не назвать Привратником. Следующий грот – Двенадцатиперстным. Прочие названия были даны в автоматическом режиме, – и что интересно: топологически они мало отличались от картинки из учебника анатомии. А потому когда последнее анатомическое название было использовано, начали оглядываться в поисках соответствия. На первый взгляд, ничего общего с задницей этот грот не имел — но когда мы подняли свои очи вверх, невольно вздрогнули: *огромный ледниковый валун выпирал вниз из свода, являя собой не только идеально точные формы человеческой жопы трёх-с-половиной метров в обхвате – но и самый доподлинный, заросший щетиной кварцитов, анус в должном месте.*

: И ТАКОЕ БЫВАЕТ...

Затем Сапиенс с Бобом открыли “северный полюс” Лисьей – систему Тартар, а мы с Колобком прошли глиняный конус меж Лисьей и Атлантидой.

В результате чего к 1991 году длина Лисьей достигла 4.200 метров. На очереди был “дранг нах зюйд”, – ибо перспективу до Бродяжьей ничто не заслоняло. Или почти ничто. По прямой это было около 1,5 поверхностных километров. И на всём протяжении волжского склона – точильники. С интервалом в 5-10 метров. Сколько это сулило километров подземных, подсчитывается легко: от северного полюса Лисьей до южного (пещера вытянута вдоль волжского склона в меридиональном направлении) ровно 385 метров. Но пусть даже 400, –

В поисках Великого Южного Продолжения Байдан начал раскапывать завал в южной части Жопы; как этот процесс назывался, догадаться можно с первого раза.

«Пошли, что-ли, поковыряемся в Жопе...» – говорил он, вооружаясь кайлом, монтажкой и сапёрной лопаткой.

Но ковыряние в жопе до добра не доводит:

: новый обвал в Старой системе отрезал от Лисьей Жопу. И соответственно, все Великие Южные Перспективы.

И опять: хорошо, что Володя “ковырялся” в этот момент совсем в ином месте. Да мы тоже.

Пещера словно сказала нам: хватит. Вот вам это. И ещё это. И то. Ну и вот этого немного, –

– и нечего раздувать из меня гиганта-рекордсмена. Останусь небольшой, но красивой девочкой.

Без взрослой жопы.

: Такая вот Система. Очень красивая, очень тёплая и ласковая — но свое нравная. В том, что она *истинно живая*, никто из никитян не сомневался. Как и в том, что это *именно девочка*, – такое чувство-ощущение её возникло у нас мгновенно и сразу, в первое же в неё погружение.

К Никитам, кстати, она нас всех ревновала. Это остро чувствовалось, если

какое-то время отдавался родной пещере и забывал про Старицу. Но прощала, стоило отстоять в ней один день. Потому многие из нас, приезжая в Старицу даже летом, предпочитали стоять не в Верхнем лагере – а под землёй. В Лисьей.

: то есть *ровно под ним* — в нашем оборудованном гроте, Уэме.

Названном так в честь моей первой подземной команды – “UM”. С которой – и примкнувшей к ней группе “WANDERERS”, уже увековеченной нами в Бродяжьей – начался Никитский Круг.

... а ещё летом 1986 года по заказу Института микрорадиации мы провели полное радиометрическое обследование Лисьей. После которого Волгу стали называть “Голубая Змея” и купаться в ней прекратили. Ну да и как – купаться, когда ориентироваться в Лисьей стало возможно по двум приборам: компасу, что тупо показывал на север/юг, и дозиметру — что из любой точки пещеры успешно показывал на выход. То есть на Волгу —

– *бо фонила она после Чернобыля просто страшно.*

: на какое-то время мы даже перестали пользоваться для достижения лагеря нижней, вдольволжской дорогой – предпочитая пройти лишний километр до верхней трассы.

— *сколь бы ни*

сказал, сколь бы ни написал фраз, понимаю: говорить об этой удивительно мягкой и доброй, красивой и своенравной пещере прозой не получается.

Поэзией и музыкой – можно.

ANDANTE

Шорох жалобно под ногами.
Лента кальцита – заберегами.
Холод воды обнимает камень,
Свет растворяется в тьме Мира Здания...
: Если тебе доверено Знание –
Первый шаг в царство Молчания.

Под земной корой
Потеряв покой
Лабиринтами движимы
мысли мы
Погружение ПОД,
Отрешение ОТ –
Приобщение К
до немыслимого...

— ДА: я
переполнен двойными

стандартами,—
 дорогой
 что с неба, от Бога —
 незримыми звёздными картами
 и светом подземным; немного
 всё это даёт понимание Вечности
 (крик боли — звучащий протяжно-
 неслышимо в гулкой камней бесконечности)
 и сути Творения,—
 : сути прекрасной,
 в которой ни светом, ни звуками,
 ни строчкою, кистью иль тьмою,
 ни скользкими логики путами
 не выразить то, что с душою
 творит волшебство превращения
 и магию Первого Чувства
 в небесном подземном движении
 туда, где без нас
 просто пусто...

СЛОВО О ГОЛОСЕ

Именно в Старице, летом 1991 я начал писать по-настоящему, обретя голоса своих персонажей. Уйдя-погрузившись в которые, с изумлением обнаружил: от себя, то есть некоего обезличенного автора, писать более не могу. Их голосами — и честнее, и проще. В Старице были написаны “Свободный Поиск”, “Последняя Капля Сталактита”, “Уроки Кармы”, “Возвращение” и добрая часть “Посвящения Носителю”. В паритетном со-авторстве с Серёжей Лещиной был выписан и обрёл звук голос Гены Коровина; пришло звучание и эволюция голоса Пита. В любимом нашем гроте Лисьей — Уэме — и за маленьким самодельным столиком у кострового пентагона с видом на закат и долину Волги.

33 года — возраст свершения, время реализации. Время обретения, очувствования себя.

Время, когда перестаёшь мучить себя наивным «а чего я хочу от жизни?» — потому что замечаешь: занимаешься, и в полную силу, именно тем, чем хочется заниматься. То есть — чем *не заниматься* не можешь.

: Ощущение себя и обрётённого своего литературного языка пришло — тем старицким летом. И даровало полное ощущение безнадежности слов, что оставляла моя шариковая ручка на листе бумаги в решётку. Потому что немыслимо было думать о публикации, об официальном издании.

Но сожаления не было. Ни на грош. Возможно потому, что Старица окружала меня, и держала, несла — подземными и лесными своими окоёмами,

каньонами и речной долиной, восходами и закатами солнца, радугами дождей, чудом полёта стрекоз, красотой полевых колокольчиков, мягким бархатом пещерного мрака и указующими пальчиками сталактитов *диктуя Слова, сходявшие на бумагу.*

А ещё тем старицким летом была любовь – красивая и невозможная.

И были открытия и свершения, поиски и находки; утраты – но и обретения.

INTRODUCTION

*От возраста Христа
До возраста строки
Бумага ляжет в стол
А слово в колею
Но в Мире много слов
А нужно донести
Всего одно, как жизнь
На выдохе: ЛЮБЛЮ.
: Нетленное, как боль –
: Невечное, как снег –
: Надёжное, как свод –
: Желанное, как яд –
Бумага не горит.
Есть даже в пепле след.
И можно от других –
НО ТРУДНО ОТ СЕБЯ.*

КАМЕНКА

Возьми любую речушку, стекающую по оврагу с каменным дном, – каждая вторая называется Каменкой. Каменок на Руси — без счёта.

И даже в Старицком районе их не сосчитать, ибо все старицкие овраги прорезают известняки. А значит, текущие в них ручьи и речки, – кроме разве что самых крупных, начинающихся в равнинной дали — Каменки.

А вот эта – одна. Стекает-бежит по известняковым валунам и плитам глубокого каньона у Щаповой горы. В одном месте даже обрушивается вниз самым настоящим водопадом. В миниатюрное озерцо-купальню. Для избранных. Ибо температура этой речки почти грунтовая, около шести градусов по российскому цельсию. Что не удивительно: почти все воды этого ручья истекают из пластов наших каменолюмен.

На дне меж водяных струй – отпечатки окаменевших ракушек и кораллов

каменноугольного периода. Есть, где оторваться человеку с геологическим или палеонтологическим взглядом на жизнь.

Да и просто поэту или спелестологу – такая живая, или будто оживающая в водном движении связь времён...

Обрывы – стратиграфический срез пород. Розовая полоса флюоритов меж белых и жёлтых известняков.

Покатые задернованные склоны, обращённые к солнцу, покрывает земляника. Солнечная ягода.

Со дна каньона тянутся вверх тонкие ели – как их тьянь-шаньские сёстры. Сквозь черёмуховый бурелом меж/вокруг них – ни живой и ни мёртвый – не пробраться. Можно двигаться по каменному дну. Вслед за струями воды, журчащими по ступеням тальвега. Или совсем поверху –

: Вот такая картинка.

Там гуляли, ловя ресницами солнечные блики и взгляды друг друга.

А потому — та же картинка в движении:

BOLERO

— О, как Солнце светило

накануне дождей!

Как оно нас слепило!..

: Пьяный запах травы

и паденья воды

и касанье ветвей

под мерцаньем теней

и течение вниз

сквозь движенье ресниц

друг от друга

следы

уносило

вперёд.

Но под кожей шаги оставались

в душе —

когда мы,

прошагав

по бегущей

воде,

Земляничное Солнце

пытались вкусить

и от Камня тончайшую Прошлого нить

отвязать —

в тень

ветвей

и себя
 погружаясь
 на дно
 Твоих глаз
 я стремился
 упасть —
 поднимаясь, взлетая,
 махая крылом,—
 на крыло припадая,
 как будто щекой
 опираясь о камень холодный судьбы:
 — *И В ДВИЖЕНИЕ ВОДЫ,*
 — *И В ДВИЖЕНИЕ ТЕНЕЙ,*
 — *И В ДВИЖЕНИИ НАС,*
 — *И В ДВИЖЕНИИ ГЛАЗ,*
 — *И В КАЧЕНИЕ ВЕТВЕЙ,*
 — *ВО ВРАЩЕНИЕ ДУШИ*
ЧРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ СЕРЕБРЯНЫХ ТЕРЦИЙ
 — *И В КРУГАХ ПО ВОДЕ,*
 — *И В СЛЕДАХ НА ВОДЕ,*
ЧТО БЕЗЗВУЧНО
УШЛИ
ПРЯМО В СЕРДЦЕ —
ЗАСТЫВАЮЩЕМ
В ПЛАМЕНЬ
ХОЛОДНЫХ ЗАРНИЦ,
ЧТО ПОГАСНУТЬ НЕ МОЖЕТ,
НО МОЖЕТ ПРОПАСТЬ
ОТ
РАЗРЫВА
СТРОКИ
ЗА МГНОВЕНИЕ —
 : ВСЁ — движение вниз,
 : ВСЁ — падение ниц,
 : ВСЁ — падение,
 — дение,
 — ние...

КАЧЕЛИ

Поначалу качели висели в нашем лагере меж пары высоченных осин — толстая доска длиной в человеческий рост, подвешенная на десятиметровых

кусках основняка. Половина полёта-размаха приходилась над обрывом и Волгой, текущей под тобой словно в пропасти – и это ощущение полёта: *как земля – обрыв – улетают из-под тебя назад, и всё разом проваливается вниз – вокруг тебя и под тобой – а ты устремляешься ввысь...*

... днём – в небо, вечером в закатное солнце. Ночью — к звёздам.

— Наверно, это даже не полёт: *много больше.*

... и стремительное неотвратимое возвращение – *воз-вращение*,—

: костёр, полянка, обрыв – берег земли – летят на тебя и взрыв столкновения неизбежен — но сминая высокую траву, ты проносишься над ней — над самой землёй — и влетаешь в лес: *прямо в его непроницаемое тёмнозелёное чрево* —

— вонзаешься в него, и всё расступается перед тобой, пред твоим стремительным полётом-движением,— *ты пронзаешь его* — оставляя сзади и внизу, и перед тобой вновь распахивается ширь — только небо, да Луна, да лишь самые высокие, тонкие ветви деревьев,—

— *и это мгновение*: жуткий баланс на вставшей почти вертикально доске —

— провисают, ослабляя железный натяг, передние верёвки и кажется — сотая доля секунды, падение,—

: но — медленное попятное движение; страшно-замедленное лишь поначалу,— и вновь разгон, бешенное ледяное падение вниз, набор скорости...

— *И ветер в лицо, и стремительное движение скользящего, взлетающе-падающего пейзажа вокруг*,—

— ***Новый взлёт, и новое падение...***

Можно было — раскачаться до уносящего в вечность полёта, до полной потери ощущения земли. А можно было лечь на доску и тихо-медленно парить на ней над землёй — глядя в опрокинутое над тобой звёздное небо и блики-сплохи костра на древесной листве, слушать, как у костра тихо наигрывает плэер “Коллапс” Гены Жукова или “Starless” Роберта Фриппа. Или “Equinoxe” любимейшего в Никитском Кругу Жана-Мишеля Жарра²⁷,—

Или поют, чередуя гитару и свои голоса по кругу, Серёжа Лещина, Лёсик из Коврова и Юра Кирик.

: Тоже Волшебство, тоже Магия.

²⁷ В оригинале Jean-Michel Jarre (фр.). Можно писать и произносить “Жар”, опуская французское грассирующее “rr”. Иной вариант русскоязычного произношения фамилии этого замечательного композитора — Жаре. Меломаны именно так и произносят; радетели “фонемной чистоты” при таком произношении “немного дёргаются”,— впрочем, это их проблемы.

... Анжела и Лиса говорили, что только из-за этих наших качелей и имеет смысл ездить сюда. В Старицу, за 250 километров от Златоглавой.

Конечно, они утрировали —

— Но тем не менее:

**ВЕЧЕР, КОСТЁР, ЗАКАТ, ВЕТЕР,— РЕКА, ОТРАЖАЮЩАЯ ЗАКАТ
ЗЕРКАЛОМ И КАЧЕЛИ, ВОНЗАЮЩИЕСЯ НАД ОБРЫВОМ В ЗАКАТ —**

: отпечатались в памяти на всю жизнь.

Потом эти деревья спилили на дрова местные; чудо Волшебного Полёта окончилось.

Новые качели, подвешенные в стороне от обрыва, такого полёта уже не дарили. Хотя тем, кто присоединялся к нам позже, явили неспелеологическое ощущение парения...

— И не только парения. В одном из летних выездов мы с Димой Хохмачом приезжаем в Калошино первыми, дня на три раньше всей никитской толпы. Заготовив дрова на неделю вперёд — благо, летом это не трудно,— думаем: чем бы ещё заняться? Поскольку ходить в Лисью по одному “не очень-то хочется”,— ибо ходим мы туда уже лишь для разбора “перспективных завалов” (что же до *Ощущения Системы* — так оно и над ней не слабее, чем внизу,— причём тратить налобный свет для получения этого ощущения вовсе не надо), садимся играть в “мандавушку”. Вдвоём вместо положенных четырёх игроков. “По приколу” воображаем себе наших виртуальных противников — выбирая в оные безусловных чемпионов “мандавушки” в Никитском Кругу: Аминя и Кирина. В реальной жизни выиграть у них практически невозможно,— но быть может, удастся хоть так?

: перед каждым броском кубика и последующим ходом старательно, без неуместных в Игре “поддавков”, представляем себе их светлые образы. И что удивительно: кубик ведёт себя так, будто его кидаем не мы, а наши противники. В результате чего полностью продуваем им партию — практически “в сухую”.

Играть далее становится неинтересно. Я сажусь за свой письменный столик и отдаюсь рукописи; Хохмач овладевает качелями. В их новом, относительно спокойном варианте.

Я пишу — Хохмач раскачивается. Всё сильнее и сильнее. Деревья, на которые качели подвешены, скрипят и жалобно машут кронами. Сыплются первые листья. Предчувствуя недоброе, я оборачиваюсь назад — и вовремя: в дальней точке своей траектории качельное бревно становится торчком.

И переворачивается.

: Всё происходит в доли секунды.

— А если б над пятидесятиметровым волжским обрывом???

Продумать последствия виртуального варианта не успеваю — бревно с максимальной скоростью и вцепившимся в него снизу Хохмачом несётся вниз.

Хохмач тормозит спиной о сухую утрамбованную площадку под качелями. По летнему времени — почти бетонной твёрдости.

Хохмач остаётся на этой бетонной земле; бревно летит дальше.

Я бросаюсь на него, как Пеле – иначе при возвращении оно просто убьёт Димку, – в результате чего тоже лечу на землю, получая свою порцию “качельных мандюлей”. Но бревно-таки останавливаю. Затем обращаюсь к стонущему Хохмачу:

– Дима, тебе сильно плохо?...

: Вопрос, в такой ситуации явно комический. Типа голливудовского:

– Ю о кей?

Хохмач лежит на земле и смотрит на меня.

– Мне плохо? Мне не плохо. Мне, кажется, пиздец. Хотя и не полный.

– Дима, пошевели, пожалуйста, пальчиками.

: Шевелит.

– А теперь ножными.

– слава Дзуликой, позвоночник не сломан.

– Встать можешь?

: Встаёт.

«Ну и славно. Трам-пам-пам.»

Я промываю его раны, смазываю зелёной и йодом, и линиментом синтомицина, – в ход идёт вся наша аптечка. Потому что площадь поражения велика.

Хохмач орёт от боли и причитает (на мой взгляд, запоздало):

– Что будет... Что будет...

Утешаю его:

– Не ори! Шрамы украшают мужчину...

: *кажется, когда-то я уже то-ли говорил, то-ли слышал эту фразу...*

– Да на хера ж мужчине украшения? – стонет Хохмач.

: *полное дежа вю...*

Затем Хохмач обрабатывает мои раны. Цитирование фраз повторяется.

Когда в лагерь прибывает народ, первый вопрос у каждого:

– Что случилось?

По просьбе Димы никому не говорю, ЧТО. Но выйдем мы после всех перевязок так, что вопросы неизбежны:

– Вы копали и попали под обвал?

– Упали с обрыва??

– Вы подрались???

Когда количество догадок приближается к сотне, Хохмач раскалывается:

– ЭТО ВСЁ ОНИ, – говорит он и показывает на качели.

Колобок с Кириным подходят к качелям и пробуют прочность веревок.

– Уже, что-ль, перевязали по новой?

– Они и не рвались.

– Тогда как же?

Хохмач вздыхает.

– Как, как... Я и сам не понимаю – как! Нашёл, у кого спрашивать!..

... традиция осталась: в каком бы месте Старицкого района мы потом ни разбивали свой лагерь, всегда вешали качели. В память о тех. Первых.

Иногда даже раньше, чем натягивали костровой тент.

FUGA

Я смотрю на свет:
на костёр,
на зеркало.
— Зеркало? Разбиваю металлический воздух!
(Слюдяной Слепящий Холодный Ветер)
РИФМОЙ:
“Я ЖИВ. И НЕ СПАЛИТЬ ГОЛОС!” —

... Обрушение.
Обвал.
Низвержение лиц
Камней —
: Поклоненье их
нашим бранным земным останкам...
— *О, ЗАКАТНОЕ ЗОЛОТО!..*
: Я выбираю — вверх.
И перспективу пропасти,
в которой лететь —
Не жалко.

: Приближаюсь. Не поёт ветер. Импровиз строки —
— Нет рассекаянья молекул телом:
НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВУЮ
ТЯЖЕСТЬ РУКИ:
: Только тяжесть руки
влечёт вниз.
Приближаюсь смело,—

— **ЗАМРИ!!!**

*БЕШЕННОЕ
ЛЕДЯНОЕ
СТРЕМЛЕНИЕ
В Н И З —*
— *набор скорости, визг разрушенья,—*
: Я ПАДАЮ
ПАДАЮ
ПАДАЮ

— ниц!..
 — *НО Я ЛЕЧУ!*
 — *Я ПАРЮ!!!*

: *бесконечность мгновения...*

... я стонал в бреду, я летел на вас —
 сытые мои земные чиновники,
 мои чинарики, мой недопитый квас —
 я падал, парил, спотыкался — шёпотом...
 я взлетал — не во сне! — погружаясь вниз
 в вечном своём неуставном движении,
 я хотел вверх!
 я посмел — вдрызг!
 — наугад: во тьму, мечты и парение...

И комедии лиц, бутафорию дел
 я хотел — и имел
 в тьме подземной сызмала —
 я горел — как сталь в кислороде тел,
 но в азоте — цел,
 и в неоне — цел,
 и в аргоне — цел,
 и в криптоне выстоял...

: Поздно плакать. Нетлен полёт,—
 : Счастлив тот, кто горит во гневе.
 : Я парю вниз, обнимая лёд —
 Наравне с мыслью снежинок крушение...
 И звенит высь, и о смех — удар!
 И двойной бред: ночное видение...
 Велико счастье инертных пар;
 “Оксиген” — газ, “эквинокс” — тление...

...: Я лечу. Камни сочат пар,
 Обнимая нас, засыпая шёпотом
 Жизнь горит. Глаз в темноте — Жарр
 Бьёт по нотам души скомканной,—
 И слепит тьма кварцевых скал,
 На которых живая душа наворачена —

: Мы поём свет. И рассвет ал.
 Наша боль — смерть.
 Наша ночь — вечная.

МЫШИНЫЙ ВАРИАНТ

“Южный вариант” развития Лисьей блокировало обрушение Жопы.

Но и развитие Лисьей на север подошло к логическому концу – крайняя система, Тартар, северными своими окоёмами уткнулась в явно краевые завалы: борт оврага, отделявшего Калошинский блок от предидущего.

Перенесли раскопочную зону на противоположный овражный склон – там под развесистым калиновым кустом было привходовое обрушение, от которого в сторону Волги уходила подъездная терраса. Лисья нора с добротной протоптанной тропинкой ныряла под нависающую плиту —

И скрывалась в манящем, но увы, непроходимом для человека мраке.

: Начали копать. За два дня работы меж циклопических плит удалось продвинуться вглубь Системы метров на 5 – из щелей впереди уже дуло определённо подземным воздухом... Но расклинить преградившие путь плиты не представлялось возможности.

Вход был *явно взорван* – ибо сами по себе такие ровные, прочные плиты не садятся (а коль садятся – то, как показывает опыт, совсем иначе),–

«Хорошо взрывали, собаки!» – в изнеможении заключил Володя Байдан, выползая из перспективного – но невозможного для “ручного вскрытия” раскопа. *Фраза стала диагностически-культовой.*

Я вызвался сходить к Волге за водой для чая; Володя и Леший [Большой Леший – Руденко Михаил], трудившиеся со мной в раскопе, стали собирать хворост для костерка.

: Теперь невозможно сказать, *почему* – но на полпути, уже на волжском склоне долины, я остановился перекурить. Лёг на выпуклый контрфорс меж двух ложбинок затянутых землёй привходовых обрушений; рассудок, разможенный летней жарой, лениво прошептал, что раскопки, наверное, следует переместить в одну из них – коль не удаётся войти в Систему, что мы уж нарекли Калинкой (всё-таки 5 горизонтальных метров в её привходовом обрушении было пройдено),– может, попытаться счастья здесь? На вид ложбинок совершенно не отличались друг от друга. И я стал гадать, какая из них может быть более перспективной.

Лёжа на сухой и тёплой траве выгнутого холмом разделительного контрфорса. Под кустом рябины. И тут почувствовал некоторое неудобство: будто в спину в районе поясницы ввинчивали холодный шуруп.

– Мгновенно перекатился на бок и уставился на землю. Ничего на ней не было – кроме маленького отверстия мышиной норы. Я накрыл её ладонью — и ощутил *просто мощный поток ледяного воздуха.*

: Из снаряжения был лишь полукруглый алюминиевый котелок.

Работая им, я буквально за 20 минут вошёл в Систему. С гребня контрфорса, разделявшего два явно более перспективных места для подобного рода раскопок —

: Случаи вхождения в каменоломню через барсучью или лисью нору в Старицком районе были.

Через мышиную нору я вошёл в каменоломню первым.

— Топосьёмка, выполненная на следующий день, показала: Система Рябинка просто обязана соединиться с той, что мы безуспешно штурмовали с поверхности не первый день. Я разобрал на её границе бут, которым было заложено окошко сбойки – и Системы соединились. Мы даже подошли изнутри к месту, в которое ломились с поверхности. И оглядев изнутри просто циклопический завал, изумились собственной наглости. А также тому факту, что до явного суицида нам оставалось сделать буквально одно-единственное движение: камень, который мы наметили после чаепития разбить зубилом, чтобы проникнуть дальше, был в этом завале замковым.

Но Подземля в очередной раз не пожелала наших дурацких жизней.

GLORIA – ПО-РУССКИ ЗНАЧИТ “КЛАВА”

– Взрывали или нет Старицкие каменоломни? Был или нет Указ от 1947 года, запретивший “несанкционированное государством” посещение любых подземных полостей на территории нашей страны?..

: включая, между прочим, и естественные пещеры. Ибо с точки зрения власти никакой разницы меж “искусственной” и “естественной” подземлёй не существовало — в том, что Подземля едина, власть разобралась куда быстрее *специально образованных* теоретиков “особо чистой” спелеологии.

: До 2007 года можно было до посинения спорить на интернетных форумах об этом Указе. Что характерно: чем меньше был спелестологический опыт флудера, тем больше он сомневался в том, что старицкие каменоломни “вообще взрывались”.

Под *спелестологическим опытом* я имею в виду в данном случае опыт *реальных вскрышных работ*, и ничего больше.

Те, что действительно вскрывали старицкие пещеры, не спорили –

: они их вскрывали.

Летом 2007 года мы с Костей Каротким [именно так, через А, – как в своё время писался и друг Шагала Кракодил] решаем на месяц оторваться от Златоглавой в Старице.

Поскольку времени у нас “достаточно много” (как обычно кажется всем нам в начале выезда), “ни в чём себя не ограничиваем”, – свободно рассекаем по району на моём УАЗе. Ведя традиционные разговоры с местными, и осматривая ландшафт. Как на предмет “элементарного краеведения” (полуразрушенные усадьбы и церкви), так на предмет спелестологической разведки блоков, ранее внимательно не обследовавшихся. По крайней мере, НК и

нашими друзьями из “параллельных команд”.

В процессе этого “разведочного обследования” обращаем своё внимание на блок, что тянется к югу от Щаповой горы.

Казалось – окрестности Щаповой за всю историю изучения Старицкого района только ленивый не топтал.

Однако в спелестологии открытие может сделать любой человек – даже чайник и дилетант – причём в месте, сто раз осмотренном очень крутыми специалистами.

: Всё от угла зрения зависит. От его остроты и незашоренности.

Спелестологическая зашоренность диктовала: камень добывали с берега; в крайнем случае со склона оврага. Это так, и с этим я не спорю.

Раз с берега Волги входов не видно, или все они зримо положены, а местность за ними украшают цепочки провальных воронок – нечего в этом месте делать.

И это тоже так! Кто ж с этим спорит!

— а вот ещё догма: все старицкие пещеры неглубокого удаления от берега. Редко какая имеет удаление самой дальней своей точки в 100 метров, – а уж больше почти что и нет. Ну разве Капкан... Но ведь ещё надо доказать, что он уходит так далеко под склон. [Для доказательства нужно иметь определённый, опять же, спелестологический опыт – за отсутствием оного можно подвергать сомнению слова тех, кто заявляет “невероятные” с точки зрения флудера размеры Капкана.]

И КА2 не пример – по тем же самым причинам.

: Спорить о длине Капкана и КА2 не буду – надоело. А просто изложу факты.

Мы с Костей проходим этот блок не вдоль края волжского склона, как делали наши многочисленные предшественники, – а очень придирчивым “бустрофедоном”: от этого самого склона до границы лесного массива. Что в Старице, как правило, очерчивал границы тупиковых забоев выработки, то есть её периметр. Пусть не всегда – но достаточно часто.

Ибо под поле крестьяне не копали: к чему было портить земельные участки-наделы возможными воронками?

А может, просто не копали далеко от склона – потому что технология добычи камня не позволяла.

В любом случае: исключения типа Лисьей немногочисленны.

Да: лес мог уходить много дальше, чем выработка, –

: С этим тоже спорить не буду.

Блок, занимаемый лесным массивом к югу от Щаповой горы, состоит из двух участков. Нижний, то есть северный, имеет размеры: 1500 X 300 м.

И вот, что видим мы там с Костей:

Всё пространство этого блока покрыто сеткой провальных воронок. Часть воронок сливается в сплошные рвы обрушений – чётко показывая топологию выработки. Воронки у края леса перед полем – собственно, не воронки. Это целиком и полностью рухнувшие фронтальные забои. Средние размеры по площади – 100 X 30 м. Есть большие, есть меньшие. Средняя глубина

обрушений – 15 м. Во многих исчезают поноры.

Поднявшись на дельтаплане, можно сделать топосъемку этой исполинской Системы.

: Поколения спелестологов просто проходили мимо. Не обращали внимания. Бодро маршировали дальше по своим делам,— как, например, мы в 1991 году во время своего исторического хаджа к Белой Скале. Но мы тогда хоть как-то заинтересовались этим феноменом — оттого и потащил Кароткого на это обследование. Априори не сулившее никаких вскрытий, никакой спелеославы.

Да только отрицательный результат – тоже Результат.

: Вы только представьте, представьте себе это — и бывшие размеры Системы, и плотность её обрушения. Близкую к стопроцентной.

: *Нигде в Старицком районе вы такого не увидите.* А потому встаёт очевидный и болезненный для многих вопрос:

— Какая сила положила этот массив?

Карстовые процессы?..

: Нет аналогов в Старицком районе столь мощных “карстовых полей” и процессов. Как нет никаких доказательств “эпикарстовой гипотезы”. Ни в каком варианте. На следующем выезде нам удаётся проникнуть во фрагмент этой Системы – и становится видно: это самая обычная, сделанная человеком, полость. То есть каменоломня. Пласт вскрыши такой же, как и везде в Старице – плотный, не осколочно-трещиноватый, не изъеденный карстовой коррозией. Но во все стороны от случайно сохранившегося участка – разорванный на фрагменты. Положенный. Обрушенный.

Высота вскрыши, то есть перекрывающих каменоломню пород – точно такая же, как в окружающих “кустарных каменоломнях”. Но все они практически целы, хоть и никак не крепились – за исключением, понятное дело, входов. Значит, “изначальная хлипкость пластов вскрыши” или “хреновый крепёж сводов” к падению *всей каменоломни* не имеют никакого отношения.

— Тогда что? Или кто???

: Вариантов, увы, немного. И все они для кое-кого крайне болезненны.

Потому что можно спорить (коль больше ничем заниматься не можешь) о длине вскрытых кем-то пещер и о том, взрывали в них входы – или те пали сами, “по старости”. А неумелые глупые вскрыватели ошибочно полагают, что их взорвали. Наверное потому, что копать не умеют. [Не беда – мы их научим,— иначе на что ещё Интернет?..]

Но спорить с тем, что *целая Система* положена планомерными взрывными работами – трудно. Тем более, когда стоишь над её останками. И не понимаешь — видишь воочию: ЭТО БЫЛА САМАЯ БОЛЬШАЯ СИСТЕМА СТАРИЦКОГО РАЙОНА.

Потому что ни одна из прочих не занимает такого шахтного поля. Ни Дохлая Барсучья, ни КА2, ни Капкан. Все они – в разы меньше по своей поверхностной площади.

Но ведь этот массив уходит дальше на юг ещё на почти километр,— да: там

лесная полоса сжимается плавно до “каких-то” ста метров,—

: знаете, даже *это* много больше всего остального. А уж в сумме...

Костя не то, чтоб лояльно относится к власти (среди спелестологов лояльно относящийся к власти человек вообще нонсенс) — он один из тех, что “о дерьме на выездах не говорят”. В том числе о политике во всех её формах и видах. Ни в историческом аспекте, ни в нынешнем.

: Костя вообще очень далёкий от политики человек. Очень толерантный. Очень добрый и мягкий. Единственно что — с алкоголем его отношения “более чем дружеские”.

— “ну так вот”: *этот толерантный человек несколько часов подряд материл совок и его brave спецслужбы.*

«Потому что иных слов у него от возмущения не было»,— из Даниила Хармса.

Когда открылся весь масштаб содеянного удалыми сталинскими энкавэдэшниками.

По возвращении в лагерь первым делом, желая снять с него стресс, предложил выпить.

— Нет, Командор, и не предлагай. Потому что пить я после такого просто не могу. А коль и выпью — совсем озверю.

... Почившую Систему называли “СЛАВА НКВД!”. С почти мгновенным перефразом — “Клава НКВД”. Имея в виду эмдэпэшно-параноидальный Указ, порождённый медицински-классической *боязнью подземного пространства*.

То есть — клаустрофобией, что на спелеослэнге зовётся ‘клавой’.

: В спелестологии не принято давать названия нескрытым Системам. Разве — условно-временные, для чёткого понимания в разговоре, о чём идёт речь. Которыми пользуются в процессе вскрытия.

Когда Система вскрыта — тогда и даётся Настоящее Имя.

По-моему здесь тот самый случай, когда должно сделать исключение.

... и всё-таки какие-то фрагменты её вскрыть можно. Мы с Каротким обнаружили три “относительно недовзорванных” участка размерами приблизительно 100 X 100 метров. Порталы входов там, конечно, положены. Но дальше — с нашей современной вскрышной техникой — вполне можно пробиться.

— вы только представьте: три участка, три *маленьких фрагмента* когда-то огромной Системы,— каждый из которых по площади сравним с любой среднестарицкой каменоломней.

: возможно уцелели.

... а ещё — траверсируя волжский склон перед Клавой НКВД, мы с Каротким неожиданно видим ещё одну террасу,— ниже террасы Клавы НКВД метров на двадцать,— от неё в склон уходят ряды точильников...

: *каменоломни легендарного Нижнего яруса,—*

И такое ощущение, что вскрыть их вполне возможно.

По возвращению в Москву связываемся с группой Министра “Чёрное Солнце” — в те дни они работали на противоположном берегу Волги точно против того массива, где мы с Костей обнаружили погребённые останки Клавы НКВД,— коллеги не без торжества сообщают нам, что обнаружили на своём

берегу не только ДВА ЯРУСА РАЗРАБОТОК – вскрыли фрагменты как каменоломни верхнего яруса, так и фрагменты нижней каменоломни.

: Увы – только фрагменты. Хотя и не столь незначительные по суммарной длине ходов. Остальные части каменоломен положены множественными обвалами.

– Так что там нынче с Указом и дискуссиями о его применении в свете этих спелестологических юпитеров? Будем продолжать флуд, или поедем на вскрытие?..

Конечно, лопаты в руках флудеров мы никогда не увидим.

Но может, оно и к лучшему.

Главное, чтоб в этих патриотических ручонках не оказалось взрывчатки.

Ибо каждый настоящий спелестолог знает: наша любовь к власти адекватна любви власти к нам и нашим дыркам.

В последней сомневаться, увы, не приходится.

ГОЛОДНОЕ ЛЕТО 1991 ГОДА

: Об этом лете до сих пор не без дрожи вещают чайникам ветераны Никитского Круга, – когда власть подняла цены на автобусные билеты, и мы в один прекрасный день всеми своими спелеозадницами ощутили: *нам не уехать из этого места* — и последовало голодное лето, за которое мы съели всех окрестных змей, ежей и лягушек, а также ворон и прочую доступную живность; собрали рекордный, по понятиям Даниэля Дефо, урожай лесных зерновых, злаковых и прочей съедобной и условно полусъедобной ‘зелёнки’, грибов и ягод (а также того, что произрастало на отдалённых от лагеря огородах – каюсь, но кто избежал этого, дабы не помереть ‘вдали от Москвы’ лютой голодной смертью?), –

С ума сойти: пахали батраками, поднимая лопатами кочкарную целину на участках первых районных “новых русских” — не чтоб купить на заработанные деньги еды, нет! — чтоб заработать на автобусные билеты до Твери. Ради возвращения в златоглавую... О, хармсовский абсурд нашей жизни!..

Чай заваривали один раз в сутки – в пять вечера, “файф-о-клок”. Это было самое светлое время суток. Далее мы его либо “поднимали”, либо дозаливали кипятком. Конечный продукт назывался “белая роза имени второго подъёма третьего слива”. Вкус не то что не описать – описывать нечего, за отсутствием.

Когда к чаю выдавался кусочек белого хлеба, его именовали печеньем. Когда чёрного – пряником.

О сигаретах даже класса “дымок” или “прима” речи не шло — в Старице удалось купить местного табака. Курить его было невозможно, но Кирин как-то хитро выварил его, а потом просушил на солнышке – то, что получилось в итоге, наши лёгкие и глотки принимали без риска заблевать поляну.

Апофеоз “голодного лета”: вычитав в книжке Свиридова «Лесной ого-

род», что в корнях папоротника содержится крахмал, и они весьма питательны, самые голодные хватают лопаты и наперегонки бросаются в ближайший овраг на заведомо бессмысленные раскопки...

Поскольку я от природы тугодум, пока соображал, откуда у папоротника могут взяться корни, и подвергал свои ботанические познания определённой ревизии, все лопаты в лагере оказались в руках умчавшихся на поиски не существующих в природе корнеплодов. Мне оставалось сидеть у тлеющего костерка и ждать с мстительной улыбкой на челе возвращения обескураженных корнекопателей.

: Мне это потом припомнили.

– А как мы варили и жарили корни лопуха, – вычитав о полезности и сладкости оных в той же проклятой книжке... Кончилось это банальным аутодафе: при торжественном сборе всего лагеря творение Свиридова было брошено в костёр. Тем самым принесся нам хоть какую-то пользу.

Но нет худа без добра, и в самой переполненной фекалиями бочке можно отыскать спектральные следы пары медовых молекул. А быть может и цельный кластер —

: Многодневное фантастическое “тебю”, описанное в «Белом Камне», родилось у старицкого костра того голодного года. Авторы – Юра Кирич, я и Кис.

И вот что ещё родило наше воспалённое кулинарное воображение в эту суровую годину:

Лягушачье жаркое “старицкое”. Для приготовления лягушачьего жаркого нужно: пещера – одна штука, деревня рядом с достаточным количеством детей, а также прудом с лягушками – одна штука, заросли конского щавеля или щавеля обыкновенного – луг или поле [вместо щавеля можно употребить кислицу, она же “заячья капуста”], папоротник орляк – пара оврагов, хлебные крошки, какое-нибудь масло или сало, жир. Сковородка и нож. Крапива. Дикий лесной лук.

Готовится блюдо так: горящие желанием посетить пещеру деревенские дети приводятся туда при условии, что каждый приносит полиэтиленовый пакет наловленных в пруду лягушек. Детям эта развлекуха в радость, лягушек они ловят быстро и много. (Как правило, сачками для бабочек, – впрочем, некоторые пользуют кирпичи, иные – мухобойки из резиновых половичков соответствующе увеличенной убойной силы.) Одному из детей поручается стибрить дома, или выпросить у родителей флакончик любого продовольственного масла. Или сала, жира. Ещё один получает задание принести как можно больше хлебных крошек.

Дети отводятся в пещеру и получают там Максимальное Удовольствие имени Ребекки Тэтчер и Тома Сойера. Если предложить детям при посещении пещеры поиграть в войну или в прятки, салочки — они ваши до мозга костей, до гроба жизни. Главное, чтобы количество детей по входу в пещеру совпало с количеством детей по выходу из оной. [Некоторые наши проводники не упускали случая поиграть с детьми в оборудование грота, поиски старых нычек и новых продолжений Системы. Оставим эти развлекухи на их педаго-

гической совести.] Пока пара проводников играет в подземных Сухомлинских-Макаренко, остальные мужские участники выезда становятся вдоль большого бревна цепочкой и перерабатывают принесённую детьми продукцию: один отсекает задний пояс, один – передний, один – некулинарные пальчики с коготками, один снимает кожу чулочком, один моет отсечённые для готовки лапки, один складывает лягушачьи потрошка и шкурки для завтрашнего супчика. Последний рубит лапки на части, строго по суставным соединениям.

Женская часть выезда в это время собирает крапиву, дикий лук, щавель, кислицу и папоротник. Папоротник рубится на мелкие части – учтите, в ход идут только молодые побеги. Крапива тоже рубится. Если дети притащили ещё и картошку – тем лучше. Она моется, но не чистится, и ставится на костёр вариться.

Лягушечье мясо выдерживается в водном растворе давленного бутылкой конского или обычного щавеля, или кислицы (на один литр прессованной кислой зелени $\frac{1}{2}$ литра холодной воды; соли пара щепоток) около четырёх часов. Это так называемый “медленный вариант”. “Быстрый вариант”: маринад доводится до кипения на огне, затем аккуратно сливается – кислая зелень может пригодиться для приготовления щей, отваром заливаем лягушачье мясо. Выдерживаем в маринаде до его остывания. В зависимости от чувства голода пользуется первый или второй вариант. Затем лягушачье мясо обваливается в хлебных крошках (то есть перемешивается с ними) и ставится на сковородку жариться на среднем огне. Вперемежку с диким луком. Сверху обильно посыпается папоротником. Время жарки – не более пяти минут.

Если вы хотите получить жаркое в чистом виде, лягушачье мясо в процессе жарки (на сильном огне) активно перемешивается с папоротником, жарится не более 2,5 минут. Этот вариант требует изобилия масла, причём в процессе готовки (конкретно на второй минуте) оно обязательно должно вспыхнуть. Горящая сковородка подаётся на стол и там тушится дыханием всех присутствующих. < Задувание свеч на днерождественском торту по сравнению с этим – даже не развлекуха! > Если ваша цель – более эстетский вариант, то поступаем следующим образом:

Сварившаяся картошка вынимается из кана и в эту воду отправляют содержимое сковородки, прожаренное пять минут на среднем огне без перемешивания. Количество картофельной воды должно на два пальца перекрывать лягушачье-папоротниковую смесь. Сверху кладётся крапива. Если картофельного отвара получилось больше, больше кладёте крапивы. Тушится не более минуты. Затем блюдо подаётся к столу в сопровождении варёной в мундире картошки под голодные вопли присутствующих. [Банзай!!!]

Примечание: попытка откосить хоть от одного из перечисленных ингредиентов или исключить хоть одну фазу из описанных приведёт к непредсказуемым кулинарным последствиям. Самое малое из которых – кустовой дрестунец и потеря аппетита. [“Шютка”.] По вкусу лягушачье мясо очень близко к куриным грудкам, но в отличие от них начисто лишено химозного привкуса. Так как лягушка “по определению” не имеет жировых клеток,

данное блюдо можно полагать диетическим – если фазу жаркого заменить тушением со всеми перечисленными выше продуктами (тушится лягушачье мясо недолго, минут 20). Папоротник придаёт блюду неповторимый грибной привкус. Конечный продукт весьма напоминает курино-грибной жульен.

Если лягушачье мясо не мариновать, а варить с кисло-травными ингредиентами, мы получим восхитительные лягушачьи щи. Крапива в них добавляется вместе со снытем за одну минуту до окончания варки.

: Между прочим, родители были нам крайне благодарны за детские подземные экскурсии. «Ах, знали бы, какое замечательное дело вы делаете: в лагерь их отправлять стало дорого, в городе им совершенно нечем заняться – а так и к вашему делу приобщаются, и историю родного края изучают...»

Одна из калошинских хозяек, держащая корову, невзирая на предлагавших гораздо более высокие цены дачников, снабжала нас молоком. Не бесплатно – но всё-таки “по ценам, немного ниже рыночных”. А зачастую — за наши копательные работы на её огороде. Уж что-что – а копать спелестологи умеют.

С городских дачников, неспособных поднять целину, плату принимали частично деньгами, частично жидкой валютой.

И, в общем, не только не оголодали, но и скопили сумму, необходимую для возвращения в Златоглавую. А также какое-то количество местных с/х продуктов, ибо хорошо понимали: в столице нашей родины городе-герое Москве жрать абсолютно нечего.

: Там ведь даже лягушки отсутствуют. А крыски традиционно обходятся нашим кулинарным вниманием.

Остальное – в скобках, за кадром. В памяти.

А ещё — в строках «Годы Дракона», «Белый Камень, Чёрная Ночь» и «Дольше Света Длится Тьма».

Или в поэтических строфах –

LACRIMOSA

Температура падает
Свинцовый шар
Выкатываясь из тоннеля
Не целит в голову
Стальной охват висков
И темени ослаб
Жара. Жаре и Жар
Тяжёлое биенье сердца
Не рвёт кувалдой
Лёгкие и грудь
И кажется: ещё немного тени

Убрать бы свет —
Дозволится вдохнуть.

Глаз не закрыть
Пред утром свет сиренев
Миганье неба —
Молнии разрыв
Потом лагуна.
Ожиданье грома —
И вот он, взрыв.

Дробь по палатке,
Дождь стучится в землю,
“Шесть сорок семь...” —
Теперь уж не уснуть
Поленья и сиденья каплям внемлют
Звенит по мискам и шуршит по тенту
Температура падает.
Плюс двадцать.
Дышать всё легче —
Продолжаешь Путь.

ПАРИЖ/ДАКАР — ЛОТОШИНО/СТАРИЦА

*В Америке существуют дороги,
которые построили,
но забыли отметить на карте.
В России есть дороги,
которые отметили на карте,
но забыли построить.
: из Рунета.*

— Подтверждаю: да, так оно и есть.

: Одна из этих дорог ведёт в Старицу. Причём речь идёт не о плохой дороге (безобразной, скверной, отвратительной и так далее), что стыдливо именуется “направлением” — а о полном отсутствии таковой. Хотя как минимум 15 лет нанесённой на карту. Причём в асфальтовом варианте. О её покорении я и расскажу в этой главе.

Но вначале — преамбула:

Любимая нами электричка “Москва/Калинин” отправлялась с Ленинградского вокзала зимой в 0.23, летом в 0.24. Что означала столь тонкая межсезонная разница в движении подмосковных электропоездов, мы так и не поняли. Поскольку электричка эта была последней и опоздание на неё не сулило

ничего хорошего, многие просто забили себе в подкорку – “электричка в 0.20”, – так её и называли.

Но удобства этот маршрут не сулил ни в какой степени — после почти четырёхчасового движения, во время которого “по определению” не очень-то выспишься, нужно было устраивать марш-бросок к закрытым дверям тверского автовокзала. Чтоб оказаться не в конце тамошней очереди, а ближе к её началу.

После часового стояния перед гостеприимно запахнутыми стальными створками следовала драка; затем новое часовое стояние в очереди. Уже у закрытого окошечка кассы.

По открытию кассы – вторая неизбежная драка.

Если повезло, всего через полчаса после этой драки удавалось выехать – преодолев просто незначительную (по сравнению с предидущими) свару на посадке в автобус: с рюкзаками нас внутрь не пускают, а водителя ломает открывать багажный отсек потому, что:

- 1) багажного отсека вообще нет;
- 2) он уже занят;
- 3) ключ потерялся, замок сломан –

– и так далее.

Кстати: водителя ещё надо найти – ибо он соизволит появиться ровно в момент отправления автобуса. Срежь нас находились идиоты, что доверчиво, предъявив свои посадочные и багажные билеты контролёрам, оставались ждать с правой стороны автобуса у багажных люков. Вместе со шмотниками.

И прокомпостированными билетами.

: Водитель неожиданно появлялся со стороны своей дверцы, – то есть с левой стороны, – по-ковбойски вскакивал в кабину, врубал двигатель и на ходу закрывал пассажирскую дверцу. «Привет Старице!»

“Ржевский вариант” был предпочтительней. Но: и билеты нужно покупать заранее (кто со стопроцентной уверенностью может знать, что через две недели он ТОЧНО поедет или не поедет? На принятие решения о выезде или невыезде влияет столь много, что не буду об этом говорить), – и денег на билеты иной раз не было. Тогда как на электричке можно проехать зайцем.

И вообще: надоела зависимость от ‘гос-ударства’.

У Сапиенса была “старуха” – одnogоршковая “Ява”; Сусанин владел трёхколёсным “ижаком” с коляской. В качестве разведки в первый хадж решили отправиться на сапиенской “старухе” – вдвоём, я и Сапиенс. Потому что её, в отличие от “ижака”, всё-таки можно нести на себе. Пусть не очень далеко и не долго. А на самый крайняк так даже запихать в тамбур электрички. (Благодарное решение это спасло наши жизни.) Определили по “карте охотников и рыболовов Подмосковья” [выпуска 1967 года], что от Волоколамска до Старицы можно доехать “почти по прямой”, обозначенной на карте чёрной ниткой “дороги межобластного значения” (мы наивно предположили, что асфальтированной), – при этом срезать несколько десятков “лишних км” и сэкономить не меньше часа времени, что уходило на “уголковое” приближение через Тверь или Ржев (замечание касается и бензина); взяли спартанский

минимум вещей (то есть только спальники, пенку, комбезы и свет + аварийный сухпай и аптечку) — и с утречка пятницы отправились в путь. Рассчитывая оказаться на месте, как никогда рано — то есть уже к обеду. В пятницу. Продукты рассчитывали купить в Старице — в 1988 году чай, сахар, хлеб, макароны, килька в томате и супопакетные блёвчики там, по крайней мере, ещё продавались. Банка тушёнки у нас была; остальное должны были привезти утром в субботу догонявшие нас “обычным способом” никитяне. Включая палатки.

До Волоколамска докатились с крейсерской скоростью “старухи” — 90 км/час. [При попытке развить большую скорость наступал флаттер.]

Свернули на Лотошино и поняли: с войны дорога не ремонтировалась. То есть асфальт на ней был — но при укладке явно забыли засыпать воронки от авиабомб и артиллерийских снарядов.

Отдельные участки дороги были основательно подработаны партизанами.

Сапиенс перешёл на третью скорость, потом на вторую,— потом сказал, что устал. Я сменил его у руля. Мне всегда нравилось движение по пересечённой местности. Даже местами асфальтированной.

После Лотошино мы доехали до деревушки Афанасово — обозначенная на карте чёрным цветом “дорога межобластного значения” начиналась от неё. Никакого указателя, что это именно Афанасово, при въезде в населённый пункт не было — но в следующем населённом пункте мы взяли “языка” и он разъяснил нам нашу ошибку.

Вернулись искать поворот.

Не нашли.

Рассудили, что совдеповская карта, которую запросто могли купить потенциальные агрессоры, как всегда, “немножечко врёт” — и снова поехали вперёд. Решив свернуть на первом же перекрёстке налево. В сторону Старицы. Даже если никаких указателей там не будет.

Через 20 км вернулись в Афанасово — дорога закольцевалась. А вместе с ней мы, как самые настоящие подземные чайники. На дороге, кстати, в одном месте обнаружили бригаду дорожных рабочих — они в глубокой задумчивости пили водку. Слева от дороги из болота высилась куча щебня и рядом куча песка. Из болота торчал задок ДТ-300 — очевидно, водитель увлёкся разравниванием передовой кучи. На дороге перед кучами стоял грейдер. Мы решили, что к нашей дороге эта композиция не может иметь никакого отношения,— не останавливаясь, миновали их по правой обочине.

: Это было ошибочное решение.

Так как обозначенного на карте левого поворота мы не обнаружили, то вообразили со всей своей наивностью, что пропустили его.

И сделали по этой дороге ещё одно кольцо. С тем же успехом. Поняли, что это ловушка, рассчитанная на танки Гудериана — ибо качество дороги было соответствующее.

В Афанасово взяли второго “языка”. Мужик посмотрел на нас, как на полных и законченных идиотов и сказал, что сроду не помнит в их краях “дороги на Старицу”. Но если мы *очень хотим* туда попасть, “и именно отсюда” — нам

туда: последовал жест рукой на некое подобие грунтовки.

«Лето в этом году сухое, жаркое... Может быть и проедите...» – задумчиво молвил он.

«Держите на запад» – последовало вовсе интеллигентное дополнение.

Я вспомнил Джека Лондона с одноименным рассказом.

Сапиенс – что в России вообще нет дорог. Есть направления.

“И мы поскакали” – потому что *ездой* это перемещение назвать было сложно.

: *Не то, что асфальтовой или грунтовой — никакой дороги в реальной жизни там не оказалось.*

Что мы поняли уже буквально через пять километров. На всю жизнь запомнилась мне “холодная ночёвка” в болоте после пятикилометрового вытаскивания сапиенской “Явы” на руках из просто непролазных гавнищ... Запомнилась и серым комариным саваном, – громкость звука которого достигала по оценке Сапиенса 100 дБ; по моей не меньше 80 дБ (у меня правое ухо слышит хуже, и я предпочёл, забравшись с головой в спальник, повернуться на левый бок), – оптическая плотность комариного *слоя* (ибо *роем* это назвать было не возможно) была такова, что взошедшая на момент обустройства нашей ночёвки полная луна при ясном небе выглядела слабым туманным пятнышком. Противокомариной мази у нас не было.

– и семьёй лосей, утром прошеествовавших *прямо через нас* по каким-то своим надобностям — не растоптав при этом ни меня, ни Сапа, ни его одnogоршковую старуху по чисто эзотерическому недоразумению...

: до сих пор перед глазами стоит, точнее, висит над самым лицом огромная тарелка правого переднего копыта главы лосиноgo семейства и ничего не выражающие в паре метров выше глаза – даже мысли “наступать или не наступать, давить иль не давить” *в них не было*, –

: похоже, с человеком он столкнулся впервые. Ни доброты, ни зла – одно размеренное поступательное движение вперёд. Через наш условный лагерь. Состоящий из трёх полуутопленных в болотистом мху предметов: меня в спальнике в полиэтиленовом мешке на пенке, аналогично Сапиенса, и нашего транспортного средства на двух поперечно подложенных жлыгах – чтоб к утру не очень утопло.

Затем была деревушка на холме посреди болота – определённо населённая. Хотя на наше явление ни одно рыло даже не выглянуло из окошка.

: Наверно, там жили удалившиеся от мирской суеты и скверны староверы. Не уверен, что они знали о прошедшей войне – но уверен, что наше государство об этой деревушке до сих пор ничего не знает. А мы с Сапиенсом её не только видели, но даже проехали насквозь по центральной улице, точнее, тропинке – выходящей из одного болота и входящей в другое.

Возможно, они о сих пор рассказывают своим внукам о том, как “дьявол из болот” посетил их тем жарко-засушливым летом...

Всё вспоминать не буду, но реку Ламу мы форсировали трижды. Когда впереди неожиданно возникла насыпь дороги (к этому моменту мы с Сапиен-

сом уж не верили ни в дорогу, ни в Старицу, ни в асфальт, ни в цивилизацию вообще; за рулём после очередного изнеможения Сапа сидел я), бензиновый конь подо мной фыркнул, как настоящий, и сам по себе прибавил оборотов — должно быть, асфальт почуял. Как по трамплину, мы взлетели на поверхность насыпи — после чего сделали неизбежное сальто.

Справа копошились дорожные рабочие, занятые строительством моста через Ламу; влево вёл уже проложенный ими грейдерный большак.

: Поскольку Старица была слева, туда мы и покатили.

Описывать увиденную нами тут же разрушенную церковь с горизонтально положенным, но так и не сорванным крестом, не буду: есть вещи, которые надо видеть. Кто ездил в Старицу этой дорогой — видел.

Место называется Гурьево.

Мы и сейчас при каждой поездке в Старицу останавливаемся у неё.

Потому что теперь эта дорога есть не только на картах,— прогресс-таки поймел российскую часть суши. Правда, она до сих пор грунтовая — как нам объяснил Главный архитектор Старицкого района, на картах тверского автодора эта местность значится, как московская; на картах московского облавтодора — как тверская. Вот никто и не хочет класть асфальт.

Грунтовку же тянули по принципу строителей БАМА [“Сойдёмся в проходке — будет однопутное движение; не сойдёмся — будет двухпутное. В разных тоннелях”]: тверская бригада шла от Гурьево на восток, творя привычную двухполоску — московская продвигалась от Афанасово строго на запад. Со столичным четырёхполосным размахом. В принципе, там могло случиться и две дороги — ибо меридиональные координаты Афанасово и Гурьево не вполне совпадают. Но болота не горы, бригады вовремя заметили друг друга,— будете проезжать, обратите внимание на это место. В плане вождения автомобиля оно очень опасное. Особенно если учесть, что со всех сторон — болото.

Однако, греет мысль, что первыми в мире движение по этой дороге начали мы с Сапом — причём года за два до того, как она в реальности была сделана. Думаю, это очень по-социалистически. Нас можно занести в книгу Гиннеса — или, на худой конец, Дарвина.

...: Осеннее мотоциклетное ралли того же 1988 года с Сусаниным запомнилось метеорологическими условиями, в которых было совершено — температура упала ниже нуля и всю дорогу нас поливали потоки дождя, смешанного со снегом. Во что превращается шоссе при поливании его морозящим дождём при температуре -1°C , знает каждый автолюбитель (и автоненавистники тоже). Возникающая при таких метеорологических условиях дорожная обстановка именуется в народе “день жестянщика”. Сусанин до сих пор не может вспоминать об этом путешествии без дрожи,— зато я, не закрывая глаз, легко представляю, как выглядит его ледяная статуя. Как тяжело её снять с мотоциклетного сиденья, а затем научить ходить ногами. Как с брезентового плаща, надетого поверх телогрейки, косухи и свитера, при каждом движении слетают льдышки. Как Сусанин после пережитой заморозки учится говорить, и какие слова он говорит при этом. Так же знаю, что надо делать, когда ты на остатках горючего дотягиваешь до бензоколонки — и та

встречает тебя надписью: «БЕНЗИНА НЕТ!!!»

: на последних каплях горючего и его парах нужно проехать по трассе чуть-чуть вперёд и посмотреть вправо. Там в случившийся гололёд обязательно будет лежать опрокинувшийся МАЗ-мусоровоз. Потому что центр тяжести МАЗа-мусоровоза расположен высоко, на таких дорогах они всегда опрокидываются. Из его бака и можно добыть необходимое топливо. Главное (ведь бак опрокинувшейся машины находится над вашими головами!) — не облиться бензином с головы до ног, как сделали мы с Сусаниным, открыв крышку бака.

Каково размешивать халявный бензин с маслом *в баке трёхколёсного “ижака”* (вместо того, чтоб предварительно размешать это дело в канистре) *путём раскачивания этого монстра с забитой снарягой коляской при температуре около минус пяти градусов по Цельсию,*—

: запомнил на всю оставшуюся жизнь. И как недоразмешанное масло вначале заливает свечи... затем, после их тщательной очистки, начинает литься бензин со столь незначительной масляной примесью, что механике двигателя наступает...

: ну, почти наступает.

— остановимся на этом. Потому что если дам себе волю — “дорожные эпизоды” нашего старицкого движения растянутся страниц на сто. **Не меньше.**

Ведь на чём мы только ни приближались к магниту наших спелеодуш,— и как только ни приближались! — разве что на самолётах... Хотя кто-то, вроде бы, опробовал авиавариант “Быково-Змеево”. И легендарно-долго ругался о Бессмысленно Убитом Времени (не говоря о финансовой стороне этого авиаизврата),—

— приходится укорачивать себя и рвущиеся на лист воспоминания:

ITER/MARCHE/CURSUS

Крыша двухколёсная
Едет подо мной
И тоска межзвёздная
Тяготит горой

К чёрту бредни с циклами
Дат любви и заповедей,
Спятив с мАтоциклами
Стал восход на западе —

Между парой точек здесь
Вовсе нет прямой
Кочками пропитан весь —

Чуть/едва живой!

Добирались – старили,
Истирали шины,
Чтоб, прижившись в Старице,
Оставаться живы.

ЗНАКИ СУДЬБЫ

– Что считать значащим в нашей судьбе?..

: Почувяв асфальт, саповская старуха приободрилась и без запинки донесла нас до Старицы, а потом и до Калошинского лагеря. Где нас ждали со вчерашнего дня. Не отказывая себе в выражениях, мы поведали друзьям всё, что думали, о совдеповской картографии и дорожном строительстве. До конца дня блаженно отдыхали — даже вниз не спускались.

Я имею в виду – в Лисью. Потому что можно просто *лежать на траве над любимой пещерой – и ощущать её*. Так, будто находишься ТАМ.

: ВНУТРИ.

На другой день нужно было возвращаться домой. Маршрут сомнений не вызывал – строго через Тверь.

Сборы из Старицы домой – дело всегда неприятное. С нехорошим душевным осадком. Не люблю я эти сборы. Всегда стараюсь оттянуть неприятный момент до максимально возможного упора. Наши животные тоже не любят их, – особенно момент отъезда. Потому что в Старице им нравится не меньше, чем нам. Кошку Анжелы Ракшу мы, например, часа четыре тщетно пытались согнать с дерева — уезжать из Старицы она отказывалась. Лишь ближе к вечеру – убедившись, что сегодня отъезд точно не состоится, – соизволила спуститься. Моя собака Умка иной раз ведёт себя аналогичным образом – разве на дерево влезть не может, а потому в машину-таки я её упаковываю.

: думают-ли мотоциклы, я не знаю. Но судя по всему – да.

По крайней мере, из Старицы не хотят уезжать точно так же, как и наши животные.

: то есть *до Старицы из Калошина* он нас довёз. И там, обнаружив, что Сап нацелил его не к магазину (“за хлебом и пивом”, – как, наверное, он поначалу подумал), а прямо на тверскую трассу —

ЗАМЕР. Разыграл павшего. Типа, умер. Хотите – тащите меня в вашу поганую Москву на своих плечах; хотите – бросайте здесь и убирайтесь, куда угодно.

Или идите на иную Мировую Линию.

: На автостанции мы с Сапом увидели компанию молодых ребят; по виду явных спеликов. Весьма шумно ведущих себя разгильдяев. Уловив взгляд одного из них, понял: это и есть та *иная*

линия нашей судьбы.

: *Так в толпе видишь лицо случайного прохожего – и нечто выделяет его, давая весть: с этим человеком у тебя что-то будет. Что-то свяжет вас...*

Мы с Сапом обратились за помощью. И получили её. Спасибо Серёже Колобку. Спасибо Зорру и Дёме, Лёше Струменту и Филину. Спасибо Хохмачу и Севке. Спасибо Анжеле и Кролику, Наташе-Чудо, Томке, Нурсу и Лисе. Спасибо Серёже Сталкеру, собравшему эту команду. И пристрастившего её к Старице.

: **Около двух километров они посменно толкали нашего ‘мотошак’, заставляя его завестись,–**

“Яве” это не помогло – но мы обрели Друзей. С которыми потом исследовали новые старицкие пещеры и осваивали Съяны. И до сих пор вместе. Как бы ни менялись обстоятельства нашей жизни.

: очень быстро они стали полноправными никитянами — настолько, что приходящие в Никитский Круг в третьем тысячелетии не вполне отличают былой “ДС” от никитских ветеранов.

— да и кому нужно: отличать и делить?

Мы действительно ОДНО – с той встречи в Старице.

: Спасибо сапиенсовской “Яве”, что не пожелала покидать это дивное место – и тем соединила наши судьбы.

Спасибо Серёже Колобку – когда я вошёл в здание Старицкой автостанции, именно с ним встретился глазами. И он первым спросил меня:

– Нужна помощь?

Не спрашивая – кто мы и откуда. И в какой помощи нуждаемся.

“Но это — ещё не всё”:

: заканчивая второй километр безрезультатного “толкача” (первый в направлении Твери от Старицы; второй, естественно, обратно), останавливаемся в изнеможении.

– Что, ребята, помощь нужна? – интересуется мужичок с обочины дороги.

– Да какая тут помощь... – вздыхает Сапиенс,– разве что у вас в городе свечи к “Яве” продаются.

– Свечи, увы, в нашем городе ты не найдёшь,– говорит мужик,– за свечами наши в Тверь ездят, да и там теперь хрен чего купишь. Надо в Москву пилить.

: Сап матерится. Что для него откровенная редкость.

– Да ты не горюй. Оставишь своё мото у меня во дворе — а сам съездишь в Москву. Вы ведь оттуда?

– Из неё. Да. А что: действительно можно оставить?

– А почему нет? Ничего ему у меня не будет. Приезжай, когда сможешь — и забирай.

Мы заталкиваем сапиенсовскую “старуху” во двор благодетеля. Знакомимся.

Мужик работает техником в ПМК; разговор через какое-то время естественно сворачивает на пещеры. И на тему войны. Выясняется: отец этого мужика был во время войны в Старице брандмейстером...

: О его судьбе я уже написал.

Мы оставляем мотоцикл у его сына и уезжаем в город.

Единственно, что просит этот человек — привезти ему “хоть немного колбаски”. Какой — не важно. Потому что в Старице никакой колбасы нет —

: Не продаётся. В принципе.

Как и сыра. И конфет, за исключением карамелек.

«Вы не думайте, ребята, я заплачу...»

— Какой вообще разговор может идти про деньги???

А потому мы привозим ему в следующее возвращение колбасу — каждый даже в Москве тогда может купить её не более, чем полбатона за один раз,—

Но можно отстоять две часовых очереди.

А ещё за один заход в магазин можно купить полкило сыра. Не важно какого,— в 1988 году сортов сыра в СССР уже не существует. Есть “просто сыр” — точнее, его нет, но найти можно. Если очень хорошо поискать. Зато без долгих поисков в Москве ещё можно купить полкило шоколадных конфет — только полкило. Больше “в одни руки не давали”.

Кто-то забыл эти коммунистические времена,— а я вот помню.

: Пока голод окончательно не сломал и столицу, мы в каждый приезд в Старицу привозили ему московские продукты. Каждый — сколько мог позволить себе купить.

Денег, конечно, не брали.

Но не в них дело,— представьте себе: если бы не сдохла “Ява” Сапиенса, этого знакомства не было бы точно так же, как и нашей дружбы с “ДС”.

И много чего ещё — в конечном итоге.

: На той Мировой Линии, где “старуха” исправно довезла нас до Москвы; или на той Мировой Линии, где я не зашёл в автостанцию,—

: там не было бы и не случилось столько всего, что думать о том мире невыносимо-грустно. Хотя в какой-то момент он выглядел безусловно счастливее, чем наш. Например тем, что “Ява” там не сломалась. И быть может — только этим.

А может быть, мы продолжали бы жить там счастливо — не ведая о непрочитанных Знаках своей Судьбы и Мировых Линиях оной. Как не ведает олигофрен о своей ущербности.

: В любом случае в том мире не появилось бы этих строк. В том мире я не услышал бы *правды о войне* — и не верил потом книжным страницам тех, кто пытался открыть глаза незрячим.

И многих моих друзей там бы не было. И не только друзей:

Там никогда не возникло бы Первого РОСС — ибо идея создать его пришла к нам на общем костре с “ДС”, — и костёр тот состоялся только потому, что Анжела и Лиса — “Дети Сталкера”! — решили всё лето прожить в Старице. В нашем Калошинском лагере.

А значит, на той счастливой линии нашей судьбы не было бы ни открытия Капкана, ни Второго РОСС, ни Старицкой Конференции. Потому что одно неизбежно вытекало из другого, и только из него.

Разрушь эту Линию — увидишь: она была одна-единственная. Без парал-

лельных. Может, не очень удачная порой, а иногда печальная настолько, что силы выжить *почти не оставалось* — но только она вела к Старицкой Конференции. И к тому, что последовало дальше:

Уже не в нашей личной судьбе — но в судьбе той виртуальной дамы, что мы называем Спелестологией. В данном случае — именно с прописной буквы. Не верите?

: Я скажу дальше обо всём этом, и увидите сами.

А пока отвлечёмся от патетики, ибо передоз её сравним с пошлостью.

Мы с Сапом рассудили, что помощников наших нужно как-то отблагодарить; самое лучшее, что мы могли для них сделать — открыть им Лисью. О нашей Системе они уже знали (скорость слухов в спелеосреде значительно опережает скорость света, а по дальности распространения сильно превосходит) — но “соваться в пещеру жуткого Никитского Круга и страшного Командора” им в голову не приходило.

Сап объяснил им (за моей спиной), что мы не только относимся к Никитскому Кругу, но и что его напарник маленького роста — Сам Страшный Командор и есть. Так что бояться нечего.

Стрелку забили на следующую пятницу “в полночь у лысого”. То есть у фаллического изваяния Лукича в центре Ленинградского вокзала.

Хорошо, что ребята сразу предупредили нас, что даже летом предпочитают стоять под землёй — “иначе вообще зачем пилить от Москвы за 250 км?..”

: В общем-то, здоровая спелестологика. Коль не знать о нашем чудесно оборудованном лагере,—

Мы предупредили их, что у никитян сейчас “сексуально-финансовый кризис”. А стало быть, продовольственное обеспечение выезда — с них.

«Оно понятно»,— сказал Колобок.

— Тем не менее, не столько сомневаясь в новых своих друзьях или не доверяя их вкусу, а просто опасаясь, что в наступившие общеголодные времена продовольственная программа “ДС” ограничится пакетными блёвчиками, мы с Сапиенсом подстраховались. У обоих как раз случилась зарплата.

И подстраховался Юра Кирин, поехавший с нами.

И Серёжа Лещина.

: Рюкзаки наши мало не весили.

Когда мы встретились в полночь с “ДС”, с уважением оглядели их шмотники — они тоже выглядели неприподъёмными.

... в Старице, проходя мимо стихийной свалки, увидели детскую пластиковую ванну. «Пойдёт на водокап!»

: взяли и её.

Калошинский подъём, как обычно, забрал последние силы.

В лагере передохнули; перепаковали обильное содержание рюкзаков в подземные трансы.

Спустились в Лисью. Через десять минут были в стояночном гроте, Уэме. В отличие от родных Никит, в Лисьей всё удивительно близко. По крайней мере, в жилой части Системы.

«Куда у вас кладут продукты?» – спросил Колобок.

Я показал на продовольственную полку и отправился в спальню – “вить гнездо”. За мной последовали Сап и Кирин.

Через пару минут Колобок сообщил, что на полке продукты не помещаются.

Я подумал, что речь идёт о каких-то совсем незначительных остатках. Ибо полка в кухонной части грота была более, чем вместительной – на ноябрьских и мартовских выездах мы жили в Лисьей по неделе, и продовольственный запас человек на пять-десять легко умещался там.

«И что, ты не можешь их пристроить на полке?..»

«Командор! Это невозможно физически! С неё уже всё падает!»

Мы с Кириным и Сапом выглянули в гостиную часть грота.

И пришли в ужас – всё пространство от продовольственной полки до свода грота было забито банками рыбных консервов и тушёнки, пачками чая, сахара, макаронных изделий и круп... а ведь мы с Сапиенсом и Кириным ещё не разбирали своих продовольственных трансов!

«Остатки клади в ванную!» – скомандовал Кирин.

Правильно: не на землю же было их сваливать...

Когда мы распаковали полностью все свои трансы, ванна тоже оказалась заполнена.

Кирин взялся за один её конец, я за другой. Вместе мы смогли оторвать её от пола.

– Представляешь, Ком... – вдохновенно, с нехорошим азартом начал Кирин, – всё это нам предстоит...

– Сожрать? – предположил Сапиенс.

– ВЫСРАТЬ!!! – оглушительно рявкнул Кирин.

– И это тоже, – Лещина указал на забитую продовольственную полку.

ARIDUS LEX

А теперь – очень отдельная история. Она действительно “очень отдельная”, но в тоже время и показательная. Как бы то ни было, я обязан поведать её на этих страницах –

: Чтоб у иного читателя не сложилось превратного представления о том, что такое Никитский Круг на выезде (не путать с дурдомом!) – а особенно “Дети Сталкера”.

— Тот же 1988 год, лето:

Ни Мамонт < служащий в Никитском Кругу источником легендарного самогона с историческим названием “мамонтовка” >, ни Сапиенс < аналогичное замечание в отношении домашнего вина просто дивного вкуса и качества > в этом выезде участия не принимают. Меж тем горбачёвский “сухой закон” влачит своё триумфально-издевательское шествие по 1/6 части суши. В Крыму

и на Кавказе вырубаются элитные виноградники, за самогонование народ садится косяками и пачками. Печальные анекдоты распалют всеобщее чувство народной фрустрации —

— и не только анекдоты: свежа легенда, как **вся Старица** была посажена “под домашний арест” на 15 суток “за массовое нарушение” антиалкогольного Указа,— но мы так устали от безумной тверской ночной дороги, так продрогли и вымокли в пути — что на Указы плевать. [Впрочем: если б и не устали, не продрогли и не промокли — на подобные “указы” и “ДС”, и нашей никитской команде было “плевать по жизни”.]

Тем более, что весной при праздновании в Лисьей АНГ — Астрономического Нового Года — мы уже влетели под действие этого психопатриотического Указа *по полной программе* — наивно вообразив, что сможем закупиться спиртным в Старице. Потому что в столице ничего алкогольного купить было уже нельзя,— только и оставалось надежды, что на местные винные магазины. Конечно, Сапиенс взял с собой пару литров своего замечательного вина — тонкая эстетическая капля на нашу большую компанию. Мамонт тоже взял — сколько было наварено. По техническим причинам на момент выезда наварено оказалось немного.

: Столь немного, что хоть плачь.

Винные магазины в Старице оказались закрыты.

А я смикшировал новогодне-весеннюю сборную замечательным фрагментом из песни В. Луферова “Хороводная вокруг зелёного кувшина” — фразой «Наливают... И выпивают!»,—

: рассчитывал, что под каждое звучание оной будем “наливать и выпивать”. Чередуя замечательное сапиенсовское вино с “мамонтовкой” и официально купленным стекломоем.

Всё ночное традиционное новогоднее застолье.

Еды на которое — то есть самой эстетской и замечательной, по нормам совкового времени, *закуси* — было взято с запасом. Каждым из нас. В отличие от спиртного.

: Через три или четыре повторения фразы источники алкоголя в гроте иссякли.

Прекрасная закуска просто не лезла в горло без предшествующей жидкости.

Ещё через четыре повтора мне высказали всё, что обо мне думали.

Сборная была длинная — на всю ночь. И очень хорошая. Выключать было жалко.

Попробовали закусывать корейскими салатиками и родным салом с малосольными огурчиками чай.

Где-то на восьмом издевательском повторе я предпочёл выключить сборную, чтобы остаться в живых.

: Повторения этой сколь дурацкой, столь печальной истории никто не хотел.

— А потому по приезду в Старицу Колобок и Филин засылаются в город; мы забираем из их шмотников всё тяжелое и

топаем к Лисьей. Наивно полагая, что они догонят нас налегке с приобретённой разогревающе-стимулирующей жидкостью.

Ждём их какое-то время перед входом в пещеру — затем забрасываемся в Уэм. Распаковываем трансы. Колобка и Филя всё нет. Начинаем готовить ‘обедавтрак’ (ванна ещё не исчерпана — хотя мы третий выезд подряд активно работаем над этим вопросом); периодически кто-то бежит ко входу — сменив дежурного, поставленного из опасения, что наши герои борьбы с трезвым образом жизни по какой-то иррациональной причине проскочат мимо дыры. Со столь ожидаемым всеми ценным грузом. Ёмкостью в $1,5 \pm 0,5$ л — как полагаем мы с Кириным. Исходя из суммы общественно собранных денег и средней цене на самогон в то прогарное время.

Особенно нервничает Томка — подруга Филина. Успокаиваем её соображением, что безусловно рассудительный и совестливый Колобок не даст развернуться безбашенности её будущего супруга — потому, собственно, и послали их в одной связке.

: Во второй половине дня очередной вперёдсмотрящий извещает нас, что на горизонте появилось странное движущееся пятно. Или ‘странно движущееся’ — тут уместны оба оборота.

Через какое-то время становится возможным различить следующее: огромный транс Колобка на движущемся на четвереньках его носителе. Рядом на четвереньках подпорка в виде Филина.

Транс издаёт характерные бутылочные звуки.

— “Спелестологический укор товарищу Мересьеву”, — комментирует картину Юра Киринов.

По прибытии к дыре выясняется: у винного магазина (единственного на весь город, оставленного коммунагами в действии, причём эпизодически-условном) стояла километровая очередь [объявление водителя автобуса: «остановка — Винный Магазин. Следующая остановка — Конец Очереди...»] с номерками на ладонях, написанных ещё в начале прошлой недели. В надежде на приезд некой “винной фуры” по поводу субботы. Более источников алкоголя в городе нет — вслед за пережитым городом “домашним пятнадцатисуточным арестом” источники местного самогона, не без ‘праведной помощи’ подонков-стукачей, “прекратили истечение своё”.

: Фура приезжает. У дверей магазина — давка, свара и драка. С участием колов и прочего сельскохозяйственного оружия. За дракой старицкие мужики пропускают сказанную продавщицей фразу: «Грузчиков у меня нет, так что кто поможет разгрузить фуру — получит в качестве платы столько, сколько унесёт». Причём без всякой очереди. Дивная фраза не могла пройти мимо тонкого слуха Колобка — он успел (только он умеет так быстро и так основательно убеждать, и более никто на свете) сообщить продавщице, что самые лучшие в мире грузчики сегодня — он и Филин.

: За час они вдвоём разгрузили фуру.

И уместили в столитровый транс Колобка “столько, сколько смогли унести”: *бормотухи «Анапа» ржевского розлива*.

Две не вмещающиеся в транс бутылки сразу приняли внутрь. И продолжа-

ли принимать по бутылки “для облегчения транса” в честь каждого стойчески преодоленного километра.

От магазина до пещеры их оказалось около шести.

... Слово «Анапа» до сих пор вызывает у каждого из участников того выезда самые рвотные воспоминания. Но – если б не мудацкий ‘сухой загон’?

: Взяли бы пару бутылок водки, как обычно, – на нашу большую компанию, да ещё промокшую-промороженную дикой тверской ночной дорогой — не передоз. А медицински-психологическая норма.

КАПКАН

Летом 1992 года, работая в Старицком архиве, я нашёл недвусмысленные указания, что в некой пещере, расположенной примерно посредине меж Щаповой горой и Старицей, был оставлен склад оружия для партизан. Как я уже знал из расспросов местных жителей, партизанское движение в районе не состоялось – руководитель партизанского отряда Смирнов в день отступления наших войск из Старицы был убит выстрелом в спину. От Мамонта и Малого Хенка слышал, что они в начале восьмидесятых “примерно в этом месте” нашли некую пещеру-каменоломню, “подозрительно похожую на Никиты” – точнее, на никитскую систему ЖБК. О пещере этой они узнали от знакомых “чёрных следопытов”, что занимались поисками неучтённых советской властью захоронений оружия. Сведения были крайне расплывчатые, неконкретные – известно: даже если “чёрные” находят что, об удаче не распространяются.

Мамонт и Хенк вломились в эту Систему случайно; провели в ней один день, толком её не осмотрев – и вынесли вердикт: Система “плохая”. Посещать её не стоит. [Мамонт ссылаясь на обильную экстрасенсорную “зачумлённость”; Хенк говорил, что у него просто очень болела голова.] Всё, что они мне передали из имевшей ценность информации – что войти в неё можно из левого борта первого большого оврага после Старицы на правом берегу Волги выше моста.

Главный архитектор района рассказал, что в двадцатых годах там работала артель, и камня было добыто “очень много”.

Мы с Лисой, опрашивая местных жителей, нашли старика, у которого в этой каменоломне работал отец – бригадир артели. Он поведал, что в марте 1929 года выработка была остановлена “приказом сверху”; всем мастерам повелели оставаться в своих домах и никуда не отлучаться. К отцу пришёл друг и сказал, что его предупредил родственник, работавший в “органах” – мол, завтра всех рабочих-каменотёсов арестуют, как “кулаков”. Друг собирался бежать и предложил тоже самое отцу нашего респондента. Отец не решился бросить семью и детей; на другой день был арестован НКВД. Как и прочие рабочие. Больше наш респондент его не видел; ничего о судьбе своего отца не

знает. Где находится каменоломня, точно не помнит – но по его рассказу выходило, что каменоломня, в которую проникли Мамонт и Хенк, и та, где работал его отец – одна и та же.

И получалось, что именно в ней был оставлен невооружённый партизанами склад оружия. (Хенк с Мамонтом видели большие деревянные ящики, оббитые железными полосами – пустые и раскуроченные.) Было ясно, что “чёрные следопыты” уже проникли в эту Систему — но весь-ли склад они нашли?

: Даже если оружие вынесено полностью – оставался чисто спелестологический интерес к этой Системе: что в ней такого “экстрасенсорно чёрного” случилось, – как велась разработка и почему она была похожа на никитскую? Каких размеров вообще эта каменоломня?

Весной 1993 года на майские иды с нами в Старицу выехала команда учеников Лещины и никитская группа “Свалка”. Одной из задач выезда я объявил поиск возможного входа в эту Систему: теперь, когда я собрал всю, максимально возможную по ней информацию, вскрытие казалось лишь делом техники. Которой “Свалка” владела в совершенстве.

К этому времени уже было учреждено РОСС – Российское Общество Спелестологии и Спелеонавтики, “официальная крыша” Никитского Круга. Учреждено для реализации довольно-таки отчаянного проекта: проведения Большого Спелеонавтического Эксперимента – одновременного трёхмесячного изолированного пребывания двух групп спелеонавтов, – и строительства экскурсионно-туристического, с упором на спелеотуризм, коттеджного комплекса в Старице.

При содействии администрации города [и очень долгих мытарств, о которых я сполна поведал в “Белом Камне” и его завершении “Дольше Света Длится Тьма”] осенью 1992 года мы купили нужные нам участки земли – на левом берегу Волги в двух километрах ниже моста по течению реки – и местная ПМК начала строительство заказанных нами коттеджей. Поскольку РОСС являлось “неформальной общественной организацией” без права ведения коммерческой деятельности, в качестве официально-коммерческой “шапки” проекта была создана фирма “Паренди”²⁸. А потому официальный её директор Илья Неворотин присутствовал на выезде.

: Не буду описывать весь выезд – ибо в каждом из наших майских выездов были свои чудесные приколы и радости; каждый из них чем-то походил на другие – но чем-то и отличался; в каждом случались свои открытия. Как и поражения. Но такого, как в этом, не было ни до, ни после.

Учитывая, что “весенние шурфы долго не стоят” – а также, что майские иды лучше использовать для разведки и поиска, пока склоны не забила скрывающая детали ландшафта “зелёнка”, почти всё время выезда было посвящено долгожданному Свободному Поиску за Щаповой горой. Вольноопределяющиеся “рабочие отряды” < нет ничего хуже, когда *персональной спелеоинтуи-*

²⁸ Паренди – зороастрийская охранительница подземных кладов. Предтеча русской Хозяйки Медной горы и альпийской Двумликой Эвы.

ции мешают чьи-то ‘потусторонние’ указания и подсказки >, состоящие из блестяще проявившей себя в Никитах “Свалки” и группы учеников Серёжи Лещины, неделю рыскали по тамошним блокам, намечая районы летних вскрытий.

Руководящее ядро экспедиции (оно же, по совместительству, руководство фирмы “Паренди” и РОСС²⁹) решало в эти дни наши административные проблемы в городе Старица. 9 мая была запланированная наша последняя, резюмирующая встреча с “отцами города” (с угрожающе-неизбежным застольем); на 10 мая – отъезд.

8 мая я со “Свалкой” (Андрей Кожух – Новый Леший, Сергей Факир, Саша Вилков – Херург и Саша Карягин – КМС³⁰) произвёл тотальный осмотр склона ближайшего к Старице оврага. И примыкающего к нему участка борта долины Волги. Дабы заложить пару разведочных шурфов и определиться с намеченным на июль “торжественным вскрытием” гарантированно существовавшей Системы. Борт долины из места раскопок был нами сразу же исключён; моя работа с рамками показала, что пара мест на склоне оврага для вскрытия Системы подходят гораздо больше.

Сравнив их профили, я остановился на одном.

Ребята начали копать разведочный шурф; я вернулся в лагерь. Мне с Ильёй нужно было обсудить кое-какие детали предстоящей встречи с “отцами города”; договорились, что по приходу в лагерь я тут же направлю на помощь “Свалке” лещиновских учеников, а через пару-тройку часов со “старшей” частью команды подойду их сменить. Как думалось, к этому времени ребята закончат выем земли и дойдут до рухнувшего плитняка кровли – на вскрытии которого понадобится опыт старших. Впрочем, с пятидесятьюпроцентной вероятностью шурф мог оказаться “слепым” – как и вывести на невскрываемое циклопическое обрушение.

: На то он и назывался разведочным. Чтоб подстраховаться от лишних иллюзий. Но место работы определил я – копала же “Свалка”.

“Экспедиционный совет” фирмы состоял из меня, Ильи, Лёши Константинова (врача экспедиции, а также руководителя запланированных спелеомедицинских программ РОСС) и Татьяны Рашковской [Bes(t)] – в то время уже разведённой с Юликом. Приблизительно за час мы утрясли план нашей компании на завтрашнюю городскую баталию (предстояла покупка для фирмы “уазика”, а также трудные переговоры по определению статуса купленной мной ещё осенью земли – город полагал её своей, и на таких основаниях она была мной приобретена — но неожиданно в дело встрял местный

²⁹ Сникерс, тампекс и памперс в одном флаконе.

³⁰ Саша действительно тогда был кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе. Теперь – мастер. Помимо этого, у него “чёрный пояс” каратэ и своя детская спортивная школа. В сутках, естественно, около 20 рабочих часов — но хоть раз в месяц, он продолжает навещать родные Никиты вместе с супругой Мариной. Где, между прочим, и познакомился с ней.

колхоз, который предъявил на землю права и явно требовал “отстёжки” в свой адрес; решить вопрос должен был Ефим Смолин, тогдашний Глава администрации Старицкого района).

— По завершении совета Илья остался оформлять наши мысли на бумаге; мы с Лёшей и Татьяной спустились к Волге опробовать её весенние воды на предмет купания. Когда мы поднялись обратно в лагерь на высоту пятидесятиметрового обрыва, застали странную картину:

“Свалка” в полном составе присутствовала у костра, по другую сторону которого на пентагоновом бревне сидел Очень Мрачный Неворотин. Лещина с учениками стояли чуть поодаль. Все напряжённо молчали.

— Дальнейшие раскопки и посещение дыры я запретил,— сразу сказал Неворотин. И добавил для определённости:

— Как генеральный директор фирмы.

— Почему???

— Потому что мы уже вошли в Систему...

— Которую называли Капканом...

— Потому что первое, что мы откопали в шурфе, был медвежий капкан...

— И потому что в первом же гроте они нашли ЭТО!

: Илья указал на несколько металлических предметов, лежащих перед ним на земле.

В которых без напряжения угадывались взрыватели от немецких противотанковых и противопехотных мин.

: Неплохое открытие перед завтрашней “праздничной встречей в верхах”...

— И для кого-то очень уж несвоевременное. Почти, как мысли Максима Горького в 1918 году, перед бегством на Капри.

Или опубликование книги Суворова “Ледокол” в аналогичную дату году в 1945.

: Недовольство запретом на посещение вскрытой Системы на лицах представителей “Свалки” читалось отчётливо. Ученики Лещины также не выглядели радостными.

— Ты вообще понимаешь, что они чудом остались живы? — обратился ко мне Добрый Доктор.

— Понимаю,— пробурчал я. — Илья, внеси в список ещё одного человека, кому завтра придётся явиться на службу...

— Уже внёс,— отозвался он. — Ты о военкоме?

— О ком же ещё??? И мента главного позвать тоже придётся. Значит, сейчас нужно бежать в Старицу — предупредить Сысоева...

— Любим мы ляврам праздники портить,— тихо говорит Лещина. Фраза кажется до боли знакомой — потом доходит, что Сергей процитировал только что законченную мной “Последнюю Каплю Сталактита”: эпизод со взрывом Никит. То есть, Ильей.

— А себе — жизнь,— ехидно добавила Татьяна.

– Коновалов на мотоцикле вот-вот обещался подъехать. У него телефон есть, Сысоеву позвонит. Или съездит. Так что не дёргайся.

– Блиннн!!! Да какое тут “не дёргайся”!.. У нас со вчера хоть что-то осталось?..

– Только для героев вскрышного фронта. Ну, и тебе глоток – за Предсказание...

– Героев-геморроев... Ох, будет завтра в ваш адрес сказано...

– В НАШ адрес. И в Москве на улице Осипенко — не меньше.

— несколько пояснений:

Александр Сергеевич Коновалов, имевший помимо по-старички значащего имени-отчества замечательный номер телефона 3-62, был председателем местного клуба туристов и нашим давним старичкиным другом; он постоянно выручал меня в поездках по району. Николай Николаевич Сысоев, в те годы мэр г. Старица, во всём помогал нашему проекту; именно с его помощью в обход многих тогдашних законов я смог купить землю для наших коттеджей. Естественно, процитированная Сергеем фраза к Николаю Николаевичу не относилась ни в коей мере — для присутствующих на поляне адресация её была очевидной: Ефим Смолин, непросыхавший глава администрации района, — своего рода дубль нашего тогдашнего ‘крэзидента’.

: Именно он мог принять важнейшее для нас решение о территориальной принадлежности нашей земли (ибо Старица – город районного подчинения). Окажись в его юрисдикции – не имели бы городской телефонной связи (или платили за неё по повышенным тарифам) и в дальнейшем зависели от малейшей его прихоти. В отличие от Сысоева, весь наш проект был ему глубоко до лампочки. На своём совещании мы решали, что ему предложить: деньги (и сколько) – или водку (если «да», то аналогичное замечание). Что в любом варианте развития событий поднявший шум председатель колхоза молча пойдёт на хер, никто из нас не сомневался.

— А теперь представьте: в *День Победы* мы приносим им всем наше открытие... Что взять с нас и малосольный огурец на праздничную закуску после этого будет невозможно, даже Смолин должен был догадаться. Как и о размерах предстоящего шума на всех уровнях — от областных масс-медиа до ФСБ. Кстати, Неворотин специально запланировал эту результирующую встречу на праздничный день – ибо Смолин гарантировано должен был быть ‘под шофе’. А пьяный он отличался известной сговорчивостью. Да только даже поднаторевший в интригах Илья не мог ожидать столь стремительного вскрытия легендарной партизанской Системы “Свалкой”. А также, что они “с первого копа лопатой” не промахнутся мимо противотанковой мины. И не одной. *И останутся живы...*

– и последнее замечание, плавно переходящее в действие:

В Москве на улице Осипенко (теперь Садовническая улица) находится штаб Московского Военного Округа – без санкции Инженерной Службы которого вскрытие заминированных объектов проводить не положено. А потому весь июнь я разрывался меж старичкиным начальством, штабом МВО,

газетами и телевидением. Результатом чего явилась самая, наверное, знаменитая экспедиция Никитского Круга в старицкие пещеры — “экспедиция Капкан”, как она называлась согласно утверждённому Начальником Штаба МВО документу.

От Службы Разграничения (так официально обозначается подразделение МВО, специализирующееся на разминировании ловушек времён войны) в экспедиции принимала участие сапёрная бригада с миноискателями, машиной и полевой электростанцией; прессу, естественно, возглавляла «Красная Звезда» <“куда ж без “Авроры”-то?” Но статью они написали дельную>; далее следовали журналы «Вокруг света», «Столица», пяток тверских и десятков московских газет; московское телевидение представляло НТВ (с подачи Льва Новождёнова), тверское — местный канал. Охрана экспедиции от бандитов была поручена специальному отряду местной милиции, что одновременно являлся группой районных “красных следопытов”, — от них мы и узнали подробности “мягкой оккупации” Старицы немецкими войсками. Ребята оказывались просто замечательными, и нашу начавшуюся дружбу портило одно: они не только были обязаны охранять нас от местных бандитов — но и следить, чтобы мы сами этот склад не расхитили.

Спелестологи были представлены всем тогдашним Никитским Кругом. То есть около 100 человек.

Кто пытался организовать такого рода мероприятия — знает, какой это ад, геморрой и судорога.

: Срывов мы избежали. Несмотря на явно демонстрируемое внимание тверских, старицких и ржевских бандюганов. И пары гастролёров из Москвы — какую мафию они представляли, мы так и не поняли. Но лица были “явной кавказской национальности”. Накануне выезда я даже получил по телефону “успокаивающее” предупреждение из ФСБ: «не беспокойтесь, Сергей Борисович, дело под контролем, соответствующие государственные службы в курсе ваших проблем; в Старицкое отделение специально направлен человек, владеющей всей информацией по вашим исследованиям. Так что будьте крайне осторожны.» Осторожность, судя по всему, я должен был проявить при попытках выйти на участников экспедиции представителей “чёрных следопытов” с естественным предложением “сдать складик”.

На первом же экспедиционном совещании, состоявшемся накануне официального открытия экспедиции в кабинете начальника старицкого РУВД, представитель московской гбухи в приказном порядке потребовал, чтобы участники экспедиции даже в лес по нужде ходили компанией, не меньше трёх человек и с чётким Контрольным Сроком; помимо этого чтоб было организовано непрерывное круглосуточное патрулирование окрестностей лагеря и дежурство у центрального костра; в город за продуктами (и неизбежным бухлом) участники экспедиции отправлялись точно в соответствии с заранее составленным графиком и охраной из вооружённых бойцов старицкого спецназа — признаться, и у меня, и у начальника старицкой милиции уже от половины этих предложений чуть не случилось сильное чувство блёва. Улучив момент, когда гэбэшник не смотрел в нашу сторону, мы понимающе перегля-

нулись и вздохнули.

– И нечего там вздыхать,— раздалось тут же,— ситуация куда серьезней, чем вы думаете!

— В общем, шухер был грандиозный. Включая по одному нервному срыву у меня, Неворотина, Татьяны и Константинова. < Неворотин умудрился вписаться на нашем, купленном в мае “уазике”, во встречный “камаз” в 100 метрах от поста ГАИ на въезде в г. Тверь; вёз он, главным образом, корреспондентов “желтой прессы” — но ни один из них не убился; Илья, к сожалению, тоже. Татьяна замучилась организовывать кормление прорвы неуправляемых спелестологов; Доктор был преследуем то-ли местной мафией, то-ли заезжими гастролёрами в тот единственный момент, когда попёрся в город без охраны,— я просто чуть не сошёл с ума, распределяя график посещения Капкана меж топосъемочными командами, сапёрами и вольноопределяющимися спелеохвостами. >

Лагерь экспедиции был поставлен на “аэродроме”, ближнем к Капкану — палатки и машины растянулись почти на полкилометра.

В самый решающий день экспедиции “анонимный источник” сообщил местным ментам, что в город явился давний старицкий “авторитет” — и отсиживается на персональном складе с оружием. Устроенном в небольшой каменоломне ровнёхонько против здания районной администрации на противоположном берегу Волги. Менты вызвали нас на подмогу; я отобрал из лагеря тех, кто имел представление о рукопашном бое и владел огнестрельным оружием — ринулись на захват. Менты лезть под землю впереди нас отказались — хотя в отличие от нас были облачены в бронежилеты.

Ментовские собаки — тоже (в смысле, отказались). У меня срывался намеченный график работы под землёй; дабы пресечь пустопорожние дебаты, попросил у ближайшего бойца-спецназовца АКМС (получил вместо него ПМ, причём без патронов) и первым ломанулся внутрь. Не так, как это показывают в голливудовских боевиках — а так, как это надо делать, дабы остаться живым. При любом раскладе.

: В пещере никого не оказалось — конечно, информация была чьей-то дюже умной шуткой. < Возвращаясь в лагерь, больше всего опасался, что именно в этот момент на него может быть совершено реальное нападение — но обошлось. Хотя подозрительные дяди в моторках постоянно катались по Волге вверх и вниз по течению реки, явно притормаживая на траверсе нашей поляны. Возможно, это были местные любопытные — однако, рожи у них были не вполне гражданские.³¹ >

Склада боеприпасов в Капкане мы не нашли; только уже описанные никитянами Мамонтом и Хенком разбитые цинки от патронов и оружейные ящики конца тридцатых годов. Очевидно, “чёрные” вынесли всё подчистую.

Зато в пещере были найдены следы самого настоящего подземного боя —

³¹ Возможно, это были “бойцы невидимого фронта нашего бремени” — отличить их хари от бандитских после случившейся перестройки стало в принципе невозможно.

характерные языки копоти на стенах от огнёмётов, гильзы от “шмайсеров” и трёхлинеек, следы пуль в стенах, противогазы и другие детали военного снаряжения времён войны – а также патрон с остатками записки, надпись на стене, накарябанная у самого пола (писалась, видимо, в положении лёжа без света) – прочитать удалось лишь «Поги...». И следы “пьянки победителей” — битые и целые бутылки из-под немецкого вина и шнапса.

Согласно реконструированной картине боя (с помощью местной газеты удалось найти свидетельницу – старушку из села Старо-Ямское), три наших бойца были оставлены охранять склад до особого распоряжения; за стремительным бегством Красной Армии из города их просто-напросто забыли снять с поста. Кто-то из местных жителей “заложил” полевой жандармерии бойцов; на предложение сдаться они, естественно, ответили нелитературным отрицанием. И открыли огонь, отступив вглубь каменоломни. Что было под землёй, свидетельница не видела — но восстановить картину боя по подземным следам можно. Бойцы были вытеснены в центральную часть каменоломни, к охраняемому складу. В котором оружия было вдоволь – не было только продовольствия. И источников света. Они взорвали центральный вход в каменоломню (если это сделали они, а не немцы) — но осаждающие проникли через боковой вход, что выходил в овраг. Кто им его показал – неизвестно. Быть может, тот же человек, что сдал бойцов.

Отрытые бойцами три индивидуальных окопчика против этого бокового входа видны и сейчас; в каждом из них найдено по несколько гильз от трёхлинеек. На некотором расстоянии перед окопчиками стены каменоломни и свод исчерчены характерными факельными языками огнёмётов.

Сдались бойцы от голода и истощения, или были застрелены – неизвестно.

Неизвестными остались и их имена. За прошедшее со дня публикации время корреспондентам «Красной Звезды» удалось лишь подтвердить факт боя. По слухам, подтверждение пришло с немецкой стороны; точной информацией я не располагаю. Знаю лишь, что когда в середине девяностых годов немецкая Ассоциация ветеранов и родственников павших во время II мировой войны (это не строго документальное её название, скорее, вольный перевод с немецкого) вызвалась оказать г. Старица продовольственную и материальную помощь, попросив в замен дозволения привести в порядок могилы убитых немецких солдат на территории района — она получила “полный и решительный отказ”. Причём сформулированный “на вполне дипломатическом языке” < цензурной была лишь назывная часть, как в анекдоте о ноте протеста, написанной молодым дипломатом: «а слова Черножопая Обезьяна надо писать с большой буквы – как-никак, пока президент республики» >.

Но именно эта Ассоциация могла пролить свет на события далёких лет.

Только кому-то это показалось “немного несвоевременным”.

Примерно, как ухоженные могилы завоевателей — что по мнению иных, являются лучшим памятником Победы.³²

³² В 2003 году во время очередного посещения Капкана группой Никитского Круга в дальней от входа части пещеры были найдены останки одного из

“Экспедиция Капкан” длилась с 12 июля по 25 июля – в этот день работы с миноискателями были официально завершены.

Длина отснятой за время экспедиции части Системы превзошла 5 км (отснять удалось не более 1/6 от общего объёма пещеры — зато впервые, по крайней мере в Старицком районе, была выполнена не только топографическая, но и магнитометрическая съёмка полости). Капкан занимает на поверхности площадь ~ 300 X 300 м с интервалами меж перпендикулярно пересекающихся штреков ~ 10 м; часть этих штреков, конечно, погребена случившимися обрушениями – часть представляет собой краевые забои, не связанные поперечными ортами. Старые привходовые разработки, идущие непосредственно вдоль борта речной долины, выработаны камерно-столбовым способом. Согласно настенным граффити, часть старых разработок, предшествовавших в массиве “артельной добыче” 1915 ÷ 1929 гг., относится к XVI веку; часть более современная (надписи второй половины XIX века и 1902 ÷ 1907 гг. с сажевыми вертикальными штрихами подсчёта вывезенных блоков, характерные также для Лисьей).

Прогнозируемая суммарность ходов Капкана находится в районе 30 км – при этом отчётливо выраженные следы разработок (отвалы, привходовые обрушения и точильные рвы) прослеживаются до самого конца блока, на расстояние около 700 м. В случае их сбойки с Капканом общая длина Системы может возрасти до 40 км – но надежды такого рода, как правило, обламываются не менее, чем на половину.

Полость обильно украшена натёчными корами белых, желтоватых, красных и голубовато-зелёных оттенков; есть сталактиты до 25 см длиной. Размеры кварцевых друз доходят до 20 см в поперечнике. Прибавьте к этому морфологию и топологию разработки, абсолютно не похожую на прочие старицкие Системы; остатки рельсовых путей – нигде более в Старицком районе для вывоза добытого камня не применявшиеся; найденную в древней, “доартельной” части пещеры подземную часовню с иконой на коже XVI века, – подземные граффити, в том числе о принудительной остановке добычи камня в марте 1929 года...

В месте подземного боя были обнаружены идентичные обеззараживающие пеналы (в годы войны входили в индивидуальную аптечку рядового Вермахта), сделанные на фабриках СССР и Германии в 1938 ÷ 1940 гг. — что ещё раз говорит о прямом снабжении Вермахта нашей промышленностью перед войной.

Экстрасенсорные открытия, сделанные в Капкане, тоже нельзя сбрасывать

бойцов – кости и фрагменты военного обмундирования, наполовину присыпанные обвальным глиняным конусом. Возможно, скрывшийся от немцев боец на ощупь пытался выбраться, выкопаться наверх из Системы. Насколько мне известно, со стороны местных властей и сотрудников МВД интереса к перезахоронению останков проявлено не было. Поскольку ситуация эта несколько скандальная (если говорить очень мягко), имена нашедших останки я называть не собираюсь.

со счёта: как правило, пещеры называются женскими именами (и при посещении их ясно чувствуется: это – Она),– Капкан был первой старицкой пещерой, получившей мужское имя.³³ И он его полностью оправдал. Такого количества сбивающих с толку мороков мы не встречали, наверное, ещё ни в одной Системе: у части спелестологов при входе в Капкан тут же начинает болеть голова (это не связано с концентрацией CO₂, так как головная боль возникает не более, чем у трети посетивших Систему); многие начинают себя чувствовать в Капкане, как пьяные – с характерным нервным возбуждением, некоторой немотивированностью поступков и бессистемностью действий. Почти у всех наблюдаются проблемы с ориентацией – особенно в привходовой части, причём вне зависимости от спелеоопыта. Можно предположить, что далёкие трагические события отпечатались в информационном поле его белого камня – как разгром трудившейся в нём артели, так и подземный бой слабеющих от холода и голода бойцов. Скорее всего, визит “чёрных следопытов” не прибавил местному информационному полю “положительной энергетической составляющей ” — что легко ощущает каждый входящий в Капкан спелестолог. Оттого исследование этой страшной Системы идёт очень медленными темпами, и будет-ли когда завершено — неизвестно. Как остались неизвестными имена попавших в его капкан бойцов.

26 июля в присутствии Главы администрации района и его военного коменданта, как глава экспедиции и Координатор РОСС, я подписал Резюме Поиска с капитаном Службы Разграничения и начальником РУВД Старицкого района.

Дело о поиске партизанского склада с оружием было официально закрыто – и открыто новое, по статье “о хищении оружия”.

Которое, скорее всего, будет сдано в архив по истечении известного времени.

– Спелестологическая часть экспедиции переместилась в район наших строящихся коттеджей — потому что прямо против них в борте долины Волги была неожиданно обнаружена неизвестная до того каменоломня.

Представляла она камерно-столбовую одиночную выработку “семейного типа” около 300 м длиной и состояла из пары достаточно просторных центральных гротов-забоев, окружённых полуприваленными и полузамытыми кривыми штреками боковых разработок. Кристаллическое и натёчное убранство, а также всевозможные отпечатки каменноугольных “дохлостей” были на хорошем Старицком Уровне.

Мы назвали её Кафе – ибо расположение её было таково, что сама собой пришла в голову мысль соединить вскрытую полость переходом с одним из наших коттеджей и организовать внутри туристическое кафе с подземным музеем добычи “старицкого мрамора”.

³³ Пещера Парабеллум, открытая командой Пети-Крота, названа так в честь группы. А потому этимологический и эниологический аспекты этого наименования несколько иные.

Группа “Свалка” начала работы по благоустройству привходовой части пещеры.

Только планам нашим сбыться было не суждено –

: В эйфории от успешно, во всех смыслах, завершившейся экспедиции по изучению Капкана *мы забыли, в какой стране живём.*

: в какое прогарное, во всех отношениях, время.

* * *

С момента нашего вскрытия Капкана прошло 18 лет. Насколько продвинулось исследование этой пещеры?

: А ни на сколько. Можно даже сказать, что оно откатилось назад –

: в Познании мира такое бывает. То есть сейчас мы знаем о нём меньше, чем 13 лет назад, во время проведения Первой Старицкой Международной Спелестологической Конференции. Ибо проведённое на этой Конференции повторное обследование Капкана (уже не одним Никитским Кругом, но сборной командой ведущих на то время спелестологов, причём не только российских) показало: центральная часть Капкана, разработанная артелью, не отличается от мартьяновских разработок Никитской каменоломни — те же следы рельсовых путей, те же размеры штреков и орт, тот же крепёж сводов и та же топология выработки... Похоже, Капкан действительно разрабатывали мартьяновские мастера. Подавшиеся в Старицу после того, как наводнение 1913 года остановило добычу известняка в Никитах.

На документально-архивном уровне это утверждение доказано не было. То есть вопросов прибавилось – а ответов на них... Увы. Как обычно.

А ещё на той же Конференции одна из лучших подмосковных спелестологических групп “Летучие Мыши” вскрыла второй вход в Капкан, со стороны Волги. Почти в пятиста метрах по прямой от первого. Проникнув через него, мы увидели уже знакомые нам полузамытые кривые штреки кустарной приволжской разработки – в которые проходили за четыре года до того из центральной части Капкана. Но даже межвходовой траверс Системы проведён не был. На Конференции было не до того, ибо приехали на неё со всех концов Земли не ради праздно-рекордного подземного гуляния (хотя, конечно, гостям наши старицкие закрома в каком-то приближении показали),– тем более, что (как водится!) вскрытие привело ко входу в Систему в последний день нашего конференционного пребывания,– а потом...

: Опасаясь толп халявщиков, что могли ломануться по нашим следам и загадить, испакостить Систему, мы не только принципиально не поддерживали входы в Капкан в безопасном состоянии – поспособствовали тому, чтоб они долго не простояли.

И прикрыли третий, который выходил в верховьях оврага и мог быть открыт за полчаса работы сапёрной лопаткой.

А ещё привели в исходный вид пару сбоек внутри Системы – раскопан-

ных/вскрытых нами.

Принцип: кому нужна не халява, а реальное исследование Подземли, без труда найдёт эти входы и вскрыет их. Хотя бы потому, что идти по чужому следу всегда легче. Если имеете что-то против этого принципа — поведайте о своих героических вскрытиях. А потом трендите.

: желающих повторять вскрышной подвиг “ЛМ” & НК не нашлось. Находились лишь любители поязвить в ‘инете’ о “несоответствии реальных размеров Капкана заявленным Командором”³⁴ —

— ибо даже когда вход в Капкан был открыт (НК несколько раз возвращался к исследованию этой Системы), попадающие в Капкан группы ограничивали своё знакомство с ним гулянием-шлянием по привходовой части. Ни в один шкурник не тыркались,— даже до замытой зоны старых привходовых разработок не добирались! — где уж там о попытках разбора завалов, о понимании топологии Системы... Поворчав-посетовав на малые размеры Капкана, они убирались из него вон — и больше не возвращались.

: Вот такие “исследователи”. И соответствующие результаты.

— Но быть может, дело в его чумовой энергетике?..

: или в “особенностях национальной спелестологии” — *что никитянам кажется естественно-лёгким*, у других, воспитанных на коридорно-штрековых и колонно-зальных просторах иных Систем, вызывает ‘состояние нестояния’?..

: согласен с тем, что Никиты — коварная и сложная Система.

Согласен, что там, где никитянин по своей привычке работать под изуродованным обвалами сводом проползёт-оттопосъёмит один километр, “нормальный спелек” едва осилит сотню метров — после чего в ужасе вылетит на поверхность.

Я даже согласен с тем, что знаменитая никитская безбашенность — не самое достойное спелеосвойство. И наши вскрышные способности оплачены дорогой ценой: пусть Никитский Круг не имеет к ним никакого отношения, ритуальные свечи мы в своей Системе ставим. И собираемся каждый год на спелеослёт памяти Виктора Шагала. Погибшего в Никитской каменоломне 27.06.76 при проведении именно вскрышных работ...

А ещё я согласен с тем, что поиск потерянных пещер в Старицком районе,— и подавно их повторное вскрытие — очень сложное дело.

Да только у одних оно получается. Причём (не буду скрывать этого) как “попутные бонусы” простого спелестологического бытия со всеми элементами

³⁴ Что заявляли мы *потенциальную длину пещеры*, а не оттопосъёмленно-пройденную, хулителей “не парило”. Так же не парило их, что переноса акцент спора на мою персону (“в Командорах длина любой пещеры всегда больше”), они не столько ехидствуют по поводу моего небольшого роста, сколько отмечают напрочь мнение всех участников экспедиции “Капкан” — и наших гостей, нагулявшихся во время Старицкой Конференции с помощью никитских экскурсоводов по заповедным окоёмам Капкана “по самое нихочу”.

спелеоотдыха. Включающего в себя и распитие напитков, и определённого рода вольницу, и всякие творческие приколы.

А у других не очень. Как бы серьёзно они к Подземле ни относились, какие бы упёрто-трезво-спортивные и дисциплинарно-казарменные методики общения с миром Белого Камня нам ни демонстрировали —

: Над этим есть смысл задуматься.

LIBER REQUISITIO

— Без преувеличения: если издать историю всех удачных вскрытий и находок рукотворных подземных объектов, и историю их неудачных поисков и ничем не окончившихся раскопок — объём последней в десять, а то и более, раз превзойдёт объём первой.

Ибо даже по мнению одной из самых результативных “вскрышных команд” московского спелеума “Летучие Мыши”, *только каждый десятый из заложенных шурфов в лучшем случае выводит в хоть какую-то полость, — процент “удачных попаданий” в полости, превышающие своей длиной 1 км, на порядок ниже. Соответственно, на порядок ниже число вскрытых полостей, чьи размеры превышают 3 километра.*

Петя-Крот (без вскрышной деятельности команды которого мы не имели бы ныне всем известных пещер Константиновского оврага близ посёлка Володарского и доброй доли красивейших полостей Старицкого района) в частной беседе со мной заметил, что всеми заслугами его группа обязана не столько своему мастерству (которое, конечно, весомо и оспорить которое не решится никто в спелеомире) — сколь удивительной Милости Двуликой. Которая, конечно, тоже является не каждому, — но всё ж: коль такие вещи говорит одна из наиболее значащих и легендарных в московской спелестологии фигур — прислушаться стоит.

: Никитский Круг за время 25-летнего освоения Никит и Старицкого района увеличил длину Никитской пещеры в 5 раз³⁵; в Старицком районе вскрыл 4 Системы, длина которых превышает 3 километра³⁶ и около 10, длина которых меньше 1 км. Наша статистика говорит: из двадцати попыток разбора внутри-системных обрушений и забутовок только одна приводит к увеличению длины полости.

И на одно, “как бы точное” указание о местонахождении не вскрытой пещеры (не важно: ГВ или ПАС³⁷) приходится сотни интервью, взятых у

³⁵ Современная длина Никитской Системы, по мнению никитян, достигает 18 км.

³⁶ Система Лисья (сейчас 3,8 км), Система Капкан (> 5 км), КА2 (на 2010 год отснято 5 км, прогнозируемая длина до 36 км) и ЗК (около 5 км, полная картография не закончена).

³⁷ ПАС — подземное искусственное сооружение; ГВ — горная выработка.

местных жителей,— дни, а то и месяцы кропотливой архивной работы — и десятки километров, впустую пройденных по местам несостоявшейся спелеославы.

Я нисколько не преувеличиваю трудности поиска и вскрытия искусственных пещер — ибо меньше всего хочу отпугнуть от этого занятия (без более, чем скромных результатов которого мы не имели бы $\frac{3}{4}$ всех, известных нам ныне и вполне доступных для посещения подземных храмов, городов, тайных подземных ходов, хранилищ и каменоломен) “рвущихся в поисковый спелеобой неофитов”. Цель моя в принципе иная — *предупредить*.

Ибо сколь часто новичок с горящими глазами после пары часов, проведённых в раскопе, в изнеможении выползает из него — и заявляет руководителю выезда: копать далее невозможно, вся эта идея — сплошное гавно < и так далее, по восходящей >,—

: заставить его “перенести шурф” на несколько метров влево (или вправо) после таких заявлений не сможет никакая сила. И никакая сила не сможет повелеть продолжить работу — чтоб буквально через 10 минут с триумфом вытащить последний камень, после которого откроется...

: Откроется — что?

А хрен его знает. Может, и безразмерная каменоломня. Может — краевая стенка случайного незначительного забоя. Может — трещина бортового отпора. Или русло песчано-глиняного пливуна.

Ко всему нужно быть готовым.

И не злиться понапрасну, коль результат превзойдёт ожидания в несколько раз — с точностью до наоборот.

Ибо природа не предусмотрела никаких путеводных нитей на тернистом пути спелестолога-поисковика. Ну буквально ни одной — против наших “естественных коллег” по жанру.

— Что нам говорит геология о месте нахождения каменоломни?

: А ничего. Кроме факта наличия породы, в которой эта каменоломня *могла бы разрабатываться* — если бы не десяток-другой факторов (из которых $\frac{3}{4}$ к геологии не имеют никакого отношения), что сделали существование каменоломни в этом районе невозможным. Причём выяснятся они *в лучшем случае* к концу первого экспедиционного выезда. Длинной затратных дней не менее недели. А то и двух.

— Что нам говорит география, в частности ландшафтоведение?

: тоже ничего. Потому что ни одна из ландшафтных форм своим развитием не обязана существованию искусственной подземной полости. Наоборот — бывает, и часто. Ибо как правило, вход в каменоломню закладывается в обрыве берегового уступа или холма. Но не

каждая каменоломня проходится таким образом – в Старицком районе нам известно три полости, входы в которые представляют собой вертикальные шестиметровые колодцы “посреди чисто поля”. И уж не во всяком холме или овражном склоне есть каменоломня. Даже в Старице. Так что наличие открытых выходов камня, оврага или холма не является ни достаточным, ни необходимым условием для возможного существования каменоломни.

Дотошный Читатель скажет: а как же Достоверные Внешние Признаки Каменоломни – горы отвалов, печи для отжига извести, провальные воронки, точильные рвы?.. Что ж: отвалы возникают и при наземной добыче камня; как, кстати, и печи для отжига извести. Но даже если отвал – порождение подземной разработки, из этого ровным счётом ничего не следует. Ибо одноразовых гротов-закопушек, где выбиралось не более 50 м³ камня для строительства конкретного дома, в Старицком районе не счесть. Причём объём бутового холма перед бывшим входом может в несколько раз превышать сохранившийся объём полости – и потому, что лежит бутовый камень рыхло, и потому, что Система села. Причём так, что проще по соседству выдолбить новую (приложив гораздо меньшие силы), чем пытаться пройти в теле завала искомую. Ибо за краткостью разработки она не крепилась никак. Потратить на вскрытие пупка, объёмом не превышающего 10 м³, а длиной 5 м, можно не один выход. И с триумфом после просто-таки немеряных затратных усилий войти в грот, где не то, что перекурить – развернуться для возвращения не получится, – как было у нас в Ординских выездах 2002 и 2003 гг. Но разруха — не единственный враг рукотворной пещеры. Не редки случаи практически стопроцентного замыва былой каменоломни грунтом, нанесённым нивально-паводковыми водами. Пример Системы Лубянка хрестоматиен. На неё даже схема есть, и дотошный вскрыватель может, руководствуясь этой схемой, заново вскрыть замытый песком и глиной объём, восстановив, так сказать, бывшее спелестологическое статус-кво. Впрочем, вскрывать Лубянку можно и без схемы: по всей Системе глиняный замыв от естественного, притом абсолютно целого, ни разу не рухнувшего свода, отделяет путеводный просвет в 1,5 ÷ 5 см. Копайте.

– Провальных мороков, не имеющих отношения к полостям искусственного происхождения, в Старицком районе также не счесть. Воронка могла возникнуть от бомбёжки. От артобстрела. От просасывания грунта в трещину бортового отпора. Точильные рвы могут быть следствием разведочной добычи: пробившись до камня в десятке мест подряд с шагом в пять-десять метров; увидели, что камень с точки зрения строительства в этом массиве никчемный — пошли копать в соседний массив. (Вы вообще уверены, что не спутайте точильный ров минимум столетнего возраста с аналогичным образом выглядящими результатами продольной распашки поля, находящегося за бортом оврага?) Вытянутый провал, так похожий на севший штрек, может оказаться окопом. Или давней ирригационной канавой. Яма в земле – остатками блиндажа времён войны или землянкой, вырытой в борту оврага “по приколу” местной детворой. С таким замечательно-каноническим ‘точильником’ – бывшим входом...

Ведущим не в пещеру – в землянку. И добро б ещё – в землянку. Всё-таки

ПАС. Пусть и бывшее. Так что утешиться есть чем.

Иная просадка может быть обрушением над когда-то существовавшим миниатюрным карстовым гротиком, причём на глубине, значительно превосходящей ваше геологическое воображение.

: всё может быть. Но коль воронка и обязана своим происхождением ГВ или ПАС — из этого в первую очередь следует, что антропогенная полость под воронкой рухнула, завалилась. Так хрен-ли её копать?..

Считается, что в Старицком районе неопровержимым признаком существования каменоломни (причём не одиночно-случайной, “частно-пупкового вида” — а заведомо превышающей суммарной длиной ходов пятю километров) служит *бутовая вымостка дороги, спускающейся к Волге*. Вымостка, на археологическую сохранность которой можно уповать, лишь изрядно помолвившись всем подземным и небесным богам,— ибо прокладывалась такая дорога (часто вне всякой связи с ближайшими деревнями), как правило, в борту оврага. Борты оврага склонны к эрозии; со времени последнего дорожного ремонта прошло, как минимум, 100 лет. Однако — в случае его успешного обнаружения — этот признак Действительно Значащий. Можно сказать, Призрак Каменоломни. Ибо провинциальные дороги никогда не мостились: не приходило такое в голову российским властям, и подавно не могло прийти в головы местным крестьянам “с какого-то ляду” вдруг замостить дорогу, спускающуюся от большака к Волге,— зачем, с какой целью? Специально для этой блажи добывать из-под земли камень?..

: Мостили такую дорогу лишь в одном случае — когда в борту долины Волги велась нешуточная выемка камня, сопровождавшаяся традиционно большим количеством бутового неликвида. И камень не только сплавляли по Волге — вывозили/вытягивали наверх, к ближайшему большаку. Зимой — санным способом. Осенью и весной — на телегах. По не мощёной дороге, представляющей собой традиционные российские гавнища, да ещё с крутизной до 15°, сделать такое в принципе невозможно. Потому и мостили. Тем более, что бут всё равно было некуда девать.

Одна беда — сохранность данного признака... Немного “того”: археологическая. И не факт, что каменоломня пережила ведущую к ней Дорогу, Вымощенную Белым Камнем. *Просто потому, что не факт,—*

— Хорошо. Допустим, пейзаж вокруг выглядит так, что сомневаться в существовании просто огромных по масштабу разработок < как он выглядит, допустим, в районе Ордино > не приходится. Нижние, приглашающее распахнутые для вскрытия барсучьи норы и щели, окружают наледи; из тьмы впереди фонтанирует ледяной пещерный воздух. Мощная тяга наблюдается из щелей в верхних провальных воронках; повсюду стопроцентные точильные рвы, курганы отвалов и печи для отжига извести. Транспортные террасы [подходы] украшают и верхний, и нижний ярусы разработок. Ближайший к блоку овраг обнаруживает признаки древней, когда-то вымощенной бутовым камнем, дороги. Возможно, остатки подобной дороги наблюдаются непосредственно на склоне блока — том склоне, что обращён к Волге. В этом случае они, как правило, особенно хорошо заметны с противо-

положного борта долины реки; не взирая на время года и температуру воды не поленитесь переплыть на другой берег и обозреть предполагаемое — оптимальное время года для такого обозрения, между прочим, апрель/май и октябрь/ноябрь. Плывите и помните, что моржевание более двух минут опасно для вашего здоровья.

: Какие ещё признаки каменоломни нужны для вскрытия? Показания рамки?..

— Пожалуйста; уверенно рисует классическую сетку ходов. Выбирай наиболее подходящий для вскрытия — и рой землю.

НО!!!

: Оператор, работающий с рамкой, настраивается на *некую полость* в земле. Как только он настроится на внешний вид **определённой полости** — горизонтальной, вертикальной, оснащённой натёками, бутовой кладкой и прочими чётко конкретными признаками, возникающими в правом полушарии подобно фотографии **конкретного места** — именно это место он и будет искать.

В результате чего, естественно, рамка в его руке ничего не покажет. Потому как этого “чисто конкретного места” под его ногами не может оказаться по определению. Настрой на “трещину бортового отпора вообще”, как и на “каменоломню вообще” — дело фантастически трудное, почти невозможное. Каждому-всякому не дано. Ибо у Природы нет вербальных категорий оценки; пустота под ногами не знает, как она называется на русском (или ином) языке. А потому вербальные категории в биолокации НЕ РАБОТАЮТ.

: Ищем, помолясь всем подземным богам, лишь “просто пустоту” или “просто полость”. Ощущая-представляя её себе как *нечто, отличное от общего массива породы своей разряжённостью, плотностью*. И не паримся, что рамка с равной вероятностью укажет и на тектонический разлом, и на каменоломню. На охровое включение и на полностью севший грот.

— И не надо наивно полагать, что лишь каменоломня имеет право “вдыхать” или “выдыхать” воздух. ОТНЮДЬ — *трещины бортового отпора владеют этим процессом с гораздо большей эффективностью. Как и межчешуйчатые переплетения пустот в ‘циклопниках’ взорванного по приколу энкавэдэшников склона.*

: Взорванного просто потому, что почудилось — выше по склону вход в каменоломню есть, — но подниматься туда (на пятидесятиметровую кручу с парой ящиков артиллерийских снарядов или миномётных мин на плечах) заломало. Снарядов и мин после войны было в избытке, их никто не считал (то есть на взрывах пещер не экономили, просьба не путать это с возможностью расхищения) — не долго думая, хуйнули полсклона. Аж глыбы размером в садовый домик до Волги докатились. А то и с дачку начинающего нового русского. Посмотрели на результат — ровную осыпь с десятком заваленных еловых исполинов вместо подозрительных скальных козырьков, — понравилось. “Теперь в этом месте каменоломни точно нет. Пошли дальше.”

— «Хорошо взрывали, собаки!» — стало культовой фразой в нашем Ординском выезде 2002 года.

В результате которого мы заложили 12 разведочных шурфов средней глубиной в несколько метров соответствующего сечения, в том числе три горизонтальных — *и ни один из них не вывел в ожидаемую Огромную Каменоломню.*

: Вообще никуда не вывел – если быть точным.

По итогам выезда 10 спелестологов, вскрывших на своём спелеовеку не одну каменоломню в том же Старицком районе и имеющие 20-летний опыт исследования его спелеозакромов, были готовы написать программный учебник для первого класса спелестологической школы:

«КАК НЕ НАДО ВСКРЫВАТЬ СТАРИЦКИЕ КАМЕНОЛОМНИ».

: Вот так. Матерных слов в этом учебнике в собственный адрес было бы примерно столько же, сколько по адресам техногенного карста, разрушающего старицкие пещеры с просто немыслимой для природы скоростью, и сапёрной части дивизии НКВД “Незабудка” – прошедшейся в 1947/1948 годах по волжским берегам с ликвидационно-спелестологической целью.

Ибо даже явные привходовые обрушения, созданные ими на месте пещерных входов, привычному вскрытию не подлежали. Примерно, как вход в Калинку. И в ряд других Систем – от вскрытия которых отказалась даже довольно безбашенная группа Крота.

Технически Образованный Читатель в этом месте может иронично хмыкнуть: а что это современные спелестологи работают, как в каменном веке – ну, пусть не как в каменном, но по технологиям, сложившемся ещё на заре века XX — а то и раньше? Разве не существует такой науки, как геофизика?..

: существует. Да только (подробнее на эту тему я распространяюсь в монографии «Практическая Спелестология»):

а) стоимость этой аппаратуры явно выше среднечеловеческих возможностей;

б) вес её, а также объём, представляют достаточную транспортную задачу – автомобилем класса ниже “уазика-буханки” не решаемую в принципе;

в) времени на геофизическое исследование подозреваемого в наличие пещер района уходит столько – что на проверку добытых данных лопатой его, как правило, не остаётся;

г) интерпретация полученных кривых и числительных есть продукт штучно-творческий, повторению и алгоритмизации не подлежащий (если подлежащий – то с не вполне предсказуемым результатом),– уж лучше “лозоходство”;

д) берега Волги в Старицком районе представляют из себя столь причудливую мешанину охровых включений, кальцитовых и кварцитовых проявлений карста, трещин бортового отпора и тектонических трещин, а также расслоений пласта, напластований с самыми различными электрическими, гравитационными и магнитными свойствами (и т.д., и т.п.) — что надеяться на даже комплексным образом полученный *точный результат* не приходится —

– но если каким-то немыслимым чудом, затратив на ис-

следование всего один рабочий месяц, вы его получили (следует помнить, что речь может идти не более, чем о площади в 100 X 100 м — в противном случае исследование займёт пропорционально большее время), и он однозначно говорит вам: вот в этой точке на глубине 20 м под песчаным пластом вероятно (варианты: возможно, наверное, может быть — но никак не ТОЧНО) находится некая полость (то-ли подземный ход, то-ли естественная галерея, то-ли погребённая тектоника времён среднего карбона, то-ли штрек каменоломни) —

: что вы будете делать — копать, бурить?.. Или долбить?? А может, вести проходку эксплозионным способом — зашурфить ниже по склону в борт сотню кг ТНТ или аммонита...

И любоваться потом во вскрытом таким образом обрушении склона остатками посаженной вами искомой каменоломни. Кстати, взрывные работы в наше время привлекают внимание просто прорвы народа — и агрессивно настроенные представители власти в этой прорве ещё не являются самыми опасными.

— Но если геология, геодезия, картография, биолокация и география в ландшафтной своей части не служат указующими перстами спелестологии — может, хоть архивно-историческая информация не врёт?..

: очень хочется в это верить. Только учтите, что предки наши не различали каменоломню подземную и каменоломню карьерного типа — и в тоже время именовали любую подземную полость, вне искусственности или естественности её происхождения, *печерой*. Каменоломню, как и карстовый провал, или реально существующую пещеру, могли также именовать “ямой” — от этого слова происходит название многих старицких деревень, да вот беда: не все эти названия соответствуют предмету нашего поиска. Ибо чаще всего жители уже существующей деревни с традиционно сложившимся названием приступали к добыче известняка в своих окрестностях — что на названии деревни никак, естественно, не отражалось. Хотите потратить время выезда на вскрытие миниатюрного карстового грота или тектонического разлома, отмеченного на поверхности провальной воронкой — руководствуйтесь кондовой топономикой. Или сомнительной ценности случайным упоминанием в некоем документе о какой-то “печере”.

И не забывайте, что название деревни Ямская, скорее всего, было дано в честь зимнего промысла местных крестьян — но не того, о котором вы подумали. Бо в ямщики зимой подавалось куда больше народу, чем в каменотёсы.

И учтите, что в нашей стране в течение 70 лет коммунистической власти *любая информация об искусственных подземных сооружениях считалась секретной*. До сих пор грифы “ДСП” и “СС” не сняты с соответствующих документов; в доступные частным лицам хранилища не возвращены изъятые у Стеллецкого и Грицаца богатейшие архивы, касающиеся как ГВ, так и ПАС.

— А как быть с просто уничтоженными, вымаранными из архивных документов сведениями? Как быть с данными георазведки, хранящимися за недоступными ведомственными замками? Как подступиться

спелестологу к историческим свидетельствам, допуск к которым возможен лишь для узкого круга ограниченных людей??

При этом важно понимать, что никогда и никакая власть не была заинтересована в безалаберной популяризации секретнейшей фортификационной информации – касалась-ли она крепостных минных ходов, подземных хранилищ, горных выработок или храмов — не важно. Ни в какие архивные документы не входила секретнейшая информация о точном местонахождении *тайных* подземных ходов и убежищ – как частных, так государственно-значимых.

Но что с успехом делала 70 лет советская власть – это лила в обнаруженные искусственные подземелья бетон и взрывала их входы.

– Ладно; на архивы (по крайней мере государственные) надежда мала. Хоть и не бесконечно исчезающая — а потому лопатить их не только можно, но нужно. Ибо не всё удалось уничтожить, и в бочке дёгтя можно отыскать пару атомов, хранящих молекулярную близость к лугу – где когда-то, возможно, промышляли пчёлы.

: Если, конечно, вы располагаете нужными ксивами. Если нет — только и остаётся, что топтать по старицким дорогам от деревни к деревне – собирая рассказы и байки местных жителей. Которые 70 молчали, будто воды в рот набрав, о прекрасно известных ещё их отцам и дедам разработках – потому как разговорчики на эту тему были в стране советов не вполне популярны. За 70 лет сменилось, как минимум, три поколения. Из которых одно было основательно “прополото” сталинскими лагерями тридцатых годов; другое Отечественной войной. Следующее поколение было активно “миграционно перемешано” – крестьяне покидали родные поля и перебирались в город; их места занимались дачниками. Сложите-ка мысленно этот процесс с само собою установившемся внутренним запретом на трендёрж о подземельях – и всплакните. Учтя при этом, что в отличие от имеющих ценность фактов, байки и слухи, понятно, передавались из уст в уста. Обрастая всё новыми и новыми фантастическими подробностями, – нередко жители одной деревни, услышав на стороне красивый вымысел, “переписывали” его на местный лад. < Примерно, как мы творим спелеоверсии известных каэспэшных и эстрадных песен. > В ситуации такой даже реальная информация, передававшаяся, допустим, внутри никогда не покидавшей район семьи, обрастала множественными искажениями. А потому КПД респондентского опроса довольно-таки смехотворный (особенно если учесть высокую смертность даже детей последних очевидцев, а нынче уж и их внуков) — **НО ЗАНИМАТЬСЯ ЭТИМ НАДО.** Хотя бы для того, чтоб не приписать создание случайно обнаруженной полосы неандертальцам, а хорошо раскарстованную каменоломню со стохастической выработкой XV века, основательно переработанную гравитационно-обвальными силами мировой энтропии и господином Техногенным Карстом, не принять за карстовую промоину. [Недоумевая потом: откуда же, чёрт побери, на дальней стенке самого дальнего, раскопанного только что естественного грота – к тому же за толстенной сталактитовой драпировкой явным возрастом в миллионы лет! – взялись отпечатки кайла?.. И понестись с этим

“открытием века” в редакцию ‘Мегапенис-депресс’, предвкушая полные спелеославы сенсационные заголовки: «В СТАРИЦКИХ ПЕЩЕРАХ МИЛЛИОНЫ ЛЕТ НАЗАД ИНОПЛАНЕТНЫЕ ГУМАНОИДЫ ДОБЫВАЛИ АМЕТИСТЫ!!!»]

— И уберечься от вскрытия скотомогильника двадцатых годов прошлого века.

А также от мандюлей за порушенный крестьянский погреб.

Так что – ходите и спрашивайте. По крайней мере, соберёте богатейшую коллекцию *просто убойных* баек и домыслов — цитатами из которой сможете поддержать настроение своих друзей даже в самые мрачные минуты их жизни.

Хороший способ – завести добрые знакомства в редакции местной газеты и в органах местной власти. Если не пошлют на хер – помогут, чем смогут. Только будьте готовы, что редактор газеты – не местный интеллигент. А пришлый по распределению. И о реальной истории данного края имеет представление не больше вашего. Сплетни и слухи, конечно, перескажет (немало приврав по журналисткой привычке),– и статью вашу опубликует (может быть даже символический гонорар выплатит... и такое бывало). Но будьте готовы, что в ответ на публикацию вы соберёте богатейшую коллекцию всё тех же слухов и баек. Причём сёл с названием “Ильинское” или “Никитское” в районе может оказаться пяток, но местные жители будут уверены только в одном: знаменитая Ильинская (Никитская, Авдотьинская, Новаямская и т.п.) пещера находится не у их деревни, а у какой-то другой. В результате, обойдя все пять деревенских топономических тёзок, вы везде услышите одно и то же.

Будьте готовы и к обратному варианту: в каждой из аналогично называемых деревень вам точно скажут, что знаменитая на весь район пещера где-то рядом, но где – все запаматовали. Давно было.

: будьте готовы, что вам сто раз по секрету поведают, как “от этой церкви под Волгой раньше был подземный ход в каменоломню на том берегу, и мы в детстве всей деревней туда лазили, он был сырой и там гасла свеча, но раньше можно было проехать на лошади, и он наверняка сохранился” — не пытайтесь только искать этот ход. И эту каменоломню.

Будьте готовы к тому, что под французской единицей длины “километр” местные аборигены по-прежнему понимают, как минимум, версту,— метр в их понимании вообще к числительным не относится – так что фраза “в, где-та, двухста метрах” может быть переведена одновременно и как “ёб твою мать”, и как ничего не значащее междометие типа “э-э...”; что расстояние “полчаса вверх по реке” относится, скорее всего, к движению на моторной лодке. А не на байде, прущей против встречного ветра и бесноватого течения (и уж тем более не к пешедралу!),–

Будьте готовы к тому, что сам Главный архитектор района – лицо в высшей степени интеллигентное, образованное и доброжелательно относящееся к нашим спелестологическим изысканиям (притом, что крайне важно, местный в энном поколении, дед которого гнул спину на добыче камня в “старицких заломках”), в очень доверительной беседе на голубом глазу поведает: – Те пещеры, по которым вы лазаετε, разве ж это пещеры? Вот в районе Родни

были каменоломни – это да! Мы мальчишками все их исходили-облазили, они в отличном состоянии, только никто из ваших спелеологов почему-то туда не ходит...

– И пусть вас не смутит, что непосредственно “в районе Родни” берег Волги практически плоский, и никаких следов добычи камня вы там не обнаружите, как ни тужьтесь. Потому что “в районе Родни” даже с точки зрения столь просвещённого лица = \pm 10-15 км.

Но к Родне, наверное, всё-таки ближе, чем к Старице. По крайней мере для того, кто в районе этой Родни вырос и Старицу полагал за нечто абстрактное, существующее в безмерной дали за линией горизонта.

: “Ищите – и обрящете”. [Мы, например, так и не нашли – за исключением четырёхсотметровой каменоломни Подарок. Всё остальное было либо на порядок меньше, либо не несло в себе никаких следов посещения ни местной детворы, ни предшественников-спелеологов.]

– И учтите: Белой Скалой они могут именовать любую часть склона (возможно, что не склона), видимую с берега (возможно, не видимую – но местные-то знают, что она есть!) и имеющую светлый оттенок (впрочем, название может быть именным, в честь какого-нибудь дятла по фамилии Белый или просыпанного в 1878 году мешка муки) вне зависимости от того, грунтовое это образование или скальное. Или остатки домика, построенного из белого (когда-то) кирпича.

Нынче растащенного таровитыми дачниками.

Курганом до сих пор может именоваться яма, оставшаяся на месте этого типа погребения после работы чёрных или официальных археологов.

Старым Бродом могут называть вовсе не брод; а если и брод – то не через Волгу, как полагают непосредственные спелеологи — а через какую-нибудь местную не просыхающую лужу.

Название Синий Лес вообще может ни к чему не относиться – ни к лесу (сведён начисто в тридцатые годы), ни к цветовой составляющей (лес окажется красивенькой берёзовой рощей приблизительно в 100 стволов; какая сволочь её так назвала, вам не откроют ни за какие миллионы).

Поведанная вам ценнейшая и так похожая на правду информация может быть плодом белой горячки. Или откровенного издёва над вами. И вообще: говорил Паша Пилигрим [см. «Легенда о ЛСП»], если грамотно сформулировать вопрос о наличии в районе пещеры – на него всегда получишь положительный ответ.

– Так что копать, в принципе, можно в любом произвольном месте — или предварительно измерить шагами местные дворы и улицы, и начать работать примерно с тем же, заранее гарантированным, результатом.

При расспросах населения среднего возраста (в районе 20 ÷ 40 лет) помните, что «они либо рассказывают – либо морду бьют» (из опросного опыта ЮДА), – причём первый вариант может кончиться гораздо более трагически, чем второй. Ибо вне водки (самогона, денатурата, сивухи, бормотухи, чернил) подобных рассказов сельские краеведы не представляют. Оглянуться не

успеете, как в местном сельпо закончится поддерживающее беседу горячее – а ваши почки и печень превратятся в кусочки отвратительной слизи.

Причём даже в этом случае вас из гостей не отпустят – повезут в соседнюю деревню (пока доберётесь до оной, солнце пару раз огненным метеором прочертит над вашей головой полуокружность) к отдалённому родственнику дяде Васе, который точно в детстве знал мужиков, чьи родители когда-то работали в *заломках* – и ясно помнит подробности. Не дай вам Бог в этом месте проявить сомнение — ибо полностью опросный опыт ЮДА звучит так:

«У местных наблюдаются две стадии: они либо рассказывают, либо морду бьют – и так трудно уловить грань этого фазового перехода...»

Конечно, безопасней всего расспрашивать стариков и детей. Ибо дети шныряют повсюду и по определению видят больше, чем взрослые – при этом их тяга к залезанию в подвалы, каверны и щели является остаточным инстинктом, который они удовлетворяют при любой возможности. И с памятью у них, в отличие от взрослых, всё в порядке. Беда в одном: то, что им кажется легко проходимым или просто огромным, на деле может занимать гораздо более скромные размеры; соответственно, расстояние до указанной дыры окажется меньше заявленного. Ничего – когда вырастут, они эту диспропорцию исправят на несколько сотен процентов.

Старики представляются нам априори стоящими ближе к истории – но склероз очень коварная штука. Расстояния и направления, указанные ими, никогда не соответствуют действительным; попытка опереться на местные ориентиры может привести к тому, что вы будете искать усадьбу, уничтоженную ещё до организации колхоза.

Или деревню Баламутово, которая даже на картах времён Столыпина обозначалась, как хутор, – затем сгинула в исторических нетях и на современных картах никоим образом не находится.

: Найти её исторические следы на местности можно лишь с помощью специальной археологической экспедиции. И то не с первого сезона. Потому что надо знать, где искать, – а этого вы как раз и не знаете.

Хорошим подспорьем в деле опроса местных жителей могут стать местные менты – тем более, когда по совместительству они являются местными “красными следопытами”. Они и историю родного края знают, и хорошо разбираются, кому из респондентов можно верить, и насколько. Наиболее интересные сведения по истории разработок старицкого белого камня (точнее, об их печальном окончании) мы получили именно от их респондентов, – но вот беда: даже такие проверенные источники не указали нам ни на одну каменоломню, которую можно было бы попытаться вскрыть – следуя их указаниям.

– Наверное, особо нужно предупредить о такой разновидности добровольных помощников спелестологов, как Сумасшедший [варианты: Спятивший, Дурковатый, Безумный, Ёбнутый – каждый к концу выезда называет его по-своему] Краевед. Или не надо? Ладно; пусть встреча с ним будет для вас приятным сюрпризом. Особенно, когда после недели-другой работы под его отеческим руководством [направленность работ: Библиотека

Ивана Грозного, Достоверный Подземный Ход под Волгой, Кошт Андрея Старицкого, Тайный Подземный Храм Индо-Европейской Древней Тайной Доктрины, Подлинный Склад Оружия времён Первой, Второй и даже Третьей мировой войны, Система Многоярусных Подземелий Успенского Собора, Чаша Грааля, Самая Большая Каменоломня района, Янтарная Комната, Пещера Легендарной Старицы – и т.д., и т.п., причём чётные темы из этого перечня вполне могут совмещаться с нечётными] кто-то из доброжелателей со стороны сообщит, что «дяде Пете пора на комиссию, в городской больнице беспокоятся – куда это он делся?..»

Возможно, о диагнозе вашего проводника-помощника вы догадаетесь сами. Гораздо раньше. Если, конечно, сами не страдаете некоторой шизанутостью — без которой поисково-вскрышные работы в Старицком районе представить себе в принципе невозможно:

: ибо *«нормальные люди над этим только смеются»*. И с удовольствием потом посещают сталактитовые красоты, вскрытые нами, придурками. Вообще о психике спелестологов, выезжающих за 250 км от Москвы не ради возжеленного общения с Подземлём и любования её красотами, и даже не ради “спелеонаучной работы”, близкой к инстинкту самоудовлетворения (на “самый матрасный крайняк” — ради любования ландшафтными красотами в антрактах меж гитарных переборов и траловым общением под наливаемые напитки), можно написать не один ‘психиатрический дисер’. *Что влечёт нас (какие зигзаги ВНД, сражённой таинственным и не описанным в научной литературе недугом “лопатизма”), презрев Основной Инстинкт Спелестолога (забиться по достижении возжеленной дырки в земле на максимально возможное от входа расстояние и как следует ‘жахнуть’) — приперев за две с половиной сотни километров полцентнера ‘вскрышного железа’, терзать им вместо заслуженного отдыха в Море Белого Камня склоны оврагов и борты речных долин?.. Тем более в краю, где уже вскрытых красивейших пещер — ‘выше вскрыши’???*

: Мировая психиатрия не даёт ответа на этот вопрос. Статистика удачно завершённых раскопок (и соответственно обрётённой спелеославы) — тоже.

Признаться, я и сам пребываю в недоумении. Уж лет 30. Ведь люблю одиночное подземное Пребывание более всего на спелеосвете, — неспешное, тихое — с любимой музычкой, любимой книжицей — тёплый холофаберный спальник, уютный жилой модуль, удобно оборудованный, не сифонящий сквозняками грот, — и так далее, —

: В той же Никитской Системе. В родном и Ближнем Подмосковье.

Но каждый раз уже в апреле чувствую нестерпимый зуд — свидетельством чему эти мои строки: сейчас именно апрель, и мы готовимся к своему ежегодному Майскому Старицкому Спелеоходжу.

И выпить я люблю иной раз в хороший, добрый отрыв. Как и отдаться экспериментальной походной кулинарии. И вкушению в полевых условиях таких деликатесных блюд, о которых жрущие скоростные блёвчики дауны не имеют никакого представления. Даже о названиях. И музыку ‘более чем

элитного содержания’ послушать на выезде из хай-файных колоночек своего полутанкового автомонстра не просто обожаю,— как и, развалиясь на околокошторной пенке, *просто смотреть* под эту музыку на плавно текущую мимо лагеря волжскую воду, плывущие по небу облака — и ощущать неким невербальным контактом все пещеры, что расположены рядом. Все их ходы, тупики, гроты, завалы и красоты — одновременно.

И гитару в дружеском костровом кругу люблю не менее, чем красивый интеллектуальный разговор.

Да и созерцание старицких кристаллических даров породы “в непосредственном контакте” ещё не приелось. Пусть и в 1001-й раз.

Однако...

: Не более, чем на два-три дня выезда хватит всех этих моих “любовей”. А затем начнётся **оно** — парное и групповое копанье. Штурм земли и камня. На земле и под землёй.

И осточертевшие опросы немногих уцелевших местных жителей. И километры старицких дорог, накручиваемых вперемежку с гавнищами на внедорожные шины — сменившие старые армейские кирзачи. И ползание по волжским откосам и буреломам. И топосъёмочные экзерсисы — вместо вожделенного бултыхания в Волге. После которых возвращаешься в лагерь в таком ‘состоянии нестояния’, что умыться сил ещё хватает — совершить заплыв не может прийти в голову.

И “такая фигня” захватывает не только наши майские выезды — забирает всё время летних. Которые, конечно, планируются, как отдых —

: *Да только не получается.*

КАРТЫ, МЕСТНОСТЬ И ЖОПА’ЭС

Думаю, сделав на основе сообщённого мной некую “таблицу предисказаний”, всё-таки можно попытаться расспросить местных жителей об их подземных достопримечательностях. Только перед началом опроса убедитесь, кто находится перед вами: настоящий местный житель — или приبلудный дачник.

С последними, как показала практика, лучше вообще не иметь дела.

Но поскольку среди современного сельского населения Старицкого района их около 80 % (прожил пару лет в свежкупленном бунгало, и уже считает себя коренным старичанином) — приходится. Кстати, из-за оттока и вымирания местного населения с одновременным его замещением ‘летнеприезжающими’ тверчанами, москвичами и даже питерцами, зимой половина деревень Старицкого района выглядит *просто вымершими*,— дома стоят заколоченные, магазины не работают. Но на бандитов, грабящих эти брошенные на зиму деревни, нарваться можно. Так что в зимнее время года остерегайтесь своего опросного рвения — и вообще держитесь от населённых пунктов на расстоянии ружейного выстрела. Ибо те, кто остаются зимовать (и одновременно охраняют соседские дома), не любят пришельцев.

Ещё одно важное замечание — *не верьте картам*. Никогда и ни при каких условиях. Ибо даже так называемые “сверхточные военные карты” могут вам наколдовать наличие населённого пункта или дороги (а также пруда, озера, рощи, поля, телеграфной линии или ЛЭП), реальные следы которых на местности пропали ещё в тысяча затёртом году. Безграничная вера в карты (как и в проходимость обозначенных на них дорог) сродни вере в точность указаний аборигенов.

И помните: данные, снятые одним “прибором космической ориентации”, никогда не сойдутся с данными другого такого прибора. Даже аналогичной конструкции и якобы той же самой фирмы-изготовителя. Хотя бы потому, что обнаруженных спутников было разное количество. И потому что приборчик — тайского происхождения.

И вообще потому, что в гражданские приборы небесно-спутниковой ориентации изначально закладывается неточность. Намеренная. Фатальная.

Причём в каждую модель — своя. С другой моделью не совпадающая, сколько бы спутников над головой ни летало.

— Так что не обольщайтесь. И уж подавно не стоит верить в то, что данные, снятые GPS, будут соответствовать широтной сетке, нанесённой на карту.

Друг другу они ещё могут соответствовать — я имею в виду, конечно, данные, снимаемые одним и тем же прибором,—

: но только не карте. Когда рисовали карты, GPS не было.

Когда появилось чудо GPS, не то что надобность в картах отпала — человечество убедилось, что с помощью GPS карту построить невозможно. Либо одно, либо другое.

А потому пути их не сходятся:

«Как-то раз заплутавший экипаж трофи-экспедиции в поисках верной дороги заехал в какую-то деревню. Местность, карта и GPS бодро противоречили друг другу, и единственная надежда была на местное население. Видят: стоят на скрипучем крыльце деревенской почты две бабульки в цветастых юбках и платочках. Классические такие деревенские бабки. Стоят и обсуждают, какая в этом году репа уродится, а какая морковь, у кого картошку жук поел да кто соседке корову сглазил. Видимо, на фоне последней темы обклеенную номерами монстроватую машину оглядели несколько настороженно. А когда штурман у них спросил, как проехать в нужное село...

“Ой, сынок, да куды ж ты поедешь? Дороги-то там давно нет. Вот, помню, позапрошлой весной меня с кладбища везли, так он всё больше по кустам да по кустам. И вы тоже по кустам езжайте. Поворот там будет направо в поле — так вам туда не надо. А вот как увидите горушку, где завмага били, так вам её слева объехать и дальше всё прямо и прямо...”

Вооружившись до зубов такими подробными сведениями из области местной топографии и истории, экипаж тронулся. Бабулькина версия легенды оказалась довольно точной: после поворота стало понятно, почему её везли

“по кустам”. Вся “проезжая часть” была изрезана петляющими друг через друга тракторными колеями. Нетрудно представить, что там творилось во время весенней распутицы. Дороги через поле вообще не было, но в солнечном пригорке с сосенками угадали ту самую горушку, на которой пострадал завмаг. Объехали... А когда добрались наконец до нужной деревни, пилот задал штурману мучивший его всю дорогу вопрос:

– А завмага-то за что били, ты у неё спросил?

– Спросил. Говорит, за дело...»³⁸

— Так что ни первым, ни вторым и ни третьим обольщаться я вам не советую. Да и четвёртым – если уж на то пошло:

TURN TO WHITE ROCK

Июньский выезд нашей компании в Старицу в 1991 году случился “чисто мужским” — а потому настроены мы были “более, чем решительно”. Пока одна часть экспедиции, не взирая на перманентные осадки [июнь в Старице – время дождей] атаковала намеченные к очередному расширению окоёмы Лисьей (как с поверхности, так изнутри Системы: лил дождь – работали внутри; стоило тучкам рассеяться – работы перемещались в наружные шурфы), мы с Бобом и Володей Байданом, уловив спелеоинтуицией антракт в небесном хлябизвержении, решили осуществить давнюю свою мечту: прогуляться до знаменитой Белой Скалы. О грандиозных пещерах в районе которой нам прожужжали все уши местные рыболовы.

По сведениям аборигенов, пещер там было “просто немерено”; дорога должна была занять от силы часа два. “Ну, три” – ибо до Белой Скалы от места нашего лагеря было не более 10 км. “Ну, 12”. “Вверх и вверх, никуда не сворачивая, прямо по нашему берегу вдоль Волги – не промахнётесь.”

: Намеренно привожу эти полуцитаты.

Поскольку летняя прогулка по твёрдой тропе – совсем не тоже самое, что рысканье по мокрым кустам-буреломам и покрытым грязью склонам в майскую непогоду, решили позволить себе поисковые отклонения от маршрута. Презрев главный закон Свободного Поиска: нечего им заниматься в гуще летней зелёнки. Ибо на раз просвистишь в полуметре от вполне открытого входа в каменоломню – и не заметишь его.

Но “все мы немного лошади” — то есть, как дал понять, упёрто-шизанутые Личности. Или просто “ебанько” — в наименовании Склизского Змея, известного авторитета в данных вопросах.

: Так как весенняя непогода не позволяла нам провести давно запланированный Свободный Поиск на этой территории уж третьи майские иды подряд (а гондурас спелеовоображения чесался, подстёгиваемый слухами), грех был отказываться даже от поверхностного её осмотра.

³⁸ «Путь и водитель», декабрь/январь 2003/04.

А потому, пользуясь случайным отсутствием осадков, шли не спеша, траверсируя одновременно верхнюю границу борта долины на предмет провалов и поноров [я], участок возможных входов на верхний ярус разработок [Боб] и зону нижней разработки [Байдан].

: Боб впервые оказался в Старице и просто горел священной энергией неопита найти/вскрыть Свою Пещеру — потому ему и был отдан самый подходящий для этого участок поиска. Испещрённый лисьими тропками, что гарантированно (по крайней мере, в Старице) ведут “от одного пещерного входа до другого”. Не считая отклонений в сторону деревенских охотничьих угодий и водопоев. На отличие слабых следов этих тропинок Боб был уже вполне натаскан нами.

: Нам с Байданом вполне хватало наших старицких открытий, в новой славе мы не нуждались. А потому рассекали буреломы и заросли “менее перспективными” маршрутами.

Время от времени возвращаясь назад — когда Боб подозрительно долго не отзывался.

Молчание Боба означало: нашёл нечто, похожее на вход, и начинает копать. Типа, “сейчас, ребята, я быстренько — буквально пару копов лопаткой сделаю, и войду в Систему...”

— Ага. С-час! Размечтался.

: НЕ БЫЛО ТАКОГО ЕЩЁ В СТАРИЦЕ.

А коль и было — кончилось в конце семидесятых: “Парабеллум” Пети-Крота и ГКС Игоря Юрьевича Прокофьева нашли всё, что можно было найти в открытом и полуоткрытом состоянии.

После того, как их маршруты повторили легендарные “Троглодиты” и “SF”, — а за ними компания Минотавра и ржевские спелики — на нашу долю осталось иное.

: Копать, копать, и копать.

— Не буду описывать, каких трудов стоило мне и Байдану отрывать Боба от каждой встреченной им барсучьей или лисьей норы с сопутствующей тягой воздуха, —

Его и от промоины в конце каждого точильного рва оторвать было невозможно. В конце концов мы отобрали у него сапёрную лопатку — но и тогда Боб пытался копать землю руками и подручными палочками-щепочками.

На блоке, следовавшем за Щаповой горой, я увидел просто дивную картину: весь лес за был усеян провальными воронками — при этом некоторые из них были столь фантастических размеров, что габариты рухнувшей Системы было невозможно представить. Я подозвал Байдана и Боба — Боб, конечно же, сразу кинулся на дно самого исполинского провала и начал выворачивать оттуда камни; Вовка, которому пришлось подниматься-карабкаться к нам почти с самого низа обрыва, глянув на это спелеобезобразие, раздражённо сказал:

— И ради ЭТОЙ ХЕРНИ ты звал меня наверх? Видишь же сам: коль была тут какая Система — ни хера от неё не осталось! Хорошо взрывали, паскуды! Спускаемся вниз и проскакиваем этот блок по низу — до следующего оврага!

Нечего тут, блин, делать.

: Так мы тогда думали, так смотрели на мир. А потому вернулся я к этому блоку лишь 15 лет спустя, “когда в голове моей кое-что немного поменялось”.

: Другие спелестологи не возвращались вовсе.

Мы спустились вниз и в бодром темпе миновали по берегу Волги около двух километров. Затем, после устья следующего оврага-каньона, поднялись вверх и возобновили прочёсывание.

Периодически Боб орал, что видит лисьи или барсучьи норы “с тягой воздуха”, — я спускался к нему сверху, Байдан поднимался снизу. Осматривали нору, оставляли на дереве маркер. Ни одна из этих нор “мгновенного вскрытия” не сулила — некоторые вообще не было смысла копать: либо воронка далее преграждала путь явным обрушением свода, либо узкая щель меж неразбираемых чемоданных монолитов.

Либо было ясно: к *нашей Подземле* это имеет мало отношения.

На пятом или шестом блоке поняли, что “полдень близится — а Германа всё нет”. То есть таким темпом мы и к завтрашнему вечеру не доберёмся до возжеленной Белой Скалы.

Но тут устье очередного каньона *буквально всосало нас в себя* — вверх поднималась старая мощёная дорога; по её сторонам стояли обугленные молниями остовы толстенных берёз. Пейзаж был настолько сюрной, что мы не могли не подняться по этой дороге.

И до того этот каньон походил на любимую нами Каменку...

Но дело не в сходстве — всё это вербальные оправдания первого порыва души, — что-то *изнутри позвало*, потянуло. Всех троих, одновременно. И мы, не сговариваясь, чуть ни бегом бросились вверх по этой древней мощёной дороге.

На уровне верхнего яруса точильники шли один за другим. В паре из них из лисьих нор вырывались потоки холодного воздуха, — а в одной так вообще была самая настоящая наледь. Толщиной не менее 20 см.

: В июне. Из щели надо льдом в морду дул *просто ледяной* ветер. Казались, в дыру вполне можно пролезть — если б не наледь.

Боб начал долбить лёд.

Мы с Байданом курили, наблюдая за его наивными попытками.

Через 10 минут Боб выдохся.

Байдан сказал, что раньше, чем через месяц, возвращаться сюда нет никакого спелеосмысла.

Боб согласился.

Я предложил осмотреть противоположный склон.

Мы пересекли каньон — на противоположном склоне, практически против недовскрытой Бобом дыры, была точно такая же нора. Тоже с потоком ледяного воздуха.

И тоже забитая льдом. Под монолитным каменным козырьком был узкий лисий ходок — нами, увы, не проницаемый.

Байдан повторил фразу о возвращении сюда через месяц.

Возражений ни у меня, ни у Боба не было.

— Почему мы это не сделали, эзотерическая загадка. Ведь КА2 могла быть открыта нами уже в 1991 году...

Правда, называлась бы она тогда по-другому.

: Отвлекло — что? Случившийся “голод 1991 года”? Ну так ведь всё равно — стояли в Калошинском лагере целое лето. Жили; рассекали под землёй — и копали не только местные огороды.

И в 1992 году целое лето провели в Старице. Правда, мыслями были уже в будущей спелеонавтической и спелеотуристической программе —
— а потом открыли Капкан.

— А потом РОСС/“Паренди” лопнуло, как презерватив с дерьмом,— забрызгало многих. И столь сильно, что не до вскрытий стало на какое-то время. Особенно мне.

Вплоть до Старицкой Конференции 1997 года. Но она открыла уже иную эпоху,—

В которой Баламутовскому урочищу не было места. Ибо перед нами распахнулись истинные спелестологические горизонты — чуть не по всему земному шару.

: В Баламутовское урочище мы вернулись лишь после Ордино. После тамошнего неудачного опыта в два года длиной.

Но в 1991 году шанс на вскрытие КА2 — был. И не призрачный. Наверное, свою роль сыграло расстояние: машин ни у кого из нас тогда не было; два никитских мотоцикла прожили не долго.

Таскать на себе весь объём “вскрышного железа” за 10 километров — почти тоже самое, что в каждый выезд маршировать туда с неприподъёмными рюкзаками.

А потом обратно, в извечной гонке со временем, лететь на последний старицко-тверской автобус,—

Да и уютный наш лагерь ни кому не приходило в голову переносить на новое место — что бы оно ни сулило.

Так что — не склалось. Настолько, что мы просто забыли об этом овраге с “почти раскрытыми дырами” —

: когда вернулись в него в 2004 году — уже на машине,— сверху, с большака,— не узнали этого места. Не соотнесли его с тем, что видели в 1991 году.

Потому что память — коварная штука, и восприятие местности напрямую связано с нашим движением,— и место меняется за полтора десятка лет, “хотим мы этого или нет”.

Пару лет искренне полагали, что найденные нами в 1991 году входы находятся не в Баламутовском овраге, а где-то ближе к Старице. Причём блока на два, не меньше.

: Такая вот заморочка.

Пока не пришло, как откровение на грани шока: ба! да ведь мы уже копались здесь! Соседка — это первая наша “ледяная дырка”; КА2 — вторая...

Но хоть КА2 мы-таки вскрыли — пусть на 13 лет позже — с первой ледяной дыркой так ничего и не вышло: три года мы пытались пробиться в неё, вплоть

до применения перфораторов и взрывчатки,—

: обломались. Прошли в обрушении около 12 метров двумя параллельно-альтернативными ходами; суицидность попыток дальнейшего разбора завала заставила отступить даже безбашенных никитян.

— Возвращаюсь в описание нашего “Хаджа к Белой Скале” 1991 года:

Усилием воли решили прервать во всех смыслах важное, но засасывающее занятие,— спустились к устью каньона, сели на бережку Волги, на самом мысу овражного выноса, полуостровом рассекавшего волжскую гладь,— перекурили, перекусили (чем перестройка послала — то есть достаточно ‘шпротным паштетом’ на тоненьких кусочках серого хлеба) — и продолжили хадж, не отвлекаясь на экзерсисы свободного поиска. В быстром солдатском темпе.

Километров через 5 пришло понимание, что местные меры длины и времени расходятся с общепринятыми (я полагал “несколько”; Боб — “сильно”; Байдан высказал предположение, что под километром местные по-прежнему полагают старинную русскую версту — как измеряли расстояние меж деревнями их деда, так эта цифирь в народную память впечаталась).

— Ещё через 3 километра мы начали сомневаться в существовании Белой Скалы, затем смысла нашего дальнейшего движения в указанном местными направлении.

Через километр движения по инерции встречный рыбак сообщил нам, что мы уже “почти пришли” (при этих его словах мы сильно воспрянули духом) — идти осталось совсем немного. Ибо «вот уже Родня, а там чуть-чуть. Каких-то 10 ÷ 12 км.» Я высказал соображение, не лишённое филологического смысла — похоже, в местном лексиконе “послать к Белой Скале” является примерно тем же, что в Никитском Кругу “послать в Малый Нецензурный Грот”.

То есть на хуй.

— К этому моменту инерция движения в нас истощилась.

Желание увидеть белый фаллический символ — тоже.

На “аэродроме” чуть дальше по берегу виднелась какая-то хибара; перед ней поднимался дымок костра.

На берегу лежала алюминиевая “казанка”, оснащённая, к нашему полному изумлению, стосильным движком фирмы “Mercury”.

Мы решили зайти на огонёк и оснаститься дополнительной информацией.

: На уютной полянке в тростниках перед рыбацкой избушкой трое отроков жарили на вертеле нечто птицеподобное. Размером с добрую американскую индейку. Или чуть больше.

Во фляжке у нас с собой было; времена же наступили настолько голодные, что о таком деликатесе на выезде мы не мечтали уж пару лет.

Ребята показались нам спокойными; где-то даже интеллигентными. Вежливость и полное отсутствие агрессивности были прямо-таки написаны на их христианских ликах.

Представились. Подсели к костерку. Предложили свои дары. От спиртного хозяева отказались, мотивируя это тем, что не пьют. И одна бутылка водки у

них “на случай непогоды” уже есть. Им “более, чем хватит”.

– Птица оказалась местной курицей (это было наше второе изумление после не пьющих местных),– ребята оказались старицкими, причём лазили в несколько дыр, о чём не без гордости поведали нам. Название Белая Скала они от нас услышали впервые. За разговором и уточнениями крок до известных им каменоломен пролетел час.

Птица всё ещё не была готова: сказывались чудовищные размеры. И практически ниро-вульфовское отношение тонко эстетствующих отроков к предстоящей Трапезе: столь не совместимое с наступившими голодными временами (и с нашим представлением об интеллигентности и эстетстве старицкой молодёжи), что хотелось протереть глаза. Если б не гудящие после маршброска ноги, можно было подумать, что мы уже умерли и попали в местное отделение Рая. В котором галлюцинозные последствия голодных перестроечных годин так ласково сплетаются с легендами о доброжелательных и интеллигентных местных жителях – а количество абсолютно не нуждающихся во вскрытии Прекрасных Пещер вполне соответствует нашему о них (нём) представлению...

: Мега-курёнок последовательно поливался лимонным и томатным соком, плавно-завораживающее вращение вертела чередовалось с тонкими полосками ольховой коры, заботливо подкладываемой на угли с нужной стороны, и зелёными ветками можжевельника...

Специальной лопаточкой постоянно формировалась из подсыпаемых от костра углей грильная зона.

Мы истекали слюной.

: Что творилось в наших животах, литературному осмыслению не поддаётся.

Время близилось к вечеру; небо начали затягивать тучи. Местные имели с собой телогрейки и полиэтиленовую плёнку — мы вышли из лагеря налегке. Только у Байдана был с собой походный перкалевый плащ (без него Вовка не удалялся от лагеря даже летом более, чем на 500 м). Температура воздуха с утра держалась на уровне $10 \div 15^{\circ} \text{C}$ — что было замечательно для походного марша, но не вполне подходило для сидения на одном месте.

Одетые для быстрой ходьбы, мы начали подмерзать.

Не радовала и перспектива ковылять под дождём хрен знает сколько километров обратного пути,— наверняка в темноте.

Как полные и законченные мудаки, мы покинули гостеприимных представителей местной подростковой интеллигенции и почти готовую (по нашим голодным соображениям) дичь. < По соображениям отроков, коптиться ей оставалось не менее часа – за который гарантированно должен был обрушиться ливень. >

: К лагерю мы двигались почти бегом – но километрах в трёх от него всё-таки попали под ливень. По мощности близкий к мировому потоку.

Мысль о том, что во всём лагере, как ни ищи, не окажется ни одной тёплой раскладочной тётки, не грела. Ощущение собственной мудаковатости

тоже. (Как и впустую пройденных 30 км.) Ведь всё равно вымокли — так хоть бы курочки, потрясающе приготовленной, поели...

: Мы воочию видели её, висящую над углями в дыму заботливо подкладываемого отроками можжевельника и лоскутов ольховой коры —

Слюна, которой мы исходили при этом, могла соперничать с ливнем.

Перед лагерем на нижнем выкате волжского склона увидели палатки. Которых с утра не было. Место для бивака было настолько неподходящим, что мы подошли узнать: кто оказался дурнее нас на этом выезде?

— Дурнее нас оказалась компания девчёнок из решетниковского геологического техникума. Естественно, мы предложили им переместиться в гостеприимные объёмы нашего базового лагеря всего в 50 метрах выше по склону — девчёнки отказались. Возможно, они испугались нашего вида — у меня и Байдана на поясе болтались наши походные ножи-мачете с почти метровой длины лезвиями, — без этих инструментов Свободный Поиск часто превращается в фарс; Боб был вооружён калёной монтажкой. Помимо этого из моего походного бутербродника торчала ручка сапёрной лопаты, у Вовки, кажется, был его охотничий арбалет. Или духовушка для охоты на витютней — в те подлые годы они, наравне с лягушками и змеями, с успехом заменяли нам пропавшую из магазинов тушёнку. [Воронами, барсуками и ежами нам приходилось питаться уж в самых редких, исключительно голодных, случаях. Но, к сожалению, приходилось.]

Байдан сказал девочкам, что к утру их обязательно смоет.

Боб сказал, что ночью Волга выйдет из берегов.

Я подтвердил, что ещё вчера уровень воды был на метр ниже.

: Не помогло.

Сожаление наше было огромно, безмерно и всеобъемлюще — тем более, что у части из них не было спальников. Зато продуктами они были обеспечены по высшему экспедиционному разряду. Была у них также гитара (которой в нашем лагере не было — что гарантировало сурово-скучный костровой вечер).

— И тут мы увидели рассекавшую под дождём волжскую гладь “казанку”. В которой находились наши знакомые юноши.

: Пьяные в полную и законченную стельку — но поначалу мы этого не сообразили.

Двое недвижимо возлежали на носу лодки, уравнивая вес мотора и его желание поставить лодку торчком; третий держался за руль.

Увидев нас, рулевой проорал нечто приветственное; я махнул ему рукой.

И лодка изменила курс в сторону нашего берега.

Оказалось, что поворот руля спяну даётся гораздо легче, чем торможение в водной стихии.

: “Казанка” остановилась только на втором бревне девчачьего “пентагона”, полностью проигнорировав палаточную растяжку, чей-то неубранный рюкзак, первое бревно “пентагона” и костёр с подвешенным над ним каном. Примерно, как в голливудском боевике.

Носовые отроки остановились чуть дальше; один – практически без признаков жизни. За исключением мощного перегара, сопровождавшегося храпом.

– Теперь я понимаю, что такое десант “чёрных бушлатов”, – прокомментировал Володя Байдан: отроки были в мокрых насквозь чёрных телогрейках. – И почему на “казанки” запрещают ставить стосильные движки фирмы “Mercury”...

Винт упомянутого движка после проезда по первому костровому бревну пришёл в полную техническую негодность. Но продолжал попытки взрыхления почвы.

– Рулевой отрок вырубил надсадно хрипящий двигатель топором. Со второго удара. Потому как первый пришёлся в дно лодки.

– Всё, пиздец, – сообщил он, – дальше — никуда.

– Когда ж вы успели так нажраться? – удивился/восхитился Боб.

– Да приняли чуть-чуть после вашего ухода. Как дождь пошёл... Чтоб не замёрзнуть.

– Курицу хоть доели?

– Да нет, так и бросили на костре. Даже не прикоснулись. И хуй с ней. Главное, я успел их в лодку загрузить. А то б простудились там, пьяные...

: Почему ночёвка в рыбацкой хижине может быть более простудной, чем валяние в абсолютно мокрой одежде на берегу – я так и не понял.

В этот момент улетевший выше всех по склону “чёрный бушлат” открыл глаза, поднял голову и обвёл девичий лагерь (точнее, его останки) мутным, доброты не предвещающим взглядом. И молвил:

– Девочки. Студентки. Хорошо.

После чего уронил голову оземь.

: *Ни один лагерь ещё не собирался с такой быстротой и не перемещался так резко на 50 м вверх по склону, на недостижимую для пьяных в жопу “чёрных бушлатов” высоту — как этот девичий.*

В результате чего мы-таки поимели в тот день и толику женского ночного тепла, и сытый ужин. И костровую гитару с соответствующими случаю песнями, –

: Спасибо старицким “чёрным бушлатам”.

: Надеюсь, после приведённых рассуждений и иллюстраций у Читателя сложилось полное представление о том, что значит заниматься в Старицком районе *Свободным Спелеологическим Поиском*.

Без которого нам, увы, не обойтись – и который заполняет наши летние выезды.

И короткое время майских ид.

В результате чего к следующему времени года мы зачастую добредаем в таком изнеможении, что хочется одного: заслуженного спелеоотдыха.

Того самого, вожделенного.

В отвоёванном у природы за время летних вскрышных подвигов спелеомире.

ОСЕНЬ

(письмо туда)

— Здравствуй, дружище!

Не спрашиваю тебя, как ты провёл так называемые “ноябрьские праздники” (‘гноябрьские иды’) – прекрасно представляю, поскольку сам оттрубил “двойку пешую” по полной программе с призовой африканской игрой. Предчувствуя твои рождающиеся вопросы, опишу наш вариант — случившийся, по Повелению Двуликой, в Старице. В любимой мной и тобой Самой Красивой Нашей Системе: Лисьей.

Ибо “Осень в Старице” – не менее славное время года, чем прочие. Представь: Река – синей станиолевой полоской. (Столь отчётливо-синей, и столь станиолевой, что вообразить себе это, ни разу до того не увидев, трудно — но ты напрягись и попробуй. У тебя получится.) Вдоль берега по воде – первый хрупкий прозрачный ледок. Столь хрупкий и столь прозрачный, что существование его кажется невозможным. Пейзажи долины истинно леви-тановские, и даже “более того”: стоят против нашего берега, такие золотисто-серебряные (золото осенних трав и не опавшей листвы деревьев по утрам серебрят иней; вертикальные чёрточки берёзовой белизны не вносят в эту картину контрапункта – даже наоборот),– представил? Что всё это созерцается “под небом фантастически-бездонно-голубым” до полудня, и не менее бездонным, но синим до фиолетовости ближе к вечеру – догадался? А вообразил ты себе воистину освежающий хрусталь Первого Утреннего Вдоха — по выходу из палатки, к тлеющим углям ночного костра,– или из Системы за водой к местной артезианке?..

А вот ещё представь: утро и лагерный пейзаж после ночных костровых посиделок в заслушивании любимого мной и тобой Димы Певзнера —

*Магнитофон, костёр, гитара
и опрокинутая тара*

из-под вина —

*таков пейзаж; на фоне осень,
на стрелках без чего-то восемь*

и чья вина,

*что дальний голос, как и все мы
по опрокинутой системе*

ведёт мотив

*с кассетной ленты или старой
судьбой потрёпанной гитары,*

коль ветер тих?

*... звук растворяется в пространстве
и в синем неба постоянстве*

прозрачном вдаль
 ведя торжественную осень
 куда дороги мы уносим
 царит печаль
 на небе тёмно-синей гжели
 твои вопросы облетели
 под листопад
 листва деревьев уходит в землю
 черновикам поленья внемлют
 и ты не рад
 что на краю тоски-печали
 опережая опоздали
 твои слова
 берёзы цвет смещают в жёлтый
 и впредь куда бы ни пошёл ты
 желта трава
 желта трава —
 : желта трава...

: Я рад, что ты вообразил себе это. Ибо ничего из того, что ты вообразил себе на Далеком Боевом Посту в тоске по оставленному на спелеогражданке Миру, в нашем ноябрьском выезде этого года НЕ БЫЛО.

А было – так:

: Выезд Никитского Круга запланировали в канун дарованных государством четырёх выходных дней, “вечером после трудного предпраздничного рабочего дня” — точнее, уж ночью. Поскольку стрелку назначили (именно так: Стрелку – назначают, Тузика – забивают), как обычно, “в полночь у Фаллоса” на Ленинградском. Чтоб не промахнуться с посадкой на последнюю калининскую электричку. Во второй от паровоза вагон которой в Крюково должна была подсесть часть зеленоградских “минотавров” — в частности, Володя Байдан со своим знаменитым патефоном. К которому я должен был захватить коробку со своими раритетами на 78 об/мин — ибо байдановские запасы за время последних выездов частью побились, частью приобрели неустранимое логопедом с напильником заикание.

За радостными визгами, сопровождающими посадку в поезд Байдана и компании, как-то дико-случайно забыли на Крюковском перроне его патефон. (По версии Вовки, “какая-то сука его успела спиздить, пока он забивал в переполненный тамбур имотники и сопровождавших его девиц”. Мышление человека, спиздившего в 1985 году патефон прямо из руки спелестолога, достойно пристального внимания психиатров. Но оставляю эту версию на совести Байдана.)

Что такое осада и штурм (по открытию дверей) тверского автовокзала, ты себе представляешь. Ржевский вариант “дороги в Старицу”, конечно, человечней — но стрелка с “минотаврами” (и желание сэкономить 5 плац-

картных рублей: неизбежную стоимость рижского или великолукского поезда) перевесили соображения удобства. А также (возможно) неподдельно-радостное традиционное созерцание харь контролёров после нашего ответа на их просьбу “предъявить билетики”.

: Кто и куда следует после предложения контролёров “выйти из вагона” или немедленно заплатить штраф, ты знаешь.

: Я был лишён этого праздника жизни лишь потому, что моему участковому врачу взбренило в голову назначить мне приём на первый из четырёх праздничных дней (последнюю рабочую неделю перед праздниками я откосил от работы в родном нашем ГРМЦ, пользуясь обострением дарованного мне армией холецисто-панкреатита,— заклинаю тебя, пользуясь случаем: будь осторожен с тамошней едой, особенно с “якобы жирными” блюдами — в Советской Армии лучше недоесть, чем недоспать; впрочем, переест, как и переспать, тебе там никто не даст. Так что совет можешь выбросить на ближайший плац и в личное время пройтись по нему строевым шагом колонной по два). Хорошо ещё, что приём у врача был в первой половине дня — ребята в Твери взяли мне билет на автобус, следующий до Старицы в 16.50 и, позвонив по межгороду в 5.30 утра, сообщили код и номер ячейки камеры хранения, где схоронили его до моего приезда.

— Отдав утренний долг бесплатной нашей медицине, принялся их догонять. С мыслью о том, что мой родной участковым терапевт, всё-таки, порядочная сука, хотя и мужик — сам он на работу в праздники не вышел, галочку в больничном ‘глисте’ (что, типа, осмотрен) мне поставила нянечка в регистратуре,— ибо больше ни одной живой души в поликлинике нашей районной в сей праздничный день не значилось. Замечу: обострение х/п длится настолько стандартное время, что непонятно, какого хрена меня вообще нужно было вызывать на приём — который всё равно не состоялся. Ну да ладно,— совок есть совок. Со шмотником, чей вес ненамного отставал от моего собственного, двинулся догонять нашу никитскую команду. Ибо тащил и проклятые диски для патефона (так и не пригодившиеся; почему мне по телефону не дали отбой на их доставку, вопрос риторический), и много всякого иного барахла. Безусловно необходимого на праздничном выезде по подведению спелеитога сезона. < Не думай, что это было бухло — хотя незначительная его часть, конечно, присутствовала в качестве аварийного НЗ,— напитки “свыше сорока” традиционно вёз Мамонт, ибо “мамонтовка” его аналогий не знает; в классе “ниже сорока” столь же вне конкуренции домашнее вино производства Сапиенса. А вот всякой вкусной еды у меня было в достатке,— равно как свечей и плекса, заранее закрученного в газеты,— и топосъёмочный комплект свой я никому бы везти не доверил. > Хорошо ещё, что усилитель с колонками пёр Длинный Кира, а магнитофон с питающими аками — Вася (“просто Вася”: от этого слова в Никитах и так вздрагивают не только пришлые чайники, но и многие спелеоветераны). Сотворённые накануне выезда газеты вёз наш гранд-супер-малер Кирилл; кассеты с заранее записанной мной и Мамонтом праздничной сборкой вёз я — но на весе моего рюкзака, сам понимаешь, такая

мелочь не могла отразиться “по определению”.

В электричке читал взятого в дорогу Джека Лондона (цикл “Дорога”); в автобусе внимательно смотрел в окно. Ибо темнеть за ним стало как-то неожиданно быстро. Затем в стёкла ударили первые капли. Раздумья “что на себя из шмоток натянуть дополнительно, чтобы не так сильно промокнуть по дороге от Старицы к Лисьей” к моменту вплытия “Икаруса” под сень Старицкой автостанции сменились раздумьями “до какого уровня надо раздеться, чтоб хоть часть шмоток упаковать в рюк в целлофан – и гарантированно иметь их сухими”.

: сухим на себе хотелось иметь всё. А потому на автостанции просто разделся до трусов и кирзового вида обуви (будешь идти на дембель – как бы тебя от них ни тошнило к этому славному времени, обязательно скоммунизди пару комплектов: очень они подходящи для посещения Подземли в любое время года, и ты это постарайся запомнить),– упаковал одежду в пару слоёв полиэтилена (аплодисменты моему стриптизу со стороны прячущихся от дождя обывателей последовали столь бурные, что я начал прикидывать время движения местного психовоза до автостанции от городской больницы — затем вспомнил, что психиатрического отделения в ней нет, и успокоился) — после чего взвалил на хребет ставший совсем неприподъёмным шмотник и вышел в бурные, сбивающие с ног потоки воды и ветра.

В столь абсолютную темень – что налобник в ней мало что значил. Его света хватало лишь до конца вытянутой руки,– дальше шёл занавес водяных струй. Плотный настолько, что... Ладно, ты понял.

И по-ноябрьски свежий (в температурном аспекте) ветер. Под порывами которого удерживался на скользкой тропе лишь благодаря тяжести шмотника. Мысли, что под таким грузом на таком ветру под таким ливнем можно замёрзнуть или простудиться, не возникало. По-моему, одно вполне компенсировало другое. Робко появляющийся на коже пот тут же услужливо смывался к чёртовой матери; воздушно-ледяное (полуводяное, полуснежное) охлаждение компенсировалось весом рюкза и потугами удержать под ногами (лысыми подошвами кирзачей) скользко-грязную путеводную нить.

Впрочем, влево мне не дал бы оторваться от тропы борт долины, обильно заросший тем, что в Старицком районе традиционно именуется лесом; справа мои “отклонения от нормы движения” ограничивала муттер-Волга. Вписаться в гостеприимные объятия которой, мне, конечно, было намного легче – чем проломить новую тропу в ольхово-черёмуховом буреломе на 45-градусном склоне. Причём сразу бы я своего купания не заметил – ибо трудно было понять, где кончается падающая с неба аква, и начинается аква текущая.

Но утопить шмотник со всеми своими одеждами очень уж не хотелось — а потому инстинктивно старался держаться как можно левее.

: Главное было – в этой темени не просвистеть мимо подъёма наверх, к Лисьей.

– Не просвистел. В нужном месте желание идти дальше автоматически пропало (сказался опыт многократного летнего

пешедрала, ноги выучили дорогу), — нащупав тропку, поднимающуюся к Калошино (в ясный погожий день она представляется достаточно пологой, не круче 25°, дорогой), начал подъём вверх. О котором буду помнить, наверное, многие годы — ибо всё счастье этого места состоит в том, что ты приближаешься к нему, начисто охренев от веса своего рюкзака — и тут: здравствуйте, пожалуйста вскарабкаться с ним на 60 метров мокрого глиняного откоса... В частном случае этого выезда к прочим неудобствам прибавлялись потоки бешеной ледяной воды в харю и не уступающие им по омерзительности и силе потоки не менее ледяного ветра. Ну и потоки грязи со склона, что с радостью пользовали дорогу в качестве естественного акведука. Точнее — сточной канавы.

Сказать, что эти потоки сделали подъём “просто скользким” \equiv ничего не сказать. Но материться не буду.

: Сам понимаешь, ни привала, ни даже краткого передыха без съёма шмотника перед подъёмом я устроить себе не мог. Так что вскарабкался, поминая всё, что можно (но что нельзя — пока не трогал: оставил на самый крайняк), на нашу калошинскую кручу — и почесал дальше по краю обрыва по-над любимой Системой. В которой под моими ногами уже наверняка началась Торжественно-Праздничная часть выезда... К решающему моменту коей я надеялся не опоздать изо всех своих сил.

В овраге перед входом слышал рёв, перекрывающий даже рёв бури — просто ниагарский поток бесновался в нём, пытаясь втиснуться в не столь просторное окошко понора. На секунду представил себе, ЧТО СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ В ДЫРЕ — В МЕСТЕ ВЫХОДА, ТО ЕСТЬ ВХОДА ЭТОГО ПОНОРА В СИСТЕМУ — И ВЗДРОГНУЛ ДАЖЕ ПОД ВЕСОМ СВОЕГО ШМОТНИКА.

Затем скатился на пару метров вниз по склону и вписался в прикрытое нами летом “противонепогодным козырьком” отверстие входа.

Мысль остановиться на разровненном пятачке перед ним для облачения в комбез и на секунду не пришла в мою голову.

— Вкатился, затащив за собой рюк, во вход; прополз пару метров до камеры расширения — “и заслуженно замер”.

: Всё. Пришёл. Дошёл. Добрался. Довлёкся — и так далее —

: Отдых.

: Пару минут переводил дыхание.

Затем вытянул из-под клапана полиэтиленовый тюк с одеждой и улёгся поверх него.

Затем из кармана рюкзака извлёк пластиковый портсигар в непромокаемом полиэтиленовом пакете.

Достал сигареты и спички.

— Закурил.

И только в эту минуту ощутил, какой же вокруг просто сказочный покой. И уют. И свобода. Такая тёплая, тихая, добро-бархатная,—

: идеально ровный, мягко-сухой пол вместо гиблой грязи. Ни потоков воды, ни сбивающего с ног ветра. И так тепло...

Ни один звук от бушующей на поверхности непогоды не долетал сюда — в этот фантастически уютный, спокойный и тёплый мир пещеры.

Я курил и разглядывал в жёлтом пятне налобника красно-коричневые охровые разводы на плите свода (всего в двадцати сантиметрах надо мной, лежащим на тюке с одеждой),— миниатюрные пенёчки начинающих расти сталактитиков — с капельками воды и без,— заросшие кристалликами кальцитов и кварца кручёные раковины брахиопод и наутилусов — и просто серо-жёлтый корявый известняк.

Что так много, оказывается, значит в нашей судьбе — что никогда нам от него не оторваться.

И который так много даёт нам в нашем Ощущении (не замахиваясь на Понимание) Мира — что никогда мне, наверное, не сказать об этом словами. Их кондовым вербальным логическим смыслом —

— может, ритмикой,— в отличие от Слова передающей истинный сострой души и места, момента, времени?.. Скажем, в том же певзнеровском ключе:

в ночи пещер вне света плекса
как под пятой/опорой зевса
движенья нет
глаз сублимирует пространство
слух отвергает постоянство
и гаснет свет
но темнота была в Начале
оставь/забудь свои печали
по суете
далёкий метроном капли
сравним с каченьем колыбели
по чистоте
пойми/проверь под этим сводом
знак не теченья но свободы
уводит в даль
времён живых и мимолетных
куда стремлением ответным
зовёт печаль
не от того что время метит
но потому что пламя светит
на жизнь твою
воспринимаешь камня слёзы
и по двуликой сказке грёзы
как дежа вю
прозрачен свет тьма бархатиста
звук осязаем запах мглистен

и воздух тих
и не беда
что мир вторичен
когда ты в нём
и синкретичен
веди мотив —
: твори мотив,
храни мотив.

— ладно; не буду далее садировать твою армейскую тоску по оставленному (ведь временно, и многие из нас через это прошли!) катакомбному миру.

: Переоделся (лёжа, ибо распрямиться в гроте не было никакой возможности) в комбез; вытянул из рюкзака два заранее уложенных в городе транса. И фирменный (работы двадцатых годов) кофр с раритетными дисками молодости наших бабушек и дедушек.

Как самое ценное, взял кофр — двинулся с ним вглубь Системы. По плавно расширяющемуся штреку.

Через десяток метров стало возможно распрямиться в полный рост — что я с удовольствием сделал.

Впереди послышался рёв: справа было выходное отверстие понора, и оттуда в штрек извергался поток воды.

Пришлось вновь раздеваться — пусть вода, растекающаяся по широкому штреку, была не глубже колена, мочить комбез не хотелось.

С комбезом и сапогами в одной руке и патефонным кофром в другой зашлёпал по руслу потока вперёд.

На первой же развилке поток разделился — часть воды уходила в Старую систему, часть продолжала движение по Средней. В сторону Уэма — нашего грота. Который мы оборудовали для зимней стоянки ещё летом, одновременно с сооружением защитного козырька над выкопанным нами же входом.

Этот поток внушал известное беспокойство — но впереди было две естественных плотинки в виде рыжих глиняных конусов, и я надеялся, что Уэм не затопит.

: Уровень воды перед первой плотинкой оказался таков, что долго надеяться на её сдерживающие свойства не приходилось.

Но после неё воды было не столь много — я снова переоделся в комбез и сапоги.

После второго перелаза через глиняный вал пол штрека стал совсем сухим. Сколько он будет пребывать в таком состоянии, напрямую зависело от того, сколько продлится непогода на поверхности.

: Проснуться по уши в ледяной воде не очень хотелось. Как и выныривать из Системы, подобно ихтиандрам. Один опыт такого рода в моей спелеожизни уж был — повторения я не жаждал.

За поворотом после следующей развилки в воздухе почувствовался запах жилого грота — такой тёплый, никитский... В этом выезде мы впервые

стояли в Лисьей под землёй. И ощущение это было очень дивное.

Затем услышал магнитофонную музыку. Любимый в Никитском Кругу «Белый Альбом» Битлз, — “Honey Pie”.

Последний поворот/развилка (налево “дабл”, — как обычно при входе в жилой грот; направо — гостиная и спальни Уэма) — и предо мной открылась наша веселящаяся компания.

— О, явление Христа народу...

— Что на поверхности, знаете?

— Теоретически представляем. Иди к столу, прими с дороги — а мы принесём твои трансы.

— К ним без раздевания не подойти.

— Мамонт, возьми заодно каны — принесёшь воды для ужина.

— Если подождать минут 10, она сама придёт к нам. Так что предлагаю не дёргаться.

— Серьёзно, ребята. Затопить может. Но есть один вариант...

— Какой?..

— На первом перекрёстке поток разделяется. Предлагаю взять пару “сапёрок” и сделать отводную канаву в Старую. А грунт из неё пустить на соответствующую плотинку.

— Ты вообще как: не сильно мокрый?

— Я голяком от автостанции топал. Так что практически сухой. Но принять после такого марша...

— Картина аллегорическая, Старицкая: обнажённый в налобнике с рюкзаком, — тут же комментирует Малер Кирин. И услужливо вопрошает:

— Хочешь, отобразу на стене грота?

: На стене уже висят развешанные им новые газеты-маразматки. И пара “самых хитовых номеров” за прошлые годы.

— Так немедленно принимай и завязывай с очевидными распоряжениями!!!

— рывкает Мамонт.

: Мне наливается “мамонтка”, народ устремляется за оставленными мной у входа трансами. Сразу с сапёрными лопатами для изготовления дамбы — и канами для набора воды. На столе высятся большие старинные полукруглые стеклянные бутылки сапиенсовского вина — на рубиновое пламя свечей сквозь них можно любоваться и любоваться. С одной стороны мне протягивают закусочный бутерброд (сало на чёрном хлебе венчают кружочки солёного огурчика), с другой ведают историю хищения байдановского патефона.

Наверху — непогода и полный метеорологический кошмар.

«А что у нас? Праздник. И никто не дразнит...»

...: наверное, в этом месте я прервусь — ибо что описывать Очевидное?..

: трата Бумаги и Слов. А потому держи хвост акэ-эмом — и не шизуй по нашим старицким окоёмам.

Поверь: и непогоды местной, и кайфного местного солнышка вместе с неоткрытыми ещё нами подземными красотами на твой спелеовек хватит, —

: до встречи под землёй.

[О том, как на другой день мы с Бароном и Байданом делали первую топосъёмку Лисьей, а Сапиенс начал фотосъёмку её кристаллических сокровищ, напишу в следующий раз.]

EQUINOXE

... но может быть, лучшее время года в Старице — март. Точнее, его окончание: АНГ.

Что значит Астрономический Новый год, ночь с 21 на 22 марта. Или День Весеннего равноденствия, Эквинокс.

Только в этот день в системе Алиса можно увидеть *просто дивную* картину: красное свечение ниши в стене, находящейся точно против входа на расстоянии от него в тридцать-с-хвостиком метров. Ровно в 21.15, почти в час захода Солнца. Ибо вход Алисы обращён на запад; два раза в год, 22 сентября и 21 марта Солнце оказывается точно на его линии — но в сентябре листва препятствует проникновению прямых лучей светила под землю. Тогда как в марте...

Ход — извилистый шкуродёр, но шкуродёр этот как бы крутится вокруг некой прямой, просветом не более $0,1 \text{ см}^2 < \text{“а быть может, и меньше”} >$, и 21 марта ровно в 21.15 звезда по имени Солнце пробивает эту тоненькую прямую своим уходящим лучом —

: ниша в стене против входного шкуродёра, соответственно, освещается “ниоткуда берущимся” потоком красного монохроматического света,—

: Мягко освещается и так же мягко гаснет.

Спустя примерно минуту. Или чуть меньше.

Очень дивное зрелище.

Праздник.

Ради одного любования которым и есть смысл ездить в Старицу — как считают некоторые.

Но ещё — огромные ледяные булавы, что частоколом перегораживают входы во многие старицкие пещеры: на АНГ они достигают своих максимальных размеров. И полуметровые кристаллы ледяной изморози из стен — любоваться которыми, кажется, можно вечно. Но нет её у этих хрупких образований: пройдёт неделя — ничего не останется от них. Стают, будто не было.

Лето — время лагерного поверхностного бытия, работ по вскрытию новых каменоломен и благоустройство входов в существующие.

Май и ноябрь — время Свободного Поиска.

Зима — топосъёмка и разбор завалов в “подозрительных” участках Систем, оборудование стояночных гrotто.

Конец марта, Астрономический Новый Год — время Праздника. Время любования красотой.

Время завершения Зимнего Подземного Сезона.

: Время зримого пробуждения природы от зимнего сна – ручьи, горными речками заполняющие овраги, – первые прошлёпины земли на северных, обращённых к солнцу, склонах долин и холмов, – ледоход на Волге и паводок...

Всё это поневоле настраивает на несерьёзно-прикольный лад. На отвязно-бессмысленные подвиги вроде катания на льдинах (зачастую оканчивающиеся купанием в ледяной волжской водице) — но праздник есть праздник: ни одного несчастного случая во время исполнения этих аттракционов в нашей команде не было. Хотя экстрима хватало “выше крыши”.

И не только у нас — пусть слово “экстрим” местному населению не знакомо, они живут в нём, как в родной стихии. Вот эпизод, иллюстрирующий это – с небольшим моим комментарием:

... в начале девяностых годов окончательно задурковавшая власть “по многочисленным просьбам трудящихся” отменяет вначале пару последних электричек, следовавших с Ленинградского вокзала до Твери, затем несколько первых. Достижение Старицы всего за одну ночь становится проблематичным. Рижское направление тоже даёт трещины – в связи с самоопределением Прибалтики с поездами на Ригу творится чёрт знает что [так наше государство пытается хоть чем-то насолить вольнолюбивой Латвии; что поездами этими, кроме латышей, пользовалось изрядное количество соотечественников – по сути, все жители городов, расположенных до латвийской границы в данном железнодорожном направлении, власть “нисколько не торкало”] — остаётся лишь один поезд до Великих Лук. Попасть на который в связи с отменой рижских поездов — сами понимаете... да ещё с нашими шмотниками. Пусть и имея билеты.

А потому на астрономически-новогодний выезд 1993 года, проводимый как “звёздная акция” Никитского Круга, ковровских спелестологов под командованием Киса (Жени Богданова) и школы “Росток” (руководитель “школьной части” экспедиции Серёжа Лещина) выезжаем днём. То есть утром. Чтоб как можно меньше времени потерять на пересадке “электричка/автобус” в Твери.

Но время на ней всё-таки теряем – в результате чего в Старице оказываемся ближе к ночи. День, конечно, псу под хвост – греет мысль, что максимальное по длительности “красное свечение” ниши в Алисе по календарю следует завтра. А значит, вполне успеваем на Праздник.

– В смеркающееся время дня, чуть за границей “часа меж волком и собакой”, шествуем по берегу вверх. К Лисьей. Ноги увязают и скользят в характерной весенней полугрязи, полуснежной каше, – тело согнуто достаточно тяжёлым рюкзаком, однако глаза выхватывают из окружающих чёрно-фиолетовых сумерек не вполне обычную картину: огромный язык льда, нацеленный в направлении города точно посередине реки. У его острого окончания до любого из берегов не менее семидесяти метров; чуть выше расстояние сокращается до пятидесяти, затем, примерно через километр, до тридцати, – можно догадаться, что ещё через пару километров он своими краями упирается в оба берега. Что и удерживает его от срыва – до которого, в

силу явно плюсовой температуры, “уже немного осталось”. И вообще непонятно: чего это он так висит, не отрываясь вниз по довольно бурному в этом месте течению. Однако в силу сгибающих нас шмотников мучить себя наивными вопросами желания нет – просто идём и созерцаем диво дивное. Понимая, что буквально через полчаса оно завершится тем, чем обычно завершается ледовый затор на реке в конце марта месяца. И тут слышим удалую песню типа “Кирпичики”, класса “Я вас любил – и ВСЁ!!!”. Думаем, кто-то шествует навстречу — ан, нет: песня раздаётся с самой середины реки. С осевой линии этого ледового языка, как бы прочерченной ещё наблюдаемой зимней тропинкой. С путеводными вешками. И издают её два сельских джентльмена-эсквайра, для устойчивой ходьбы сложившиеся в фигуру типа штангенциркуля (или “козье ножки”). Состояние джентльменов трагически очевидное. На траверзе нашей встречи от льда до берега около двадцати метров; прут джентльмены в сторону города. То есть – окончания ледового языка.

Поскольку попытки акустически связаться с ними ни к чему не приводят – полагаем, что для спасения сделали всё, что могли. И продолжаем путь. На ходу вспоминая эпопею челюскинцев, а также товарища Папанина.

Лещина вспоминает замечательный перефраз наутиловской песенки – «Видишь там, на воде, белое вещество? – называется лёд. Ходить по воде, гулять по воде – зимой, идиот!..»

: О завершении этой “прогулки по воде” можно долго философствовать — мне лично оно так и осталось неизвестным: через три километра мы достигли цели и устремились в любимую нами Систему для празднования “Праздника Праздников”. Против Лисьей ледовый язык отделяла от берега полоска воды в пять неполных метров. А ещё через двадцать минут, когда я выходил из пещеры за водой к деревенской артезианке, языка на Волге не было: лишь ниже по течению гулко грохотали льды.

— *Возвращаюсь к хамски разорванному сюжету:*

Астрономический Новый Год подарил мне написанную в соавторстве с Серёжей Лещиной поэтическую главу “Белого Камня”, “аметистовую лихорадку на троих” с Серёжей и Кисом и ощущение *праздничности Лисьей* — впервые, когда мы сидели, перекуривая без света, у этой ниши в Алисе – и она вдруг вся осветилась красным... Так волшебнo и здорово.

: Каждый астрономически-новогодний выезд мы тащим в Старицу на своих плечах мощные звуковые системы — в городе монтируются сборки, не уступающие традиционным новогодним, но безусловно-обязательно прослушивание Equinox’a ‘J-M-J’ в Алисе: так, чтобы ниша освещалась красным лучом “достигшего равновесия светила” ровно в момент звучания его бессмертного “шарманщика”... В тубусах поперёк рюкзаков – газеты-маразматки, — на ходу пишутся новые стихи и песни, рождаются новые приколы –

: Весенние гормоны бурлят в крови и жаждут своего выхода на сцену – эти выезды бывают столь любвеобильны, что нередко кончаются свадьбами.

В 1987 году с нами на астрономическо-новогодний выезд едет чайница Яна – Тигран тут же, с первых минут общения в электричке, берётся её опекать. Все понимают: весна, гормоны – для армянского князя это явно несерьёзно — но как бы бедная девочка не приняла его ухаживания всерьёз... С неизбежным любовным афронтом после. А потому провоцируем Лешего на активные противоборствующие действия – пусть у неё будет хоть какая-то альтернатива. И Леший достигает в борьбе с Тиграном такого успеха, что дело завершается в ЗАГСе.

*Этой ночью от Тиграна
Мы спасти решили Яну –
И в спасаловке успешно
Принимал участие Леший...*

– будет написано уже во время этого выезда. < А также предупреждение, изрекаемое специально для Яны – *Не ходи ты в гости к Лешему: мама Лешего помешанная...* Как обычно, предупреждение оказывается неэффективным. >

Поскольку отъезд из Старицы – дело не менее лёгкое, чем штурм автовокзала в Твери, поступаем так: с утра самые быстроногие из нашей компании – Женя Крестьянинов и Тимур со всеми нашими деньгами налегке посылаются в Старицу с наказом купить билеты на четырёхчасовой автобус.

Всё тяжёлое из их рюкзаков достаётся нам. Плюс аккумуляторы праздничной озвучки. Плюс звуковые колонки работы Длинного Киры и мой катушечный магнитофон “UNER-4400-REPORT”. Плюс здоровенный рулон с новыми и несколькими старыми газетами, без которых праздник – не праздник, а просто пьянка. Плюс магнитофонные катушки: такие уж мы эстеты, что от презренного кассетного звука воротим своё спелеорыло. Даже в столь дальних выездах.

Ну и обычное содержимое шмотников, рассчитанное на мартовскую непогоду.

Почва же под ногами – не почва: гибрид киселя, катка, болота и снежных сугробов. Наст не держит абсолютно – при каждом шаге проваливаешься по колено. Под снегом вода из поднимающейся весенним паводком Волги.

: Прём огромные шмотники по тропе, меньше всего в это время года для движения по ней подходящей. Проклиная тающий снег и вес рюкзаков за спиной, вполглаза любуемся на толкотню льдов слева в русле реки. *Безумная картина старицкого ледохода*, – кто-то вспоминает рассказ Джека Лондона о заторе на Юконе... < Ситуация с парой эсквайров-челюскинцев ещё впереди. >

Последний подъём у города – на высоту пятидесятиметрового обрыва – выматывает остатки сил. Общая мысль: успеть бы на автобус. До отправления которого остаётся не более пяти минут...

На окончании подъёма нас встречают Крестьянинов и Тимур.

– Не торопитесь. Билетов всё равно не было...

: Все падают на шмотники в полном изнеможении. Ли-

ца будто взяты с картины Босха.

– Но мы проявили смекалку и взяли...

– На какое время? – вопрошаю я. Ибо если они взяли билеты на последний автобус – это всё равно, что не взяли: электричка “Калинин – Москва”, к которой он прибывает, в Москву является в полвторого ночи. И как потом добираться до дома?

– Не на какое, а ЧТО. Вот она — ведь чувствуем, сейчас актуальней всего будет...

И потрясают тремя бутылками водки. Взятыми в аккурат на наши автобусные сбережения.

Сапиенс щёлкает вспышкой своего аппарата – и тут я замечаю, что пейзаж вокруг очень характерный: кладбищенские кресты и ограды.

: Приехали. То есть – уехали...

— Тем не менее, мы как-то оказываемся в автобусе. Причём без какой бы то ни было покупки билетов (хотя бы потому, что не на что),– как мы оказываемся в нём, достойно отдельной саги. Поэмы, повести. Небольшого романа. Для обозначения которого слово “триллер” не более подходяще, чем слово “пастораль”. Если появится когда-либо такой стиль, как “фарс-экшен” — знайте: мы были его первопроходцами в тот печально-весёло-прикольный мартовский день. Точнее – в час между волком и собакой.

: Длинный Кира полагает, что мы никогда бы не смогли оказаться в этом спасительном автобусе, если б не водка, купленная ребятами вместо билетов. И не думайте, что водитель пустил нас в салон, потому что мы откупились от него “жидкой валютой” — её мы употребили внутрь там же, на кладбище. Достаточно немедленно, в соответствии с настроением. Под последние, остающиеся в качестве заправки, консервы с видом на катящееся к горизонту красное солнышко и ледоход под ногами – и подсознательный рефрен сутеевского муравьишки. Что так стремился до захода солнца домой...

... венгерский левиафан скользит по-над шоссе,– вокруг которого вечер сменяет день, весна зиму, полыньи отогревшейся на весеннем солнце земли, соединяясь, пожирают снежные останки зимы — солнце красным ополовиненным апельсином качается за линией горизонта в такт нашему движению –

— и рефреном звучат в голове строки Стрижа об этом икарусном возвращении из Старицы: на стыке зимы и весны, стыке дня и ночи,– стыке земли и неба...

ГОЛОС И ГИТАРА СТРИЖА

: По вечеряющей зиме лечу из Старицы
в столицу —

Междугороднему “Икарусу” отдавшись целиком.

И порыжевший плекс в окне явит мне города — и лица,

И надоевшие снега, и всё, что видно за окном:

— Там над снегами, разъярясь,
 садится Солнце в полнакала —
 — Как будто тянет на цепи какой-то странный человек,
 Который был когда-то князь —
 покуда был себе богатым,—
 Да вот предложен, наконец, некомфортабельный ночлег.
 Но комфортабельно меня
 уносит мой “Икарус” *мимо* —
 Как, впрочем, мимо я и сам
 безотносительно несусь...
 И убелённая земля
 уже ничем не уязвима,
 Стремясь к безлюдным небесам —
 — увы! и я туда стремлюсь...
 : И что ни метр, что ни метр —
 то перемена декораций:
 всё ближе запах облаков,
 всё ниже сполохи небес —
 а впереди лишь только ветер —
 : что ж, “отрываться”? — «Отрываться!
 Давай, взлетим вот с тех холмов —
 “Икарус” мой, железный бес...»
 ...: Как жаль, что нет со мной ТЕБЯ —
 Ты положительно не знаешь,
 что от Тебя лишь эта блажь
 и это рвение моё:
 Покуда я себе лечу — Ты беспокойно ожидаешь,
 Когда ж я всё-таки ворвусь во всепрощение Твоё...
 : Благополучно приземлясь,
 Сойду под сень автовокзала —
 В Тобой надышанный морок
 Меня умчит вагон метро...
 Твоим Участием пленяюсь,
 Я Завтра Всё Начну С Начала —
 : Как всё задумано хитро...
 : *Как всё з а к р у ч е н о хитро...*

VIA EST VITA

— Из Вадима Певзнера [он же Dm. Rev.]:

*Ох, жизнь вокзальная —
 нетривиальная*

Кто на подъём тяжёл?
 — Да вот не всяк!
 : Лишь только дунь-шепни —
 — и я, как пёрышко,
 Уже лечу, куда — не знаю сам.
 А рельсы ровные,
 а рельсы гладкие
 Гудят-стучат, натёрты —
 шик и блеск!
 : Как мухи летние,
 на сахар падкие,
 Мы удираем, брат, из этих мест!
 А тем, оставшимся —
 ох, как не нравится
 Моё цыганское
 житьё-бытьё...
 Но вы не кукуйтесь —
 а с нас не станется:
 Нам ветер в спину бьёт, а вам — в лицо...

Ибо любой поход, любая экспедиция — это Дорога.

: поездка в Старицу даже из не столь отдалённой от неё (в сравнении с Питером) Москвы — дорога в первую и во вторую очередь. В последнюю и предпоследнюю — тоже.

Потому что возвращение домой — тоже Дорога.

: Сам выезд со всеми своими событиями, кострами, открытиями, непогодами и красотами скромно уместается посредине. Каким бы длительным или результативным он ни был.

А потому — вот ещё несколько фрагментов “дорожных старицких историй”, проходящих под общим названием “электрические песни”. Кажется, внутренней музыкальностью они перекликаются со строками Вадима.

КРЮКОВСКИЙ БАЛЕТ

На минутной остановке в Крюково < по причине “майского выезда” тамбур по потолок забит нами и нашими трансми, ибо вагон аналогичным образом забит ‘мокрозадыми’ с их каяками и байдами; где размещаются дачники со своими лопатами, грабельками и саженцами, охотники и просто мирные жители — загадка. Наверно, в межвагонном пространстве — или, как в двадцатые годы, на крышах > видим в раскрытых дверях, как какой-то мужик с безумным воплем вылетает из автобуса на площади перед станцией, летит на всех парах к нам (электричка стоит на третьей от него по счёту платформе), в прыжке через изгородь взвизгивает на первую платформу, тройным тулузом

преодолевают пропасть вырываемого подземного перехода меж первой платформой и второй, ещё одним могучим прыжком – явно похеривая существующие мировые рекорды сразу в трёх видах спорта – рельсовый промежуток прямо перед приближающимся товарняком между второй платформой и нашей (Минотавр с Байданом уже держат шипящие двери – до того нам жаль мужика в его безнадёжном стремлении: просто не представляю, как он планирует разместиться среди нас и наших шмотников),–

— мужик влетает в тамбур и в изнеможении откидывается на схлопнувшиеся за его спиной створки. «Ух, успел»,– успевает пробормотать он, вытирая со лба пот. В это мгновение машинист, раздражённый вмешательством в работу дверных механизмов, делает кнопками «пш-ш – пш-ш...» — на что двери, соответственно, распахиваются и схлопываются обратно.

В ПАУЗЕ:

: мужик, как стоял – выпадает на платформу.

«НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ» – читает Байдан на затворившейся перед ним створке. И удивлённо замечает:

– И вправду, да-а...

BLACK-BREAK-DANCE

...: Электричка трогается, завершив возможную погрузку и выгрузку пассажиров на станции Клин < сам этот процесс заслуживает отдельного описания — “тем хочется внутрь, а этим наружу”: в Клину сходит ‘достат. кол.’ народу, но и заходит ‘примерно столько же’,– к тому же тамбур оккупирован нами... Последним, “как окурочка в прибой”, к берегу, то есть к нашим вещам и нам прибывает какого-то абсолютно пьяного негра. Что само по себе удивительно — откуда он взялся в два часа ночи на краю подмосковной Ойкумены,– “что ищет он в краю далёком, что кинул он в краю родном”???

: Загадка географии и истории >,–

– но продолжаю: электричка дёргается, пытаюсь набрать ход, соизмеримый с догоном естественно ушедшего вперёд расписания — но тут же рывком тормозится. Отчётливо слышно характерное шипение “стоп/крана”. Что ж – дело обычное, “кто-то не успел”. И его, очевидно успевшие погрузиться в тамбур товарищи, ‘приходят на помощь’:

: Так думаю я.

По логике вещей машинист должен распахнуть двери (иначе непонятно, зачем нужен пресловутый “стоп/кран”?..),– однако, так поступил бы, наверное, западный, капиталистический машинист. Которому пассажир – друг, кормушка и брат во Христе. Нашему же машинисту пассажир – враг смертный (а если и кормушка — то лишь для ‘контры презренной’),–

– А потому наш машинист, естественно, изо всех сил

выворачивает баранку реостата, что, в отличие от автомобиля, в электровозе служит не для поворотов — в них, как известно, обычно бывает повинен стрелочник — а для регулирования скорости. Выворачивает в сторону максимально возможного набора скорости, то есть по часовой стрелке. Электричка, соответственно, дёргается — и снова тормозится.

: Соответственно, мы летим с ног. Те, кому позволяет это сделать довольно стеснённое пространство.

«Посмотрим, чья сила возьмёт!» — изрекает цитату из Капгера Сапиенс. И мы “смотрим”. Вставая-падая и снова падая-вставая. Поезд дёргается взад/вперёд раз десять подряд — с каждым разом всё ожесточённей и злее. «Да это же просто хулиганство!» — не выдерживаю я, тараня при очередном рывке головой коногон Кирина: висящий на том месте, где обычно носят коногоны.

Хулиганство со стороны кого, не уточняю за очевидностью.

Новый рывок — уже из последних сил машиниста: выворачивать хорошо подпружиненный регулятор скорости тоже не лёгкая работа. Тем более с таким озлоблением. (Озлобление ясно слышится в интонациях характерных выражений, доносящихся из вагона: из расположенных там матюгальников. А также из уст мокрозадых: судя по комментариям, с багажной полочки срывается чей-то “Таймень” или “Салют”. Но быть может, просто пятиметровый стеклотекстолитовый каяк.)

«Хотел бы я посмотреть на этого гада...» — бормочу я, потирая растущий на лбу рог.

— Что ж, смотри,— разрешает Минотавр. И поднимает меня над своей головой. И я вижу:

: ТОТ САМЫЙ, в жопу пьяный негр стоит у противоположных дверей тамбура — как был внесён при посадке — и, чтоб не упасть, держится за ручку перед собой. Очевидно полагая с высот своего африканского образования, что данная ручка для того и предназначена. А может, просто держится, ничего не полагая по причине действия этанола. В силу чего при каждом рывке поезда вперёд его швыряет назад — вместе с ручкой, вызывающей торможение состава.

Ибо эта ручка — ручка “стоп/крана”.

— Очередной двойной рывок — и Минотавр со мной на руках, увлекая за собой Кирина, Сапиенса и наши шмотники, падает на негра.

Брейк-данс заканчивается.

БЕЛЫЙ БЛЮЗ

Действие разворачивается в той же электричке на перегоне меж Клином и Московским Морем. Электричка — та самая, легендарно-любимая нами, что отходила от Ленинградского в “0.23” и в полчетвёртого приползала в тогдашний Калинин — ясное дело, последняя. Следующая (первая утренняя) идёт

лишь через четыре с половиной часа.

Время действия – третий час ночи.

: Некий гражданин, одетый явно не по сезону (белая рубашоночка с коротенькими рукавами, кейс, брюки со стрелочками и лёгонькие полуботинки), пребывая в самой середине вагона, начинает орать, что “ему щас выходить”. Даже нам в тамбуре слышно. Жизнерадостные верзилы мокрозады, забившие в три наката своими байдами, каяками и рюкзаками проход меж сиденьев, несколько раз уточняют, действительно-ли он уверен, что это его остановка. Гражданин, доходя до истерики, настаивает на своей правоте. Тогда мокрозады поднимают его на руки и вместе с кейсом передают по цепочке над своими головами и шмотками: нам, в тамбур. Поезд действительно приближается к станции; но определить, к какой, физически невозможно: объявления остановок традиционно не следует – за запотевшими окнами же можно разобрать лишь одно: траву, покрытую инеем.

По причине случившихся заморозков.

: Обычное для конца апреля явление.

Учитывая его – а также форму одежды рвущегося на выход – Байдан с Минотавром устраивают гражданину самый натуральный перекрёстный допрос с пристрастием,— но гражданин продолжает настаивать на своём. Как Зоя Космодемьянская.

– Смотри, тебе же хуже будет! – предупреждает его Минотавр.

– Выпустите, сволочи!!! – орёт жертва, видя как раскрываются двери. Что ж –

: я слегка пригибаюсь, и на счёт «три» гражданина, так и не коснувшегося в своём путешествии пола вагона, выставляют на перрон поверх моей головы.

: Гражданин поднимается с колен, отряхивается – и оглядывается.

Сапиенс успевает бабахнуть вспышкой – так эта фотография и остаётся у нас: человек в белой распашонке посреди серебряного от инея полустанка. Лицо отражает одновременно изумление и ужас. Вокруг – нечто вроде степи. Ни одного огонька. В правом нижнем углу кадра дата и время: 30. 04. 90, 02.35.

Затем двери закрываются. Но мы успеваем услышать:

– *Ребята, а это не моя остановка...*

MISERICORDIA

: На ту электричку был самый настоящий “лом”. Особенно накануне майских совковых праздников.

— Следует представить: на дачах начинается “посадочный сезон”, и тысячи счастливых владельцев подмосковных участков устремляются на них со всеми своими грабелями, лопатами и саженцами после последнего рабочего предпраздничного дня. Не все из них могут старто-

вать из столицы сразу по окончании работы: к поездке надо ещё подготовиться, наварить-нажарить припасы и закусочную снедь на предстоящие праздничные дни, и упаковать барахлишко,—

: кто успевал выехать раньше — тот выезжал. Прочие уплотнялись-сжимались в этой последней электричке до состояния сельдей в бочке. Причём без голов.

Но ведь ещё — отмороженный поток “мокрозадых”,— рвущихся, аки лемминги, к акватории Московского моря. Со своими каяками и байдами. И рюкзаками. И гитарами.

А ещё к этой толпе приплюсовывались мы. Потому что не всех москвичей-спелестологов устраивал “ржевский вариант”,— кто-то просто не успевал на великолукско-рижские поезда. А кому-то — как, например, зеленоградским спелекам — этот вариант был вообще по боку.

Но ведь ещё были те, кто работал в Москве, а жил за городом.

Не у каждого рабочий день кончается в шесть часов вечера — есть и вторые смены.

И есть те, кто возвращается в Москву из отпусков и командировок поздним вечером. Но живёт, опять же, в Твери. Или в Клину.

— Да хоть бы в Зеленограде!

: Почему власть не могла пустить в эти предпраздничные дни ещё одну электричку, причём более позднюю,— скажем, в час ночи или даже в час двадцать — “вопрос риторический”. Где-то на уровне “а могут-ли совки мыслить?”

: *проявляя своё радение о народе, новая перестроечно-дерьмократическая власть эту электричку вовсе отменила.*

“Типа, не нужна”.

А следом и первую утреннюю.

И предпоследнюю электричку с Ленинградского вокзала до Твери отменила тоже.

И вторую утреннюю, до кучи. Сэкономили, непонятно на чём. И что.

: Теперь, чтобы добраться до Старицы через Тверь, нужно было оказаться на Ленинградском вокзале в десять часов вечера.

И с часу ночи до пяти утра караулить очередь на улице перед закрытыми дверями тверского автоиздевательства —

— ей-богу: выезжая из Питера в то же самое время, в Старицу можно было приехать не позже москвичей. И в отличие от них — прекрасно выспавшимся.

: Нанесло это удар по нашему посещению Старицы в погромные перестроечные годы? О, да. И не слабый. О поездках в Старицу “на одни выходные” можно было забыть.

Потому что с рижскими поездами, как я уже написал, начались какие-то непонятные игры — проходящие по классу не политики, а психиатрии.

Либо всеми правдами и неправдами отвоёвывать у начальства пятницы и понедельники.

Что мы, конечно, и делали.

: Многих спасала относительная вольность перестроечных заработков — например, промальпинистов. Есть заказ — ни о каких поездках ты даже не думаешь. Нет заказов — «вперёд, покуда тонок лёд!..»

: каких бы дорожных неудобств и гадостей нам это ни сулило.

Да и что все эти ‘неудобства’,— включая ритуальные битвы с “контрой презренной” — *против Цели Пути?*..

— Фигня, а не неудобства. Остро-пряная приправа к Выезду —
И только.

И СНОВА ПЕВ

*Дороги, дороги, дороги —
— пока ещё песня не спета;
Дороги, дороги, дороги
нас несут по белому свету;
Дороги, дороги, дороги —
— о, чудо чугуновой кареты!..
: Ночные платформы —
: приют наш и кров,
Где пыль под ногами
и грохот, и рёв
запретного ветра...
Дороги, дороги, дороги
под небом, серебряно-чёрным,
Дороги, дороги, дороги
несут-ли нас к лешему, к чёрту?
Дороги, дороги, дороги —
за чётным столбом
ждёт нечётный
Дома, полустанки и волны морей
Прносятся мимо — быстрее и быстрее
: мелькают, как чётки...
Дороги, дороги, дороги:
куда приведут — неизвестно;
Дороги, дороги, дороги
кидают в российскую бездну!
Дороги, дороги, дороги —
— а всё-ки подумайте честно:
Подумайте, братцы: а если вам двадцать,
Зачем понапрасну с богами тягаться?..*

: не лучше-ль на месте...

: Многих из нас именно случившийся “дорожный старицкий прессинг” заставил задуматься о покупке машины. Против чего, конечно, восставала вся наша традиционная туристическая психология (в немалой степени кодированная совком) —

: но куда ж — против правды жизни? С появлением в Никитском Кругу автотранспорта с изумлением увидели: то, что ещё вчера казалось недостижимо-далёким — стало близким.

Автомобиль давал такую свободу, о какой в совке мы и не мечтали.

: То-то он так кодировал против неё...

С появлением автотранспорта у нас началась Совсем Иная Старица. И мы стали иными. Но прежде чем говорить о Новом Времени — вот картина Завершения того, что было.

Что сложило нас с этим местом — навечно.

MEMORIA: ADAGIO ALBINONI IN LAPSUS LIBRATUS

: ЭТА ЗЕМЛЯ СТАЛА НАШЕЙ. Я привёз из Москвы деньги; передал их номинальному владельцу — он написал отказ и мэр города переоформил бумаги на моё имя. Тогда ещё покупка земли официально не разрешалась, но в Старице был очень хороший мэр.

Николай Николаевич Сысоев — запомните, пожалуйста, это доброе имя. Лишь с его помощью нам удалось сделать в Старицком районе то, что удалось. < Много это или мало — вопрос философский. Но покажите мне тех, кто сделал больше — и обошёлся без помощи местных властей. Например, организовав первую международную спелестологическую конференцию, или работая в местных архивах. >

: Лагерь можно было снимать — но мы остались ещё на один день. Хотелось *просто побыть* — без судорожного каждодневного, так осточертевшего всем страшного Ожидания...

: Всё лето наши палатки простояли здесь. Лагерь принимал именитых гостей — “хозяев города” и иностранных туристов, местных ребяташек и воспитанников Лещины,—

В поисках земли я отходил десятки километров по старицким дорогам — и наконец, ВСЁ. Можно выдохнуть. Можно сложить палатки, собрать рюкзаки — и...

— *Так нелегко было расстаться с этим местом!..* Не казалось — “навсегда”; чувствовалось: навсегда. Потому что каждый *знал*: никогда уже больше не будет в нашей жизни ни ночных костров над этим обрывом, ни долгих разговоров над тлеющими малиновым и синим углями — до утреннего озноба и первых рассветных звуков, движения ветра его... Не будет больше наших маленьких — тесных, но таких уютных палаток

под лапами орешника и елей, с дробью дождинок по брезенту, полиэтилену или капрону над головой —

— *но будет иное: коттеджи, профессиональная работа гидов-проводников и спелеонавтов...*

— А может, просто чувствовали, что НА САМОМ ДЕЛЕ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ НИЧЕГО.

И этот Последний День был днём прощания со Всем, Что Здесь Было:

: **До того. Все наши годы и месяцы —**

... БЫЛО ХОЛОДНО и в воздухе пахло снегом: прозрачно-острый запах зимосени —

Мы сложили палатки и сидели вокруг догорающего костра, укрывшись от ветра полиэтиленовой плёнкой. Сплетённая когда-то изгородь уже не защищала от него; как не закрывали его студёных порывов голые ветви упавшего дерева. Никто не мог встать первым и подойти к своему рюкзаку. Казалось, это движение оборвёт, разрушит какую-то очень важную нить...

— Навсегда. Навеки. И соединить её вновь будет до боли *немыслимо*,—

: Я, Настя-Лиса, Серёжа Лещина и Юра Кирин.

Рядом на пенёке стоял выключенный с вечера плэер; Кирин потянулся было к нему — но Лещина взял Гитару:

— *БУКВЫ ОСЕНИ* слагаются в слова
Фразы колкие хрипят, как рельсы в стык
На скрещенье октября и ноября
Словно снег, мне выпадает Белый Стих

: *Листопад сплетает кружева
Листья вперемешку: жёлт и бел
Словно надоевшие слова
Песен, что с Той осени я пел и пел...*

— *Флюгера не видно: листопад
Ветры с четырёх летят сторон
Строят в Небе розу и квадрат
Окаймлённый морем листьев и ворон*
— *Но смотри на жёлтое враньё
Под злоеющий пограничный свист
Белою вороной в вороньё
Опустился мой осенний синий лист*

: *Вот она — нежданная пора
Родина — аквариум одно
Не взлететь: на крыльях ни пера
Лишь одно стремленье вверх и вверх дано*

— *Проживи с Отечеством метель
Мир родился Осенью, мой лист
Отстрадай и ты свою мигрень
Пусть и Твой Квадрат пребудет вечно чист*

– Листопад сплетает кружева
 Как одни и те же словеса
 Эти надоевшие слова
 Осень подтверждает на своих басах:³⁹

: Проводы Лета – мы в нём и поэтому ждём повторенья;
 В кухне натопленной дух от накопленных банок варенья –
 Мы угощаемся, ложки беря;
 Мы защищаемся от октября
 Чайным глотком облегчая оскомину просьб о пощаде...
 : Наше спасение в том, что мы бросили лето до осени;
 Где-то посеяли – охами, ахами лбы перепаханы –
 Ты угощаешься, просишь: «напомни-ка»,—
 Плавает в чашечке шарик шиповника –
 Пей, я напомню – по-новой наполню: «ну как, полегчало?»
 – Да, полегчало; хотя поначалу не то, что бы очень...
 Видишь-ли, смеху дожди не помеха – покуда не осень;
 Что-то замотан я в этой связи –
 Ладно, чего там: «кривая, вези!»
 Трогай – и с Богом: следить за дорогой пока не охота...»
 – Нет, мы не спятили: просто в апатии есть своя прелесть –
 Мало-помалу заметить, как палые листья запрели —
 Их на ходу протыкая зонтом
 Мокнуть, и думать совсем не о том:
 Выйдя наружу, себя обнаружить Осенью в Новом году...
 : ПРОВОДЫ ЛЕТА...⁴⁰

— Серёжа кончил играть и укутал гитару

в чехол.

Мы не двигались – будто ждали ещё чего-то. И тогда я дотянулся до плэера и нажал клавишу. Какая там стояла кассета, с какой записью — казалось не важным. Это *движение* просто нужно было сделать в это мгновенье –

Потому что одновременно...

...: ИЗ МАЛЕНЬКИХ КОЛОНОЧЕК ПЛЭЕРА РАЗДАЛИСЬ ПЕРВЫЕ ЗВУКИ АДАЖИО АЛЬБИНОНИ –

– И ПОШЁЛ СНЕГ. БОЛЬШИМИ ПУШИСТЫМИ ХЛОПЬЯМИ. Под эту Музыку, исполненную любви и печали, надежды и боли – шёл снег. Он летел по ветру почти параллельно земле —

– и пока звучала мелодия Великого Мастера итальянского барокко — здесь, над крутым берегом Волги — в столь невероятно неповторимом, удивительно мягком и точном исполнении Берлинского филармонического оркестра под управлением Герберта фон Караяна,— облепило и покрасило белым пушистым налётом ветви осин, голые прутья орешника,

³⁹ Стихи Серёжи Молчанова.

⁴⁰ Стихи Юрия Левитанского.

ещё зелёную и жухлую траву, брёвна сидений у костра, руки и пальцы старого сухого дерева, склонившегося над нами...

: *Чудо свершилось.*

А когда под порывами ветра угасла последняя нота — снегопад кончился. Так же внезапно, как начался.

И тогда мы встали и пошли к трассе — оставляя/продавливая тёмные следы в белом подножном ковре.

: *Возвратиться по которым нам было уже не суждено.*

* * *

Писать о том, как мы затеяли наш РОСС — Российское Общество Спелеологии и Спелеонавтики — пока воздержусь.

: Слишком хороши были планы, слишком светлы, — под стать перестроившемуся времени и тогдашним нашим мечтаниям сочетавшие международный спелеотуризм и проведение экспериментальных подземных Пребываний, —

: здесь, в Старице, и в родных Никитах, —
— да не вписались в реалии нашей страны.

: Того, что поведал в “Белом Камне, Чёрной ночи” — достаточно.

Да этого небольшого эпизода.

Что лёг белой снежной чертой меж нашим любительским прошлым и несостоявшимся профессиональным подземным будущим.

Разделив надвое **нашу Старицу**.

: *Сожалеть о несбывшемся будущем не стоит. Потому что в итоге состоялось иное —*

ПЕРВАЯ СТАРИЦКАЯ

“Один спелестолог — группа.

Два спелестолога — клуб.

Три спелестолога — Всероссийское Общество

Спелестологических Исследований...”

Распад объединения РОСС/“Паренди” переживался очень болезненно. Душевное состояние было “примерно такое же”, как и в 1982 году. После крушения спелеонавтической программы в МОГИФКе.

И не у одного меня — у многих никитян тоже. Казалось, наш спелестологический кораблик окончательно разваливается, гибнет. Да и под землю ходили уж всё реже и реже — перестроечные заработки затягивали с головой не меньше, чем подступившие возрастные и бытовые проблемы. Причём не

только в Никитском Кругу — всюду. Во всех подмосковных пещерах. И не только подмосковных —

: Там, где раньше под землёй на выходные собиралось несколько десятков человек — теперь могло поприсутствовать два-три. Попить водовки с рефреном “а помнишь, как было...” — и разойтись, разъехаться по домам.

Могло и никого не появляться — неделями. А то и дольше:

На зимнем Пребывании в Никитах в 1995 году за два месяца никто не тревожил нас со Склизским Змеем — кроме наших помощников из группы обеспечения. В самый былой “ходибельный сезон”... Гуляя по пустой и оставленной нашей Системе, вызывали в памяти картинки того, как здесь было здорово илюдно раньше,—

— садировали друг друга воспоминаниями в том же печальном стиле: *а помнишь...*

: Тоска перехватывала дыхание от этих разговоров. Пока однажды Змей не рывкнул, принимая Историческое Решение: — Хватит шизовать по прошлому! Ведь было — и славно, что было! Могло-то и не быть, и чтоб мы вспоминали сейчас? Так давай радоваться тому, что случилось — а не тосковать! Ведь, не дай Бог, ещё и этот момент с упоением вспоминать будешь!..

: момент, кстати, “по ряду причин” был не самый светлый [я рассказываю о нём подробнее в «Кейвлайвинге»] — но Змей оказался прав. Если говорить о дальней перспективе.

Но тогда всем нам казалось: *эпоха подвела себе итог,— стлела, кончилась.*

: счастливы из нас были те, кто ушёл раньше. Кто не застал этого распада и запустения.

*Мы проиграли нашу войну —
Мы разбредлись по обломкам Державы —
Полно насвистывать гимн Окуджавы:
Мы проиграли нашу войну.*

: пел Серёжа Лещина.

Смерть старшей дочери добавила к этому состоянию ровно то, что не могло не добавить.

Но в феврале 1997 года мне позвонил Лёша Константинов:

— Уважаемый Командор! Хватит лелеять депрессию! Мы тут с Никольским решили, что в этом году нужно обязательно провести в Старице Международную Спелестологическую конференцию. Для чего официально восстановить-перерегистрировать РОСС. А так как без Вас, дорогой сэр, эта идея будет пахнуть плагиатом — Вы приглашаетесь к соучастию. Сбор инициативной группы у вас дома завтра в семь вечера.

— От удивления я ничего не смог сказать в ответ. Кроме растерянно-жалкого:

— Ну что ж, коли так... Приезжайте...

Втайне надеясь, что может, ребята просто хорошо выпили. И наавтра обо

всём забудут.

Но они приехали.

О подготовке подобного События можно повествовать очень долго – ибо количество как внешних, так внутренних трудностей (порождаемых нашим своеобразным разгильдяйством и индивидуализмом) велико и разнообразно.

А потому период подготовки попробую сократить до тезисного вида.

На первой же нашей встрече было решено: в Конференции, организуемой Никитским Кругом, на равных должны принять участие все московские спелестологи, что ещё продолжали своё общение с Подземлёй.

А также наши друзья из Питера, Твери, Самары, Одессы – и других городов, с которыми у нас оставались “подземные связи”.

Участие иностранных спелестологов – связей с которыми у нас на тот момент не было “по определению”⁴¹ – было желательным.

Саша Никольский сказал, что теперь есть Интернет — так что иностранных гостей он, как профессиональный компьютерщик, берёт на себя.

Жена Саши Лариса [никитский ник – Колбаса] взялась решить визовые и прочие трудности, связанные с приглашением, приездом и встречей иностранных участников Конференции.

Юра Дёмин [Грач], представляющий виртуальный в это время силикатовский спелеоэтнос < Силикаты были закрыты властями Подольского района в 1989 году > — прекрасный организатор. Только благодаря его усилиям собрания нашей инициативной группы не превращались в традиционно-праздничный балаган.

Саша Баркан взялся “пробить” участие рекламных спонсоров – производителей туристического и спелеологического снаряжения.

Леша Константинов – участие в Конференции физиологов, заинтересованных в возобновлении спелеонавтических исследований в нашей стране. А также необходимых при общении с иностранцами переводчиков.

Миша Сохин был готов “финансово подстраховать” нас. Если рекламное участие спонсоров как-то обломится, — *оно, конечно же, обломилось* (по причинам, от Саши Баркана вовсе не зависящим) – и сдержал своё обещание.

Сталкер [Сергей Усанов] – тот, что привёл под землю замечательную команду своих “детей”, — как радиолюбитель, гарантировал устойчивую радиосвязь “с любой точкой на поверхности земного шара”. Помимо этого вместе со своими бывшими воспитанниками он взялся организовать заезд квартирьеров и постановку лагеря. А также взаимодействие с властями района. < Я, после случившегося “первого россоского афронта”, просто боялся показываться в Старице — а потому меня разумно от этих проблем устранили. >

На мою долю пала разработка тем докладов и координация научно-

⁴¹ За нашими переездами, женитьбами и разводами оборвалось даже общение с бывшими “чешскими никитянами” и эмигрировавшим в Чехию Пюлей; приезд эмигрировавших за рубеж прочих никитян представлялся крайне проблематичным.

культурной программы Конференции. Включая решение технических проблем: видеоманитофоны для демонстрации фильмов, слайдеры и прочее.

Плюс, конечно, каждый из нас обзванивал всех своих знакомых по Подземле.

— И так далее.

Думали: соберётся от силы 20 – 30 человек (“ну, сорок...”),— как водится, помянут ушедшие времена и расскажут-поведают друг другу, что когда у кого не удалось... Подведут итоги существования Жанра, в общем.

К маю, к полному нашему изумлению, выяснилось: в Конференции желает принять участие столь большое количество спелестологов, что акция уже не является “внутриникитским делом”,— впрочем, как я уже написал, изначально именно этого мы и пытались избежать – оттого решили проводить её не в Никитах, а в Старице. Но масштаб События явно недооценили.

Из зарубежных гостей выразили желание приехать даже спелестологи из Аргентины. К сожалению, высокая стоимость авиабилетов до России не позволила им это сделать – они приняли участие в нашей конференции интерактивно, с помощью того же Интернета.

Поскольку для проведения акции такого масштаба была необходима хоть какая-то “официальная крыша”, Саша Никольский в рекордные сроки перерегистрировал РОСС. Теперь уже – не как “неформальное”, но вполне полноценное общество. И естественно, был единогласно избран нами его первым Президентом.

Количество заявленных докладов и сообщений приближалось к 100,— плюс многие везли снятые под землёй видеофильмы и слайды, самодельное спелестологическое снаряжение и вскрышную технику,— было ясно, что в “официально дневные” слушанья и просмотры вся эта бездна информации не уложится. А потому пришлось часть сообщений перенести на “вечерне-костровые посиделки”,— кстати: многие из моих друзей сразу заявили, что “несколько стесняются” публичного выступления перед большой аудиторией — а потому “костровое время” их устраивает более всего.

Чтобы дать возможность выступить нашим зарубежным гостям и представителям “спелеооокумены России”, многие москвичи (в том числе и я) значительно сократили свои доклады и перенесли их на это же “костровое время”.

Датой начала Конференции назначили 20 июня – не смотря на то, что в Старице в это время года обычно льют дожди и через неделю должен был состояться очередной слёт памяти В. Шагала,—

: в первую очередь эту дату определили наши зарубежные участники. Точнее, их отпуска. [Мы предупредили их, что “будет очень мокро” — “Вы говорите это спелеологам?” – получили интернетный ответ.]

Я полагал, что “культурную часть” Конференции должны олицетворять не только снятые под землёй слайды и фильмы, но наше спелеопесенное творчество и газеты-маразматки,— а потому, общаясь по телефону со всеми, кто готовился приехать, делал особый акцент на творческой стороне нашего

подземного бытия.

Никитский Круг “в жанре гитары”, по моей мысли, должны были достойно представить Лещина и Рашпиль.

: Хорошая была мысль. Звонкая. Сулила овации и аплодисменты,—

Следующую фразу мне до сих пор невозможно написать самым физическим образом — но придётся. Хоть так, курсивом. 12 июня Серёжа Лещина умер,—

Юлик сказал, что если в течение 40 дней кто увидит в его руках гитару — может одеть её ему на уши.

: Смерть Серёжи сдавила, скрутила чёрным коконом утраты всех его друзей.

Казалось, теперь — *после* — прочее не имеет смысла.

Последние дни перед Конференцией прошли, как во сне. Что-то делал, с кем-то созванивался. Пил. В оторопи страшной потери. Прагматически-подло гудел изнутри вопрос: как же теперь без его песен, делать заявленную “культурную программу”?

— казалось: ни петь, ни говорить не смогу. Не смогу слышать звука гитары,— наших разудалых анекдотов и баек, и прикольных строф,— как и зачитывать у костра свои весёленькие вирши и строки...

Если честно — не то что о какой-то “спелестологии”, вообще ни о чём говорить не мог. И не хотел.

Поехать в Старицу и принимать участие в грандиозном спелеосейшене после такой утраты было немыслимо.

Но Константинов сказал: — “Без Феликса мы как-нибудь обойдёмся — но без “Авроры” вряд-ли.”

И рассудком — точнее, его контуженными останками — понимал: ехать надо. Хотя бы ради тех, кто там собирается быть. Ради всего, что звало нас под землю.

Так что поехал. Как во сне. Бездушным автоматом, машиной, роботом. “Делать своё дело” — а там пусть будет, как будет.

... автобус привёз в Старицу под потоки ливня. Ливень переждал в уютном кафе,— затем, взвалив на плечи рюкзак, поплёлся на избранное для Конференции место: знаменитый “старицкий аэродром”, пойменную террасу по-над берегом Волги. Расположенную меж недавно вскрытым нами Капканом и Лисьей.

На месте застал уже разбитый лагерь — Центральный костёр окружали противонепогодные тенты; в ближайших зарослях Дети Сталкера под руководством Баркана заканчивали оборудование неизбежных “отхожих мест”.

О щадящем со всех сторон отношении ко мне говорить не буду — что естественно, то естественно. Лещину среди присутствующих любили и знали все — потеря была общей.

Тем не менее, на другой день вместе со Сталкером отправился к городским властям “сверять наши конференционно-административные планы”.

Выбили у городских властей прямой рейс автобуса для доставки из Москвы иностранных и иногородних гостей; городские власти, сетуя на погоду,

отвели нам на время конференции просторный и оборудованный должной техникой городской ДК. Для доставки к нему участников конференции – автобус. Каждое утро, насколько позволяли размокшие дороги, он должен был подъезжать к нашему лагерю и отвозить докладчиков и слушателей в город; по окончании официальной части – обратно.

Обедать было предложено в том самом кафе, где я пережидал непогоду. Кафе было декорировано деревянными резными панелями в стиле “а ля местный рюс” — нас это устраивало.

Ради приехавших иностранцев городской Совет по туризму и экскурсиям выделил экскурсоводов по старицким церквям и музеям.

УВД – неизбежную охрану лагеря: уже знакомых нам по “капканной экспедиции” местных ментов-следопытов. Поинтересовались, не в тягость-ли им затеянное нами. «Работать на вас – одно удовольствие, ребята.»

По благоразумному разрешению начальника Старицкого УВД его сотрудники присутствовали меж нас в своём обычном, следопытно-походном ‘прикиде’ – от нашего не отличимым. Да и в прочем они нисколько не отличались от наших гостей. Только организаторы знали, что этот костёр – наша табельная охрана.

Моторки и катера сновали меж лагерем и городом постоянно.

Приехало тверское телевидение и корреспонденты нескольких газет. Снимали всё подряд, путались под ногами и лезли в самые критические моменты “на счёт интервью”.

Прибыло областное начальство из Твери; представители городской власти вообще чуть-ли не поселились в нашем палаточном лагере.

Свободные номера в городской гостинице “Волга” кончились накануне открытия Конференции.

Если думаете, что вся эта организационная махина “раскрутилась сама собой” – КРЕПКО ЗАЩИБАЕТЕСЬ. Несмотря на несколько предшествующих визитов в город Саши Никольского, Лёши Константинова и Юры Демина, нам со Сталкером в среду пришлось набегать по городу пару десятков административных километров. Ибо, конечно, «городской власти нужно всё это – но кто оплатит ПМК аренду автобуса и зарплату его водителя?» «Нет, “икарус” мы вам не дадим – обойдётесь “пазиком”.» [Ка-ак же!!!] «А кто оплатит аренду ДК и аренду кафе???»

: дед Пихто. То есть тот же самый виртуально-благотворительный персонаж, что оплачивал визы и приглашения для иностранных гостей, их встречу в аэропорту, размещение в Москве и экскурсию по златоглавой, – а также наши усилия по оборудованию лагеря, съёмки подземных видеофильмов, поиск и вскрытие пещер, проведение в них исследований, —

: вы поняли, *кто*. Как обычно в нашей стране. То есть мы сами.

: было не привыкать.

Тем не менее, помощь городской, районной и областной [именно в таком порядке] администрации была очень важна. И сэкономила нам не один фунт

баксов. Финансовое участие приехавших иностранцев позволило даже полностью окупить все наши предварительные расходы – можно назвать эту помощь благотворительной акцией западной спелестологии своей андеграундо-русской сестрице.

Можно сказать (коль располагаете должным количеством извилин, и ни одной больше) — что мы были куплены американскими наймитами мирового империализма.

Но самый, без сомнения интересный – как минимум, с точки зрения психиатрии – взгляд на эти дни привёл Миша Сохин в своей “проблемной статье” о спелестологии, опубликованной в 2001 году в ежегоднике Дублянского «Пещеры» (коль ежегодник издаёт товарищ Дублянский, слово “спелестология”, раз не избежать его упоминания, обязательно должно быть пристёгнуто к слову “проблемы”):

«С середины 1990-х годов в среде спелестологов-любителей появился интерес к консолидации. Образовалась московская организация РОСС, проводившая в 1997 году Первую Всероссийскую (фактически международную) спелестологическую конференцию в г. Старице. К сожалению, в дальнейшем РОСС практически прекратил свою деятельность. На конференции представители регионов проявили желание объединиться и впоследствии было учреждено Русское общество спелестологических исследований (РОСИ).»

: Вот так. Проявился некий интерес – и как-то само собой образовалось. Непонятно, из кого и каким макарон. Из воздуха, наверно. Это о первой половине периода. Обсуждать вторую половину на этих страницах не место. Как-нибудь потом, после. На страницах иного рода. А пока скажу краткой фразой из известного кинофильма: «Бре-ехня-я...»

— В четверг начали прибывать драгоценные гости. Московский автобус привёз 80 человек – как они там разместились, до сих пор не могу представить.

Питер прибыл “своим ходом” на пилигримовском “уазике-буханке”.

Из Москвы, Твери и Ржева приехало около 50 машин. А я-то полагал, что спелестологи – бедные люди...

К вечеру четверга в лагере было около ста палаток.

Как на хорошем слёте.

Повсюду разгорались костры и звучали гитары.

Я ходил по лагерю – и тихо обалдевал: то, что пелось у этих спелестологических костров, на пару качественных порядков превосходило всё, “даже самое высшее”, что можно было услышать в это время на слётах самодеятельной песни.

: Да, конечно, спелестологи – не упёртые в три безусловных аккорда каэспэшники. Стадное чувство не относится к нашим добродетелям или порокам. И если кому-то из нас мил Ж-М-Ж – другому Кинг Кримсон. Или Пинк Флойд, Битлз. Кому-то – Визбор и Окуджава. А иным – “Аквариум” или “Машина Времени”. Или современный музыкально-поэтический андеграунд. А кому-то всё это до фени, бо под землёй для него важнее всего Тишина. Или копательно-топографические подвиги.

Что объединяет поющих и слышащих под землёй — это неизбежная, если вдуматься, любовь к хорошему звуку.

Которая с кондовым каэспэшным идиотизмом не совместима в принципе.

: Оттого и Уровень. Вполне поддерживаемый нами во всех прочих ипостасях нашей жизни.

... а ещё я ходил меж первых костров нашего междугороднего спелестологического лагеря — и видел: как бы нам ни казалось, что Жанр исчерпался, подошёл к своему логическому концу — это не так. Собравшиеся вроде бы для его “торжественных похорон по высшему разряду” (эту мысль озвучивало большинство из тех, кого я приглашал на Конференцию), мы ясно почувствовали: не Жанр подышал — наше раздельное ощущение его. Наше, разбившееся на индивидуальные норы-каменоломни, его восприятие.

И Главное — впереди. Что бы кому ни казалось.

Ибо на этой Конференции были такие доклады, такие фильмы, слайды и сообщения — что у забившихся в личные тупички форейторов регионально-похоронного дела поневоле раскрывались и загорались огнём деятельности глаза, и хотелось тут же, сейчас, ехать в воспеваемые очередным докладчиком спелеодалы, — хотелось снимать свои фильмы и лезть в архивы, сколь бы мало в них информации ни было, —

— и: общаться, общаться, общаться...

На этой нашей Конференции притоки, что до того следовали каждый своим руслом, слились в мощный общий поток.

Фанаты каменоломен открыли для себя мир культовых подземных сооружений.⁴²

Кто до того изучал только их и полагал, что изучение это “подошло к своему аналогичному концу” — открыл мир наших лабиринтов, мир просто подземного бытия.

Для кого-то длительные подземные Пребывания и биоритмические подземные парадоксы стали не меньшим открытием, чем для других попытка ответить на вопрос, что же такое САЯ.

“Уходящие в прошлое” монстры и основатели спелестологии с удивлением увидели новое молодое поколение, которое вовсе не собиралось “хоронить Жанр” — а только входило в него.

Наши зарубежные коллеги открыли зациклившимся на любимых Системах подлинную безграничность и красоту *искусственной подземли вообще*, — и с удивлением, в свою очередь, открыли для себя неисчерпаемые горизонты российской спелестологии. О которой до этой Конференции просто не подоз-

⁴² Именно с этой конференции — с частного сообщения, сделанного у вечернего костра Игорем Греком — начался интерес Миши Сохина к практически не исследованным античным склепам Керчи. Что через несколько лет привело к появлению фундаментального труда «Античные склепы горы Митридат» [сокращённая версия результатов мишиного исследования была опубликована в редактируемом им “Спелестологическом Ежегоднике РОСИ” за 2001 год под названием «Изучение новой системы подземного некрополя Пантикапея»].

ревали — как, впрочем, и мы о зарубежной.

Кстати, по их признанию, самым важным для них на Конференции было *озвучивание термина спелестология*.

: Именно после Старицкой Спелестологической Конференции оно вошло в международный спелеолексикон — ибо до неё на Западе “данное место было — а слова не было”.

Теперь я должен перечислить хотя бы самых именитых из участников этой Конференции:

Себастьян Желеховский [Ассоциация изучения и охраны подземного наследия] представлял одновременно две страны: Польшу и Францию.

Жан-Поль ван дер Пас официально представлял Европейскую Комиссию по искусственным сооружениям при ЕСС [Европейский Союз Спелеологов].

Том Бреулс представлял Группу изучения подземных каменоломен при Обществе естественной истории в Маастрихте (Голландия/Бельгия).

Вильгельм Мизери — клуб “СпелеоНидерланды” и Государственную инспекцию шахт и подземных сооружений при Министерстве Экономики Голландии.

Игорь Грек и приехавшие с ним украинские спелестологи — Украинскую Спелестологическую Ассоциацию (Киев) и одесский клуб “Поиск”.

Николай Пудовкин и Александр Метёлкин достойно представляли спелестологическое и спелеобиологическое отделения Самарской Секции Спелеологов.

Александр Жаров [Шериф] — русскую спелеодиаспору в США < от “спелеологии по-американски” Сашу стошнило настолько сильно, что он, начиная своё костровое сообщение об американских искусственных и естественных пещерах, в качестве преамбулы сказал: — *Не фиг этим уродам делать здесь... >*.

Женя Богданов со своими товарищами представлял спелестологов Коврова.

Павел Мирошниченко и приехавшие с ним соратники — ЛСП, Питер.

Вера Земляная — Научно-производственный информационный центр “ТеоЭкология” (Тверь).

“Летучие Мыши”, Никитский Круг, Ольга и Паша Руссо [Гюрза & Крокодил], М. Геллер, М. Сохин, А. Парфёнов [Маркшейдер], Силикатский Макс, Юра Дёмин [Грач], Добытчик — а также “многие, многие другие” — московскую спелестологию “во всех её поколениях, видах и формах”.

Тверь, Ржев и Старица были представлены несколькими группами спелестологов и спелеотуристов.

Интернетный и радиоконтакт — спелестологи из Аргентины и Англии, Белграда, Харькова и Томска.

Всего на Конференции присутствовало около 200 человек.

Виртуально, благодаря радиоработе Сталкера и интернетной активности Саши Никольского — гораздо больше.

“Официальная программа” Конференции включала в себя следующие доклады:

- А. Шитков (Старица) – «Москва-Старица: параллели и перекрёстки».
- В. Земляная (Тверь) – «Из истории разработки Старицкого камня».
- А. Парфёнов (Москва) – «Районирование территории Старицкой спелео-провинции».
- И. Грек (Одесса) – «Каменоломни Одесской области».
- Т. Бреулс (Маастрихт) – «Технология подземной добычи камня в Маастрихте».
- М. Сохин (Москва) – «Подольские пещеры как памятник производственной деятельности, истории и географии».
- Ж.-П. Ван дер Пас (Маастрихт) – «Подземные сооружения и карст в Нидерландах».
- А. Булатов (Москва) – «Исследование пещерных монастырей Среднего Дона».
- П. Мирошниченко (Санкт-Петербург) – «Каменоломни Ленинградской области».
- С. Желеховский (Париж) – «Каменоломни Франции».
- С. Желеховский (Париж) – «Парижские катакомбы».
- С. Желеховский (Париж) – «Подземный мир Польши».
- В. Мизере (Амстердам) – «История и вторичное использование каменоломен в Голландии».
- Н. Пудовкин (Самара) – «Краткий обзор спелестологии Самарской области».
- В. Булатов (Москва) – «Методика поиска каменоломен и технология проведения вскрышных работ».
- В. Земляная (Тверь) – «Проблемы геоспелеологии».
- А. Метёлкин (Самара) – «Биоспелестологические исследования в Самарской области».
- М. Стихарь (Киев) – «Спелео-археологические исследования скальной церкви в с. Межгорье Борщевского района Тернопольской области».
- С. Гусаков (Москва) – «История Подмосковного спелеоандеграунда».
- С. Гусаков (Москва) – «Спелестология и спелеонавтика: прошлое и перспективы».
- Е. Богданов (Ковров) – «Спелеоаномальные явления с точки зрения спелестолога».
- Помимо этого было показано 8 видеофильмов и два слайдфильма.
- На вечерне-ночных костровых посиделках было сделано около 20 сообщений.
- Отдельное костровое обсуждение было посвящено проблемам спелеотопсыёмки и спелеотопографии.
- Второй “тематический костёр” посвятили спелеогеодезии: то есть поиску пещер методами геофизической разведки и биолокации.
- Третий – САЯ.
- Четвёртый – спелеобиоритмологии (к сожалению, московские физиологи не смогли принять участие в Конференции, но прислали тезисы своих выступлений,– Лёше Константинову, как профессиональному медику, пришлось

зачитывать их у костра).

Помимо этого для приехавших гостей были организованы экскурсии по городу и в ближайшие пещеры – Сельцо, Капкан и Лисью. И на большом вместительном катере – в Дохлую Барсучью, находящуюся относительно лагеря Конференции на другом берегу Волги в нескольких километрах выше по течению.

Пива и прочих напитков было выпито неисчислимое множество литров.

Сталкер обеспечил устойчивую коротковолновую связь со спелестологами Харькова и Белграда, а также Англии. При этом Москва и Питер по капризным законам распространения радиоволн как-то точно попали в “зону неприёма”, – связь с ними поддерживалась через ретрансляцию харьковских радиолюбителей-спелеологов.

Выставка “маразматическо-газетного спелеотворчества” Никитского Круга постоянно собирала у стендов толпу; не меньшие толпы собирались вокруг поющих у костров спелео- и неспелео бардов.

Длился этот праздник спелеожизни пять дней — с официального заезда в четверг до официального отъезда в понедельник.

Естественно, вечер четверга ознаменовался мощной стихийной пьянкой, – в результате которой самыми неподвижными телами в пятницу, к моменту официального открытия Конференции, были наши иностранные гости. Они же (мне не поверят, но это исторический факт) послужили её стихийным запахом – ибо, едва были доставлены на поляну лагеря, извлекли из своих рюкзаков бутылки “болза” и полезли знакомиться с российскими коллегами...

: Первый же, рассказанный ими анекдот поразил нас не столько своим содержанием – сколько тем, что мы, оказываясь, его давно знаем в русской версии: “Голова пострадавшего лежит на тро... Тоже лежит на проезжей части!” И вообще: сходства меж нами оказалось гораздо больше, чем различий. Спелеопреферансисты с удовольствием фотографировались между Ван дер Пасом и Мизере и требовали подписать “что-нибудь на память”, – голландцы требовали от переводчиков скрупулёзного перевода всех наших “ников”, а также звучавших у костров спелеопесен и содержания выставленных на стендах газет, – Себастьян, хорошо понимавший по-русски, в подобных переводах не нуждался. При этом они желали обязательно выпить с каждым из нас — но нас было в десять раз больше, чем их, так что утренний результат был легко предсказуем.

Палатки для них пришлось ставить нашим ребятам – и они вполне справились с этой задачей. Несмотря на то, что с буржуйскими каркасными палатками столкнулись впервые, и одна из них была к тому же предварительно вывернута её хозяином наизнанку. Потерявших сознание гостей разместили в их персональных домах, перепутав собственность только в одном случае; Себастьян, к моменту предутреннего отбоя ещё державшийся на ногах (сказано славянское происхождение), изъявил готовность самостоятельно занять своё спальное место. В первый раз он промахнулся мимо палатки всего на метр – в результате чего чуть не утонул в Волге (палатка была поставлена по его же просьбе почти у самой воды, на краю небольшого травяного откоса,

достаточно мокрого от прошедшего дождя); затем, после самостоятельного подъёма по этому откосу (удачной оказалась лишь пятая попытка – откос представлял собой непреодолимую для Себастьяна в этом состоянии кручу высотой в полтора метра с уклоном мокрой травы градусов в тридцать) увидел ещё кого-то из только что приехавших (гости и участники Конференции продолжали съезжаться в течение всей этой ночи), выпил с ним — и промахнулся мимо палатки уже с другой от неё стороны. С тем же финальным купанием в Волге. Полагая, что с третьего раза он просто пронзит палатку насквозь и из Волги мы его выловить не успеем, лидер французско-польской спелестологии был нами насильно пойман, раздет, выжат, вытерт насухо и упакован в спальник.

Утром жертвы особенностей российской спелестологии пришли в ужас от предложенного им Юрой Кириным портвейна (затем, последовательно, от коньяка Константинова, домашнего ликёра от Баркана, пива от детей Сталкера и водки от сыянистов) – и потребовали через переводчика анальгин. То есть, возможно, они требовали привычный им аспирин – но переводчики в этот момент хоть и понимали голландский и английский – по-русски не могли связать пары слов.

— Подземные экскурсии с организованной блинной в стояночном гроте Уэм Системы Лисья, как и продемонстрированные “особенности спелеобыта” в подмосковных каменоломнях (включая оборудование стояночных гротов), не могли не поразить наших иностранных коллег, — но просто Высшее Удовольствие они – особенно гонщик-любитель Том Бреулс – получили, когда им позволили попробовать выехать из наших дорожных гавниц на завязших в них “жигулях” Золушки. Оказывается, за гонки по бездорожью в благоустроенной Европе нужно платить просто немалые деньги — а тут такая развлекуха на халяву...

И столько новых друзей. Столько *бесценнейшей* информации —

: Плотность докладов, фильмов и подземных экскурсий, спрессованных в три официальных дня Конференции, вполне могла сорвать крышу у любого — но обошлось без эксцессов.

Расставание в понедельник воспринималось всеми, как личная трагедия.

‘Лозгунг’ “спелестология мертва – а я ещё нет” был растоптан в старицкой грязи. В эти пять сказочно прекрасных спелеодней и спелеоночей.

Буквально каждый из наших иногородних гостей – и конечно, москвичи, говорили нам: какие вы молодцы, что всё это сделали, ведь каждому казалось: ещё год, пусть даже два – всё окончательно стлеет... А вы буквально в последний момент собрали всех, умиравших по одиночке — и все увидели: впереди – только рост, только движение, только бесконечное развитие Жанра,—

Единодушный вердикт всех собравшихся гласил: *всё только начинается* – и наше общение нужно продолжить на следующий год.

Хозяевами Второй Спелестологической Конференции одновременно вызвались быть одесситы и киевляне — и они провели её в сентябре следующего года.

Затем последовала аналогичная конференция в Хорватии –
А началось-то всё в Старице...

: с отказавшейся возвращаться в Москву
 одnogоршковой “старухи” Сапиенса.

Впрочем — со Старицы во всех смыслах.

Между прочим, даже ДС со временем стали расшифровываться не как
 “Дети Сталкера”, а как “Дети Старицы”.

И ещё посмотреть, кто в кого влился: ДС в НК, или наоборот.

Потому что у ДС особой “никитской любви” не вышло,— им ближе ока-
 зались Сьяны, но ещё ближе — сложившая всех нас Старица.

: Своим интересом к теоретической спелестологии,— а значит, написанным
 “Пенталогии” и “Катакомбному Итогу” я тоже обязан ей.

Как, безусловно, и этой повестью.

SOMNIUM

Мне снится городок провинциальный...

И эта глушь – столица здешних мест –

С заводом жёлтым, с заводью печальной

Несет обычность жизни – тихий крест.

Колхозника или провинциала

Автобус к ночи подвезёт на круг,

Где под скамейкой у автовокзала

Всё семечки, всё семечки, мой друг.

А этот город был когда-то первым –

Его за гордость летопись бранит,—

Но растащить кирпичики успели

Соперники, одетые в гранит.

Он мог бы расцвести, себе построив

На берегу огромный циклотрон.

И, все вокруг сгноив, держать достойно

Себя, как будто съездил за кордон.

И вот стоит он, как стоит,— и это

Его судьба до окончания лет.

И я согласен – песенка допета,

Ну, может, и остался где куплет.

И ночью я который раз теряюсь

В его заводе, в желтых корпусах,

Но, выбравшись, гляжу и удивляюсь
И заводи, и церковке в лесах.

(Владимир Бережков, 1982)

ОРДИНО

: За 20 лет поисково-вскрышной деятельности НК район от города до блоков Щаповой горы был обследован достаточно плотно; 2001 год не дал ничего принципиально нового. Кроме нескольких внутрисистемных сбоек и ожидавшегося соединения ряда Систем в бортах каньона Каменки.

Конечно, следующие экспедиции можно было посвятить попыткам соединения уже известных пещер – топология массива не препятствовала попробовать сбить в единую Систему Лисью, Бродяжью и Мокрую, что дало бы в случае удачи ещё один пещерный гигант, не уступающий Капкану...

: альтернативный вариант, предложенный мной, предлагал перенести базовый лагерь на 10 км вверх по течению. Чтобы копательные воззрения наши отдохнули от случившейся за 20 лет неизбежной “зашоренности”. И сосредоточиться на изучении верхней части района – не доступной в прошлом из-за большого расстояния от г. Старица.

Ибо согласно собранной информации, перспектив на вскрытие новых, никому до того не известных пещер, он сулил гораздо более, чем изученный нами участок.

Автомобильное оснащение Никитского Круга теперь вполне позволяло это сделать.

В 2002 году майская экспедиция никитян в Старицу осуществляется на 4 машинах силами примерно 15 участников; помимо “автомобильной составляющей”, Чудовище со своей будущей женой Наташей сплавляются на байдарке от г. Зубцов. И в районе д. Ордино соединяются с нами.

“Сборная команда Министра”⁴³ работает на другом берегу Волги, в кило-

⁴³ Владимир Тютюнов, один из замечательных московских спелестологов генерации второй половины восьмидесятых годов. Именно он организовал и провёл повторное вскрытие Силикат (в конце восьмидесятых власти уничтожили входы в эту Систему); Володя “повинен” в открытии Солнечной Системы, и он же провёл наиболее планомерное её изучение вкупе с фотосъёмкой должного технического и художественного уровня. В Старицком районе его группой “Чёрное Солнце” (такое наименование группа получила в 2007 году) совершено много не менее славных открытий. Как и никитяне, Министр исповедует принцип “Во вскрытии каменоломни равно повинны ВСЕ участники выезда”. А вот во всём остальном наши команды – абсолютно разные, и совмещение их в пределах одного спелестологического участка “крайне

метре выше по течению реки. Их цель – легендарные Молоковские каменоломни. Ну и окружающие просторы – как и наш берег, ранее мало кем из спелестологов посещавшиеся. Автомобильное оснащение команды Министра (сборная спелестологов Силикат и Сьян) примерно такое же, как у Никитского Круга, – теперь и они могут позволить себе такие выезды, что прежде казались немислимыми.

По прибытии на место выясняется: ни одна карта, имеющаяся в нашем распоряжении, не соответствует данному участку местности (особенно в плане дорог), – этот вывод мы делаем после того, как в течение нескольких ночных часов безуспешно пытаемся найти не только деревню Ордино, ясно обозначенную на карте, – но и подъезды к ней, а также хоть одну грунтовку, ведущую, согласно топографическому пипифаксу, от родненского “большака” в сторону Волги. В результате чего первую ночёвку приходится делать в промежуточном лагере в километре от Волги.

: первый день поисков вылетает впустую.

Лишь на второй день мы находим искомое — просто потрясающее по своему экспедиционному комфорту и красоте место для постоянного базового лагеря: удобная полянка на террасе почти над берегом Волги, – вокруг абсолютно не топтанный, девственный лес (ель, сосна, берёза) с буреломами сухих дров. Грунтовка, проходимая даже для машин класса “жигуль”, выводит прямо на эту поляну. И напротив, на другом берегу – мощные карстовые включения.

Информация о существовании в районе Ордино обширных подземных выработок (полученная мной в 1993 году от Главного архитектора района) подтверждается с первого взгляда на участок — изобилие точильных рвов, провальных воронок и надвходовых обрушений ясно говорят: добыча известняка шла, притом на двух уровнях сразу. Первый же осмотр местности вселяет в каждого участника выезда просто восторженное настроение...

— Которое медленно, но неуклонно обламывается в следующие две недели:

Из 16 заложённых нами шурфов (4 горизонтальных, в нижней зоне обрушений, и 12 вертикальных, в провальных воронках выше входов) ни один не выходит в ожидаемую полость.

Почему — непонятно.

Из нижних щелей дует просто-таки ледяной ветер; пространство меж камней заполняют наледи и смёрзшаяся земля — верный признак того, что в течение зимы воздух, как и положено, засасывался во вполне объёмную полость через нижние входы, – при раскопках воронок тяга воздуха дует навстречу, снизу вверх —

Но — облом. Дыры верхнего уровня, судя по всему, вообще не вскрывае-

затруднительно”. Тем не менее, в этом выезде нам удалось поработать совместно, и достаточно эффективно. Что, в общем-то, свидетельствует: в сложной ситуации мы способны приходить друг другу на помощь и действовать единой командой – какие бы мировоззрения нас ни разделяли. Ибо “перегородки не достают до небес и не проникают под землю”.

мы традиционными способами – не смотря на то, что “наверняка имели место быть”, – грандиозные скальные фрагменты, явно отколотые мощными взрывами от привходовых козырьков, некоторые из них размером с садовый домик, докатились аж до берега Волги, – курганы бута покрывают склоны, и точильники с шагом в пять метров стройными рядами упираются в склон...

«Хорошо взрывали, собаки!» – следует всеобщее резюме выезда.

Лишь в одном случае, с помощью ребят Министра (встретивших на своём участке работ почти аналогичные препятствия), нам удаётся как бы войти в искомую каменоломню. Но грандиозный циклопник не позволяет проникнуть в ней дальше привходового грота. Тяга меж щелей циклопника просто ураганная, – ясно: Система идёт дальше, и объём её весьма значителен —

— однако, не попасть. По крайней мере, из этого места.

: Оскомину от почти напрасно свершённого трудового геморроя Ордино Жопы Первой Степени подслащивает то, что в последние дни выезда, помогая Министру вскрыть несколько “подозрительных мест” на его берегу (14 точильников с тем же шагом в пять-десять метров упираются в склон, но провальных воронок над ними кот наплакал), удаётся войти сразу в две неизвестные до того Системы, причём — о, Удача, посрамляющая маловеров и скептиков! — *принадлежащие легендарному нижнему старицкому ярусу* и весьма изрядной длины – от километра до пяти. И эти дыры – лишь первые в зримо предстоящей череде.

...: Столь непохожие ни на какие иные, до того нам известные Системы Старицкого района — ни топологией своей, ни ландшафтом, — ни, в общем-то, всем прочим (стиль крепежа, манера выработки, “геологическое обрамление” и просто уйма летучих мышей – колонии которых явно разделены по половому признаку: самцы с самцами, причём многие из них висят, к нашему изумлению, попарно – что не может не вызвать соответствующие ассоциации; самки с детёнышами ихеряются отдельно, в совсем недоступных нашему взгляду щелях), — эти непохожие ни на какие иные Системы вызывают у всех нас удивительное чувство Действительного Первопрохождения... И так славно-здорово, что они сохранились в своей красоте и целостности — закрытые, судя по всему, местными жителями задолго до энкавэдэшного прочёсывания склонов – после того, как выработка камня была остановлена, — а потому избежавшие взрывного обрушения привходовой кровли.

В последний день выезда приходит Долгожданное Понимание: подлые трещины бортового отпора – самые настоящие “вертикалки” 30 ÷ 40 м глубиной, образовавшиеся в склоне благодаря гэбэшным взрывам “от сорок седьмого года”, – хорошо вентилируемые зимой, послужили причиной образования большого количества подземных мини-ледников и просто мерзлоты, через которую нам пришлось прорубаться, следуя предательски влекущей тяге воздуха. *Копать нужно было не дыры перед обильно украшенным провальными воронками склоном, — в которые сквозит и где видим лёд – но просто концы точильных рвов, за которыми не наблюдается ни одной воронки.*

: Вполне очевидная мысль; не так-ли?.. Приходит к нам на второй неделе почти бессмысленного копания.

Что ж — на ошибках учимся... И, наверное, будем учиться всю жизнь.

И хотя мы так и не вскрыли на “своём берегу” ни одной стоящей дырки (за очевидной трудностью их вскрытия после гэбэшных взрывов “от 1947 года”), убеждаемся: дыр в этом районе “не просто не меряно”, — они действительно копались в два яруса. И мы даже отрабатываем вполне результативную методику их будущего прохождения.

Как обычно, в самый последний день. Практически одновременно со сворачиванием лагеря.

Никитский Круг — достаточно аморфное образование. Основанное не только на интересе к Миру Пещер (это условие является в нашем Круге необходимым, но не достаточным), — в огромной степени нас объединяет общая андеграундная жизненная позиция. И безусловная любовь к творчеству. Которая выражается в творимых нами совместно приколах, газетах-маразматках, песнях, анекдотах и байках, —

— и конечно, в любви к Слову и Звуку современного литературного и музыкального андеграунда. Не столь важна языковая, стилистическая или какая иная “принадлежность” — Маллиган у наших костров звучит наравне с Сергеем Калугиным и Геной Жуковым, песни “Зимовья Зверей”, Киры Комарова и Миши Башакова могут чередоваться с вполне традиционными каэспэшными откровениями; психодел перемежается артом, металлом и хардом и вершинами русского рока семидесятых — “Воскресеньем”, “Машиной”, “Аквариумом” — под песни пришедших им на смену “Крематория”, “ДДТ”, “Алисы”...

Ну и спелеовиршами “собственного изготовления”. Ибо достойно пишущих Авторов в Никитском Кругу хватало во все годы. Как виртуозно владеющих Господой наших вечерних костров Гитарой.

Лагерное бытие основано на абсолютной демократии: каждый на выезде занимается тем, что ему ближе. В том рабочем ритме, какой считает оптимальным.

Половина из выезжающих с нами в Старицу традиционно едет просто “оторваться от города” — то есть отдохнуть, выпить какое-то количество напитков под всевозможного рода шашлыки и барбекю, — но без их незримой помощи никогда не было бы ни наших волшебных вечерних костров, ни самой атмосферы свободы и праздника — что, по большому счёту, только и даруют нам Радость Выезда. Вне зависимости от “спелеологических” результатов его. Ибо “раскопочные результаты”, как и камеральные следствия работы рулеткой и компасом, вещь переменчивая. И весьма относительная.

А вот ощущение Праздника дарует силы работать и добиваться поставленной цели даже тогда, когда всё, кажется, оборачивается против.

: Просьба не путать эти мои утверждения с пропагандой отвязной анархии. “Кесарю — кесарево”. Главный принцип любого взаимодействия внутри Никитского Круга (не важно, о вскрышных работах идёт речь, об отвязной поездке в Никиты ради празднования чьего-то Дня Рожде-

ня, организации музыкального сейшена или длительного подземного Пребывания) — *уважение друг к другу и осознание: все мы равны в нашем разнообразии*. Главное правило поведения — *не делай другому того, чего не желаешь себе*.

— и всё. Более ничего не требуется. Кроме, разве что, некоторого интеллекта. И духовной общности. [Миша Сохин как-то посетовал, что Никитский Круг — самое закрытое и виртуальное объединение из всех спелеогрупп, что он знает. Мол, попасть в Никиты легко — попасть в Никитский Круг при этом практически невозможно... И он не понимает, почему. Я думаю, это “непонимание” не лечится.]

: Каждый из принимающих участие в выезде прекрасно знает, зачем — и почему — мы *вместе*, по самому большому счёту, отмеряем шинами своих автомобилей сотни подмосковных километров. Любители халявы или отвязного отдыха за счёт работы других так же не держатся в нашем Круге, как разного рода командиры/организаторы — способные лишь “строить” вокруг себя всё для реализации личных амбициозных планов.

: Результат выезда складывается из равной работы всех — равной по своей психологической оценке. А не по затраченным усилиям или виду конкретной деятельности. Кто-то занимается дровами, кто-то костром, кто-то лагерным бытиём и готовкой пищи. Кто-то вскрывает пещеры. Кто-то их топосъёмит и фотографирует, снимает на “видео”. Кто-то рыбачит, — коль удаётся, дополняя походный рацион свежей волжской рыбкой; кто-то плавает на байдарке или резиновой лодке за водой на противоположный берег, к тамошним воклюзам, — кто-то занимается своей машиной. Без которой прочим немислимо было бы оказаться “в данном месте в данное время”.

: Старый девиз SCO — “*suum cuique otium*”, — от которого, в какой-то мере (опосредованно через мою первую группу УМ) и происходит Никитский Круг.

То есть каждому свой прикол, своя работа и свой отдых.

Зачастую “в одном флаконе”.

— Кстати, о “флаконах”:

: *На майском выезде 2003 года Никитский Круг выпил в городе Старица всё пиво, что было бутилировано в пластиковую тару.*

И одновременно добился успеха “по прямому экспедиционному назначению” — одно другому не помешало.

... Автомобильное оснащение выезда 2003 года — семь машин. Из них один вполне экспедиционный “уазик-буханка” и одна “нива”. И полноприводная “субару”. [Остальные машины попроще: “гольф” СТА, “москвич” Длинного Киры, “шестёрка” Прохора и “семёрка” моей первой бывшей жены.]

Участников около 25 человек. Трое из Зеленограда (в том числе Володя Байдан, что в компании Минотавра открыл нам мир старицких пещер в 1982 году, а в 1985 был соучастником открытия Лисьей). Остальные из Москвы.

: шурфим боковые точиль-

ные рвы Системы, на вскрытии которой облажались год назад. И каждый шурф прямо выходит в соответствующий её фрагмент. Да – небольшой, длиной, дай Бог, в десяток метров (в лучшем из лучших случаев). Но приходит понимание топологии этой Системы. Методы её разработки — и взрывов, что начисто уничтожили её центральную часть. По крайней мере, привходовую.

В среднем на каждый удачный шурф уходит один день.

Неудачных не следует – если не считать работы группы Байдана, решивших повторить/проверить наш печальный прошлогодний опыт. Но “повторенье – мать ученья”.

Оконтурив [пока в первом приближении] Главную Ординскую Систему — а значит, поняв, как её можно действительно вскрыть в будущем — мы переносим работы вверх по течению Волги. На следующий участок. Первым же раскопом (работы в котором было на три ‘копа’ лопаты) вскрываем пятисотметровую полость – типичное старицкое “кольцо”, семейная выработка, – которую называем Подарок. Ибо у одной из участниц выезда в этот день – День Рождения. Пещера естественно дарится ей.

Пятсот метров – немного. Но пещера явно может быть продолжена и вправо, и влево.

Настенные граффити её имеют несомненную ценность – тем более, что некоторые из них датированы тридцатыми и сороковыми годами. И годами военных лет.

В этих граффити – история посещения старицких пещер Теми, Кто Был До Нас.

Всех поражает безусловно фрондирующий псевдоним, оставленный на стене одного из гротов в самый разгар сталинских репрессий — «Пан Точило». Чувство некой близости, не взирая на разделившее нас Время.

С Костей Водолазом я делаю два пробных вскрытия концов точильных рвов, что обозначают ещё одну Систему. Расположенную меж Подарком и нашим базовым лагерем. [Всего таких, пока виртуальных, Систем мы насчитываем около 10.]

Каждый раскоп выходит в краевые забои.

В одном случае мы с Водолазом вообще совершаем нечто немыслимое – в результате пятичасовых землекопных работ вскрываем шурфом полную камеру концевой забоя. Теперь её можно накрыть стеклом – и организовать экспозицию: краевой забой типичной старицкой заломки под солнечным светом...

Народ острит, что это первый случай в истории спелестологии, когда Система “вскрыта полностью и целиком”.

Для кого-то — провал, неудачное вскрытие. А вот для нас – нет.

: Это тоже Знание. Тоже Результат.

Возможно, в данном месте добыча велась короткими, разрабатываемыми зимой, штольнями – как предположил, узнав результаты нашей работы, Миша Сохин. Штольни не крепились; по весне, естественно падали. На поверхности оставалась обвалившаяся “проекция хода”, ошибочно принимаемая нами за точильник; в склоне у его окончания – камера концевой забоя. Плюс какой-то

участок штольни.

С этой гипотезой многие из никитян не согласны в принципе – ибо не понятно тогда, откуда взялась Система Подарок. И провальные воронки выше по склону.

Тем более, что каменоломни ниже Ордино – самые обычные для Старицы. Да и в Ордино часть Систем явно уходит за границу склона – на обычные для Старицы 50-100 метров.

: С чего местным жителям долбить промежуточные каменоломни по какому-то иному принципу?.. А потому московский вердикт Сохина в Никитском Кругу встречается доброй усмешкой.

Мы полагаем, что вскрытые нами краевые участки Систем – самые неглубокие, последние разработки.

: Прекрасно видно, что они находятся на выполаживающихся участках склона. А основная каменоломня – по его максимально крутому фронту.

В которую мы теперь знаем, как проникнуть. Потому что теперь отчётливо представляем: *каким инструментом* – а главное, **что** – копать. А на что не обращать никакого внимания. Пусть в теории это и служит “надёжным комплексом пещерокопателя”...

— Но что: “теории”?..

Тем более, изрекаемые с умным видом из московских кабинетов.

: Таков *спелестологический итог* второго ординского выезда.

CU-2

На майские иды 2004 года часть наших знакомых едет работать в группе Министра, продолжающей исследования левого верхнего сектора меж Федурново и Молоково.

Кто-то присоединяется к Саше Дегтярёву [клуб “Чужая Земля”], собравшемуся совместно с М. Сохиным и Ю. Долотовым изучить на предмет возможных вскрытий правый нижний сектор старицких блоков.

: Мы едем сильно усечённым составом (многим не позволяет оттянуться от города работа), однако в самый последний момент к нам с Длинным Кирой, Прохором и Оlichem присоединяются Юра Кирич, Олесь с Алёной и СТА с парой подруг. СТА ходит преимущественно в Съяны и в Бяки и в кавказские вертикальные дыры (любимая – Крестик-Турист). СТА принимал самое активное участие в прошлогодней нашей старицко-ординской экспедиции < “и ему понравилось” >; помимо этого, СТА пишет замечательную музыку и стихи и сам себя записывает в домашней компьютерной студии. Работает штатным спасателем в МЧС. И дружит не только со всей “старшей половиной” Никитского Круга, но с нашими друзьями в Питере и в иных городах.

: В общем, вполне никитский человек. Только не никитянин – ибо уже давно хождение в Никиты *вовсе не обязательно* для вхождения в Никитский Круг, – помимо СТА, не менее 20 человек входят в наше виртуальное соединение, при этом спелестологические интересы их минимальны, либо направлены на иные пещерные Системы — притом необязательно подмосковные. Или окончились в прошлом. Но это наши друзья и полноправные участники Никитского Круга.

Я планирую окончательно разобраться с топологией и генезисом Ординских Систем; параллельно-альтернативная жажда — вскрыть соединение Бродяжьей и Лисьей. Планы, заведомо исключаящие друг друга. И оба в стиле господина Буонапарта.

: Прохор, в последние годы весьма поднаторевший в Теоретической Спелестологии, рвётся произвести предварительное обследование следующих, намеченных нами для изучения, блоков. Дабы в будущем году не тратить драгоценное время на поиск удобного места для лагеря и иметь представление, каким блоком заниматься в первую очередь, а какие оставить “на потом”. Согласно имеющейся у Прохора информации, некая группа из Твери пару лет назад вроде бы вскрыла в одном из этих блоков пятикилометровую Систему, названную ими Лиса Алиса; архивы, имеющиеся в нашем распоряжении, содержат сведения, что в начале восьмидесятых годов группа В. Мальцева видела в этих блоках три или четыре, вполне просторных для прохождения, пещерных входа. Да только по какой-то причине не исследовала их.

Кира готов заниматься чем угодно, лишь бы оторваться от проклятого города с его не менее проклятыми проблемами.

СТА рвётся копать. Там, где сочтут нужным господа теоретики.

Олесь и Алёна заведомо согласны помогать всем, только бы посетить при этом старицкие пещеры. Не важно, какие и где.

Кириин жаждет рыбалки, и только её.

Олич, как обычно, исполняет обязанности сестры-хозяйки и всеобщей кормилицы.

Нашим детям – моей дочери Ладе и сыну Олеся Лёше – всё равно, где играть.

У Кирина “нива” – почти экспедиционный внедорожник. Против “уазика” “нива”, конечно, слабовата, – но нас устраивают и её возможности. “За отсутствием гербовой...”

Решаем: коль из-за состояния дорог не удастся пробиться на нашу стоянку в Ордино, ставим лагерь на традиционном месте над Лисьей. И работаем по моему второму варианту. Благо, вскрышного оборудования, и самого разного назначения, у нас теперь в достатке. Включая трёхтонные домкраты. Нет только топосъёмочного комплекта – ибо это единственное, чем нам, кажется, заниматься на этом выезде не предстоит.

Удивительно: хоть Москва и Подмосковье промокли от дождей, в Старице недельная сушь. И мы, как по шоссе, скатываемся на “ниве” Кирина, “москвиче” Киры и “фольксвагене” СТА на нашу ординскую стоянку. Которую успели полюбить за прошедшие два года.

Первый день – оборудование лагеря.

На второй день Олесь и Алёна с Лёшкой отвозятся к Лисьей для её самостоятельного изучения; мы с Кириным и Прохором, пользуясь неожиданной проходимостью старицких лесных дорог, решаем на “ниве” осмотреть подъезды к блокам, что не дают покоя Прохору. Найдя нужные подъезды, высаживаем Кирина на берегу Волги для “рыболовного изучения территории”.

Пока Кириин рыбачит, мы с Прохором производим поверхностный осмотр местности. Два года копания в Ордино не прошли даром – как и 20 лет изучения Старицкого района вообще, и блоков Щаповой горы в частности. Структуры выработок и обрушений ходов читаются, как линии на ладони.

Первый блок, мимо которого проезжаем на машине, спускаясь по древней заброшенной дороге к Волге [местами из-под грязи выглядывают остатки каменной вымостки — явный признак Дороги, Ведущей к Каменоломне], приковывает взор изобилием точильников и провальных воронок; кажется, склон можно распахнуть в любом месте, почти мгновенно – и откроются Вожделенные Каменоломенные Закрома...

Но по какой-то иррациональной причине я оставляю осмотр этого явно сулящего Вскрытие места “на потом”. А устремляюсь через глубокий и узкий овраг ко второму блоку — склоны которого едва угадываются за лесным буреломом и кроме неопределённости, ничего не сулят. [Может, потому и устремляюсь? Ибо сзади оставляю то, что сомнений не сулит, а что там, впереди – пока Загадка.] И почти мгновенно “прикалываюсь” к лисьей норе в борту оврага – выхожу на которую, точнее, вылетаю, с ходу пронзив буреломы овражного русла, будто влекомый неведомо магнитной силой, – тянет из неё слабо, можно сказать: практически не тянет, ибо едва ощутимый ток воздуха каждые несколько минут меняет своё направление на противоположное, но даже такой слабенькой тяге не место в лисьей норе, если она не выходит хоть в какую-то полость — и вообще: о какой тяге воздуха можно рассуждать, коль температуры поверхности и подземли отличаются не более, чем на градус-другой? да ещё в условиях по определению плоской Системы. Но эти рассуждения – вербалка, приходящая после. В качестве хоть какой-то мотивации того, что неизъяснимо словами. Ибо что-то внутри меня ясно говорит: КОПАТЬ ЗДЕСЬ. И точка. Я даже не довожу внешний осмотр блока до конца – пройдя около 400 метров его точильников и привходовых обрушений вдоль берега Волги, поворачиваю назад. Почти бегом. Не осмотрев снаружи и трети блока, –

– *И копаю.*

Прохор в это время возвращается на машине за отгулявшими свою Подземлю Олесем и Алёной.

: Менее, чем за час работы простой сапёрной лопаткой, – *монтажка, клинья, лом, большая лопата и кайло валяются рядом с раскопом без дела (равно как кувалда, блоки, верёвки и ведро для подъёма земли из шурфа) – я вхожу в Систему.*

Нарекаю её КА2: как русскоязычное произношение английского “Cave Underground – 2”. В память о Лисьей, любимой старицкой пещере андеграунд-

ного Никитского Круга. С робкой надеждой: а может быть... вдруг...

Вадим Певзнер как-то заметил: мы, никитяне – андеграунд вдвойне. И потому что спелестологи, и потому что андеграунд культуры.

: Этот рефрен тоже кладётся в копилку ассоциаций. Как и то, что пару капканов я вырыл из земли перед входом.

И вспоминается, как всего за 20 минут 11 лет назад был вскрыт Капкан...

: “Ещё один кирпич”. То есть, капкан.

— Цитата из Маугли также звучит в подсознании: «А ещё они называли тебя длинным земляным червяком»,— когда ужом ввинчиваюсь в полузамытый вход,— и Василия К. мы слушали с Длинным всю дорогу до Старицы: только что у меня дома состоялся его “квартирник”, закрывший концертный сезон...

По мере освобождения входа от забивших его камней и грязи (впереди – зримое пространство уходящего во тьму штрека) приходят новые аббревиатурные толкования-расшифровки: “Катакомбный Андеграунд”, символизирующий маслянистость масла, “Каменоломня Авантюристов” – и так далее, сродни многочисленным расшифровкам никитской системы ЖБК,— вплоть до ‘англизмы’ маразмов типа “Клайд Апроксимейшен” и “Кейв Аэросмит”,—

– какая-то, смутно угадываемая, аналогия с вершиной КА2: последним покорённым восьмьютысячником, необычайно сложным и потому покорённым последним – также рвётся из подсознания.

: Пока руки работают, мозги буянят от безделья.

Войдя в Систему, говорю ей: – Здравствуй...

— и через 20 метров хода упираюсь в обрушение конусной формы.

Слева и справа – незначительные отверстия, в которых скрываются лисы и барсучьи следы. Лисой воняет, кстати, просто кошмарно. Но ряд когтевых заточек на вертикальной плите говорит, что дыра посещается и барсуками. Из щели в завале таллинским хором орут летучие мыши. Сколько штук, сказать трудно – но орут дБ на 40, не меньше.

: Ретируюсь из дыры с мыслью, что завал, конечно, можно вскрыть – но вначале стоит лучше осмотреть окрестности: сверху вниз копать заведомо безопасней.

На другой день возвращаемся на это место со СТА, Олесем, Прохором и Алёной. А также Длинным и Кириным.

СТА получает “вольную” на самостоятельный осмотр блока – что считает нужным, пусть то и попробует вскрыть. Лучше снаружи, чем изнутри.

Мы с Олесем и Алёной, а также сыном Олеса Лешей (десяти лет) производим тотальный осмотр соседнего блока. То есть того, что якобы сулит “почти гарантированное” вскрытие зашхерившейся в нём каменоломни. Кира и Киринов рыбачат; Прохор независимо от Стаса изучает блок, где я вчера вскрыл Систему. У каждого своя методика “прикалывания” что к Поверхности, что к Подземле, и никто никому не желает мешать.

Наш с Олесем и Алёной вердикт: вскрываемо за день-два работы. Самое

долгое. Ибо земля в концах точильников проморожена, из щелей дует,— и мы находим Просто Удивительное Обрушение (находит Олесь, барражировавший лес на плоской части массива, метрах в 30 от борта долины): цилиндрический провал семиметровой глубины с просторным понизу гротом, дно которого — явная вершина циклопника. И щели вниз, меж исполинских булыганов. С хорошей тягой, висящими летучими мышами — и прочими признаками соединения с породившей обрушение полостью. Значит, Система есть — и развивалась глубоко под массив. Причём гроты в ней таковы, что способны, “не крякнув”, поглотить не менее 40 м³ породы.

Возвращаемся к машине с этим хорошим известием — Прохор сообщает нам, что Стас вместо осмотра поверхности и поисков нового, удобного для вскрытия, места, просто-напросто проломил завал в КА2. Всего за сорок минут работы в одиночку. Маленькой складной лопаткой, что даже за звание “сапёрной” не могла бороться,—

«И дальше пошли штреки, штреки, штреки...»

: Которые мы исследуем всё оставшееся время выезда. За исключением, разумеется, роскошной пьянки, учинённой стихийно тогда, когда до нас окончательно доходит, ЧТО ЖЕ МЫ ТАКОЕ ОТКРЫЛИ. < Даже закодированные участники выезда “развязывают” с алкоголем от шока содеянного... >

В следующие дни Кира снимает пройденную часть Системы на видеокамеру; мы со СТА доходим, как нам кажется, до периметра и протягиваем до него маркированную трассу. Ибо в окружающих лабиринтах не то, что Сам Спасатель Чёрт — лучший из лучших никитян топологическую смекалку утрачивает минут за 20.

Кирин своей демонстративной рыбалкой маскирует нашу активность от пытливых взоров чайников с того берега Волги — напротив находится одна из известных старицких каменоломен, и любопытство посещающих её спелеоматрасников в эти праздничные дни... Не сулит нам, в общем, покоя. По вполне очевидным причинам.

За “первым периметром” — точнее, тем, что мы за него поначалу принимаем,— мы со СТА, наконец, находим настоящий Периметр Системы — череду тупиковых забоев. И начинаем неспешный обход Системы “по краю выработки”.

Конца которой не видно.

В одной из проходок неожиданно натываемся на спящих недельных барсуков. Ещё слепых. Слава Дзуликой — без мамы, потому как дело происходит ночью, а ночью барсуки на охоте.

— Тревожный знак: то, что в КА2 одновременно живут и лисы, и барсуки, говорит об очень больших размерах Системы. По крайней мере в каменоломне менее 5 км они не уживаются.

Высота отдельных гротов поражает не меньше, чем их размеры — первое до пяти метров высоты, второе описывается площадью “от 100 м² и далее”.

Натёчные драпировки присутствуют в количестве меньшем, чем в Лисей — но тем не менее, хороши.

Как и кристаллические друзья.

А ещё – настоящие колонии летучих мышей, висящих на стенах такими чёрными блямбами. Первые реальные мышинные колонии в Старице.

И вообще в Подмосковье, – что Ближнем, что Дальнем.

Помимо этого, часть особей предпочитает горизонтальный сон – уютно почивая в небольших кварцевых друзьях или следах от удара кайла.

: Тоже, в общем, диковинка – летучим мышам, с точки зрения спелеобиологии, вовсе не свойственная.

На полу наблюдаем следы рельсового извоза: не просто остатки деревянных катков, что подкладывали под вытаскиваемые на поверхность глыбы, но шпалы. С характерным костыльным крепежом и следами поперечного продавливания от рельсов. Самих рельсов не обнаруживаем, – возможно, их роль выполняли деревянные рейки с прибитой сверху жестью. [Подобные артефакты известны в подмосковной каменоломне Силикатная.] Но археологические находки следуют одна за другой – как керамика, так и железо. И стеклянные бутылки XIX века.

Граффити с датами подтверждают время разработки: “1896”, “1912”, “1894”, “1909”.

Поражает крепёж – местами он настолько безумный, что на листе бумаги это не передать. В наших творческих головах тут же рождается Легенда о Сумасшедшем Крепёжнике — ибо работали под землёй семьями, а в семье не без уродов. Да и в каждой деревне был свой юродивый. Чужих до работы пускать не хотелось (денежкой делиться!), – вот и поставили своего. Сделав скидку на большую голову. Сказали: крепи всё подряд — и он крепил. В том числе незначительные трещины в своде меж пары выступающих булыганов – такими тоненькими поперечными хворостинками-турничками. Горизонтального, ясное дело, расположения.

: турниками мы их и начали называть. Ещё были хворостинки под многотонными чемоданами, – как ни странно, нагруженные, – и мощные чурбаны под уже упавшими камнями весом не более центнера...

Плотность ходов на удивление высока – при этом, хоть не менее половины Системы находится в обвалившемся состоянии (в остальном пространстве на потолок иной раз страшно смотреть!), каждый второй завал либо спокойно, без применения раскопочных технологий переходит наверху, либо обходится справа или слева. Выработка в дальних частях фронтальная; в средней – прямоугольная, меж орто-штрековой и колонно-зальной, – в привходовых системах камерно-столбовая. Оно и понятно: привходовые части — неизбежно более древние, кустарной выработки.

А вот дальше, похоже, работала артель.

И такое возникает ощущение, что Система эта распространяется вдоль берега Волги на юг на невообразимое расстояние. Как минимум, на 1 км, – ибо ничто на этом расстоянии не разрывает волжский склон достойным оврагом-каньоном, –

Впрочем – не разрывает и дальше. Метров на 500.

При этом откатные штреки удаляются вглубь массива на 100÷200 метров.

*: Такое первое ощущение. Специально описываю его –
– ещё не подкреплённое должной точно-*

сти топосъёмкой...

: Только ощущение-впечатление. Не более. Но даже в нём —

Перемножать площадь ходов на их плотность просто боимся. Ибо менее 100 км в итоге никак не получится...

Министр (естественный дружеский визит в его лагерь последовал, как только до нас дошёл масштаб вскрытого пространства) первым резюмирует, что будет, коль на десятки километров обвалоопасных ходов — к тому же с заложённой в их чумовую топологию потерей ориентации! — ринутся чайники-недоумки. Впрочем, от предстоящих визитов конкурентов-доумков на душе спокойней не делается. Ибо — увы! — кое-то в последнее время в спелестологической среде не столько сам находит нечто новое, сколько откровенно паразитирует на чужих находках и вскрытиях. Да и уникальный биоценоз КА2 требует особо бережного отношения. Это понимают все — а потому праздных экскурсий в Систему ни мы, ни Министр не планируем. Даже не суёмся с видеосъёмкой в районы обитания барсучьего и лисьего молодняка, — хотя иные тут же начинают подсчитывать, сколько фунтов баксов может отвалить “Нэшл Джиогрэфик” или BBC за натурные подземные съёмки недельных лисят и барсучат, — барсучьих и лисьих тропинок, исчертивших подобно человеческим следам, Систему даже в самых дальних уголках её Периметра, — съёмки настоящих колоний ночниц и их сумасшедших особей, предпочитающих горизонтальный сон вертикальному...

: Праздному любопытству и коммерции сразу показывается знак «STOP». Районы лёжек барсуков и лис за несколько до них развилок оснащаются предупредительными надписями. На любое распространение информации о КА2 на ближайшие полгода накладывается безоговорочное табу.

Но тут же планируются её дальнейшие совместные исследования. Целая программа — сбудется-ли она, как знать? Пока же мы заимствуем у Фёдора компас и приступаем к полуинструментальной съёмке первых, пройденных мной и СТА ходов — выводящих на явный Периметр Системы.

Официальное время выезда кончилось — наши жёны с детьми и многие наши друзья уезжают 9 мая в город. Я, СТА, Кира и Кирилл остаёмся ещё на пару дней. Занимаемся только КА2, практически круглые сутки. И находки следуют одна за другой. Каждый выход в КА2 приносит новые сотни метров Периметра, понимание топологии разработки, — настенные граффити, даты и рисунки, надписи; археологические и спелеобиологические находки, удивительно красивые ландшафтные формы — как искусственные, так и естественные, — просто потрясающие зоны натёчного карста...

А вот следов хоть одноразового посещения этой каменоломни нашими спелеопредтечами — не находим. Ни одного. Ни соринки, ни знака-маркера. Ни перевёрнутого ногой спелестолога камушка, — все они лежат, как когда-то упали со свода, и мы первыми проходим по ним.

Наши следы остаются.

И с каждым выходом в КА2 мы всё больше охреневаем от масштабов От-

крытия, понимая: *радости в открытии такого рода нет ни на грош*, — проблем же оно сулит...

: Ох.

— Слава Дзуликой, в последующих выездах, — когда мы, наконец, начинаем планомерную лазерную топосъёмку КА2, — выясняется: не распространяется КА2 дальше вдоль волжского склона. Цепочка непроходимых обрушений циклопических плит блокирует её южный край — обрушения явно взрывные, ибо часть многотонных чемоданов не лежит на том месте, над которым раньше висела — сдвинута в сторону. А иные перевёрнуты на 180°. Очень характерные признаки — даже если не обращать внимание на то, что самый южный откатной штрек “положен” как-то удивительно-ровно: огромные монолитно-цельные чемоданы лежат, аки костяшки домино — передний край каждого ниже дальнего от входа.

Природе — а особенно стихии гравитационно-карстового разрушения свода — подобная “упорядоченность” чужда, как понятие.

А ТЕПЕРЬ — ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ МОМЕНТ: *цепочка взаимодействия моих друзей и товарищей — не отделимая от исповедуемого нами образа спелеожизни — что привела к открытию КА2:*

Потому что —

: Если бы мы упёрто пытались реализовать разработанные в городе экспедиционные планы — а не доверяли влекущей наперекор им спелеоинтуиции, почти случайному приколу — ясно: никогда бы, по крайней мере в ближайший год, не оказались в районе КА2.

А быть может, и вообще не оказались. Потому что, конечно, полуприсыпанный вход в каменоломню может простоять века — но схлопнуться за пару весенних минут. Или затянуться оползнем склона — так, что следов не найти.

[Вспоминаем первый вход в Лисью. Кстати — после планомерного изучения привходовой части КА2 приходит понимание: ни один из штреков, что когда-то выходил на поверхность, ныне не приближается к ней и на 10 метров. Это данные лазерной топосъёмки, с которыми спорить трудно. *Лишь в одном месте можно было войти в КА2* — и это место было вскрыто мной и СТА.]

Что в группе, исповедующей жёсткую иерархию, “железный экспедиционный порядок” и “педантичное исполнение задуманных в городе планов” такие приколы “более, чем не уместны” — понятно.

: презрев намеченные “ординские копания”, Прохор спровоцировал внеплановый осмотр блока. Я вскрыл Систему, похерив классический предварительный осмотр массива. Вскрыл не с фронтального склона, обращённого к Волге — откуда вскрыто 99 % старицких пещер, и откуда положено было долбиться в Систему, “исходя из имеющегося спелеоопыта” — из бокового оврага. Куда чуть-ли не за волосы потащила меня интуиция — вопреки всем нормам и правилам.

СТА, несмотря на мои рекомендации, проломил остановивший меня завал и по-настоящему вошёл в Систему. Кира провёл видеосъёмку. Фёдор дал компас для первичной топосъёмки — без которой не пришло бы понимания топологической структуры КА2.

Без “нивы” Кирина мы бы вообще ещё пару лет не добрались до этого места; Юра обеспечил нам также отменную спелеомаскировку.

Олич держала на своих хозяйственных плечах лагерное бытие и занималась с моей дочкой — что позволяло мне удаляться из лагеря на полновесный рабочий день. А то и ночь.

Олесь и Алёна помогли обследовать большую часть береговой зоны КА2; помимо этого Олесь сделал вход в неё удобным, надёжным и комфортным.

Группа Министра, работая по давней нашей договорённости на другом берегу Волги, развязали нам руки для полноценного, неторопливого исследования наших массивов — и помогали нам всем, в чём мы нуждались.

: Каждый так или иначе сделал свою часть работы. И потому Это Открытие — в абсолютно равной мере следствие усилий каждого из нас. Вычитите хоть одно звено из описанных мной, — что останется?..

И ведь при этом каждый занимался лишь тем, что ему лично было ближе. Что именно он полагал своей целью в нашей общей экспедиции...

БАЛАМУТОВО

Жажда как можно быстрее вернуться в эту удивительную Систему (тогда нам ещё кажется, что длина её никак не менее 80÷100 км) сильнее бытовых обстоятельств и традиций — вторую поездку мы делаем уже 25 мая.

В ней оборудуем новый никитско-старицкий лагерь: в устье оврага, в левом борту которого была вскрыта КА2, — на террасе-аэродроме. Полонившая террасу растительность *так похожа на никитский лес*, что иного места для лагеря мы выбрать просто не можем.

Овраг — самый настоящий каньон, ничем не уступающий каньону Каменки. Местные называют его Баламутовскм оврагом; на картах он обозначен, как Баламутовское урочище.

Деревушка Баламутово когда-то была в его верховьях — но коллективизация сельского хозяйства не оставила от неё ничего, кроме скрытых в земле фундаментов.

: Берём название для нашего лагеря, — восстанавливаем историческую справедливость.

Старинная мощёная дорога — остатки вымостки ещё выглядывают *местами* из-под глиняных оползней — ведёт к Волге по правому борту оврага. При спуске по ней возникает устойчивое ощущение горной местности, и не очень-то цивилизованной. Влево, в бездну каньона, лучше не смотреть.

После спуска справа от дороги высится обугленный берёзовый остов — уже через год обитания в Баламутово я однажды замечаю в нём нечто, смутно знакомое... Но как бы не полностью. Не хватает симметричной детали с другой стороны дороги. Бросаюсь в черёмухово-ольховый бурелом, раздвигаю спутавшиеся ветви — вижу остатки такого же обугленного пня. Уже упавшего,

сгнившего. И только тут понимаю: КА2 – это наша вторая ледяная пещера 1991 года; расположенная против неё в правом борту каньона Соседка, куда мы уже ломимся, но никак не можем вломиться — первая.

: Ещё один замкнувшийся исторический виток.

Обрыв, столь любимый нами для лагерного места, присутствует – но маловат. В общем, это даже не обрыв, а травяной склон, высотой не более трёх метров. Зато вид с костровой поляны открывается просто отменный: широкий, заросший травами, мыс – вынос оврага – полукругом вдаётся в Волгу.

И опять, как и в Калошинском лагере – закат солнца наш. Он иной, чем в Калошино, – ибо созерцаем мы его не с верхней грани борта речной долины, а “несколько снизу” — однако красивым от этого быть не перестаёт. А вот что до Волги можно добежать без риска сломать шею, и за каких-то 30 секунд, – а после купания всего за пару минут неспешного шага подняться без всякого пота в лагерь — Достоинство.

И в тоже время...

: На высоком обрыве Калошинского лагеря мы не знали, что такое комары. Ветер сдувал их, – правда, тот же ветер мог свести с ума при приготовлении пищи – сдувая пламя костра в сторону от кана и за десять минут истребляя получасовой запас дров, –

– при готовке пищи бороться с ветром мы научились: приволокли с деревенской свалки здоровенный бак без дна и окрестили его “крематорием”. Установленный на костёр, он становился для закипающего кана чем-то вроде духовки; хреновина аналогичного вида, назначения и названия есть и в нашем Баламутовском лагере.

А в пару к ней цельнометаллический ящик, что при установке на углях вверх дном работает духовкой (при этом на внешней поверхности можно сушить носки, если не жалко); перевёрнутый, справляется с функциями мангала.

Но что до комаров...

О грустном не хочется — но: вторая половина мая и весь июнь не мы, а они распоряжаются нашим Баламутовским лагерем.

: Когда мы в первый раз после майских праздников приехали туда, ещё на спуске по склону каньона (о, этот головокружительный спуск!.. Слабонервные пассажиры наших авто чувствуют себя на нём не очень уютно) залюбовались предутренним туманом, заполнившим долину Волги. Зрелище проходило по классу “потрясающее”. Мы въехали в этот туман; я доехал до костровой поляны. Навстречу мне тут же кинулся приехавший на пару часов раньше Юра Киринов с каким-то истошным воплем – чтоб разобрать, что он кричит, я открыл дверцу машины.

И тут же понял, что он кричал.

Потому что он кричал:

– НЕ ОТКРЫВАЙ ДВЕРЬ, ПОКА НЕ НАМАЖЕШЬСЯ АНТИКОМАРИНОМ!!!

: Это был не туман. Это были КОМАРЫ.

Так что без ‘антикумариной мрази’, и самого радикального действия, со

второй половины мая по, пожалуй, август, в Баламутовском лагере делать нечего.

Одно хорошо: жрут они не круглые сутки, а только вечером и под утро.

Почему они не жрут в иное время суток, я не знаю. Наверное, нажираются утром и вечером.

А в остальном лагерь очень удобный. Не хуже Калошинского – палатки привольно и не стесняя друг друга размещаются в тени террасных деревьев. Сколько бы их ни было, много или мало – ни скученности, ни одиночества. С другой стороны устья оврага есть даже “альтернативная полянка”. Со своим костром.

: Каждый чувствует – мы в этом месте надолго.

И качели есть, – не столь волшебнo-полётные, как первые калошинские, – но есть. Причём имеют свой прикол: схема подвешивания близка к тарзанке, то есть на них можно не только качаться, но и летать по всей качельной полянке, описывая круги и зигзаги. Когда это делается ночью с кучей мигающих разноцветных налобников – башню сносит в первую очередь у зрителей, а уж потом у того, кто качается.

— Специально для топосъёмки КА2 приобретаем лейковский дальномер; ГК2 получает лазерный указатель наведения, не вносящий магнитной погрешности. Времена топосъёмки с компасом “турист” и мерной лентой вспоминаются на уровне тяжёлых “коногонов”. То есть почти как каменный век.

У каждого уже давно – удобные светодиодные налобники, питаемые металлгидридными аккумуляторами. Сколь миниатюрными, столь и ёмкими. [В 2008 году их вытесняют ещё более эффективные и ставшие, наконец, безопасными, литиевые.]

Аналогично изменяется лагерное оснащение – большой костровой тент, что казалось немыслимым не только таскать на себе, но и просто-напросто сшить в девяностые годы, накрывает весь костровой “пентагон”. Два боковых тента готовы укрыть лагерь с той стороны, откуда задует ветер. И даровать тень в летнюю жару. Традиционная майская непогода, а вслед за ней ноябрьская, идут лесом.

У пентагона – удобные пеньки-столики. И не миниатюрных размеров – очень даже “настоящих”. Ибо имея машины типа УАЗ, можно позволить себе привезти с ближайшей вырубki пиломатериалы любого размера и веса.

На костровой полянке помимо традиционного бревенчатого “пентагона” – складные стулья и даже кресла.

А иной раз и столики. То-ли прогресс, то-ли пижонство. Но факт – удобно, и не только для камеральных работ, – с теми уже справляется ноутбукoвский “сюрвекс”, которому специальный столик на выезде не требуется по определению. [Со смешанными чувствами вспоминаю свой деревянный самодельный калошинский стол из двух помоечных досок под кроной сухого дерева с видом на Волгу... борьбу со скверно пишущим стержнем, – рвущим бумагу, но упорно не желающим оставлять чёрно-синего следа – и сравниваю с проблемами глючащего пиратского “ворда”... Впрочем, “глючащий ворд” – тоже

прошлом.]

: Обилие сухостоя в лесу и наличие бензопил сводит проблему заготовки дров к получасовой деятельности – после которой пару дней “можно не беспокоиться”. Причём, в отличие от Калошино, за дровами нужно не спускаться к реке по склону (и потом волоочь их на себе в кручу), а подниматься наверх, на склон. Почти налегке. Напиленные там бензопилой, вниз, к лагерю, они летят сами.

: тоже сервис, тоже удобство.

Поскольку верхняя дорога производит отвратительное впечатление, мы прокладываем новую. Топкие места в пересекающем поле ручья гатим стволами деревьев (разве можно представить себе эту работу без бензопил? А ручное таскание оных в дополнение к неприподъёному шмотнику “в годы былые”?..) – стволы поставляет новая трасса, пробитая в лесу в обход разрушенной оползнями старой дороги.

Для лучшего водостока с заболоченного поля углубляем русло ручья.

: Землекопные работы спелестологам никогда не были в тягость.

: в общем, всячески благоустраиваемся.

: растаем надолго.

Увидев результаты наших трудов, местные рыбаки приходят в восхищение – “Ох, ребята, какое великое дело вы сделали! Ведь до вас тут в последний раз только на ДТ-75 можно было проехать, и то хрен знает сколько лет назад!”

– странно: СТА проезжал здесь на своём “гольфе”, а Длинный на “москвиче”.

Очевидно, у местных иные прокладки меж рулём и сиденьем.

Но без отмищения ни одно хорошее дело не остаётся — теперь они начинают караванами кататься на рыбалку мимо нашего лагеря...

Иногда это настолько заматывает, что хочется вернуть дороге её былые противотанковые достоинства. И расставить с интервалом в сто метров плакаты:

«РЫБЫ НЕТ!»

«ЗДЕСЬ РЫБЫ НЕТ!!!»

«ЗА ПОПЫТКУ ЛОВА РЫБЫ – РАССТРЕЛ!!!»

«РЕКА ОТРАВЛЕНА НА ХЕР!!!»

«ОСТОРОЖНО — ЗЛЫЕ СПЕЛЕСТОЛОГИ!»

– и так далее, до самого лагеря. Включая последнее спелестологическое предупреждение:

«НА ЗАД ДОРОГИ НЕ БУДЕТ!» – с мгновенно возникающим посреди дороги шурфом.

После проезда рыбомобиля.

: Возникающим автоматически, на звук. Или на лёгкое сотрясение почвы. С помощью дрессированных кротов вполне осуществимо.

Вообще идея дрессированных кротов реет над старицкой спелестологией...

Следующий выезд делаем на 12 июня, – и далее всё лето проходит “под знаком КА2”.

: Полная аналогия с летом 1985 года, что прошло “под знаком Лисьей”.

Теперь все мысли, все стремления НК связаны с этой нашей новой находкой.

Район Ордино оставляется на неопределённое будущее, — с ним “как бы уже разобрались” и тамошнюю Систему (или Системы) можно будет вскрыть, когда угодно — да хоть через пять лет! — пока же для нас важно в первую очередь разобраться с КА2. Оценить её реальные размеры, топологию и историю выработки.

В РГО делается сообщение об этой нашей находке, — несколько преждевременно, как я считаю (и оказываюсь прав, ибо заявленная нами длина КА2 в реальности оказывается в два раза меньше) — но Прохор, сподвигший меня на выступление, считает, что “такое открытие надобно застолбить”. Поскольку это отвечает моим мыслям — соглашаюсь.

В остальном информацией о КА2 мы не хвастаемся.

К осени становится ясно: привычное деление на подсистемы в КА2 не срабатывает, но можно применить революционную новацию: поскольку падение овражного пласта диктует соответствующее падение разных ветвей каменоломни, и падение это зримо внутри на межсистемных сбоях — делим КА2 на “страны” (как у Волкова) разного цвета. От Красной до Фиолетовой. В соответствии с относительным падением уровней штреков. То есть примерно так, как на географических картах изображают высоты и глубины.

Что интересно: “цветовая дифференциация штанов КА2” соответствует и ландшафтным особенностям каждой “страны”.

: Идея оказывается удачной. Ибо с привычным нам делением на системы выработки в КА2 их придётся учредить не менее сотни — и при том точную границу провести в половине случаев будет невозможно.

: Такая, блин, ядрёная топология.

Мой ДР со всей очевидностью празднуется в Старице. < И с этого дня все последующие — тоже. >

На ДР я приезжаю уже на своей машине — “командирском” УАЗе в версии военных мостов и трёхлитрового двигателя. К этому времени (усилиями Сусанина) машина моя апгрейдена настолько, что половина внутренней начинки её — от генератора до карбюратора и тормозов — не заводская, а более приличествующая экспедиционной машине.

Шины, естественно, тоже.

Как и сиденья.

Обладание собственным внедорожным монстром дарит *такую старицкую свободу* — что чувствуешь себя совсем иным человеком. Круче лишь дельтаплан и вертушка, — но поскольку грузоподъёмность первого относительно уазика смехотворна, а стоимость второго в голове “немного не укладывается” — даже на уровне бреда не обсуждается. Другое дело — плавсредство. Желательно с мотором. Потому что не ко всем старицким дырам можно подъехать и на уазике [«пещера считается труднодоступной, если к ней нельзя подъехать на автомобиле», — из У. Холидея; с точки зрения американской спелеологии, более половины старицких пещер “весьма труднодоступны” —

остальные “недоступны в принципе”],— что по берегу, что поверху — гуляние же по пояс в мокрой летней траве или весенне-осенней грязеслякоти с пудами вскрышного инструмента на спине радости не вызывает.

Да и на другой берег — к тому же лагерю Министра или к расположенным там дырам “порою нестерпимо хочется...” [цитата из Кена Кизи] —

— а не добраться.

“Ну да ладно”,— коли вещь действительно нужна, она обязательно появляется. Рано или поздно.

Пока нам и на нашем берегу хватает работы.

В мае 2005 года, возвращаясь из Москвы после зимнего отсутствия, видим дивную картину: две ямы на дороге, что мы сочли нам пока не мешающими, аккуратно засыпаны щебёнкой.

: Дорожный вклад местного спонсора-рыболова, сулящий увеличение транспортного потока рыбомобилей.

В качестве ответного доброго жеста раскатываю своим уазиком старую дорожную колею, что ведёт прямо в две овражных промоины. Глубиной около метра.

“1 : 1”

На этом выезде встаёт вопрос: КА2 хорошо, но разве мы намерены ей ограничиваться?..

Проход проводит повторное обследование нижнего Баламутовского блока — и заключает: на его углу у следующего оврага вполне можно вскрыть Систему. А почти напротив, в том же овраге, по рассказам наших коллег из клуба “Килятор” [подмосковная Электросталь], они пару лет назад вскрыли Систему, названную Белой. Да только вход, судя по всему, осыпался. Вроде бы Антон нашёл его — но нужно копать. И походить с рамками.

: приходится мне отвлечься от топосъёмки КА2.

Через полдня поисков вход в Белую найден и вскрыт. И рядом — ещё один, в небольшое её продолжение. Когда-то найденное Прохором — но, опять же, “утерянное”.

Белая — очень красивая Система. Натёчные и ландшафтные формы выше всяких похвал. Средняя её часть — колонник; верхняя от Волги представляет собой сплошной замыв с руслом периодически текущего ручья. Выглядит тоже красиво — а главное, при ползанье по замытой части Системы не возникает характерной зубной боли в локтях и коленках. Очень такой мягкий песочек пополам с глиной, украшенный свежими комочками хвои и древесной листвой — принесёнными паводком с поверхности.

Расположена Белая в правом борту оврага. Погуляв по поверхности, найдём источник замыва: четыре действующих понора в овраге довольно внушительного размера. Расположенных попарно.

Причём сам овраг выглядит странно: поноры располагаются перед большой естественной плотиной, таким мостом-дамбой из цельного известнякового пласта.

Возникает ощущение, что Белая прежде заходила *под овраг*,— и во время добычи камня он был гораздо мельче. То есть оврагом не являлся. А был

неглубокой балкой.

Потом по какой-то трещине в каменоломню прорвалась вода, и начался тот процесс, который в конечном итоге приводит к гибели каменоломни.

Мы перенесли раскопочные усилия на нашу сторону оврага – что Система там была, сомнений ни у кого не было. Было лишь непонятно, через какую из воронок в неё войти. И стоит-ли терзать воронки – может, лучше попробовать вскрыть привходовые обрушения в тупиках точильников, что смотрели на Волгу? Или пробиться из оврага?..

: Овражный вариант, после внимательного изучения склона, отвергаем. Слишком явные чемоданы, слишком много воронок поверху. Понятно, что под ними сплошная зона разрухи. Не факт, что проходимая.

Зато со стороны Волги – не менее десятка лисьих нор с хорошей тягой воздуха.

А наверху две воронки изрядной глубины с явными понорами на дне. Ну просто зывают: вскрой меня!

5 мая мы начали раскопки в режиме “парного копания” – сторонники “нижнего варианта” бились в склон со стороны Волги; я с примкнувшими ко мне начал вскрывать одну из двух воронок, что показались для вскрытия вполне подходящими.

За день работы ни моя, ни нижняя группа успехов не добились.

: Мой понор привёл в трещину бортового отпора шириной около пяти сантиметров – по дальномеру за ней было просто офигенное пространство не менее 15 метров лазерного луча — но пространство это могло оказаться пространством трещины. Долбить монолит ради подтверждения данной мысли не хотелось.

Лисьи норы, через которые пыталась пробиться нижняя группа, оказались прокопаны меж таких чемоданов, что разобрать их можно было лишь с помощью ФАБ-500 или 1000 – и то “с не вполне предсказуемым результатом”.

Уставшие и голодные, вернулись в лагерь.

Кисыч высказал мнение, что “одна система – один год” принцип этого места. Вскрытием Белой, мол, исчерпали годовой лимит. Самое лучшее, что можем сделать завтра — зафигачить партию в “спиральную мандавушку”.⁴⁴

Я сказал: “посмотрим”.

Смотрины продолжили на следующий день.

Пока ребята лазили по склонам в поисках нового варианта, я присел на сухой осиновый ствол, нависавший над одной из воронок. Вчера я долго колебался, где копать: в этом месте или в том, где копать-таки начали. Закурил и постарался рассредоточиться. Ни о чём не думать. По возможности. Ощущением места как бы погружаясь при этом вниз. И – вперёд, в будущее.

Когда группа собралась снова, точно знал, что копать будем именно эту воронку. Ибо возникло *ощущение будущего*, как картинка: копаем здесь. Здесь

⁴⁴ У “никитской мандавушки” несколько вариантов, различающихся сложностью – оно же время игры. Партия в “спиральную мандавушку” может длиться до двух суток.

войдём внутрь.

: Воронка находилась почти на самом краю-выступе мыса, образованного бортом долины Волги и бортом оврага.

С точки зрения традиционных спелеопрактик – вариант по меньшей мере идиотский. Со стороны поля каменоломни её окружали другие обрушения; близость к склону вообще ничего хорошего не сулила.

Рамка показывала вокруг слишком много ходов – но насколько они зава-лены, говорить отказывалась.

– Тем не менее, интуиция повелела: *копать!*

За полдня углубились метра на два. Из рассечённого в начале работы корня капал берёзовый сок. И весьма обильно. Прямо в раскоп, нам на головы. Кисыч подвязал под ним кружку – наполнялась она примерно за полчаса.

И на головы ничего больше не капало.

Сражённые усталостью после вчерашнего геморроя, наши помощники от-правились на обед – в раскопе остались самые упёртые: я, Тоша и Кисыч.

Ещё через полметра сбоку справа открылась горизонтальная щель. Веду-щая строго в сторону Волги. Я измерил дальномером её длину — затем вылез из раскопа и промерил расстояние до борта долины. Оставался запас в каких-то полметра. Даже с поправкой на склон – метр, не больше.

Копать в этом направлении не было никакого смысла.

Но из щели дуло. В такт порывам ветра, налетавшего с Волги.

Мы очень быстро заметили эту корреляцию.

Дуть могло через лисьи норы – фактически напрямую.

Мы прошли вниз ещё полметра.

Спустившись в раскоп в свою очередь, я удобно устроился на его дне. Ли-цом к щели. Из неё задуло в очередной раз – но не поверхностным тёплым воздухом, а характерно-пещерным.

Температура, влажность и запах.

Я начал пробиваться в эту щель.

: Идиотизм на марше? А посмотрим.

Меня сменил Тоша, затем Кисыч.

Потом Кисыч сказал:

– Ком. Залезай и гляди, что там. Мне кажется, впереди стена.

– Хорошо, что не Волга, – пробормотал Тоша.

: к созерцанию Волги в конце этого раскопа мы уже были готовы.

Я спустился в раскоп. Всё правильно – впереди была плита, в которую упирался перед тем луч дальномера. За ней, в полуметре известняка букваль-но – волжский обрыв. А вот слева...

: Слева была щель, из которой и дуло. Я пошевелил в ней монтажкой – камни бута посыпались вперёд и вниз с гулким стуком. Руками я вытолкнул вперёд пробку из бутово-глиняного навала, проскользнул за ней.

И оказался в колонном зале Системы, которую через полчаса мы торжест-венно окрестили Страна Чудес Без Тормозов.

В честь любимого нами Харуки Мураками и этого неправильно-

безбашенного, алогичного вскрытия.

А так же всего, что внутри увидели.

Начиная с фантастических, висящих над нашими головами чемоданов – не столь цепляющихся за свод, сколь парящих под оным вопреки всем законам гравитации — до всех возможных форм старицкого карста. Включая карстовое озерцо в боковой тектонике, окружённое красивейшими заберегами, сталактитовой пагодой, — этакой лестницей выходящей из воды, — боковыми натёчными драпировками, сталактитами, сталагмитами и сталагнатами.

— Страна Чудес Без Тормозов оказалась во многом подобна Белой. Топология сходна до мелочей.

И даже замыв в её верхней части был в точности такой, как в Белой.

: Тот же самый песчано-глиняный материал. Те же комочки хвои и осиновые листочки. Один-в-один.

И он плавно поворачивал в овраг навстречу замыву Белой.

К одному из поноров нам даже удалось подползти вплотную. Снизу, изнутри.

Натёчный минимусей был назван Аквариум; зону замыва называли Заливные Луга. В Белой мы никаких названий не давали – хоть вскрыли её самостоятельно, первооткрывателями не являлись.

А тут – наше. Доподлинно. Называть не просто можно – *это наша обязанность*.

Теперь было ясно: Белая и СЧБТ когда-то были единой Системой. Потом овраг разделил их надвое. Наверное, соединение ещё можно восстановить – замыв копается легко.

Только не хочется, чтоб на тебя в разгар этой работы попёр сумасшедший поток подземной воды.

А ещё получается, что с нашим делением старицкого района на спелеоблоки что-то “не совсем так”. Вот есть Система, и она зримо проходит под разделяющим блоком оврагом, —

: Парадокс.

В 2007 году мы снимаем последние завесы секретности – с мая этого года НК на выездах в Баламутово наполовину разбавляется нашими друзьями из других подмосковных Систем; по сути, каждый выезд если и не называется “звёздным”, то делается весьма сборной командой. В том числе из разных городов. От Питера до Томска, безусловно включая Самару и Одессу. Возрастной состав участников выездов – от полутора до 55 лет. Количество – до 30. Собаки и кошки присутствуют обязательно; при этом каждая мини-команда живёт-работает-отдыхает в своём ритме, и реализует на выезде свои цели.

Кто копает, кто рыбачит, кто пьёт, кто топосъёмит, — а кто фотосъёмит или видеосъёмит. Или работает с миноискателями. Или устраивает учебно-тренировочные соревнования наших внедорожных машинок.

Или занимается Свободным Поиском.

Или просто читает, развываясь на пенке у костра – а при соответствующей удобной погоде на травяном мысу на солнышке – любимую книгу. [Для того, чтобы приехав за 250 км от Москвы, посвящать своё время Чтению, или сутки

напролёт слушать Любимую Музыку – нужно быть в душе полным и законченным никитянином.]

Геологи на выезде имеют свой интерес; ботаники и спелеобиологи – свой.

Иные просто “купаются в Реке и загорают на пляже” [цитата из БГ].

Дети, в основном, кричат и носятся по лагерю. И вокруг оно. Или бьются за право на качели – друг с другом и взрослыми. А иногда и кричат, и носятся одновременно, – не прекращая качельных сражений. Это от возраста зависит. И от генетики, вне зависимости от возраста – посмотрите на их мам и пап (сколько бы лет им ни было!) — и всё поймёте.

: Такой вот дурдом. Но это – *никитский стиль жизни*.

Различные наши возраста и пристрастия в *общем итоге* слагают то, ради чего мы все приезжали, приезжаем и будем приезжать в Старицу.

Тем более, что когда возникает какая-то общая проблема или работа, – или кому-то требуется помощь — добровольцы находятся всегда. В нужное время и в нужном количестве.

А потому лагерь-таки живёт единой жизнью, при всём нашем законченном спелестологическом индивидуализме.

: Просьба не путать индивидуализм с эгоизмом –

— эгоисты в НК задерживаются не дольше, чем спелеохалявщики. Для никитян оба эти слова в равной степени бранные.

Однако, повествование получается большое, а страниц мало.

Попробую конспективно изложить, что нам удалось (и не удалось) сделать в последние три года стоянки в нашем Баламутовском лагере “никитско-гостевой сборной”:

Четыре заложенных шурфа (из них два шестиметровой глубины) приходится бросить – даже с нашей современной камнебойной, сверлильной, автолебёточной, взрывной и домкратной техникой.

Зато вскрываем Систему Конец Света и соединяем её со Страной Чудес Без Тормозов, – как оно по книге и положено. [Через два выезда название неизбежно мутирует в Конец Светы.]

Вскрываем небольшую Систему УАЗ (о вскрытии которой можно рассказывать, как я поведал о вскрытии СЧБТ) и просто крохотную Комическую (об итоговом самовскрытии которой можно поведать не меньше), – даже в сумме их длина не превышает 100 метров, но дело не в длине иль сумасшедшем ландшафте УАЗа и удивительной фотогеничности Комической, – дело в том, что именно две эти маленькие Системы дают нам понимание того, как добывался “*старицкий мрамор*” в баламутовских блоках.

Так что значение их огромно. В спелестологии размер вообще не имеет никакого отношения к значимости.

: Безуспешно пытаемся пробиться в Нижнюю Систему из Дыры Олеся и альтернативным способом со стороны склона – раскопки останавливаем в виду их явной суицидности.

В КА2 открываем Инфракрасную страну. Это “верхняя овражная” граница Системы: окончательная и безоговорочная. Съёмка периметра Инфракрасной

совпадает с границей верхних точильных рвов – выше по оврагу камень не выламывали. После тщательного обследования Фиолетовой страны приходим к выводу, что завалы по её южному краю лучше не трогать – в двух местах там куда-то можно пробиться, но: пока не известно, куда — нечего рисковать жизнью.

: провальные воронки и точильные рвы уходят вдоль берега дальше на юг с шагом в 5÷10 метров.

Что они сулят — неизвестно.

Возможно, полный взрывной облом. А быть может, и нет. В любом случае безопасней пробиваться туда с поверхности, какие бы трудности это ни сулило. Если тамошние Системы сохранились, и в них удастся войти – топосъёмить. И уж потом, после сведения топосъёмок, пытаться сделать сбойку. Коль занятие это покажется необходимым.

На 2008 год нам удалось отснять не более 5 км ходов КА2. Согласно экстраполяции лазерной топосъёмки, максимальная длина Системы ограничивается 36 км. Самые осторожные прогнозисты в НК замечают, что часть привходовых разработок старой, кустарной выработки, может быть положена “взрывами и временем” — но даже в этом случае суммарная длина ходов не меньше 25 км. Сторонники “глобального варианта” говорят на это, что до сих пор присклонные части Системы, хоть и сильно перевалены обвалами, но проходились нами процентов на 80. А то и на 90.

При этом Периметр отснят не более, чем наполовину, и внутренние объёмы КА2 всё ещё остаются “terra incognita” — проходящие разведочные маршруты группы лишь фиксируют: все эти пространства проходятся, не смотря на имеющиеся обрушения. Гулять по ним можно без всякого представления об ориентации — коли компас есть, не заблудишься. Столь высокая плотность ходов. То есть снимать там ещё и снимать...

— Вздохнём и продолжим:

Прямо над лагерем, презрев очередной спелестологический запрет (“не копать точильник, если выше по склону провальная воронка”) вскрываем 500-метровый Уголёк – старицкую модель никитской Сейсмозоны. Неникитянину в ней нечего делать, свихнётся. Вскрытие Уголька окончательно подтвердило мысль о том, что Системы в этом блоке со стороны Волги разрабатывались кустарным способом (выработки хаотические, камерно-столбовые), не углубляясь под склон от борта долины далее, чем на 30 м,— и современное состояние их весьма жалкое: открываемые полости не стоят затрат на вскрытие. При этом все прибрежные Системы соединяются в “условно общую полость” трещинами бортового отпора и оставшимися при обрушениях щелями с сильной тягой воздуха — что, конечно, вызывает мысль об их последовательном вскрытии и соединении заново...

: Относим эту мысль к несбыточно-фантастическим, и на том успокаиваемся.

Заодно понимая: и полностью рухнувшая Система может располагать немалым “остаточным межзавальным объёмом”, причём с неизбежным люковым сообщением с поверхностью,— в силу чего фонтанировать летом из

условных “нижних входов” просто сумасшедшим потоком воздуха; зимой – паром из верхних люков. То есть внешние аэрологические признаки Очень Объёмной Системы на лицо — да вот беда: “объёмы” эти не вполне проходимы для спелестолога. Даже “очень никитской заточки”.

Отказавшись от вскрытия прибрежного рухляка, проводим спелестологическое обследование блоков меж Баламутово и Щаповой – открываем Клаву НКВД, закладываем в том же районе 4 разведочных шурфа. Два оказываются “слепыми”; два сулят в будущем “некие перспективы”. Пока туманные.

Осенью 2007 года в ста метрах от лагеря на самом берегу Волги вскрываем родник, – проблема водоснабжения лагеря стоит остро, так как за водой приходится ездить либо в Старицу, либо в ближайшие сёла. И вода там “не очень хорошая”. Хотя, конечно, чуть менее опасная для здоровья, чем волжская.⁴⁵ КА2 на роль источника питьевой воды претендует ещё даже менее Волги: до ближайших ко входу хороших водокапов ползти нужно не менее часа. Проще – и быстрее – съездить в Старицу.

– Увы: весь следующий год стоит высокая вода и пользоваться родником невозможно. Перехватывать воду нужно было выше. Но без бетонных колец идея колодца повисает в воздухе.

Вход в Систему Соседка (правый борт Баламутовского оврага) был в первый раз обнаружен В. Байданом, Бобом и мной в июне 1991 года – тогда же Боб начал долбить забивавший вход ледник. Повторно Соседку нашли Олесь и СТА в экспедиции 2004 года; в 2005 году были начаты работы по вскрытию, которые потребовали применения домкратов, ВВ и электроперфоратора. На май 2008 года удалось пройти около 12 м привходового обвального обрушения (причём двумя параллельно-альтернативными ходами с парой сбоек-соединений), – в процессе прохождения разобрано две обвальных колокольни и выкопан “почти стояночный грот” – два спелестолога-никитянина могут там лежать с полным комфортом и даже остаётся место для газульки и плэера с колоночками. После тяжких раздумий о собственной крутости и мимолетности бытия от дальнейшего вскрытия отказались, – раскопочные усилия перенесли на 30 метров выше по оврагу:

В грандиозное обрушение – явно взрывного происхождения – бывшего откатного штрека, то есть центрального штрека Системы. Его размеры и внешний вид мгновенно вызвали в памяти давешний слоган Байдана – «Хорошо взрывали, паскуды!..», – вскрывать такое не могло прийти в нормальную спелеоголову... И нам не приходило – до облома, испытанного в Соседке.

... Во вход проломились за три с половиной дня работы новым прогрессивным безбашенным методом обваливания передней стенки шурфа (после

⁴⁵ Любителям употребления внутрь волжской водицы готов по большому секрету сообщить: Волга не только Великая Русская Река, это ещё и Великая Сточная Канава. Достаточно посмотреть её воды на свет и оценить мутность – первое неисправимо жёлтого цвета; второе значительно уступает лесной дождевой луже. Так что будьте бдительны: купаться в ней ещё можно, а вот пить не стоит.

его предварительного старательного углубления на 2,5 м) сборной Силикаты/Никиты в составе: Гео, Страшный Зверь, Чудовище, Сом, Кисыч; вскрывающим активно помогали Атеист и Визард. И пока одни копали – другие обеспечивали им еду и рабочее функционирование лагеря. Так что результат этого вскрытия столь же общий, как и всех остальных наших старицких вскрытий.

Система получила имя ЗубКи – ибо Кисыч потерял на её вскрытии ползу-ба. Причём не из-за неловкого движения товарища, метнувшего “не вовремя и не туда” ненужный инструмент или камень (как можно подумать), а из-за собственного: в задумчивом обзрении стенки раскопа перед его очередным обрушением Кисыч оттянул на шее свою “тику” – и магнитная защёлка разъединилась. Головка системы осталась у Кисыча в руке –

: остальное попало в зуб.

Тем не менее, Система была охарактеризована, как “спелестологический джек-пот”.

И не только потому, что удалось сделать “невообразимое в принципе”, да ещё войти при этом в прекрасно сохранившийся центральный штрек Системы —

Красота ЗК вполне соответствует её размерам: и то, и другое находятся на высшем старицком уровне. На высшем старицком уровне и археологические находки, сделанные в ЗубКах – инструмент разработчиков и керамика.

ЗК, наконец, решает “водяную проблему” – легкодоступные водокапы в ней, и отменной мощности, функционируют круглый год. Оборудуем четыре из них с расходом около 20 литров в сутки каждый.

А ещё ЗК предоставляет отменное место для нижнего зимнего лагеря: для подземной стоянки её гроты даже удобней, чем стояночные гроты Лисьей. Причём достигаются оные “в полный рост от входа”, буквально за несколько минут. Стоя в ЗК зимой, можно посвящать время исследованию не только её, но и всех окрестных, вскрытых нами Систем – включая КА2. Конечно, в КА2 тоже есть подходящие для подземного лагеря гроты, и дивного комфорта — но ползти к ним от входа не менее часа. Даже без вещей и хорошо зная дорогу. [Поскольку здесь я говорю о никитянах и никитском опыте перемещения в сложнопересечённых лабиринтах – ясно: *нормальному спелеку* идея стоять в этих гротах просто не может прийти в голову.]

Так что ЗК – спелестологический джек-пот во всех возможных смыслах.

Но – увы. Писал уж о том: ничего *равного Лисьей* в Старице, по-видимому, нет.

: С этой мыслью придётся смириться.

В августе 2008 года следует не менее триумфальное вскрытие БезДелУш-Ко. Объём вынутой и перемещённой при вскрытии БДУК породы невообразим даже для группы в пять-шесть здоровых спелеоры, – когда мы говорим, что *сделали это втроём* (я, Кисыч и Атаман), и всего за четыре рабочих дня – нам никто не верит.

: Злые языки обвиняют нас в применении взрывчатки, и говорят, что до сих пор, якобы, ощущают во входе “её характерный кислова-

тый запах” (по их мнению, именно наше безбашенное эксплоссионное вскрытие положило примерно половину Системы),– тем не менее, факт: сделали. Без всякой взрывчатки. А пахнет во входе всего лишь лисьей мочой. Не верите, не умеете вскрывать – делайте экспертизу, а потом обвиняйте. И учтите, что в четвёртый день Кисыч работал только полдня – его срочно вызвали на работу. Когда Атаман позвонил ему по мобиле и сказал, что мы-таки *вошли в Систему*, он нам тоже не поверил.

В том же выезде (оставшись после отъезда Кисыча в лагере втроём с Оlichem), мы с Атаманом провели топосъёмку ЗК, БДУК и Уголька – привязав их подземные окоёмы к ландшафту поверхности. Что позволило мне в октябре 2008 года соединить Уголёк и БДУК в единую Систему. (На соединение Систем было затрачено в общей сложности 0,5 ч рабочего времени одного человека – причём сделать это можно было из Уголька ещё при его первопроехождении, даже не зная о существовании БДУК.)

Так что теперь это УБДУК, и он вплотную подошёл под землёй к ЗК.

: Соединятся они или нет, зависит уже не от нас. А от прочности того материала, что их пока разделяет.

В ЗК и УБДУКе мы обнаруживаем *подземные склады готовой продукции* – обработанные до выноса на поверхность плиты стоят по соседству с краевыми забоями, плотно одна-к-одной,– из трёх найденных складов один очень даже хорошо замаскирован “от пытливого взгляда” со стороны откатного штрека. В ЗК также обнаруживаем кладку, *намеренно разделяющую* системы выработки – причём возведённую не в месте случайной сбойки, а прямо посреди штрека. Ох, непростые отношения были меж бригадами, ломавшими “старицкий мрамор” в урочище Баламутово...

: Значение этих находок переоценить невозможно.

И – примечательный факт: хоть разработки велись в едином пласте – сохранность каменоломен тем ниже, чем они ближе к Волге. При том, что камень не имеет отличий и трещиноватость пласта абсолютно одинаковая – что хорошо видно в забоях. То есть картина такая же, как в КА2. Симметричная во всём, кроме размеров.

: Ещё один факт в копилку “взрывной гипотезы”.

Самая дальняя от Волги часть ЗК – как и симметричная ей Инфракрасная страна КА2, входы в которые находились практически в тальвеге оврага – замыта. Где из овражных поноров, а где через бывшие входы. И продолжает активно замываться.

А ещё в 2006÷2007 годах мы провели долгожданную GPS-маркировку спелестологических блоков от Старицы до Баламутово с GPS-привязкой пещерных входов. Как действующих, так потенциальных и бывших.

Эту важнейшую работу сделали Юра Долотов, Саша Никольский, Аня Малыш, Лёша Модем, Таня Кошка, Саша Шериф – и их покорный слуга в качестве извозчика вездехода. [Он же автор данных слов.] Однако, результатами нашей работы не сможет воспользоваться никто, кроме нас: *ибо показания одного прибора GPS никогда не сходятся в точности с показаниями другого*,– сколько спелеков, раздобыв правдами и неправдами наши “совсек-

ретные сведения”, будут пытаться найти входы в Лисью посреди волжской глади и ломиться в ТрёхОчковую из Склизняка или Базовой... [смайлик кривой ухмылки]

Но ещё мы отсняли профили Баламутовского оврага и прилегающей поверхности.

И наметили около 15 перспективно-вскрышных мест справа и слева от устья оврага. С расчётом на вскрытие тамошних подземных окоёмов — не с целью новых рекордов, а ради понимания характера местных каменоломен, их истории и технологий добычи “старицкого мрамора”.

Как я полагаю, это только начало новой большой и интересной работы. К которой приплюсовывается неизбежная программа спелеобиологических исследований,—

*И не забудем, что означает слово **Баламутово**:*

— то есть не забудем о должном отдыхе с соответствующим питием, достойной гурмана едой, воистину вечной, против нашего подземного мира, музыкой из качественных выездных колонок и музыкой гитарной,—

— партиями в нестареющую никитскую “мандавушку”,—

— философскими спорами и новыми весёлыми приколами, песенками, рисунками и стихами,—

Ибо без всего этого нет и не может быть спелестологии — потому что не бывает.

Тем более, в Старице. На берегу великой русской реки Волга.

LIBERTAS, AEQUALITAS, FRATERNITAS

... выбираюсь из палатки, потому что валяться далее нет сил. Небо — предрассветно-серое. Значит, пора: как ни ворочайся, больше не уснёшь.

: Когда-то был явной “совой”,— над рукописью мог просидеть до шести утра без “слипания глаз” и смеялся над Сталкером, что в 22.00 — вне зависимости от того, что было выпито за столом или не было выпито вовсе — падал лицом в тарелку.

А затем вдруг стал “жаворонком”. И теперь падаю так же, как падал он. Засыпаю мгновенно и сразу.

Зато встаю легко и рано.

Первым в лагере — если, конечно, дали заснуть вовремя, или совсем не измудохался на раскопках.

Но даже в этом случае встаю “отнюдь не последним”.

Натягиваю сапоги, приближаюсь к костру.

У костра — точнее, предутренних его остатков,— как обычно, двое: Рудик и Кирик. Самые лютые никитские совы.

— Вахту сдал,— бурчит Кирик.

– Вахту принял,— отзываюсь дежурной фразой.

Рудик молчит, потому что уже кемарит.

Переместив Рудика – по погодным обстоятельствам либо в палатку, либо на дежурную “костровую пенку”, Кирин кивает мне:

– Ну, бывай.

– Спокойного утра.

– Аналогично!

: до обеда я его не увижу. Будет отсыпаться.

Вольный режим нашего лагеря позволяет каждому реализовать тот ритм жизни, который ему удобен.

Слово “подъём” в нашем лексиконе не значит,— по крайней мере, в командном смысле.

: Каждый просыпается и встаёт тогда, когда ему это удобно.

Отношение к завтраку соответствующее – как групповое понятие, завтрак у нас отсутствует.

Есть доступные для всех в любое время суток хлеб и чай, кофе и сахар – и продукты, предназначенные для утреннего употребления: сыры, колбасы, паштеты. Каждый выбирает, что ему нужно. Когда достаточно просыпается для кулинарных движений.

< “Хочешь блёвчик? Бери кипяток, заваривай блёвчик!” >

Или когда просыпаются дети – этих движений требующие в полную силу.

Вот обед – уже общий. Но чёткого времени не имеет. Гуляющие под землёй или барражирующие в Свободном Поиске могут прийти и через час после того, как он будет готов – никто не обидится. Аналогично с копающими и с топосъёмщиками. Или уехавшими в поисковые дали на машине.

Но Ужин — это святое. Это Всеобщее Праздничное Действо, начинающееся в районе семи-восьми вечера. С десяти до полуночи – Апофеоз. Напитки и гитара – по кругу. В гитарных паузах соответствующая настроению музыка из чрева моих автомобильных колонок — они у меня выносятся наружу и на выезде устанавливаются на крыше машины.

Далее плавное уменьшение пребывающих у центрального костра.

Обычно к утру у него остаются только Рудик и Кирин.

А потом появляюсь я.

— Первым делом пытаюсь навести некое подобие порядка: чтоб хотя бы не сломать ногу, поскользнувшись на чьей-то миске или кружке.

Если каменное костровое обрамление не переполнено пеплом и сгоревшими банками – раздуваю огонь из его тлеющих носителей. В противоположном варианте беру сапёрную лопатку и выгребаю костровой мусор туда, где мы его хороним.

И развожу огонь заново. Заодно, как правило, подправляю очаг.

Водружаю на него очередной “крематорий”; в “крематорий” опускаю круглый кипяточный кан для воды.

Пока закипает вода, навожу на центральной поляне окончательный и полный порядок. Вплоть до подметания пентагонного пространства.

Первая порция воды небольшая – буквально на чашечку кофе. Для меня. Ну, на две.

Сотворив оное, ставлю его немного охладиться на пенёк (кипяток пусть хлебает лица без вкусовых пупырышков и слизистой пищевода) – и водружаю на костёр уже почти полный кан.

: Для тех, кто проснётся следом.

Сам умываюсь и готовлю один или два бутерброда с сыром. Больше мне ничего до обеда будет не нужно.

Если за руль сегодня не садиться, к кофе достаю бутылочку коньячка или бальзама. Из коньяков предпочитаю иным Прасковейский (не менее шестивосьми лет и безусловно родного бутилирования); из бальзамов в Старице можно употреблять “Вереск”.

Сажусь в своё любимое кресло и приступаю к Первому Утреннему Кофе.

Любуюсь рекой и разгорающимся рассветом.

Если идёт дождь – любуюсь дождём. Слушаю его струи по тенту, – не забывая подставить под места магистрального стекания пустую посуду.

Майским и ноябрьским снегом тоже можно любоваться, но пуховку при этом надеть не помешает.

Кофе оттеняется Первой Утренней Сигаретой.

Тишина. Красота. Гармония.

Сейчас возьмём Недочитанную Накануне Книгу, –

: книгу, допустим, я обычно взять успеваю. И даже перевернуть пару страниц. А иногда и испить вторую порцию кофе, выкурить ещё одну сигарету и съесть первый из бутербродов –

НО НЕ БОЛЕЕ!!!

Потому что начинает просыпаться Его Величество Народ.

Кто представляет его передовые отряды у костра – Кис-Кисыч или Дети, – не столь важно. Даже если это не “Дети Сталкера”, а свои собственные.

: И то, и другое, и третье одинаково шумно. Одинаково поглощает внимание, вырывает из чтимого текста...

И начинается день.

Обсуждения, “что и кто будет делать сегодня” плавно переходят в сборы.

Подгоняют разоспавшихся товарищей (как правило, накануне они с особенным нажимом обещают встать первыми и разбудить всех, ибо “дело наметили нешуточное”), – делят инструмент. Как вскрышной, так и топоромочный.

Если в лагере возник за ночь дефицит дров – перед уходом на фронты спелестологии следует их заготовка. Или она поручается тем, кто остаётся в лагере.

Часам к 12 народ окончательно договаривается о планах на день и расползается по фронтам, – не стоит думать, что только и исключительно спелестологическим.

: Фигушки. Хотя с другой стороны – как провести границу меж наших занятий и приколов? Грибное гуляние по лесу с попутным нахождением провала или потенциального входа в Систему – куда отнести? А вскрытие приволжско-

го родника?..

– А рыбалку, результаты которой будут с удовольствием съедены вернувшимися с раскопок-топосъёмок? А фотографирование окрестностей или экскурсию в город, возвращающуюся не только с забитыми фотками флэшками, но и с новыми запасами продуктов и питьевой воды для всех?..

Уходящие в наиболее экстремальные маршруты обеспечиваются радиосвязью с базой – то есть с центральной костровой поляной. Как правило, это либо свободные поисковики, либо копатели. Либо и те, и другие. Ибо сколько бы мы инструмента ни навьючили на себя – неизбежно последует традиционный “вызов базы”: принесите нам домкрат... бензопилу... лом-кладенец... вторую кувалду, потому что сломали первую...

Мимо палатки Кирина – что стоит в лагере крайней и как бы символизирует его начало у того самого обгоревшего берёзового остова – проходим тихо.
: Чтоб не разбудить.

Понятно, что действие символическое – от костра долетают гораздо более громкие звуки, – но-таки своего рода традиция.

В этом майском выезде можно будет проходить, не таясь.

Потому что можно.

Да только лучше б уж приходилось таиться-придуриваться.

ЮРА КИРИН

Пояснение первое. Кири́н – это не ник, а фамилия. Хотя его пожизненного друга и бывшего соседа по дому (вместе учились в школе и вместе пришли в Никиты) действительно зовут Кира. И выпить Юра иной раз любит так, что не остановить.

Точнее – любил.

Пояснение второе: “Сьяновская Маргарита” – никакая не Маргарита, а просто Ведьма. Потому что к Михаилу Афанасьевичу Юра почтения не испытывал. Нарисовал он её на стене нашего грота Млечный Путь, когда мы вместе с “ДС” осваивали Сьяны после их повторного открытия Кэмом.

И пояснение третье: никакого сюжета в этой главе не будет, потому что не смогу сказать о нём – сюжетом. Да и чужды были Юре какая-то намеренность, сюжетность.

Художники — они сюжета не любят.

Вот картинка: мы уезжаем из Старицы после очередных ‘майских ид’. Уезжаем, несмотря на грозное хлябизвержение, – ибо трубят городские дела и обязанности. Уезжать страшно не хочется, и подъём по раскисшей дороге добрых эмоций не вызывает, – “но надо”. Как бы ни противилась нашему отъезду природа. Юра и Ким остаются внизу, в лагере. Ещё на день или два. В нашем Баламутово. Машут вослед руками. С неподдельным интересом: удастся-ли подняться по размазанной ливнем полугрунтовой, полумощённой

сто лет назад дороге?

Справа – обрыв каньона. По дороге навстречу ручьи с грязью. Темнеет.
– такая картинка.

Ручник у меня сорван, резина лысая – заездил за три года по старицким камушкам и буреломам. Да по асфальтам подмосковным. “Втягивающее” дышит на ладан – срабатывает через два раза на третий. Датчик “заднего хода” естественно гикнулся, – так что при движении задом подсветка только номеров и габаритов. Но не местности. Впрочем, если б задняя фара и работала – багажник забит шмотками доверху, и в струях дождя всё одно ничего не видно.

Примерно в середине подъёма прекращается подача бензина. В баке его ещё километров на 50 – но уклон дороги такой, что...

Народ замечает, что тормознулся я точно против входа в КА2.

Изо всей силы давлю на ножной тормоз, одновременно пытаюсь “поставить машину на скорость”.

Вроде бы пока не ползу, – и то славно.

«Старица не отпускает», – почти ритуальная фраза.

Если б не Юра – не знаю, чем эта картинка окончилась. Кто бы её дописывал — после.

Пока удерживаю перегруженную машину на грязевом склоне, он сливает из бака своей “нивы” полтрашку “92-ого” и переливает её в мой рабочий бак. [Потому что во втором естественно пусто.] Теперь главное – тронуться вверх. А потом миновать самый подлый, глиняный участок в конце подъёма. По которому течёт уж самый настоящий сель.

Но это — если удастся тронуться, если не улечу при этой попытке в овраг.
: Молю Дзуликую отпустить. Сжалилась, отпустила.

: Водитель может представить себе момент запуска двигателя. И последующего переключения скорости синхронно со сцеплением и тормозом. И работой педалью газа.

Ног у меня, между прочим, всего две.

Если б это был не узик – валяться мне при прочих равных на дне каньона.

И если б не Юра.

В сентябре 1991 года мы с ним живём в нашем Калошинском лагере вдвоём. По ночам заморозки. Кто хотел в город – уехали в город. А мы остались.

Сидим у тёплого уютного костерка, тихо беседуем. Вокруг просто завораживающая *осенняя тишина*. Это ведь летом – какие-то дальние звуки, шелест листвы над головой. Осенью всё замирает, скукоживается. Прячется по норам, улетаёт на юга. И воздух становится влажным и плотным. Как под землёй. Звуки вязнут. Особенно ночью. Никого на всё обозримое пространство, кроме нас — настолько очевидно, что кажется: никого вообще на планете. Такое ощущение.

Я тогда ещё “полная сова”, – ритм жизни у нас унисонный. Так что сидим почти до рассвета. Точнее, до четырёх часов утра, нашего любимого “часа маразма” — рассвет в сентябре несколько позже.

: Любуемся прозрачно-чёрным небом с россыпями золотых и серебряных блёсток. “W” Кассиопеи и пыльца Млечного.

Под ногами Лисья, говорим о звёздах.

В четыре расходимся спать. Вначале ухожу я – Юра остаётся выкурить у костра ещё одну сигаретку.

В одиночестве.

Я залезаю в свою палатку; пытаюсь, дрожа, прогреть почти ледяной спальник – когда тепло наконец посещает меня, слышу:

– Ком... Вылези пожалуйста, мне надо посветить.

Матерюсь. Коногон Кирина сдох; единственный свет на двоих – моя система.

– Иди сюда и забирай.

: Я только устроился почитать перед сном несколько страниц из Брэдбери...

– А на хрена тебе свет?

– Ком, ты не поверишь — но кажется, я потерял спальник...

Какая-то дурацкая тема для розыгрыша.

– Ты его случайно не брал???

: Без комментариев.

Выползаю из нагретого спальника, иду к Юрке.

Он сидит на корточках перед своей палаткой; вид настолько растерянный, что ясно: не прикалывается.

Свечу внутрь — спальника действительно нет. Абсолютно пустая палатка. Только кейс-мольберт и коробочки красок.

– Может, ты его брал к костру?

– Что я, не знаю, где он должен быть? Никуда я его не брал!

И когда пили в последний раз – оба не помним. Так что на алкоголь не спишешь.

Тем не менее, осматриваю всё у костра.

: Спальника в лагере нет, это ясно обоим.

– Может, кто спиздил? Подкрался незаметно, по полю подполз – а сейчас в кустах лежит, смехом давится?..

– Не мели ерунды. Кому это надо? Во-первых, подкрасться к нам было невозможно. По крайней мере, человеку. А во-вторых – лежать на этом инее??? Сейчас ведь, дай Бог, минус два. А то и вся пятёрка минус-цельсиев. И потом: на инее должны остаться следы.

– А если это зверь? Спальник-то на натуральном пуху...

: Барсук уже приходил в наш лагерь. Причём не взирая на наше ококо-стровое лежание. Так что версия резонная.

Я начинаю осматривать поле – и тут же беру след: по серебряной от инея траве явно что-то волочили.

Идём по следу метров 500 – спускаемся вниз по склону. Перед нами барсучья нора, потенциальный вход в Зажопье.

И внутри кто-то ворочается, сопит.

Свечу: так и есть – вот он, кириный спальник. Шеволится, как живой.

Потому что барсук тянет его за собой в нору, а спальник застрял во входном шкуродёре.

Начинаю тянуть на себя.

Барсук не уступает. И силы у него не меньше.

С риском порвать искомое, выволакиваю его-таки наверх. Вместе с похитителем.

И тут понимаю, что может сделать этот милый симпатичный зверёк с любым из нас одним ударом своей передней лапы. С выкидными когтями пятисантиметровой длины. Если его разозлить.

Пасть у него, между прочим, тоже хищная.

И я его явно не радую.

– ПШЁЛ НА ХУЙ!!! – орём с Юркой в две глотки.

: шокированное животное удаляется в недоступное нам продолжение Лисьей.

Спальник остаётся у нас.

— А вот ещё: Калошинский лагерь, летняя тёплая ночь. В паузах меж фраз слышно, как где-то далеко справа в районе Бродяжьей угукает то-ли сова, то-ли филин,– то-ли неясить. В общем, нечто совиное. И ему со столь же дальнего акустического рубежа Капкана отзывается конкурент-сородич. Юра какое-то время прислушивается, ловя звук (сказать, что слух у Юры *абсолютно абсолютный* – это почти ничего не сказать),– затем хитро складывает у рта ладони и начинает подражать-передразнивать. После нескольких проб получается звук, неотличимый от оригинала.

– Угу-у... Угу-у...

Вначале Юре отзываются справа. Затем слева. Развернувшись в должные стороны, он повторяет поддельный боевой клич.

: Через пару минут над нашими головами начинается жуткая сшибка двух ночных хищников: какого хрена ты залез на мою территорию???

: На нас летят перья, клочья древесной листвы...

Задираем головы вверх, и видим дивно-фантастическую картину: *битва происходит на фоне полной луны. Театр теней-силуэтов* –

Эту потрясающую картину [или, если угодно, клип] Юра написал не карандашом или кистью — голосом. Звуком. < Жанр – “звукопись”? >

А другую – ленинградской акварелью. На ней изображён наш Калошинский лагерь. Она висит у меня дома на стене и физически греет. Там на переднем плане на бревне – моя красная любимая мисочка. Рядом на колу тына надет любимый юрин стакан. Гранёный. Классический. Слева – качели-2, с которых навернулся Хохмач. На дальнем плане за сломанным деревом моя палатка под раздуваемым ветром полиэтиленовым тентом; справа мой письменный столик,– вдаль за ним можно угадать пейзаж другого берега Волги. Над костровыми углями и сиденьями пентагона характерно кружащийся дым. В дыму над костром на тростике – кан и чайник.

: До боли так, как оно было –

Бревно качелей угрожающе движется на вас, дым на полянке зримо закручивается, а полиэтиленовый тент хлопает на ветру.

Рама у картины самодельная, её Юра сделал сам. Потому что своими руками мог делать всё, что угодно – огранщик камней, краснодеревщик, художник, гитарист, фотограф и скульптор, –

: Не забудем, что не только рисунки в наших газетах-маразматках, но и добрая доля текстов – его. Со Словом Звучащим Юра был вообще как-то удивительно талантлив – где мне нужно было бы исписать пару-тройку листов черновиков, он говорил сразу. Мгновенно-точно и очень весело –

Именно – прикольно-весело. А не ехидно:

... съезжаем на машине к нашему лагерю в Баламутово, и некий чайник впервые в жизни видит неширокую (относительно впечатанной в школьную голову коды “великой русской реки”) Волгу. Всю дорогу сидящие в машине комментировали ему проносящийся мимо пейзаж в стиле: – Это река Шоша, правый приток Великой Русской Реки Волги, длина 245 км... Названа так сильно шепелявящей личностью. Это река Лама, правый приток Великой Русской Реки Волги, длина 137 км... Названа так бежавшими от притеснений Писсаро инками... Увидев в глубине долины скромный поток, на впечатанную в голову коду абсолютно не претендующий, он естественно вопрошает: – А этот приток как называется? – и Юра Кирин степенно отвечает ему:

– Это Главный Приток того, что называется Великой Русской Рекой Волгой. Собственно, так он и называется!..

Что в слове Колобок приставка “ко-” является столь же собирательной, как в слове Командор, Колобку указал именно он. Не успел Колобок отсмеяться публично по поводу сделанного им “филологического открытия века” – как я был отомщён. Хотя по статусу писателя должен был догадаться первым.

: Как всегда, не успел.

С Юры я писал своего ильинского персонажа – хотите узнать о Юре больше, читайте “Ильинский цикл”. Вот только ник дал другой. Как бы обозначив его вечно искательскую натуру – неправильную, андеграундную и никаким боком не вербальную, –

А ещё потому, что проклятой писательской интуицией чувствовал единственно возможное завершение этой судьбы. Так что назвал иначе ещё и “на счастье”. Чтобы в реальной жизни написанное — не сбылось никогда.

Не помогло.

: Он умер на православное Рождество 2009 года. Рак лёгких. Как длились его последние месяцы, описывать не буду. На похоронах были наши друзья из всех подмосковных Систем. Не только Никитский Круг. И не только москвичи. Кто-то сказал: умерла душа Никитского Круга. Его поправили – “душа спелестологии”. Ибо уже давно Юра был не наш — *всехинный*.

Утверждение, что “умерла душа”, готов оспорить. По крайней мере в том смысле, что у тех, кто пришёл его провожать, тоже есть души. Иначе бы не пришли. Так что душа осталась – просто сжалась в ступоре боли.

И останутся его картины и наши никитские “маразматки”. Которые без рисунков Юры и его волшебного оформления невозможно представить. [О, как мы творили их — почему-то всегда в ночь накануне выезда, и самый “пик маразма” захлёстывал нас в четыре часа утра...] Последнюю газету сделали на его сороковой день. Днём. В ней оставили пустые места, где *должны были* быть его новые рисунки.

: Их больше не будет. Как не будет новых газет-маразматок.

А вот Старица, конечно, останется. Останутся Никиты и Сьяны, и горная Абхазия, и бывший российский Крым, и украинская Подолия,— и прочие места, хранящие его следы. Представить *без Юры* наши будущие старицкие выезды я пока не могу. Хотя, конечно, придётся. Уже через неделю.

— а ещё Юра Очень Любил Блюз. И между прочим, здорово исполнял. Блюз не терпит *абсолютно точного слова*,— ибо главное в нём: точная интонация. Эмоция, образ. Предельная искренность.

‘Абсолютной тошноты’ Юра никогда не любил,— ему казалось бессмысленным моё кропотливое “вылизывание текстов” — из-за чего мои вещи приходилось перечитывать по два, три, четыре раза... Иной раз “с шагом” в один год.

А потому своё посвящение ему я написал так, как ему было бы ближе —

: *блюзом*.

Точнее — как оно прозвучало. Внезапной космической диктовкой, когда я дошёл до этой главы.

Возможно, текст его мне продиктовал сам Юра.

В предчувствии нашей новой старицкой поездки.

Или — неизбежной и радостной встречи.

Ибо в тексте этом подозрительно много цитат из тех песен, что Юра любил.

— “и вообще”: исполнять *этот текст*

можно только *его голосом*.

Хоть в нём и говорится о Юре от моего лица.

: Такой вот парадокс.

Парадоксы Юра любил.

LAST BLUES

Тяжело в гору ревёт УАЗ
Он шины свои сносил
И пусть тоска обнимает нас
Вдвоём нам достанет сил
Подняться в гору на этот раз
Подняться вверх и на этот раз
: Двуликую я молил

А за спиною – уже внизу
 Останется лагерь наш
 Где мы живём каждый май в году
 И машешь ты мне рукой сейчас –
 Внизу оставаясь за всех за нас
 Хоть день, хоть два продлевая нас
 На Старицком берегу!

Где солнце блестящей гирькой часов
 Тянуло за горизонт,
 Луна светила сквозь крылья сов
 И новый копался вход,
 Где впополам, и не впополам
 Делились питьё и хлеб
 И каждый день завершался там,
 Где к нам приходил рассвет
 Горел в огне телеграфный столб
 И ветер погоду гнал
 Что в прошлом мы не творим следов –
 Какой-то *мудак* сказал!
 И та земля – всё ж наша земля.
 Её у нас не отнять,
 Картины, краски и тру-ля-ля
 – Как всё теперь описать?
 Какой творили волшебный смех
 Под утро творя себя —
 И дело, выходит, тебе до всех
 И дело такое тебе до всех –
 Как нам до тебя!

: Течёт ушедшее по усам
 И снова идут дожди
 И я не верю своим слезам
 Прости меня, Господи:
 Теперь бы отдал, что угодно, сам –
 Теперь бы создал, что угодно сам –
 И напридумывал, написал –
 Ты только...
 Да что уж теперь – ты там,–
 : До скорого. Жди.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

О летучих мышах говорить и писать можно очень долго — тем более, о старицких. Для желающих погрузиться в эту интереснейшую тему могу рекомендовать интернетное путешествие по двум ссылкам (из множества, на которые мог бы сослаться):

Курсков А. Н. «Рукокрылые охотники» [Москва, “Лесная промышленность”, 1978 г., <http://www.chiroptera.ru/pages-view-38.html>]; «Годичный мониторинг рукокрылых в их зимнем убежище в Центральной России» Ю. В. Глушкова, С. В. Крускоп, Н. В. Федоров [Plecotus et al. 9 (2006): 25-31 УДК 599.426:591.53, zmmu.msu.ru/bats/biblio/glush_06.pdf],—

— не без удовольствия отметив, что второе исследование выполнено в Старицких пещерах нашими друзьями с биофака МГУ.

И тут же отмечу, что одна из самых распространённых в средней полосе России (и самая красивая при том) летучая мышка ушан в Старице почему-то встречается крайне редко. Относительно ночницы их численность всего 1–5 %. Почему — загадка даже для специалистов по рукокрылым.

Поскольку специалистом в данной области не являюсь, гадать не буду. Но вот ещё одна интересная аномалия: ночницы в УБДУКе и ЗК так же, как и в КА2, либо висят плотными скоплениями-пятнами в несколько десятков особей, либо предпочитают горизонтальный сон в небольших кавернах и на полочках-уступах природному, вниз головой, висению на стене или своде.

: возможно, баламутовские ночницы особенные. “Иные, чем прочие”,—

— или поверхностные специалисты по рукокрылым слишком заняты городскими своими делами, чтоб в должной мере уделить внимание подземным практическим работам. Вот и генерируют теории, с практикой “слегка не сходящиеся”.

Одну из которых нам представляется возможность проверить — причём, как говорят наши друзья с биофака МГУ, “специальных знаний для этого не требуется”. А требуется всего лишь в течение двух недель “посидеть с блокнотом и ручкой напротив входов во время вечернего мышиноного вылета, и добросовестно фиксировать вылет мышей — его характер и количество особей, вылетающих тем или иным способом”. То есть по два-три часа каждый день.

: Дело в том, что весна 2009 года “запоздала” примерно на две недели. Что позволяет проверить господствующую теорию о том, что летучие мыши просыпаются от зимней спячки, руководствуясь некими “внутренними биологическими часами” — и ничем иным.

То, что мышки наши иной раз просыпаются среди зимы и нарезают в подземных пространствах километры полётов неизвестно, ради чего (и что этот факт нам хорошо известен), ортодоксальных теоретиков не парит. Что случайно разбуженная во время спячки мышь нормально засыпает после пробуждения, а не умирает от бескормицы (как ей советует теория) — тоже.

Согласно теории, первые вылеты ночниц должны начинаться в Старицком районе в середине апреля; в последнюю декаду апреля все мыши должны пробудиться и активно летать на поверхности, истребляя первых насекомых.

Но весна запоздала, и последняя апрельская декада по температуре воздуха и состоянию наземной флоры более соответствует середине апреля – если не его началу.

: замечательная возможность проверить теорию. В соответствии с которой, кстати, сезонное начало вылета летучих мышей делится по своему характеру на два вида. В одном мышка вылетает, делает несколько кругов около пещерного входа – и убедившись в том, что климат охоте не благоприятствует, убирается обратно в пещеру: спать дальше. Во втором – не взирая на климат, улетает на охоту.

Считается, что поведение первого типа свойственно взрослым мышам — поведение второго молодым, менее опытным.

Если права теория “биологических часов”, вылетов обоого типа должно быть поровну, причём одинаково для всех пещерных входов при равной численности популяций. Начиная со середины апреля – и до той поры, когда количество комаров и мошки не станет оптимальным для охоты. То есть до начала мая.

Взрослые, опытные мыши должны вылетать, крутиться около входа – и оценив шансы на прокорм, возвращаться к месту ночёвки. Спать дальше, понапрасну не тратя силы.

Молодые одногодки – лететь на охоту, тратить калории (запас которых у летучей мышки минимален) на голодный полёт и возвращаться ни с чем. После чего их становится меньше.

УБДУК – идеальный полигон для наблюдений. В пещере два независимых входа, и два уровня, этим входам соответствующих. При этом уровень Уголька ниже БезДелУшКо на метр и благодаря верхнему люку Дыры Олеся зимой промораживается так, что в привходовых гrotах в середине мая температура около -10°C . [Это позволяет нам использовать Уголёк в качестве природного холодильника – ледник, что образуется в его привходовой части за зиму, тает лишь к началу июля.]

В БезДелУшКо нормальный старицкий микроклимат – круглый год около $+6^{\circ}\text{C}$.

Количество летучих мышей в обеих частях пещеры примерно одинаково, – приблизительно по 200 особей в каждой. При этом около 150 висят плотными скоплениями от 10 до 40 штук, около 50 предпочитают одиночный образ жизни. “Неправильных мышей”, спящих в горизонтальном положении, в каждой части пещеры около 20.

Наблюдения наши длятся две недели, и всё это время соотношение одиночек и любителей групповой ночёвки не меняется.

Время наблюдения – с 21.00 до 23.00. В верхней строке данные по Угольку, в нижней по БезДелУшКо.

дата	крутятся у входа	вылет на охоту	возвращение	наличие комаров
25.04.2009	— 5	— 4	— 2	— —
26.04.2009	1 9	1 8	1 1	— +
27.04.2009	— 2	— 2	— —	— —
28.04.2009	— 1	— 1	— —	— +
29.04.2009	— —	— —	— —	— —
30.04.2009	— —	— —	— —	— —
1.05.2009	— —	— —	— —	— —
2.05.2009	— —	— —	— —	— —
3.05.2009	— 7	— 8	— —	— +
4.05.2009	— 16	— 18	— —	— +
5.05.2009	— 24	— 25	— —	— +
6.05.2009	— 20	— 38	— —	— +
7.05.2009	— 15	— 50	— —	— +
8.05.2009	1 5	2 75	— —	— +

Из таблицы видно, что первая волна вылетов началась с опозданием на неделю, но быстро кончилась; настоящий вылет начался, когда температура на поверхности поднялась достаточно для роения комаров. При этом из Уголька, чья температура оставалась отрицательной, вылета мышей не было – не взирая на “биологические часы”, мыши в Уголке продолжали спать.

Возможно, что они просыпались — но температура пещерного воздуха выходу из зимней спячки не способствовала.

Из чего следует, что если “биологические часы” и играют в весеннем пробуждении рукокрылых какую-то роль – роль эта не самая главная.

: *Вылет определяется температурой наземного воздуха и наличием корма – а также незначительными, но важными для мышей сезонными изменениями температуры пещерного воздуха и его влажности, обусловленными потеплением на поверхности.*

PARANOYA

Помимо “спелеобиологической программы”, на майском выезде 2009 года приступаем к вскрытию древних кустарных выработок приволжских склонов – как уже было сказано, не с целью установления новых подземных рекордов, но чтобы достоверно понять технологию местной добычи камня.

Правда, на день эта работа задерживается – ибо по приезду мы обнаруживаем, что вход в ЗК замыло весенним оползнем склона. Так как ЗК теперь наш основной источник питьевой воды, приходится заново вскрывать дыру и укреплять навес в месте его контакта со склоном.

И лишь на другой день приступаем к первому разведочному шурфу в массиве меж Дырой Олеся и Страной Чудес Без Тормозов. Вскрытие начинают наши друзья из Володар, принимающие участие в выезде. Но время их “старицких гастролей” ограничено, и по их отъезду уже установившийся сборный состав “Силикаты/Никиты” продолжает работу.

Через рекордно малое время которой (около полудня, причём основные трудности были связаны с извлечением их раскопа пары стокилограммовых скальных фрагментов) открывается вождеденный вход в полость. Затаив дыхание, влезает в оную – и выдыхает не без раздражения: да, мы понимали, что километровой результата не будет – но что он ограничится пятью метрами одиночной камеры с абсолютно-монолитными стенами...

: Явно тупиковый забой, причём одиночный.

Не желающие сдаться Зомби и Чёрный Крыс насилуют бутовый отвал у самого входа – но прибавляют лишь два метра шкуродёра. Упирающегося в тот же монолит. Или цельное обрушение свода.

Дыра очень уютная, по-своему даже показательная – и входом своим, и внутренним видом, – очень подходит для тренировки детишек.

Но размеры её смехотворны.

Нарекаем её “Ведро!” – в честь главного вопля принимавших участие в финальной стадии вскрытия. Ибо то копающийся на дне шурфа требовал означенный предмет, а ему его не давали, требуя пересменки, – то скупающие на поверхности требовали ведро, наполненное грунтом. А наполняющий его увлекался атакой на очередной мешающий камень.

6 мая приступаем к новому вскрытию – на этот раз в массиве КА2, на его волжской стороне.

В раскопе работают Зомби, Чёрный Крыс, Страшный Зверь, Гера, Санта, Атеист и я.

Погода “не балует” — а потому над шурфом приходится натягивать запасной тент. Хорошо ещё, что из-за холода и работать не жарко, и комары не достают.

Склон выше точильника испакощен провальными воронками – что говорит не только о наличии Системы, но и о её полузаваленном состоянии.

Однако, справа и слева от этого точильника воронок на порядок больше – так что шансы на вскрытие Системы не самые призрачные. Да и рамка в моих руках уверенно рисует сетку ходов за воронками и меж ними — причём, к моему удивлению, эта сетка подозрительно смахивает на КА2...

Считается, что наша топосъёмка КА2 едва доходит до этих окоёмов – ограничиваясь глобальными обрушениями Фиолетовой страны. Понятно, что привязанная к единственному, и весьма отдалённому от этого места входу, она не может быть идеально-точной, – да и многие никитяне начинают полагать, что КА2 разрабатывалась лишь вдоль оврага, на свободных от частного промысла участках...

Это мнение разделяют СТА и Юра Долотов, и наши коллеги-конкуренты из министерского “Чёрного Солнца”. Правда, периметр КА2 в Синей и Фиолетовой странах как-то странно вытягивается вдоль берега Волги, и тамошние откатные штреки не желают указывать на овраг, а указывают острыми углами соединяющихся штреков в сторону Волги –

От которой эти остроугольные соединения отделяет большой колонник Синей страны. Поскольку проследить откатные пути в колоннике, пол которого более чем наполовину перевален случившимися обрушениями, невозможно, сторонники “овражной версии” разработки считают “волжский вариант” фантазией. Мол, крестьянские заломки, принадлежащие частным владельцам, не оставляли артели иного выхода, как бить свои ходы из не тронутого добычей камня оврага – обходя кустарно-частный промысел длинными откатными путями. Через тот самый колонник.

Косвенный вывод из этой версии разработки КА2: Система на деле не столь большая, как нам показалось “с начального перепуга”. Километров в десять-пятнадцать, не более. Даже если считать колонник не по охватываемой площади, а суммируя длину проходов меж практически равных им по объёму колонн-целиков.

Сторонники “длинной версии” КА2 апеллируют к тому, что тащить камень на поверхность в овраг по протяжённым штрекам было экономически не выгодно, и зачем в Голубой, Синей и Фиолетовой странах так глубоко забуриваться в монолит, оставляя “недовыработанный” пласт в Зелёной, Жёлтой, Оранжевой и Красной?

Дальние точки забоев Фиолетовой страны по нашей съёмке удалены от борта оврага на 250 метров – в то время как краевые забои Жёлтой, Оранжевой и Красной – всего на 100. А Инфракрасной – не более, чем на 50÷80.

: Спор заходит в тупик.

– но что толку в спорах? Предпочитаем копать. А там видно будет.

Возможно – выйдем в Фиолетовую страну. А возможно – в Ультрафиолетовую, попытки пройти в которую из-под земли мы пока приостановили.

: Копаем. Под соответствующее звуковое оформление из колоночки выездного плэера Чёрного Крыса. Поначалу, как обычно, раскоп идёт тяжело и с обильной бранью – переплетение древесных корней и мелкого осколочного бута равно трудно поддаётся и монтажке, и современным лопатам.

А когда углубляемся на метр, фронт раскопа начинает съезжать на нас.

Приходится крепить и расширять шурф, делая его стены более пологими.

Затем наступает черёд неприподъёмных булыганов. Из их положения все приходят к однозначному выводу: вход был взорван. [“Эка невидаль...”]

Но взорван столь хорошо, что даже кровля над относительно уцелевшим штреком находится в слишком расколотом состоянии. С явной депрессией не только в раскапываемый штрек, но и в сторону Волги.

А потому трижды в процессе раскопа оползает-падает на нас.

И хоть дальнейшее вскрытие этого точильника выглядит параноидально, раскопок не прекращаем.

Вскрытие заваленных входов в старицкие пещеры вообще напоминает паранойю — о чём я писал выше. А тут просто лютый рецидив: прекрасная погода на поверхности (“не холодно, не жарко”) и окружающие, уже вскрытые нами подземные километры, что ждут своего дальнейшего исследования и очевидно необходимой топосъёмки, — остановленной из-за вскрышных работ, не сулящих никаких новых открытий, —

— и отложенные на неизвестное “потом” триумфальное соединение ЗК и УБДУК, разведочные шурфы в Клаве НКВД и в Зажопье Лисей, что уже добрались до козырьков сохранившихся штреков...

Вместо гарантированного триумфа — копаем чёрт знает что с непредсказуемым результатом. Да ещё в столь суицидальном обвальном месиве.

: Паранойя, да и только.

Но на другой день входим в полость — вначале из открывшейся на дне шурфа левой щели (оглядев свод и завальные пазлы впереди, попытку эту временно оставляем), — затем из правой. Которая вначале никакого успеха не сулит, и даже поворачивает обратно к реке...

Но как-то лихо во время очередного сползания стенки шурфа открывает нам небольшой грот. В котором один человек может развернуться. Главное при этом манёвре — не задеть потолок. Камни которого не висят друг на друге, а парят в воздухе.

: Проход в сторону бывшего штрека из этого гротика перекрывает косо лежащая плита. Дальний её конец выше ближнего к реке — значит, за ним не заваленный штрек. Или почти не заваленный.

Помучавшись, пробиваем под ней отверстие, в которую можно засунуть голову. Видим штрек.

Но приходится отвлекаться на новый крепёж шурфа — раздробленная взрывами вскрыша, она же фронт раскопа, снова начинает ползти на наши головы.

Выжидаем обвал и стоически вынимаем из шурфа новые непрошенные кубометры скально-глиняной смеси.

После изготовления полномасштабного двойного перекрытия шурфа с диагональными распорами и гидроизолирующей тезой продолжаем раскопки.

Входим в Систему.

Вся длина её — 10 метров. С учётом привходового гротика и продолбленного под плитой шкуродёра — аж 15.

Проводящие разведку Зомби и Крыс говорят, что штрек оканчивается неразбираемым по определению завалом. На поверхности над завалом – воронка.

Но точно так же за пару часов до того было непонятно, как поднырнуть под прикрывавшую проход в штрек плиту. Однако же – поднырнули. И фронтальную стену раскопа зафиксировали так, что никакой обвал ей более не грозит. Как и свод первого грота.

Я ныряю в штрек после ребят и вижу, что с точки зрения никитянина, завал не столь страшный. Проверяю мысль монтажкой.

Ребята за моей спиной тем временем расширяют и очищают от лишних обломков сам штрек.

Когда убеждаюсь, что намеченный разбор завала к новому обрушению не приведёт, уступаю своё место.

И через 40 минут мы входим в основную часть Системы.

Посмотрев на ландшафт которой в режиме “затаив остатки дыхания”, однозначно называем её Паранойей. Ибо больше всего этот ландшафт напоминает фотографию глобального обвала, этакий “стоп-кадр”, –

— кажется: чихни, и процесс продолжится в полную силу.

А потому ни чихать, ни кашлять, – ни громко думать – не решаемся.

Обходим дыру — вся её длина, по первоначальным прикидкам, не более 150 метров, – и выносим вердикт: здесь замечательно тренировать юных топосъёмщиков, юных спелеоориентировщиков и юных спасателей – причём одновременно.

: Более она ни для чего не пригодна.

“Пароноидальному вскрытию – пароноидальный результат”.

После посещения Паранойи в обильно переваленном Угольке можно отдыхать, как в родном доме – чувствуя себя под его опасными булыганами, как под сводами противоатомного бункера.

Зомби, Гера, Санта и Крыс уезжают в Москву; мы с Атеистом, Страшным Зверем, Оlichem “на хозяйстве в лагере” и моей дочерью остаёмся ещё на пару дней.

Зверь проводит в Паранойе фотосессию; пока он сражается с аппаратурой, я штурмую её окоёмы. Прибавляю ещё пару десятков метров.

В двух местах открываются небольшие окошки с тягой воздуха – но разбор их столь проблематичен, что даже я отступаюсь.

Уж слишком “ни на чём” висят над головой глыбы. Да и стены – ближе к карточному домику.

Единственное место, которое можно попытаться продолбить без риска для жизни – естественная трещина, причём накатанная лисьим ходком – требует долгой работы кувалдой и зубилом. И что откроется за ней — неизвестно.

Единственная интересная находка геологического рода (помимо привычных для Старицы натёков и кальцитовых друз) – конус чёрной юрской глины, просочившейся в доледниковые времена в тектонический разрыв пласта: в Никитах и прочих подмосковных дырах этой глины “более, чем дофига”, ибо она перекрывает каменноугольные отложения — в Старицком районе юрские

глиняные пласты были начисто срезаны ледником. А потому находка настоящего чёрного конуса воспринимается, как нечто родное. На уровне артефакта.
— И только.

НОЧЬ ПЕРЕД РАСКОПОМ

*Ночь предоставила право мечтать,
Или просто забыть до поры
Городской суеты окоём,
Ну и о том, что придётся копать,
И о том, что звенят комары
На чужом берегу об ином...*

*День был так прожит – как будто сгорел.
Так проносится мимо беда
Со старухой с косою, смеясь,—
Цель – ты, наверно, не зря уцелел,
Устремляясь безумно сюда,
По каньону на глине кружась...*

*Тент успокоит и дарит тепло
И под ним так уютно сидеть,
И общенью с друзьями внимать,—
Дождь барабанит как будто назло,
Демонстрируя капелек смерть –
На него нам как будто плевать...*

*Вход будет завтра – красив и высок,
Ты успеешь ещё позабыть,
Что нажил себе столько врагов –
Ну, а пока созерцай костерок:
Он подскажет тебе, может быть,
Геометрию новых ходов...*

VISUM

Следующий выезд делаем, как заведено, на “День Независимости” (от ко-го Россия получила эту “независимость”, никто понять не может – но три дня праздника даруют нам три старицких дня, а потому ничего против никто не имеет). Первое открытие: буквально за пару дней до нашего приезда какое-то необычайное стихийное бедствие цунами прокатилось по Баламутовскому

оврагу – в результате чего его волжское устье выглядит неузнаваемо. Глубина новопромытого русла в несколько метров, ширина соответствующая – объём каменных обломков (вес многих из них превышает центнер), вынесенных в Волгу, исчисляется десятками кубометров.

Очевидная мысль у всех: прорвало какую-то мощную подземную водяную линзу. Ибо вокруг оврага никаких разрушений не видно. Детально обследуем овраг вплоть до его верхней части, что лежит заведомо выше наших пластов — но никаких следов выхода подземных вод и открывшихся естественных каверн не находим.

: Так и остаёмся в недоумении.

В Паранойе решаем пока не работать [“пусть выстоится”], новых шурфов не творить – все усилия посвящаем УБДУКу.

: Дело в том, что ещё в прошлом году мы с Атаманом обнаружили почти на стыке БезДелУшКо и Уголька трещину шириной сантиметров в пять-десять и длиной около метра. За этой трещиной был виден прекрасно сохранившийся штрек, ведущий откуда-то со стороны Уголька в глубину массива.

В самом Угольке тоже был найден штрек – с угольковыми полузаваленными объёмами почти не контактирующий, проходящий насквозь через старые разработки – и упирившийся в обвальный тупик.

Осенью 2008 года я сбил Уголёк и БезДелУшКо — и стало ясно: это один и тот же штрек. Судя по размерам – откатной штрек поздней артельной разработки.

Поскольку долбиться в него через монолит БДУК было “немного суицидально” – свод в гроте перед трещиной внушал мысли о Вечности, — начали проходку из Уголька.

За выезд прошли около двух метров – на большее не хватило времени. Но “направление взяли”. И получили доказательство: *небольшие приволжские разработки проходились поздними артельными выработками насквозь.*

Так что “Ведро!”, УАЗ и Комическая ещё ничего не значили.

Главное – найти место, где кустарные полузаваленные Системы пронзают более поздние штреки.

Проверить эту теорию можно было, продолжив вскрытие Большого штрека Уголька; можно было новым шурфом в районе “Ведро!”.

Или Паранойи.

Нерешённая загадка топологии КА2 склоняла к последнему варианту.

На августовском выезде погода благоприятствовала наземным раскопкам.

Нас было четверо – я, Олич, Глаша и Атаман.

Глаша и Олич остались в лагере на очевидно-неизбежных работах (дрова, вода, готовка пищи); мы с Атаманом пошли к Паранойе. Атаман сказал, что в Паранойю его не тянет, а тянет дальше по склону.

: Меня тянуло точно так же.

Из двух зримо удобных вариантов выбрали тот, в который обоим тянуло сильнее.

Пока Атаман, руководствуясь спелеоинтуицией, осматривал фронты то-

чильников, я в очередной раз походил с рамкой по выполаживающемуся склону за ними. Кажется – уже в четвёртый.

: Как и в прошлые разы, рамка показала: впереди ходы, как в КА2. То есть – приволжская хаотическая выработка с обилием проваль-ных воронок, за ней нечто вроде колонника, а за ним – расходящиеся лучами штреки фронтальных забоев. Удаляющиеся от волжского склона на 100÷150 м.

Причём показала рамка все эти ходы в тех же самых местах, где и в первые три раза. Вне зависимости от того, каким маршрутом и с какой стороны я рассекал по шахтному полю. Через какие бы буреломы ни продирался.

Решили, что это может быть вожденная Ультрафиолетовая — и начали копать.

Первый метр прошёл в борьбе с камушками и корешками, — причём особенно мешалась ель, выросшая точно по центру нашего раскопа. Второй вариант, который мы назначили запасным, был без ели (и в первом, и во втором варианте точильники были на метр-два глубже прочих и с очень крутым фронтом) — но интуиция сказала обоим: КОПАТЬ ЗДЕСЬ!

: Ель елью, а с интуицией не спорят.

Когда эксгумировали остатки елового пня с сопутствующей корневой системой и миновали подлый каменно-корешковый слой, войдя в привычный каменно-глиняный, работа пошла легче. Со страхом ждали появления монолитов, подобных вытащенным из шурфа Паранойи – с которыми едва справлялись силами шести человек, а также полиспаста “имени Зомби” и направляющих слег “имени меня” —

Но их не последовало. Раскоп вообще шёл удивительно легко – даже фронтальная стенка его не демонстрировала никакой депрессии и уже в конце первого метра проходки явила нам нетронутый монолитный целик; под ним – свод вторичной гравитационной камеры. Притом монолитно-прочный, — по крайней мере, по старицким понятиям.

Стало ясно, что мы вышли на вершину обвального конуса.

Прервались на ливень и обед.

После обеда я покопал буквально час – и открылись щели с тягой пещерного воздуха.

Но уже темнело. Налобник я не брал принципиально – “чтоб не вспугнуть дыру”.

На другой день втроём с Атаманом и Глашей вернулись в раскоп. И буквально через час работы без всякого напряжения вошли в дыру, размеры которой не могут не поражать –

... ибо это была КА2. Причём к полному нашему удивлению – не Фиолетовая или Синяя, а её Голубая страна.

Из чего следовало: КА2 действительно разрабатывалась не только вдоль оврага, но и вдоль волжского склона. Проходя своими центрально-откатными штреками старые крестьянские заломки.

А ещё из этого следовало, что размеры КА2, — даже если не удастся войти “с-под-низа” в Ультрафиолетовую страну — ближе не к 10, а к 40 км.

В самом непроходимо-заваленном случае — к 30. Топосъёмка которых,

как и вскрытие возможных продолжений, дело будущего – гадать о коем всегда преждевременно.

Ибо Творческая Фантазия – штука, безусловно, хорошая. Особенно в сочетании с визионерством. Однако, когда имеешь дело с Подземлёй, даже самые выверенные и прекрасно обоснованные действия частенько показывают тебе в результате когда “полную жопу”, а когда “не очень”.

А кому-то рядом, не замороченному теориями и кондовыми представлениями, улыбается Госпожа Удача.

Так что строить планы будем, но не будем их оглашать.

: остановимся на том, что достигнуто нами в Старицком районе – и нашими коллегами из других спелеогрупп.

КОММЕНТАРИЙ К КАДАСТРУ

В каждом спелестологическом районе есть пещера, что его символизирует. Когда в Ближнем Подмосковье мы говорим “Володары” – подразумеваем “Курья”; когда говорим “Подольск” – подразумеваем “Силикаты”. Домодедово автоматически ассоциируется у нас с Никитами; Ленинская со Съянами.

Хотя иных каменоломен в каждом из этих районов хватает.

Удивительно, но в Старице этот принцип *не срабатывает*. Ибо для Никитского Круга главная Система района – безусловно, Лисья. Для “новых никитян” это, конечно, КА2. Для иных Сельцо или Дохлая Барсучья.

— Кто-то млеет от зимнего снежно-ледового убранства Ледяной, кто-то преклоняется пред размерами Капкана и его просто чумовой энергетикой, – кто-то в каждый приезд в Старицу навещает лишь одному ему известную крошечную пещеру, натёчно-кристаллические красоты которой начисто отвергают мысль о поездках в пещеры Кавказа и Крыма ради любования “примерно тем же, только в гипертрофированно-искажённом масштабе” —

: У каждого из нас своя, персональная Старица. В душе.

В следующей главе я попробую дать сводный реестр открытых и исследованных нами старицких пещер-каменоломен, руководствуясь принципом деления района на спелестологические блоки – ограниченные с одной стороны берегом Волги (или бортом каньона её притока), с двух других рассекающими скально-известняковый массив балками. Глубина которых не допускает существование под их тальвегами пещер – ни верхнего, ни нижнего яруса разработки.

В основе предлагаемого реестра частная информация В. Мальцева, А. Макаренкова и Ю. Д. Агафонова, дополненная исследованиями Никитского Круга [РОСС], а также А. Парфёнова, Ю. Долотова и М. Сохина [РОСИ] и В. Тютюнова [Министр, “Чёрное Солнце”].

– Замечу, что спелестологический Старицкий район не

совпадает с административным Старицким районом: южная (верхняя согласно течению Волги) его граница проходит в районе Родни, нижняя (северо-восточная) – у д. Верхний Спас. Прочие границы весьма условны, ибо камень разрабатывался, как правило, вдоль бортов речных долин Волги и нескольких её притоков; разработки не удалялись от них на расстояние, превышающее 1 км. Соответственно, там их и можно условно провести.

Согласно принятому в РОСИ/РОСС принципу спелестологического районирования местности (спелестологическая страна → спелестологическая провинция → спелестологическая область → спелестологический район → спелестологический участок → спелестологический блок → пещера), название *участка* было дано относительно города Старица и принадлежности к тому или иному берегу Волги: Верхний Правый спелестологический участок, Верхний Левый спелестологический участок, Нижний Правый и Нижний Левый.

Блоки назывались по ближайшей деревне (где, скорее всего, проживали разработчики каменоломен). В случае, если “зона работы” этого населённого пункта разделялась балками на несколько независимых блоков, они именовались по течению реки сверху вниз: верхний, средний и нижний.

Нумерация блоков производилась от моста в городе Старица вверх и вниз по течению реки, независимо по каждому берегу; за названием блока указана его приблизительная длина в метрах. Которая, конечно, при проведении более точных исследований может быть изменена в ту или иную сторону.

В случае, когда изначально независимые полости, разрабатываемые артелями или семьями, соединялись случайными (или намеренными) сбоями в общую Систему, ей давалось название более крупной или исторически первой описанной полости; если размеры или историческая последовательность вскрытий не позволяли установить преимущество одной из составивших Систему полостей, название предложено писать через дефис или разделительную черту (/). Римскими цифрами маркировались Системы, лежащие в пределах одного блока и не имевшие установившихся исторических названий. Если полость поздними обвалами рассекалась на несколько, имеющих независимые входы, для различения полостей к общему названию прибавлялась прописная буква русского алфавита (а, б, в, г, д).

В квадратных скобках указаны наиболее распространённые названия известных полостей, данные в разное время независимыми исследователями.

Исторической справедливости ради следует сказать, что впервые деление спелестологической местности на блоки было предложено А. Макаренковым и В. Мальцевым в начале восьмидесятых годов, и именно применительно к Старицкому району. Столкнувшись при исследовании и описании его пещер с неадекватным толкованием местонахождения той или иной полости, они первыми предложили разбить территорию района на блоки, ограниченные с одной стороны бортом долины Волги, с двух других – рассекающими этот борт оврагами или балками. В моём архиве есть поблочное, причём весьма подробное, описание Старицкого района, датированное 1982 ÷ 1985 гг. Выполнено оно А. Макаренковым [Сэм], В. Мальцевым и Ю. Агафоновым

[ЮДА], и точность его весьма высока — по крайней мере относительно уровня наших представлений о каменоломнях Старицкого района того времени; именно это описание легло в основу предлагаемого мной кадастра.

Следует также сказать, что при сведении собранных нами данных и упомянутого описания мы столкнулись с некоторой некорректностью (если сказать мягко) длин блоков, обследованных экспедициями семидесятых/восемидесятых годов — в результате чего не смогли отчётливо привязать к карте ряд блоков, описанных В. Мальцевым на обследованном нами участке. Возможно, виной тому труд переписчиков рукописной информации, полученной Никитским Кругом через посредников < при таких ошибках 8 легко мутирует в 3, и наоборот >; возможно, склоны прорезали новые балки, не учтённые за их тогдашней незначительностью. В двух случаях вскрытые нами пещеры прошли под незначительной глубины балками, слив соседние блоки в один. Возможно, уже в ближайшее время таких “нарушителей конвенции” прибавится — что ж, перепишем кадастр.

А пока пользуемся тем, что имеем.

Особо замечу (ибо эта тема для некоторых спелестологов весьма болезненная), что *применительно к Старицкому району понятие “приоритета” в отношении открытия (вскрытия) пещеры является по меньшей мере эфемерным понятием (если не сказать: вздорным)*. Ибо в исторической перспективе:

1) Каждая каменоломня так или иначе называлась теми, кто её разрабатывал, и если говорить о каком-то “приоритете” — безусловным является приоритет разработчиков Системы.

2) В двадцатые/тридцатые годы прошлого века старицкие каменоломни были доступны для посещения и обследовались не только мальчишками иль любопытствующими местными жителями — спелеотуристами и геологами тоже.⁴⁶ Они давали пещерам свои названия, которые ещё можно узнать из расспросов местных жителей. В 1947/49 гг. сапёрными подразделениями НКВД входы во многие пещеры Старицкого района были уничтожены; в дальнейшем вскрывались сами, в силу просасывания и гравитационного перемещения грунта, или в результате норообразующей деятельности барсучков и лис. Коим спелестологи зачастую обязаны не менее, чем собственному труду по поиску и повторному вскрытию Систем.

3) Уже вскрытые пещеры в силу разрушающих процессов техногенного карста часто обрушивались, меняли конфигурацию ходов или закрывались — что приводило к их неизбежному повторному обнаружению/вскрытию. Причём так как полость морфологически не походила на имевшееся описание, делался ошибочный вывод: вскрыта новая, неизвестная дотопе пещера. Коей естественно присваивалось новое имя.

⁴⁶ Например, Систему Подарок в тридцатые и сороковые годы посещал некий Пан Точило — замечательный ник для эпохи сталинизма, не правда-ли? Лисью и другие пещеры Щаповой горы активно изучал в двадцатых годах Беляй [Бяляй] со своим другом Тяткой.

4) Исследования Старицкого района велись в течение 30 лет разными командами из разных городов; в советское время исследователи старицких спелестологических закров не имели не только никакой связи друг с другом – просто не догадывались, что они не единственные, кому интересен этот район. А потому каждой найденной или вскрытой пещере давалось своё, оригинальное имя. Известное лишь в кругу конкретного клуба, группы или круга общения.

Не то что спорить – рассуждать о каком-либо “приоритете” в такой ситуации глупо.

Любимые в Никитском Кругу пещеры Бродяжья, Лисья, Капкан и Подарок – найденные и вскрытые исключительно нашими усилиями – безусловно посещались до нас. Причём не только местными жителями (имею в виду не разработчиков, а тех, кто посещал пещеры из любопытства или с какими-то утилитарными целями), но и спелестологами. О чём свидетельствуют как настенные граффити, так и элементарный здравый смысл, не зашоренный маниакальной жадой славы.

А потому в тех случаях, когда я называю “подземных первопроходцев”, я имею в виду лишь тот факт, что какая-то группа вскрыла (открыла) Систему и присвоила ей современное имя. Утверждать, что они были *абсолютно первыми* посетителями данной Системы, не собираюсь. В то же время мне известно, как минимум, четыре исключения — когда с уверенностью можно сказать: со времён прекращения добычи камня до современного вскрытия Системы конкретными спелестологами в ней действительно не ступала нога человека. Это утверждение относится к Системе Тристоун, входы в которую, по-видимому, были закрыты местными жителями вскоре после прекращения добычи камня методом бутовой засыпки – а потому избежали внимания НКВД-шных подрывников; Системы УАЗ, Конец Светы, ЗубКи, УБДУК и КА2 гарантированно не посещались спелестологами со времён их взрывов сапёрами НКВД в 1948 году. Следов более ранних посещений (любопытствующими пионерами, охотниками, рыбаками и туристами в период с прекращения добычи камня до взрыва входов) в изученных частях также не найдено. Практически во всех остальных пещерах Старицкого района можно обнаружить те или иные “вещдоки присутствия”: сдвинутые камни, следы, граффити, обломанные натёки, копоть, капли парафина и бытовой мусор.

— И последнее. Иные названия старицких пещер-каменоломен-заломок со временем изменялись, что привело к изрядной топономической путанице. Например: Дохлая, Дохлобарсучья, Барсучья, Барсучка, Дохлая Барсучья, Пещера Дохлого Барсука, ДБ и ДХБ – одна и та же пещера. Любители “научных переназваний” и “топономической чистоты русского языка” (считаю и тех, и других *очень недалёкими личностями*) подарили этой пещере ещё четыре названия (упоминать которые не считаю пристойным из обратных их изобретателям соображений). И как теперь называть эту пещеру?.. А вот в противоположность Дохлой Барсучьей со всеми своими производными, Системы Лисья и Лисичка не только разные – находятся на диаметрально удалённых участках Старицкого района; Алиса и

Лисья при этом составляют одну общую полость — Лиса Алиса, вскрытая в 2001 году, находится от них на расстоянии в 6,5 км. Что порой “сильно зашибает” чайников, слышавших спелеозвон – да не определивших, откуда он.

– Ну да ладно. Привожу обещанное описание района, составленное усилиями столь многих людей, что упомянуть заслуги каждого из них возможным не представляется. Фактически в этом описании – доля труда каждого из спелестологов, хоть раз посетившего Старицу.

CONSPICUUM

1. Правый Верхний спелестологический участок:

1. Кладбищенский блок – 1.400 м. Подходы в нижнем ярусе, точильные рвы, привходовые обрушения, ямы для отжига извести. Наклонные транспортные террасы в верхнем ярусе. Спелестологические апокрифы именно с этим блоком соотносят подземный монастырь, устроенный основателями Старицы иноками Трифоном и Никандром, пришедшими из Киевских пещер — и соответственно, легендарную пещеру, в которой пережила нашествие татар “некая старица”. Косвенно в пользу этой версии свидетельствует кладбище, находящееся на территории блока. Сейчас в этом блоке ни одной вскрытой пещеры не известно – но кто мешает “как следует поискать”, вооружившись всем арсеналом современной поисковой и раскопочной техники?..

2. Староямский нижний блок – 250 м. Кам. Староямская (завал после входа); Дохлокошачья (20 м). Подходы в верхнем ярусе, печи для отжига извести, отвалы. Байку, что *в этом месте находилось ПАС ГО*, я не разделяю: все “объекты ГО” – что недостроенные, что выведенные из оборота, что действующие, до сих пор находятся на своих местах и входы в них “несколько отличаются” от привходовых каменоломенных обрушений. [С этой байкой – к Фоменко.]

3. Староямский средний блок – 450 м. Карманная выработка 10 м длиной в верхнем ярусе, потенциальный вход в каменоломню под деревней у дороги в верхнем ярусе; также – отвалы, подходы и ямы для отжига извести в верхнем ярусе.

4. Староямский верхний блок – 1100 м по берегу Волги, 350 м вверх по левому борту оврага, разделяющего Староямский верхний блок и Староямский средний. Главная каменоломня блока – Капкан (ориентировочно до 30.000 м, полное картографирование полости не проводилось). Система обильно украшена кристаллами (кварцита, кальцита) и натёками; разрабатывалась в начале XX века старицкой артелью поверх более древних семейных разработок. За исключением близких к борту оврага и берегу Волги остатков старых разработок, выработка штреко-ортовая, весьма похожая на никитские системы ЖБК и Мартингал (конно-рельсовый вывоз материала, причём обломочно-бутового – тоже; преимущественно деревянный крепёж по типу никитского, сходны размеры штреков и их топология). Высота штреков в пределах 1,8 ÷

2,5 м, ширина от 2,5 до 4,5 м. Применявшееся при разработке освещение лампадное. Есть граффити, датируемые второй половиной XIX ÷ началом XX вв., – рисунки и надписи, также подсчёт добытого камня вертикальными сажевыми штрихами различной величины. Все граффити Капкана имеют безусловную историческую ценность — но особенно важны из них те, где сообщается о прекращении выработки, когда “по указу” НКВД старицкая артель каменотёсов была ликвидирована, “как кулаки”. Перед войной в Системе был устроен партизанский склад оружия и боеприпасов (патроны, винтовки, мины). В начале семидесятых годов он был разграблен “чёрными следопытами”. В 1993 г. совместной экспедицией Никитского Круга (РОСС) и сапёрно-инженерной службой МВО были найдены остатки этого склада, также следы подземного боя, причём с применением огнемётов, и следами “пьянки победителей” (бутылки из-под шнапса и немецкого вина производства 1936 ÷ 1939 гг.) В силу недоступности для массового спелеотуризма в течении десятков лет, в Капкане сохранились в большом количестве исторические свидетельства различных эпох. Помимо многочисленных предметов оснащения и вооружения времён II мировой войны, в одной из древних частей Системы обнаружена подземная часовня с забранной под стекло иконой на коже, изображавшей Вознесение (приблизительно XVI век). Эниологические исследования Никитского Круга 1993 ÷ 1995 гг. показали, что Капкан – наиболее сильно экстрасенсорно влияющая на человека пещера Старицкого района, причём влияние это не лишено некоторой “чумоватости”. Первый вход был вскрыт 8 мая 1993 года [группа “СВАЛКА”, НК] в борту оврага; в 1997 г. во время Старицкой спелестологической конференции группа “Летучие Мыши” вскрыла второй вход в Систему – в борту долины Волги. К сожалению, обвалоопасность обоих входов крайне высока — что отрицательно сказывается на посещаемости Системы и её изученности. К югу от Капкана в борте долины Волги наблюдается 12 потенциальных входов в верхнем и нижнем ярусах, ямы для отжига извести, отвалы – что свидетельствует либо о продолжении Капкана на юг, вдоль берега Волги, либо о существовании в этом блоке ещё одной значительной Системы (а то и двух: находящихся, соответственно, на нижнем и верхнем ярусах разработок).

5. Калошинский нижний блок – 700 м. У северной границы блока в верхнем ярусе ПСП Волчья (30 м, сочетание каменоломни и естественной карстовой полости, вертикальная составляющая полости – 10 м, вскрыта НК в 1986 г.). У южной границы блока каменоломня Рябинка/Калинка (650 м, вскрыта НК в 1990 г.), богато украшенная натёчными и кристаллическими формами (кремь, кварциты, ожелезнённые кальциты и аметисты); сохранность ходов средняя — высокие обвальные колокольни до 6 м высоты чередуются шкурниками в теле завалов и гротами от 2,0 до 3,5 м высотой, шириной от 1,0 до 5,5 м. Между Волчьей и Рябинкой/Калинкой 5 потенциальных входов в верхнем ярусе, ямы для отжига извести, отвалы, точильные рвы. По верхней части борта долины Волги многочисленные провалы и воронки. Возможно соединение Систем Рябинка/Калинка и Волчья (в этом случае длина Системы пре-взойдёт 2,5 км). Терраса у подножия борта долины Волги представляет собой

прекрасное место для экспедиционного лагеря – в 1993 году на ней ставился базовый лагерь экспедиции “Капкан”; в 1997 году базовый лагерь Первой Старицкой Спелестологической конференции.

6. Калошинский средний блок – 800 м. Главная каменоломня блока – Лисья (3.800 м). Первое посещение в 1979 г. [ЮДА, НК], – “официальное вскрытие” и картография в 1985 г. [НК]. Есть сажевые и резаные граффити – надписи, рисунки и штриховые подсчёты выбранного камня – безусловно, имеющие историческую ценность. Система имеет разнообразное натёчно-кристаллическое убранство, – отмечены аметисты, бариты, кварциты и кальциты с примесями железистоокисных и нитратных групп, несколько месторождений мундмилхен; состоит из соединённых сбоями 10 независимо разрабатывавшихся полостей средней длиной от 200 до 400 м. Возможно развитие Системы в южном направлении вдоль борта долины Волги (как минимум, до границы блока) — потенциальная длина Системы не менее 10 км. Наблюдаются лисьи и барсучьи норы с сильной тягой воздуха, подходы, отвалы и точильные рвы в нижнем и верхнем ярусах. На поле перед бортом долины Волги находятся два оврага, оканчивающихся понорами. Они поглощают нивальные воды и выходят в Лисью (в это время по ней течёт ручей, уходящий в трещины бортового отпора).

7. Калошинский верхний блок – 900 м. Подходы, транспортные террасы, точильные рвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести. Лисьи норы с сильной тягой воздуха на верхнем ярусе. Существование единой Системы не вызывает сомнений (прогнозируемая длина ходов, установленная методом лозоходства в сочетании с анализом поверхностных просадок и обрушений, не менее 5 км). Возможно соединение этой Системы с Лисьей, так как разделяющий блоки овраг не глубок (2,5 м в месте выхода в долину Волги) и, судя по всему, относительно молод (развился, скорее всего, на месте привходового обрушения после взрыва входа в Систему в конце сороковых годов XX века).

8. Щаповский нижний блок – 500 м вдоль борта долины Волги, 800 м вверх по правому борту каньона р. Каменка. Ландшафт обращённого к Волге участка блока свидетельствует о разработках как верхнего, так и нижнего ярусов. Каменоломня Бродяжья (350 м) вскрыта экспедицией Никитского Круга в январе 1983 г. Названа в честь никитской группы Wanderers, в которой состоял предсказавший эту пещеру ЮДА. Входом является водопоглощающий понор в глухом устье оврага с временным водотоком; во время паводков ручей полностью затопляет вход, далее течёт по Системе и уходит в полупроходимую тектоническую трещину – выходящую ниже в естественную карстовую полость с постоянным водотоком, имеющим разгрузку в русле Волги грифонным способом — т.е. ниже уровня воды. Бродяжья удивительно притягательна красотой ландшафтных форм (высота проходов от 0,5 м до 2,5, ширина от 1,0 до 4,5 м) и “более, чем обильно” украшена натёками и кристаллами (кварциты, кальциты, бариты, аметисты, кремни, феррумкальциты и нитрокальциты); много выходов охры и окаменелостей среднего карбона. Но экстрасенсорный норов пещеры такой, что в один раз она может показать всё

своё величие — в другой “притвориться абсолютно мёртвой”. По правому борту ущелья Каменки кам. Межевая (~ 300 м); Мокрая [Хитрая] (1265 м, вскрыта в 1976 году группой “Парабеллум” под руководством П. Николаева [Петя-Крот], отснята в 1978 г. А. Макаренковым [Сэм], повторная съёмка выполнена им же в 1985 г.), каменоломня ТрёхОчковая (вскрыта в 2001 году группой “Сова” [НК], до конца не пройдена) и несколько “пупков”, или карманных выработок. Также подходы, транспортная терраса верхнего яруса разработок (в крутом месте борта ущелья укрепленная бутовой кладкой!), точильные рвы, множественные провалы и оседания почвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести.⁴⁷ Нижняя аллювиальная терраса Волги на правом берегу Каменки при её впадении в Волгу весьма удобна для организации базового лагеря при исследовании этого и соседних блоков.

9. Лединковский блок (верховья ущелья Каменки). Кам. Камера (10 м), Сквозная (50 м горизонтальной длины ходов, 8,5 м вертикальной, зал площадью около 50 м²; представляет собой естественную полость карстово-обвально-гравитационного происхождения со следами добычи известняка, имеет три вертикальных окошка-входа и два горизонтальных, из борта оврага); кам. Прогнозная (9,5 м), Равнинная (разрабатывалась в стороне от Волги; вход — вертикальный колодец с полусгнившим срубом, точная длина ходов неизвестна).

10. Шаповский верхний блок — 550 м вверх по левому борту каньона Каменки, ~3000 м вверх по правому берегу Волги. Кам. Базовая (открыта группой “Парабеллум” в 1976 г.; камерно-столбовая и колонно-зальная выработка, 830 м без учёта центрального колонного зала согласно съёмке А. Макаренкова 1982 г. и около 2000 м с учётом колонного зала по съёмке ГКС 1978 г.), — имеет красивое натёчно-кристаллическое убранство; вход — вертикальный колодец глубиной около 5 м (2,5 м до конуса и 2,5 м по глиняному конусу обрушения — провал кровли колонного зала), практически без сопровождающей обрушение воронки, на поляне в лесу в 30 м от верхнего края каньона. Кам. Угловая (~ 300 м, современный вход аналогичен провальному входу в Базовую, но ещё в девяностых годах действовал иной, нижний вход), Еловая (~ 100 м), Весёлая (580 м), Низкая (26 м), Склизняк [Соседка] (современная длина ~ 15 м, в восьмидесятые годы было доступно для посещения около 100 м).

При посещении Базовой следует помнить, что ориентация в её колонном зале крайне затруднена, к тому же в сторону выхода не указывают никакие признаки (типа откатного штрека, тяги воздуха, следа замыва и пр.) В вечернее и ночное время суток также не виден отблеск света с поверхности. Можно несколько часов потратить на топтание по её центральному колонному залу, и

⁴⁷ М. Сохин и некоторые представители Никитского Круга полагают, что каменоломня ТрёхОчковая и “пупки” правого борта ущелья Каменки являются привходовыми частями единой Системы, которую можно соединить с Мокрой с одной стороны, и с Бродяжьей с другой. “А далее с Лисьей.” [“Мечтать не вредно!”]

так и не увидеть красивейших дальних частей – уходящих вверх по оврагу. В 2001 году совместная экспедиция РОСС/РОСИ сбила между собой каменоломни Весёлую, Еловую и Угловую в единую Систему.

Долгое время исследование этого блока вверх по течению Волги не проводилось; отдельные группы посвящали ему лишь поверхностное описание. Летняя экспедиция НК 2007 года подтвердила существование каменоломни – *возможно, в прошлом самой большой в Старицком районе*. По предварительным подсчётам она занимает площадь 2000 X 200 м; при этом ходы шли очень плотно (возможно, она разрабатывалась артелью – так же, как Капкан и КА2). Сейчас поверхность в этом блоке обильно “украшают” провальные рвы и воронки, а также просто исполинские поноры вдоль бывшего фронта выработки. Тем не менее, осталось несколько “недовзорванных” участков площадью около 100 x 100 м, вскрытие которых проблемным не представляется: в 2008 году группе НК (буквально за 10 минут работы сапёрной лопаткой) удалось войти в первый из этих участков. Система названа Клава НКВД – что выразило наше отношение к коммунистическим варварам, на корню положившим самую, быть может, красивую и протяжённую полость района.

Примечательный факт: в районе Клавы НКВД отчётливо наблюдаются ДВЕ ТЕРРАСЫ и ДВА УРОВНЯ ТОЧИЛЬНЫХ РВОВ, – это говорит о том, что в данном блоке добыча камня осуществлялась на двух уровнях. Возможно, именно здесь находится легендарная двухуровневая Система, описанная впервые Петей-Кротом [как теоретическая возможность] и потом усилиями переписчиков и пересказывателей “открываемая практически” то в Молоковских блоках, то в районе Дохлобарсучьей. То поблизости от КА2.

В верхней части блока имеются каменоломни кустарной добычи камня; сейчас НК проводит их вскрытие, и пока невозможно сказать, образуют они единую Систему или нет.

11. Орловский блок – 500 м. Одна карманная выработка в левом борту средней части оврага (Умория); вход в неё на 2005 год замыт. Подходы, транспортные террасы, точильные рвы, множественные провалы и оседания почвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести. Лисьи норы на верхнем ярусе со слабой тягой воздуха. В 2003 году в Интернете появилось сообщение, что тверскими спелестологами в этом блоке в 2001 (или в 1999 году) была вскрыта каменоломня 5 км длиной, названная Лиса Алиса. Обследование блока экспедицией Никитского Круга 2004 года показало, что вход, скорее всего, замыт, а потом тампонирован понором.

12. Яйцовский овражный блок – 350 X 350 X 500 м. Границы блока образуют два оврага, сходящихся в месте соединения с долиной Волги. Подходы, транспортные террасы, точильные рвы, провалы и оседания почвы, отвалы и печи для отжига извести; в обоих оврагах наблюдаются действующие поноры. Лисьи норы на верхнем ярусе с сильной тягой воздуха. В 2000 году группой спелестологов из подмосковного г. Электросталь (клуб “Килятор”) в борту оврага, служащего верхней границей блока, на расстоянии около 200 м от борта долины Волги вертикальным шурфом 0,5 м глубиной была вскрыта Система Белая, состоящая в основном из обширного вытянутого вдоль оврага

колонного зала и примыкающих выработок фронтального типа. Суммарная длина ходов, не входящих в колонник, около 500 м; верхняя (относительно Волги) часть пещеры замята наносным материалом, поступающим из четырёх естественных поноров, поглощающих ручей в тальвеге оврага в 200 метрах выше созданного входа в Систему. Во время сильных дождей по пещере текут несколько ручьёв — таким образом, эта пещера представляет собой сочетание искусственной и естественной полости. Группой Прохора [Никитский Круг] в 1998 году обнаружена полость длиной не более 20 м, подвергшаяся сильным обрушениям, — судя по топологии, отсечённая обвалами ближняя к Волге часть Системы Белой. В мае 2005 года вход в Белую повторно вскрыт экспедицией Никитского Круга; установлена её несомненная связь с естественным карстовым дренажем верхнего оврага. Система Белая отличается несомненной красотой, обусловленной как богатством морфологических (ландшафтных) форм, так и имеющимися натёчными образованиями (сталактиты, драпировки, натёки). Высота отдельных ходов и гротов достигает 3,5 м; площадь колонного зала не менее 2.000 м². Система заселена лисами и ночницами. При должных раскопках замкнутой верхней части пещеры возможно проникновение в естественную карстовую полость, поглощающую воды оврага. Суицидальный уровень данной попытки в сухое время года ниже 0,5; в случае обильного дождя или снеготаяния приближается к 0,99. В борту оврага, образующем нижнюю (северную) границу блока, возможно существование аналогичной Системы.

13. Баламутовский нижний блок — 800 м. Подходы, транспортные террасы, точильные рвы, множественные провалы и оседания почвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести. Лисьи норы на верхнем ярусе с сильной тягой воздуха. В мае почва в глухих концах точильников сильно проморожена — что указывает на обильную диффузию зимнего воздуха в полость, имеющую люковое сообщение с поверхностью. В ближней к Старице части блока против бывших входов наблюдаются полуразрушенные пирамиды (курганы) из крупного бутового камня высотой от 0,5 до 2,5 м. Согласно сообщению В. Мальцева, в начале восьмидесятых годов было открыто три входа в каменоломню, оставшуюся необследованной. 6 мая 2005 года в левом борту оврага, являющегося нижней границей блока, экспедицией НК вертикально-горизонтальным шурфом (2,5 м глубины, 1,5 м по горизонтали) вскрыта Система, названная Страна Чудес Без Тормозов. Суммарная длина ходов пещеры около 1200 м, пещера представляет собой череду фронтальных выработок, идущих параллельно друг другу от Волги вдоль борта оврага на расстояние порядка 350 м; максимальное удаление забоев от привходовой части 50 м. Систему отличает обилие натёчных форм, включающих в себя все известные типы подобных образований (сталактиты, сталагмиты, сталагнаты, драпировки, натёчные коры, забереги, ёжики, кораллиты, жемчуг и пр.), — кроме аэрозольного карста. Уровень обвалоопасности привходовой части Страны Чудес Без Тормозов приближается к 0,75, — в силу чего посещение полости следует проводить в режиме “затаив дыхание”. Верхняя относительно Волги часть Системы (Заливные Луга) замята плывуном, принесённым из

естественного карстового дренажа, при этом часть дренажа проходится ползком без особых трудностей вплоть до поноров (сами поноры непроходимы). Содержание пльвуна аналогично пльвуну, заполняющему верхнюю часть Системы Белая; также аналогичен принесённый с поверхности материал – в частности, свежие веточки елей. Это указывает на то, что Системы Белая и Страна Чудес Без Тормозов соединяются естественной карстовой системой, проходящей под тальвегом оврага – либо представляют собой единую в прошлом разработку, по которой развился карст понорно-промывного типа. Если это так, то можно говорить о наиболее уникальном случае среди всех пещер Старицкого района.

После почти годовых безуспешных попыток в июне 2006 года группой Никитского Круга горизонтальным шурфом в 5 м длиной вскрыта Система Конец Светы, соединённая с июле со Страной Чудес Без Тормозов. Судя по всему, она распространяется дальше вдоль борта долины Волги – но путь в этом направлении преграждает зона обильного замыва наносным материалом, поступившем в Систему из большой провально-понорной воронки. В октябре за этой зоной горизонтальным шурфом со склона была вскрыта небольшая Система (ок. 45 м), названная УАЗ. Проход дальше вправо блокирован циклопником. Меж УАЗом и Концом Светы также вскрыта небольшая полость Комическая (ок. 12 м), блокированная с двух сторон плотными глиняными конусами. Соединение этих полостей в единую Систему проблематично из-за высокой степени разрушения массива.

Перспективный вход в Систему Олеся найден Олесем в экспедиции Никитского Круга в мае 2004 года на дне вертикального провала. В 2005 году начаты вскрышные работы из этого провала и из надвходового обрушения точильника в борте долины Волги. Из-за аварийного состояния свода вскрышные работы остановили, когда во вскрываемую полость уже можно было заглянуть. За провалом, представляющем собой вертикальную полость обвально-гравитационного происхождения, осталось название Дыра Олеся.

В 2007 году НК при активном участии спелестологов из Силикат, Съян и Володар вскрыл систему Уголёк общей длиной около 500 м. Система расположена на углу устья оврага и долины Волги и находится в крайней стадии разрушения – «взрывали её хорошо и основательно». Помимо *просто жуткой* обвальной переваленности Уголёк отличает обилие кварцевых и кальцитовых друз; неподдающаяся вербальной оценке обвалоопасность Системы послужит ей гарантией защиты от спелеовандалов.

Система Соседка в правом борту Баламутовского оврага представляет собой полностью рукотворную пещеру, созданную НК в теле обвала. Суммарная длина ходов этой разведочной полости – 12 метров.

В майском выезде НК 2008 года был проломлен портал центрального откатного штрека в 30 м выше Соседки по оврагу; открытые подземные пространства общей длиной около 3,6 км (максимальная около 5 км) названы ЗубКи [Зуб Кисыча]. От склона откатники уходят вглубь на 80 м, выработка в основном колонно-зальная, фронты в хорошей сохранности, прибрежная часть сильно перевалена завалами, местами крайне неустойчивыми и обвалоопас-

ными. Летучие мыши представлены как одиночками (многие висят нетрадиционным способом – цепляясь за камень не только задними лапками, но и распростёртыми крыльями, или лежат во впадинах стен в горизонтальном положении), так и крайне плотными колониями до 50 штук. Кристаллы, пещерный жемчуг, натёки, озерца, мощный водокап и развитые временные водотоки присутствуют, также обнаружены граффити и остатки утвари разработчиков; удобные для стоянки гроты находятся неподалёку от входа.

В августе 2008 года в том же правом борту оврага ближе к Волге НК была вскрыта БезДелУшКо; в ноябре 2008 года БДУК и Уголёк соединены в единую Систему с суммарной длиной ходов до 2,5 км.

В мае 2009 года меж Комической и Дырой Олеся НК вскрыл небольшую камерную полость “Ведро!”.

14. Баламутовский верхний блок – 1370 м. Щели возле оврагов с тягой воздуха, множественные провалы и оседания почвы. 5 мая 2004 года экспедиция НК вскрыла вход в каменоломню, названную КА2. [Вскрышные работы: Сом, СТА.] Согласно последним исследованиям и проведённой топосъёмке (лазерный дальномер “Leica Geosystems AG”, ГК-2 с лазерным указателем, привязка поверхности армейским GPS с компьютерным сведением результатов в “survex”), а также топологическому анализу местности и сохранившихся ходов, длина Системы находится в пределах 36.000 м. То есть на сегодня КА2 – крупнейшая каменоломня в Старицком районе. Приблизительно половина Системы вытянута вдоль оврага; половина – вдоль долины Волги за более старыми кустарными разработками.

Для удобства описания и исследования Система была поделена на *страны* – ибо то, что мы привыкли называть *внутренними топологическими системами*, в КА2 незначительны по размерам и иной раз выражены недостаточно чётко. В то же время из-за наклона пластов верхняя овражная часть на 2 – 3,5 м выше нижней, ближней к Волге. Страны в целом соответствуют определённым периодам разработки и внутри себя более-менее однородны по топологии и ландшафту, при этом каждая имеет свой “уровень внутреннего горизонта”. Всего стран 8 – от Инфракрасной (наиболее низкой и обваленной) до Фиолетовой, ограниченной циклопниками на стыках с прибрежными кустарными выработками. Вход находится в Жёлтой стране.

Привходовые части пещеры вырабатывались колонным и камерно-столбовым способом; дальние части представляют собой сочетания фронтальной и штреко-ортовой выработок. В Системе обнаружены колонии летучих мышей (ночницы); также одновременно обитают барсуки и лисы. На стенах имеются граффити конца XIX и начала XX века, в том числе весьма пространственные надписи; найдены керамические, железные и стеклянные изделия времени добычи камня. Обвалоопасность КА2 порядка 0,5; обрушения охватывают около 80 % ходов, залов и гротов, но большинство из них обходится либо по верхней вторичной полости, либо по параллельным ходам. Сохранность пещеры оценена нами от 20 (Инфракрасная страна) и 50 (Жёлтая, Фиолетовая) до ~ 90 % (Красная, Зелёная, Голубая и Синяя страны). Имеются сталактиты и драпировки значительной красоты. В верхней, относительно Старицы,

части блока наблюдаются обильные точильные рвы, подходы и террасы, расположенные на двух уровнях.

Полость Паранойя (вскрыта НК в мае 2009 г., ~ 480 м) – отсечённая завалами приволжская часть КА2.

15. Степанковский нижний блок – 500 м. Провал в овраге.

16. Степанковский средний блок – 300 м. *По непроверенной информации спелестологически инертен, нуждается в повторном обследовании.*

17. Степанковский верхний блок – 300 м. *По непроверенной информации спелестологически инертен, нуждается в повторном обследовании.*

18. Ординский нижний блок I ~ 1000 м. Несмотря на прослеженные в нижней части блока 10 образований, похожих на точильные рвы, по-видимому, спелестологически инертен в силу низкого угла наклона борта долины Волги и высокой задернованности известняковых пластов.

19. Ординский нижний блок II ~ 800 м. Отчётливой границы между блоками I и II не наблюдается – если под оной не подразумевать изменяющийся угол наклона борта долины Волги. Подходы, транспортные террасы, около 20 точильных рвов, множественные провалы и оседания почвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести. Лисьи норы и щели на верхнем ярусе с сильной тягой воздуха. В нижней части блока отчётливо просматриваются следы выработок нижнего яруса; все привходовые обрушения носят характер взрывных (датировка по деревьям указывает на конец сороковых годов). В 2002/2003 гг. экспедициями НК вскрыто три камеры-забоя в конце точильных рвов, весь блок отснят на видеокамеру. В верхней части блока просматриваются транспортные террасы, взорванные входы и точильные рвы. Возможно, существовавшая в этом блоке Система полностью ликвидирована взрывами и последующими обрушениями пластов; возможно – в средней и дальней (относительно Старицы) своих частях она сохранилась и уходит в глубину массива.

20. Ординский средний блок – 900 м. Подходы, транспортные террасы, около 20 точильных рвов, множественные провалы и оседания почвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести. Лисьи норы и щели на верхнем ярусе с сильной тягой воздуха. В 2003/2002 гг. экспедициями НК совместно с группой “Чёрное Солнце” [рук. Министр, он же Володя Тютюнов] вскрыто две привходовых части каменоломен; дальнейшее проникновение в них затруднено (несмотря на очевидно большие размеры Систем) в силу циклопичности завалов. Возможные места для вскрытия Систем отсняты в 2002/2003 гг. НК на видеокамеру.

21. Ординский верхний блок – 1000 м. Подходы, транспортные террасы, около 10 точильных рвов, множественные провалы и оседания почвы, потенциальные входы, отвалы и печи для отжига извести. Лисьи норы и щели на верхнем ярусе с сильной тягой воздуха. В 2003/2002 гг. экспедициями НК вскрыто 2 камеры забоя в конце точильных рвов и пещера Подарок ~ 300 м длиной. Блок и Система Подарок отсняты на видеокамеру. *Внешний вид местности и характер обрушений привходовых частей каменоломен Ординского участка позволяет с полной определённойностью утверждать, что входы в*

них были взорваны вскоре после войны 1941 ÷ 1945 гг.

22. Ординско-родненские блоки – следов выработок не обнаружено (информация нуждается в уточнении).

2. Левый Верхний спелестологический участок:

1. Старо-Старицкий блок – 1800 м. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы.

2. Бороздинский нижний блок – 500 м. Каменоломня Пикниковая (40 м). Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы.

3. Бороздинский верхний блок – 650 м. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы.

4. Карьерный блок – 1500 м. Кам. Карьерная (три фрагмента по 10 ÷ 15 м, каменоломня съедена карьером). Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы.

5. Воробьёвский блок – 1600 м. Кам. Федурново-I, Федурново-II, каждая > 800 м. [Согласно описанию В. Мальцева.] Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы. В верхней части борта долины Волги отчётливо просматриваются транспортные террасы. На 2000 год вскрытых Систем не значилось, но в 2005 году старицким спелестологом Андреем Косманёвым была вскрыта обширная каменоломня, названная им Воробьёвской. В дальнейшем название изменено на Крепкослоновую. По-видимому, её можно отождествить с одной из Систем, описанных В. Мальцевым — а то и с обоими сразу. Последняя экспедиция в неё, организованная Ю. Долотовым при участии Андрея, а также питерских и одесских спелестологов [июль 2006 года], показала, что по своим размерам эта Система вполне может составить конкуренцию КА2 – по крайней мере, её привходовой части. То есть суммарная длина её ходов не менее 5 км (и возможно, приближается к 10).⁴⁸ В системе обнаружены граффити разработчиков – в том числе портрет женщины.

6. Федурновский блок – 2000 м. Тяга из нор и щелей, подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы. В верхней части борта долины Волги просматриваются транспортные террасы. До самого последнего времени каменоломен в этом блоке описано не было – за исключением частного сообщения Пети-Крота [П. Николаев], что в конце семидесятых годов им была найдена и обследована небольшая каменоломня, вход в которую впоследствии был утерян. Цитирую сообщение Министра от 12 июля 2007 года:

«При обследовании федурновского блока 5 мая 2007 года было установлено наличие двух ярусов разработки: «Верхний» находится в верхней части

⁴⁸ В этих цифрах я опираюсь на частное сообщение питерского участника этой экспедиции, Максуса. Согласно его сообщению, до конца – то есть полностью по периметру – Система пройдена не была, при этом размеры изученной части вполне тянули на 5 км. И оставшийся неизученным фрагмент сулил, как говорится, “вполне определённые перспективы”...

склона, практически под деревней на глубине 2-4 метра от поверхности, представлен точильниками и воронками. «Нижний» находится на середине склона, ниже «Верхнего» яруса на 7-11 метров, представлен точильниками, идущими с интервалом 7-8 метров по всей длине склона.

9 июня было проведено тщательное изучение «Верхнего» яруса разработки, в результате которого было вскрыто 2 каменоломни. Первая, «Порт-Артур», была вскрыта через провальную воронку. Произвели расчистку спуска в воронку и проходов в основную систему. Каменоломня ранее не посещалась, имеет протяженность 1-2 км, с возможными перспективами. Вторую каменоломню вскрыли из точильника, расчистив обвал входа. Каменоломня оказалась ранее посещаемой, (надписи, бытовой мусор, стрелочки, пирамидки) и является скорей всего «Федурновской 1».

10-11 июня было произведено тщательное изучение точильников нижнего уровня, по результатам обследования выбрано место для закладки шурфа. 11 июня было произведено вскрытие каменоломни нижнего яруса, названа «Мраморной», протяженность около 40 м, физически в пространстве находится под каменоломней «Порт-Артур» ниже по склону по вертикали на 7-11 м.

Проведённые работы по поискам и вскрытиям подтвердили наличие 2х ярусов подземной разработки в одном блоке с теоретической возможностью в других местах наличия каменоломен разных ярусов, соединенных между собой (трещиной, обвалом). И вероятность этого события в Старицком районе сильно отлична от нуля. В работах принимали участие: Министр, Овлар, Фёдор, Папа, Таня, Мичман, Лапа, Дарт, N. Stone.»

7. Черепковский нижний блок – 1300 м. Кам. Дохлобарсучья (14.315 м) – до 2004 года считавшаяся самой большой из откартографированных Систем Старицкого района. Вскрыта тремя входами: два из борта долины Волги, третий – вертикальный провал около 2,5 м диаметром. Открыта < в данном очевидном случае, ибо раскапывать распахнутые входы не пришлось – открыта для московской спелестологии > в 1976 году экспедицией группы “Парабеллум” под руководством Пети-Крота, о чём на стенах Системы оставлены граффити в “володарском стиле пляшущих человечков”; вертикальный вход украшает изображение двух фехтующих человечков и надпись «Вятчин – враг!» На глиняном полу одного из гротов этой же группой была выложена камушками надпись «Нам света не надо — нам Партия светит!». ⁴⁹ Каменоломню пересекают трещины бортового отпора и древние тектонические разломы, обильно украшенные натёками и сталактитами; в стенах и сводах много

⁴⁹ За подобного рода дацзыбао в те годы (при установлении авторства) можно было “весьма капитально получить по налобнику”. А также “по рогам” – то есть после отбытия в лагере положенных лет лишиться московской прописки, и в своих спелестологических изысканиях не приближаться к столице ближе, чем на 101 км. До сих пор восхищаюсь тогдашней фрондой Пети-Крота — как, впрочем, всеми сделанными им спелестологическими открытиями и свершениями.

кристаллических друз – кальциты и кварциты. Система представляет собой сбитые разработки “семейного типа” по 250 ÷ 400 метров и развивается вдоль берега Волги; сохранность ходов хорошая, почти везде возможно движение в полный рост. Удаление краевых забоев от берега Волги около 100 м, – что долгое время полагалось максимальной углублённостью в породу для старицких каменоломен (обычно эта величина не превышает 50÷60 м). Имеются оборудованные для стоянок гроты (пещера, наряду с Системой Сельцо, относится к самым посещаемым полостям Старицкого района), водокапы с озерцами стоячей воды в тектонических разломах. В зимнее время пещера (кроме зон тектонических разломов) суха; летом во многих местах отмечается капель (после сильных дождей – повсеместно). Граффити в основном современные, но встречаются и имеющие безусловную историческую ценность. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы. В верхней части борта долины Волги просматриваются транспортные террасы.

8. Черепковский верхний блок – 250 м. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы. В верхней части борта долины Волги просматриваются транспортные террасы.

9. Молоковский нижний блок – 1100 м. Карстовая щель Енотовая (8 м), тяга из щелей и нор. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы. В 2004 году группе Министра “Чёрное Солнце” удалось проникнуть в привходовую часть каменоломни верхнего яруса разработок. При осмотре вскрытой части выяснилось, что привходовая часть существовавшей Системы смята/уничтожена оползнем, развившемся по трещине бортового отпора; возможно, в этом оползне ‘повинен’ взрыв входов, произведённый в конце сороковых годов. Возможно, к оползню привели процессы техногенного карста. Тем не менее, средняя и дальняя часть Системы может быть вскрыта соответствующим вертикальным шурфом.

10. Молоковский средний блок – 400 м. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, 16 точильных рвов. Карьер, разрабатывавшийся узниками концлагеря в 1942 ÷ 1953 гг. Остатки строений концлагеря. Большая депрессия в борте долины Волги невыясненного происхождения и возраста (возможно, карстовый провал). Согласно сообщению А. Парфёнова [Маркшейдер], в картографических архивах Тверьгеоразведки ему удалось обнаружить точные схемы подземных каменоломен, разрабатываемых узниками концлагеря – они представляли собой систему штреков, под прямым углом пересекаемых ортами; суммарная длина ходов, возможно, достигала 5 км. По прекращению подземной добычи известняка эти каменоломни были взорваны — заряды располагались с шагом в пять метров на протяжении 100 метров привходовой зоны, и подрывались последовательно: вначале дальние, потом расположенные ближе ко входу. Что интересно, над этим уровнем разработок уже существовали более древние каменоломни, – однако А. Парфёнов считает, что после “более, чем капитального” взрывного обрушения нижней Системы нет смысла говорить о каком бы то ни было вскрытии ни

верхних, ни нижних разработок.

В 2002 году “Чёрным Солнцем” при участии Никитского Круга было вскрыто две каменоломни нижнего яруса – *первые, достоверно относящаяся к нему в этом районе* – названные Treestone и Слава НКСС! (То есть Никитам, Киселям, Силикатам и Сьянам.) Они состоят из отдельных систем семейных выработок, соединённых как случайными сбойками, так трещинами бортового отпора и тектоническими. Хорошо сохранившиеся участки ходов чередуются с обвальными, крайне опасными в силу высокой трещиноватости пластов и их повышенной влажности. Крепёж хаотический, частью каменный (в виде столбов, останцев и бутовых стенок), частью деревянный при размере крепей от 0,1 до 0,5 м. Обильно заселена летучими мышами (ночницы и ушаны), колонии насчитывают по $5 \div 10$ особей, отдельно самцы и самки. Нередки пары из сцепившихся мышек – как правило, самцов. Натёки выражены слабо. Кристаллическое убранство представлено в основном кальцитовый группой и кремниевыми включениями в перекрывающих пластах (высота обвалов до 4,5 м). Влажность Систем высокая, почти везде наблюдается капель со сводов. Технология разработки камня во всех системах, складывающих Тристоун и Слава НКСС! архаически-хаотическая, близкая к камерно-столбовой; штреки разрабатывались случайно, без отчётливо выраженных направлений и системы крепежа; использовался лишь примитивный инструмент (клинья, ломы, лопаты, кайла); освещение было лучинное. Система закрыта местными жителями в тридцатых годах методом бутового перекрытия входов с последующим дернованием, а потому от НКВД-шных взрывов уцелела, будучи незамеченной сапёрами-подрывниками. Общая длина Системы при завершении сбойки отдельных её участков может достигнуть 5000 м.

11. Молоковский верхний блок – 1200 м. (Верхняя граница блока – речка Черемошня.) Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы. В верхней части борта долины Волги просматриваются транспортные террасы. В 2002 г. “Чёрным Солнцем” вскрыта естественная пещера, развившаяся по трещине бортового отпора (глубина ок. 15 м) Имеются мощные карстовые источники воклюзного типа.

12/14. Савельевские блоки – 3.000 м. Подходы, отвалы, ямы для отжига извести, следы входов нижнего и верхнего яруса, точильные рвы, многочисленные просадки и провалы почвы. В верхней части борта долины Волги просматриваются транспортные террасы. Имеется каменоломня открытого типа (карьер) со следами поглощённой выработки закрытого типа (по рассказам местных жителей). 1-10 мая 2009 года группа “Чёрное Солнце” заложила 2 новых шурфа, вскрыла и отсняла Систему более 600 м.

15. Болдыревский участок – 2000 м. *Перспективен, но не исследован.*

16. Мартьяновский участок – $1000 \div 2500$ м. *Не исследован.*

3. Правый Нижний спелестологический участок:

1, 2. Успенские блоки. Овражно-балочное разделение этих блоков отсутствует, – тем не менее ландшафтно и спелестологически они весьма различны. Сказать о Верхнем Успенском блоке (расположен за Успенским монастырём) что-либо определённое сложно, поскольку он сильно переработан при совре-

менной городской застройке; Нижний блок в настоящее время активно используется местными жителями под погреба, сооружённые во входовых частях бывших каменоломен и в их точильных рвах – сооружения эти расположены в два яруса. Наружные части погребов являются надстройкой, выполненной в бывших точильных рвах, а потому их нельзя отнести к классу ПАС в ПГВ. В спелестологическом смысле это сочетационный вид искусственных подземных полостей, класс ПСП [полости смешанного происхождения].

3. Сельцовский верхний блок – 1200 м. Кам. Сельцо (5.000 м) – самая известная каменоломня района. Впервые обследована группой “Парабеллум” П. Николаева ок. 1976 г. Сохранность хорошая, высота отдельных штреков до 3,5 м. Имеются сухие стояночные гроты и водокапы, кристаллическое и натёчное убранство, граффити – как древние, времён разработки, так и новодел. С 2000 года некая загадочная “коммерческая структура” пыталась приспособить пещеру для организованного спелеотуризма — провели мероприятия по укреплению и расчистке входового портала, заасфальтировали автобусную стоянку и возвели перед входом охрнительных размеров и непонятного назначения бетонную надолбу. Тем дело и кончилось.

Распахнутый вход и открывшиеся при “облагораживании склона” новые привели к изменению аэрологической обстановке в пещере; как следствия, начались обрушения сводов привходовой зоны. Иные из них достигают поверхности – в 2008 году прямо посреди тропки. Ведущей ко входу, открылся провальный колодец. Посетители пещеры, будьте бдительны!

И помните, что ничего хорошего нашим пещерам “организованный спелеотуризм по-российски” не приносит. Потому что “широко распахнутый вход” пещеры, находящейся практически в городской черте – это такие экологические проблемы, что мама не горюй. Пещера опутана всевозможными лесками, проводами и нитками; кучи мусора и человеческих экскрементов встречают вас прямо у входа. Настенные росписи соответствующие, – спелестологам в этой дыре больше нечего делать. Это место принадлежит бомжам и гопникам.

4. Сельцовский нижний блок – 700 м. Кам. Осиная (400 м), Подмётка (450 м). < Вскрыты при обследовании этого участка в 1974 году группой “Парабеллум”. > Многочисленные провалы, воронки, точильные рвы, привходовые обрушения и отвалы свидетельствуют о том, что это не единственные Системы данного блока.

5. Рыбловский блок – 3500 м. *Спелестологически инертен, слишком пологий наклон борта долины Волги и высокая задернованность известняков не позволяли вести добычу камня даже открытым способом.*

6. Чупруновский верхний блок – 1700 м. Транспортные террасы, подходы, точильные рвы и отвалы.

7. Чупруновский нижний блок – 1300 м. Кам. Чупруново-I (12 м), Чупруново-II (5 м), Чупруново-III (4 м)

8. Коноплянский блок – 2500 м. *По непроверенной информации спелестологически инертен, нуждается в повторном обследовании.*

9. Чукавинский верхний блок – 350 м. Подробное обследование блока было предпринято в 1998 г. экспедицией М. Сохина. Обнаружены точильные

рвы, надвходовые обрушения, отвалы, печи для отжига извести. Имеется три фрагмента кам. Верхнечукавинская-I (15 м, 7 м, 2 м) – судя по всему, прежде каменоломня имела большие размеры. Кам. Верхнечукавинская-II представляет собой грот размерами 1,5 X 1,7 м. Кам. Верхнечукавинская-III вскрыта провальной воронкой размерами 5,5 X 6,0 м; в борту воронки у её дна находится грот 2,5 X 4,0 м; каменоломня не откартографирована. Кам. Верхнечукавинская-IV вскрыта провальной воронкой вытянутой формы глубиной около 2 м; узкий проход ведёт в полость изометрической формы, из которой расходятся несколько тупиковых ходов. Каменоломня обвалоопасна, кровля повсеместно ненадёжна. Судя по многочисленным провалам на поверхности, это уцелевший фрагмент большой каменоломни (край выработки).

10. Чукавинский средний блок – 500 м. Точильные рвы, надвходовые обрушения, отвалы, печи для отжига извести, тяга из нор.

11. Чукавинский нижний блок – 750 м. Точильные рвы, надвходовые обрушения, отвалы, печи для отжига извести.

По мнению М. Сохина, в районе Чукавино каменоломни разрабатывались в нижнем ярусе с весьма тонкой и непрочной вскрышей в зимнее время, когда она промерзала, – по весне незакреплённые ходы обрушивались. В результате чего мы имеем как бы схему былых разработок, обозначенную траншееподобными провалами кровли; вскрытие этих обвалов может привести в лучшем случае к незначительным краевым камерам-забоям, но никак не к проникновению в Систему — от которой мало что осталось.

12. Змеевогорский верхний блок – 250 м. Кам. Эскимо-I (250 м), Эскимо-II (8 м).

13. Змеевогорский средний блок – 350 м. Кам. Змеиная-III, Змеиная-IV (350 м вместе).

14. Змеевогорский нижний блок – 1200 м. Кам. Змеиная-I (35 м), Змеиная-II (88 м), Змеиная-V (15 м).⁵⁰

15. Спасский верхний блок – 450 м. Точильные рвы, надвходовые обрушения, отвалы, печи для отжига извести. *По рассказам местных жителей, добыча камня подземным способом производилась до пятидесятых годов XX века (информация относится ко всему Спасскому участку).*

16. Спасский средний блок – 350 м. Точильные рвы, надвходовые обрушения, отвалы, печи для отжига извести, тяга из щелей и нор.

17. Спасский нижний блок – 550 м. Точильные рвы, надвходовые обрушения, отвалы, печи для отжига извести, тяга из щелей и нор.

18. В 2002 году ниже Спасского блока при сплаве на байдарках были замечены значительные по размерам входы в каменоломни (5 шт., приблизительные размеры 2 X 2,5 м) – предположительно, нижнего яруса; после первых 10 метров входные штреки разветвлялись, образуя просторные Системы (сообщение Сергея Киреева [Чудовище, Никитский Круг]); за недостатком света подробное исследование провести было невозможно. По информа-

⁵⁰ Змеевогорский участок был обследован в 1978 году экспедицией В. Мальцева / А. Вятчина.

ции от Пети-Крота [П. Николаев], впервые эти пещеры были обнаружены его группой “Парабеллум” при байдарочном сплаве от г. Ржева до г. Калинина [Твери] в 1976 г.; как и в 2002 году, обследование не было выполнено из-за недостатка света < общий бич последних дней любой спелестологической экспедиции >.

4. Левый Нижний спелестологический участок:

1. Коньковский верхний блок – 1000 м по берегу Волги, 800 м вверх по правому борту долины р. Старчанка. Остатки древних подземных ходов (ПАС), углублённые в земляной вал кузницы XIII ÷ XVI вв. (сочетационный вид ПСП/ПАС). Кам. Коньково-I (345 м, крайне обвалоопасна, – вскрыта, обследована и откартографирована в 1991 ÷ 1993 гг. А. Парфёновым [Маркшейдер] и Д. Зыкиным [Мастер]); кам. Коньково-II (45 м, аналогичное замечание).

2. Коньковский нижний блок (меж долиной р. Старчанка и большой балкой, служащей административной границей города Старица) – 1300 м. Точильные рвы перед деревней, отвалы.

3. Нижнестарице-коньковский блок (меж балкой, служащей административной границей города, и устьем р. Нижняя Старица) – 1200 м. Пещера Кафе (320 м, вскрыта в 1993 году экспедицией РОСС, группой “Свалка” [Никитский Круг]); несколько выработок карманного типа, отвалы, точильные рвы, печи для отжига извести, многочисленные воронки и провалы на верхней части борта долины.

4. Нижнестарицкий блок (меж речкой Нижняя Старица и впадающей в неё речкой Городенка) – высокий клиновидный холм со следами активной добычи известняка: точильные рвы, несколько воронок. Добыча велась со стороны речки Городенка. Обследован НК в 1993 году, повторное обследование – июнь 2007. Существование каменоломни не вызывает вопросов, как и её высокая сохранность. Возможная длина – до 1 км.

5. Липинский верхний блок – 500 м. Кам. Липинская (250 м). Отвалы, точильные рвы, транспортные террасы. По сообщениям местных жителей, в этом районе должна также быть значительная каменоломня, разрабатывавшаяся старицкой артелью в начале XX века (до 1929 года), входы в которую были взорваны после войны.

6. Липинский средний блок – 350 м. Кам. Липица-I (3 м), Липица-II (15 м), отвалы, точильные рвы.

7. Липинский нижний блок – 600 м. Подходы, точильные рвы, отвалы, тяга из щелей.

8. Липинско-дубровинский блок – 500 м. Подходы, точильные рвы, отвалы.

9. Дубровинский верхний блок – 300 м. Подходы, провальные воронки верхнего яруса, тяга из щелей.

10. Дубровинский нижний блок – 450 м. Подходы в овраге.

ПРИМЕЧАНИЕ: Липинско-дубровинские блоки находятся меж устьями рек Нижняя Старица и Холохольня.

11. Железовский верхний блок [граница по Волге – 500 м; по ручью Же-

лезовка – 450 м]. Провалы, точильные рвы.

12. Железовский средний блок: по ручью Железовка (правый борт оврага) – 300 м. Провалы, точильные рвы.

13. Железовский нижний блок: расходится клинообразно меж бортовых промоин (возможно, севших штреков). Провалы, точильные рвы.

14. Железовский дальний блок – вверх по правому борту ручья 500 м. Провалы, точильные рвы.

15. Толпинский верхний блок – 600 м. Подходы, точильные рвы, отвалы.

16. Толпинский средний блок – 500 м. Отделён от верхнетолпинского блока глубоким оврагом. Кам. Лисичка (3.700 м), Парабеллум-I, Парабеллум-II (вместе 450 м) в 2000 году были соединены экспедицией М. Сохина в единую Систему с прибавлением нескольких небольших боковых и промежуточных выработок. Имеется понор, выходящий в пещеру Среднетолпинская-II [Парабеллум] . На поверхности много провальных воронок и небольших оврагов, развившихся по надвходовым обрушениям и точильным рвам. Согласно мнению В. Мальцева, все пещеры толпинского и козловского участков относятся к нижнему ярусу разработок; открыты в экспедициях Пети-Крота [группа “Парабеллум”] в 1976 ÷ 1978 гг.

17. Толпинский нижний блок – 350 м. Отделён от среднетолпинского блока оврагом ручья Огороховица, от следующего блока глубоким оврагом, на картах значащимся, как урочище Железовское. Разрабатывались известняки верхнего яруса (вторая надпойменная терраса) – на что указывает большое количество отвалов и точильных рвов. По левому борту оврага ручья Огороховица разработки продолжались на расстояние в 300 м от устья оврага; точильные рвы длиной 15 ÷ 20 метров хорошо сохранились. Водопоглощающий понор выходит в каменоломню Среднетолпинская. Кам. Ледяная [Среднетолпинская] находится на углу, образованном оврагом и бортом долины Волги. Суммарная длина ходов 1300 м; за счёт широкого просвета входов и неглубокого залегания полностью промерзает зимой, образуя большое количество ПЛО – пещерных ледяных образований необычайной красоты. Ниже по борту долины Волги обнаружены кам. Толпино-II (120 м), Толпино-III (2,5 м). В восточной части блока расположен небольшой карьер, перед ним на склоне находятся три блока размерами 3,0 X 4,0 X 1,5 м. На склоне восточного межблокового оврага много провальных воронок, точильные рвы прослеживаются на 120 м вверх по борту оврага.

18. Толпино-террасный блок. Ограничен с запада и с востока рукавами оврага (урочище Железовское) и на берег Волги выхода не имеет. Горные работы проводились на интервале 75 ÷ 100 м. Точильные рвы короткие, сильно размывшие. Провальных воронок мало. Вскрытых пещер не обнаружено.

19. Террасный блок – 1100 м. Восточной границей блока является глубокий овраг с текущем по нему ручьём (возможно, временным водотоком). Горные работы велись на уровне второй надпойменной террасы. Многочисленные точильные рвы расположены с интервалом в 10 ÷ 15 м. Поверхность склона выше них испещрена провальными воронками, имеется тяга из щелей. В тальвеге небольшого оврага обнаружен понор, поглощающий воды неболь-

шого ручья. Кам. Террасная-I (200 м), Террасная-II (8 м).

20. Козловский верхний блок – 700 м. С запада и востока ограничен глубокими оврагами, расстояние от г. Старица – 15 км. Горные работы производились как по всей фронтальной части долины Волги, так и по склонам ограничивающих блок оврагов. Добывался камень верхнего яруса. Точильные рвы длиной до 20 м, глубиной до 5 м. Много провальных воронок. Кам. Верхнекозловская-I и Верхнекозловская-II. Пещеры представляют собой сочетание колонный выработки и нескольких боковых орт; площадь каждой из них не превышает 100 м². Есть основания полагать, что вход в эту, прежде единую, каменоломню был взорван.

21. Козловский средний блок – 800 м. Точильные рвы, повальные воронки.

22. Козловский ручейный блок – 250 м. Не имеет выхода к Волге, находится на разделении оврага с протекающим по тальвегу ручьём. Точильные рвы, повальные воронки. По сообщениям Пети-Крота и ЮДА, Козловские блоки были ими плотно обследованы в семидесятые годы; обнаружено несколько пещер «весьма изрядной длины, причём со свободным входом». Картографирование было отложено «на потом», но так и не произведено. Судя по всему, за прошедшее годы входы в пещеры пали жертвой оползней со склонов – но вскрыть их вполне возможно.

23. Козловский нижний блок – 650 м. Ограничен с запада небольшим ручьём, с востока глубоким оврагом. Расстояние от г. Старица – 19 км. Разработка камня велась по берегу Волги и вдоль ручья, ограничивающего блок с запада; следы разработок прослеживаются на 400 м вверх по левому борту долины ручья. Провальные воронки, точильные рвы. Вскрытых пещер не обнаружено.

Дополнение от AGena:

Координаты входов Козловского участка, которые мы нашли, следующие:

1:56 град. 33,85 мин./35 град. 02,57 мин. – маленькая обвальная пещерка с большим входом на восточной стороне оврага, по которому идет дорога в деревню, т.е. западная часть Верхнезмеинового блока (система Эскимо). Координаты устья оврага и координаты этой пещеры практически совпадают.

2:56 град 33,98 мин./35 град. 02,42 мин.– пещерка побольше в следующем блоке (вверх по течению, т.е. в Нижнекозловском). 3:56 град. 34,09 мин/35 град.02,26 мин.

4:56 град. 34,11 мин./35 град.02,24 мин. – многочисленные лисьи норы, с сильной тягой, пригодны для раскопа (следующий участок вверх по течению, отделен от предыдущего участка небольшим оврагом)

5:56 град. 34,28 мин./35 град. 01,91 мин. – откопанный нами вход в Среднекозловском блоке (к западу от ручья). Пещеру называли Змейка. Копали Змейку двое: Геннадийч (в «верхнем мире» – Александр Медведев) и Эд (Эдуард Золотухин). Вход под корнями старой березы, был замат глиной и засыпан мелким известняком. Очевидно, несколько лет пещера не посещалась.

Вход состоит из 2 дырок, ведущих в общую привходовую камеру. Одна из дыр представляет собой обвалоопасный в настоящий момент непроходимый шкурник, потолок которого укреплен елочкой сравнительно недавно (лет двадцать назад, судя по расположенному рядом трухлявому пеньку того же диаметра). Зато рядом удалось раскопать-расчистить от глины и углубить путем скола известняка «чемодан», через который мы и попали в пещеру. Система оказалась относительно большая (не менее 700 м). Уходит вдоль Волги. Вглубь склона углубляется незначительно. Пробыли в пещере меньше часа. Обежали-обползали привходовой колонник и прилегающую к нему часть. А система идет дальше, на запад, вдоль Волги.

6:56 град. 34,37 мин./35 град.01,73 мин. – небольшая пещерка в том же блоке.

По поводу названия блоков оговорюсь, что гарантированно можно утверждать лишь о Среднекозловском, так как он четко ограничен ручьем с востока и крупным оврагом с запада. Восточная граница Нижнекозловского блока может быть определена и не точно. Границу блоков брали из схемы спелеологического вестника за 2000 год. Однако по нашим данным, выделенный там нижнекозловский блок не однороден, так как его пересекают два оврага (с берега они не просматриваются). Т.е. он распадается на три самостоятельных блока. По оврагам есть координаты запада среднекозловского блока, устья ручья (восточная граница среднекозловского). Следующий ниже по течению, более крупный овраг, мы GPS не засекли. На этом участке наверху очень много курганов. Верх склона очень живописный. А вот следующий овраг отметили, он менее глубокий, на километровке и из космоса не просматривается, (56 град. 34,01 мин./35 град. 02,42 мин.– точка рядом с устьем оврага).

24. Противозмеинный⁵¹ верхний блок – 450 м. Ограничен крутыми глубокими оврагами. Расстояние от г. Старица – 20,5 км. Разрабатывался камень верхнего яруса. Многочисленные точильные рвы. Провальные воронки. Кам. Верхнезмеинная-Ia и Верхнезмеинная-Iб ()

25. Противозмеинный средний блок – 500 м. Ограничен с северо-запада и юго-востока оврагами. Добыча камня велась на верхнем ярусе (точильные рвы, провалы). Обнаружено две каменоломни, названные Среднезмеинная-Ia и Среднезмеинная-Iб – колонные выработки, представляющие фрагменты единой в прошлом Системы; общая площадь фрагментов около 800 м². На дне юго-восточного оврага в 50 метрах от его устья расположена большая провальная воронка; на дне её находится понор, поглощающий воды временного водотока. Из понора исходит интенсивная тяга воздуха. В левом борту точильного рва, смежного с оврагом, расположена нора – из которой вырывается мощный поток воздуха. Отсутствие провалных воронок над этим рвом позволяет надеяться на наличие значительной по объёму полости.

26. Противозмеинный нижний блок – 1000 м. Спелеологически инертен –

⁵¹ Для географической привязки данного участка использовано название деревни, находящейся на противоположном берегу Волги.

следов добычи камня не обнаружено, каменноугольные известняки здесь выклиниваются, берег становится пологим.

27. Гольшинский верхний блок ~ 1500 м. *По непроверенной информации спелестологически инертен, нуждается в повторном обследовании.*

28. Гольшинский нижний блок ~ 1000 м. *По рассказам местных жителей, разрабатывался камень; район спелестологически не обследован.*

29. Техменёвский блок ~ 1500 м. *По непроверенным сведениям, имеются значительные каменоломни. Спелестологическому обследованию район не подвергался.*

ПРИЧИТАНИЕ

Как видно из приведённого реестра, даже внутри обследованных блоков остаётся большое количество не просто “чёрных спелестологических пятен” — мест, где по всем данным с уверенностью можно ожидать вскрытия протяжённых подземных полостей. Краевые же блоки сулят в будущем просто фантастические открытия —

— и не менее интересно было бы проверить ряд легенд,— например, в Семёновом (Новом) Городке при слиянии рек Холохольня и Журавца⁵²,— в данной полости, которая не попадает в блочно-речное деление района и может оказаться как закрытой каменоломней [ПГВ], так подземным архитектурным сооружением [ПАС] — темницей, убежищем, сокровищницей, хранящей кошт Андрея Старицкого — может быть сделано одно из самых удивительных открытий нашего времени.

Существование легендарной “печеры Старицы” тоже можно проверить,— как и не менее легендарной “печеры, вырытой в 1110 году от Рождества Христова пришедшими в урочище Старый Бор киево-печерскими иноками Трифоном и Никандром”,—

: Конечно, полости могли не сохраниться. Уж очень много прошло лет. И чем больше их пройдёт далее — тем шансы на Открытие приблизятся к абсолютному нулю. Но ещё сейчас найти хотя бы следы и остатки этих полостей — можно. Для этого ведь ничего, кроме рамки в руках, не требуется. А потом — незначительного “фронтального вскрытия склона”. Что уж опробовано в НК при вскрытии ЗК и УБДУКа.

: В Баламутовском урочище ведь получилось? Так почему невозможно в Старице, при должной поддержке властей (с которыми всегда можно договориться, как договаривались мы) и соучастии археологических сил?..

⁵² В. Ю. Байбиков, «История города Старицы и его окрестностей: мифы и реальность» в “Спелестологическом ежегоднике РОСИ” за 2001 год. Как уже говорилось, в Никитском Кругу автор этой статьи проходит под ником Слава-Археолог — потому что он действительно профессиональный археолог и историк.

— Что мешает затеять столь славное дело? Даже если пещеры вскрыты не будут — на кое-какой *археологический прикуп* рассчитывать можно.

Было бы желание —

... Но «тут как раз и начинается кино» —

— по поводу сюжета которого я буду ворчать и ругаться в полную силу:

Нетрудно заметить, что за последние 30 лет не только возросла мощность инструмента, применяемого нами при вскрытии и поиске каменоломен (как претерпело прогрессивные изменения всё спелестологическое оснащение выездов, а также методики поиска, вскрытия, топо-, фото- и видеосъёмки полостей) — *весьма усилились процессы карстового разрушения, приводящие к погребению даже хорошо известных и легко доступных прежде каменоломен*. Каменоломня Капкан, например, впервые была обследована ещё в 1972 году; затем потеряна, так как найденный тогда вход рухнул. В 1983 году её вскрыла группа из Никитского Круга (Ростиславов Иван [Мамонт] и Пичугин Олег [Малый Хенк]) — после их посещения привходовая часть Системы снова рухнула. В дальнейшем Капкан вскрывался четыре раза никитской группой “Свалка” — и четыре раза его привходовая часть снова садилась.

Вход, вскрытый группой “ЛМ” в 1997 году на Старицкой Конференции — замыт оползнем со склона.

За прошедшие 13 лет лишь случайные посетители *проявляли любопытство* к этой, сулящей многие подземные километры, Системе —

— вот именно: **любопытство**. И не более того. Приходили; если вход был открыт — заползали внутрь. Потыркавшись без успеха по привходовой части, покрутив носами, ретировались на поверхность. Ни попытки разобрать бут на периметре, ни попытки оборудовать устойчивый вход — ни одной попытки восстановить вход “ЛМ” и сделать подземный траверс.

Клуб “Чужая земля” поковырялся пару лет на близких к городу нижних правых блоках — и отступился в безнадёжной усталости. Ничего не откопав. Не вскрыв. ЗА ДВА ГОДА. Простите, что мешало? Эти блоки ничем не отличаются от тех, где работают “Чёрное Солнце” и НК.

Но НК и “ЧС” вскрывают новые дыры.

Прочие посещают их и крутят носами. И флудят в Интернете. Укоряя нас “преувеличением размеров вскрытых Систем” —

Извините, но если некое спелеорыло с застревающей в шкурнике задницей не может посетить 2/3 вскрытой и уже обследованной “в первом приближении” Системы — это не значит, что пещеры нет на необследованной задницей территории. Так же об отсутствии Системы не говорит отсутствие её топосъёмки, предъявленной на халяву интернетному флудер-сообществу.

: пока упомянутые “задницы” будут трендить «нет топосъёмки — нет Системы» и разрешать на основе своих кабинетных габаритов существование старицких Систем, я скорее соглашусь с альтернативным тезисом, что и мышьяная нора — Система. Коль её лабиринты можно описать в

соответствующих спелестологических терминах. (Пусть и “несколько виртуальная”.)

Потому что не лентяи и спелеоснобы определяют спелестологию – и практическую, и теоретическую.

Особенно в условиях, когда даже самая лучшая спелеотопосъёмка через пять лет реальной полости перестаёт соответствовать по тем или иным причинам.

А тех, кто способен расширять наши старицкие подземные горизонты хотя бы рулеткой и компасом, становится всё меньше и меньше.

РОСИ М. Сохина фактически свернуло в районе свою деятельность; его поисковые и топосъёмочные остатки в количестве 1,5 человек прибились к группе Министра.

Понятно, что бывшие герои старицких открытий состарились и им “теперь не до этого” — ни Прокофьеву, ни Мальцеву, ни Кроту, — да и сколько можно дарить всем на халяву свои поисково-вскрышные и топосъёмочные усилия?..

У М. Сохина достаточно важная его основная работа, — что ещё иной раз *позволяет финансировать* некоторые спелестологические проекты, — кто посмеет сказать, что он “чего-то должен спелестологии”?

: для спелестологии Миша сделал немало. Причём не только для старицкой. Укорять его “сворачиванием спелестологической деятельности” может лишь тот, чьи спелестологические свершения выше. Или хотя бы равны. Я собственно, и не Мишу укоряю.

И конечно, не Ю. А. Долотова — его спелестологические свершения ничуть не менее значительны.

Вопрос вот в чём:

: *Где “та молодая шпана, что сметёт нас с лица земли”*, — о которой пел Боб?

— То-то и оно: шпана приходит. Точнее — спелеогопники. Спелеогоблины. И сметает нас — и наши следы:

Никитский Круг перебрался из района Лисьей вначале в Ордино, затем в Баламутово. Когда через несколько лет посетили Нашу Любимую Систему — пришли в ужас: загажена вусмерть. Испоганена. Ничего от былой красоты не осталось.

Замечательный старицкий спелестолог Андрей Косманёв [мы его так и зовём: Андрей Старицкий] *один* вскрыл пещеру, значение которой переоценить невозможно. Через два года пещеру пришлось закрыть — дабы не повторила судьбу Лисьей. Специальную экспедицию посвятили этому печальному процессу, — вполне “звёздную”. С участниками из разных городов и спелеогрупп. Вместо поиска новых дыр, их вскрытия и изучения —

: закрыли полость, не пройдя её километры до конца даже “в первом приближении”.

Ржевские спелеологи одно время толпами ездили в Старицу, — что они открыли спелеомиру, что прибавили к кадастру старицких Систем?..

: А ничего. Предпочитали в стотысячный раз погулять по ДХБ. Или по Сельцу. Выковыривая из стен минеральные украшения. На спелестологиче-

ской конференции 1997 года им даже нечего было рассказать-поведать нам – приехавшим в Старицу не за 47, а за 250 км. И далеко не каждые выходные.

— Прочитайте ещё раз Кадастр. Хотя бы в его части ± 5 км от Старицы. Все описанные в кадастре признаки активной добычи камня – не просто на виду, их невозможно не заметить, даже “в никаком спелеовиде” рассекая по берегу. Бери лопату – копай в любом месте. Вскрывай, открывай,—

: хрена! Как стояли все эти точильники во времена ГКС и “Парабеллума”, так и стоят. Не тронутые любознательной лопатой.

Ибо любознательность и любопытство — разные вещи. **Любопытства** у посещающих Старицу спелеоохальщиков – выше крыши. После очередного выезда НК уже на следующей неделе летят проводить, обгоняя друг друга: что нового открыли-отворили **им** никитяне в своём массиве?.. И уходят из свежевскрытой пещеры археологические артефакты. Пропадают натёки и кристаллические друзья.

Зато гора чужих отбросов и мусора периодически украшает наш Баламутовский лагерь. А крепки, что служили обрамлением верхней части глубоких шурфов, или специально положенные поперечены для подъёма-выемки земли – сброшены внутрь. Почему сброшены, для чего? Ответ прост: спелеоохальва не имеет верёвочно-тросового снаряжения для покорения подобных шурфов,— вот и сбрасывают в раскоп брёвна, чтобы по ним потом вылезти. После осмотра: вдруг мы на дне припрятали секретный входик? Только не надо говорить, что брёвна могли сбросить в шурф охотники-рыболовы – нет им до наших шурфов никакого дела. Как и до наших лагерей: ружьё требует гуляния по лесам, а поплавков самого пристального внимания. И под землёй они не гадят, потому что не залазят в пещеры.

А хальва лезет — подвиньтесь, кореша!

Чуть не наступая на пятки.

Свежий пример:

23 февраля 2009 года в ЗК стоит Слава-Археолог; проводит изучение найденных нами “складов готовой продукции” и прочих археологических артефактов. На 8 марта приезжают “Кияторы”. После Археолога пещера, как всегда, остаётся в первозданном виде.

“Кияторы” 8 марта констатируют: дыра загажена сверх меры свежим бытовым мусором.

На 23 февраля было три праздничных дня – понятно, что кто-то из НК или их друзей должен был приехать. И чего-то, наверно, нарыть.

Приезжать с ревизией на МЖД8М не с руки – снова на никитян нарваться можно.

Вот и явились посредине: проверить. Откуда? Да уж не из Москвы. Бо москвичам приезжать в Старицу менее, чем на сутки, нет смысла. Дорога туда/обратно займёт больше времени, чем пребывание в Старице. А вот оттуда, откуда до Старицы час езды на машине или автобусе – приехать можно хоть на два часа, хоть на час. С инспекционно-контрольной целью.

Иной раз они вообще не стесняются – выкладывают в ЖЖ свои фотки на

фоне оборудованного нами входа в ЗК... Неделю спустя после нашего вскрытия. Тоже в обычные выходные после трёх праздничных дней.

Выкладыватели фоток – из Твери.

: С ЛЮБОПЫТСТВОМ У НИХ ВСЁ В ПОРЯДКЕ.

Что же до **любопытности** — ...

: Приехавшие на старицкую конференцию “ЛМ” выкрали время у собственного сна – потому что программа нашего спелеообщения была спрессована до плотности “белого карлика”, – вскрыли новый вход в Капкан. Отсыпались по дороге домой.

За последние 10 лет никто из посетителей Старицкого района времени “покопаться в конце манящего точильного рва” не нашёл. Простите: чем занимались на выездах, сердешные? Водку пьянствовали? Или о путях развития спелестологии рассуждали???

: НК любит это дело не менее прочих. И пьянствует, и рассуждает. Однако – вскрывает. И в “Чёрном Солнце” (открою военную тайну) – не все трезвенники и язвенники. Но копают и топосъёмы. При случае и “за спелестологию” так поговорить могут – мало не покажется. Особенно если поймают кого на разграблении или замусоривании Системы.

Тверь — большой современный город. Население под миллион. Расстояние до Старицы 65 км. Менее часа машинной езды по прямой дороге. Без всяких грунтовок. Спеликов любых подземных ориентаций хватает; есть несколько независимых клубов и десятков сайтов в Интернете. И любители Старицы есть...

: *В надписях, испакостивших стены Лисьей, увековечили себя, как минимум, ЧЕТЫРЕ ТВЕРСКИЕ КОМАНДЫ.*

– ай, молодца-а...

Из всей Твери только Юнисус и Расс приезжают в Старицу *не с потребительской целью*. И ещё пара их друзей-знакомых. На город с миллионным населением — не до фига?..

При этом замечу: у ребят и иных интересов хватает, они по натуре своей не спелестологи – туристы-горники.

— а спелестологи: что? Спелестологи квасят и засирают пещеры. По крайней мере, иных следов от их старицких пребываний не остаётся.

: Кто выгребал из ДХБ ржевский мусор и старательно ликвидировал его? Московские спелики. Из Силикат.

: Кто извлекал из Лисьей сдохшего там кабана? Тоже москвичи. На этот раз – никитяне.

“Киляторы” – подумать только, даже не из Москвы, из Подмосковья – приезжают в Старицу и открывают новые полости. Им ехать до Старицы не менее 300 км. А то и поболее.

Из Коврова приезжает замечательная команда Киса — знаете, где этот Ковров находится, и что добираться оттуда до Старицы сутки?.. А копают не меньше москвичей. И оборудуют стояночные гrotы.

: Точнее – приезжали. И копали. И оборудовали. Как и многие другие, – но

время выпалывает нас.

: Кто сейчас занимается вскрышными и топосъёмными работами в Старицком районе, кроме “Чёрного Солнца” и Никитского Круга???

: “Киляторы” работают на дальней окраине Левого Нижнего участка. Один или два раза в год. Приезжать в Старицу чаще обстоятельства не позволяют — да и в названии клуба ясно слышна их главная туристическая ориентация. Но-таки — приезжают по мере сил и времени. За 300 с фигом километров. На трёх перекладных, не считая московского метро. Вносят свой вклад в Кадастр.

И ВСЁ.

: Знаете других — назовите, не стесняйтесь!

— Хрена лысого вы кого назовёте. “По ряду причин на самом деле” —

И не надо думать, что благодаря вскрышной деятельности “ЧС” и НК количество старицких пещер увеличивается — это опасное заблуждение.

Суммарное количество открытых старицких пещер неуклонно уменьшается.

: Ключевое слово — “открытых”. Вот именно.

Если составить элементарный график — на одной оси годы, на другой количество старицких пещер или их суммарная длина в метрах, — и нанести кривую вскрываемых пещер и пещер теряемых из-за разрушений входов, обвалов и усилившихся карстово-эрозионных процессов — увидите: одна кривая в сложении с другой результирующую образует наклонную. Причём не вверх, а вниз.

— Примеры?

— Пожалуйста:

Тот же Капкан — закрыт.

Лисья — закрыта.

И закрыта Крепкослоновая.

Ни одна из них не была пройдена до конца.

: Удивительно красивая пятикилометровая пещера Сельцо, с которой для многих из нас началось знакомство со Старицким районом — захвачена удачными коммерсантами и разрушается, загаживается, разграбляется. На 2008 год от бывшего её великолепия ничего, кроме слёз, не осталось. Кроме мусора. Кроме фекалий и гавнограффити. Смотрите и наслаждайтесь. Привходовая часть начала “ложиться” — благодаря коммерчески распахнутым входам. Обратный отсчёт Сельца пошёл.

В Коньковском блоке в начале девяностых годов Маркшейдер [А. Парфёнов] и Мастер [Д. Зыкин] вскрыли две каменоломни. Оттопосъёмили их. Вдвоём.

— Кто посетил эти дыры за прошедшие годы?

: Дед Пихто. И можете не дёргаться — ни входов не найдёте теперь, ни самих каменоломен. Сели, как минимум, процентов на 80. Потому что надо было — ходить и крепить.

Бродяжья сулила при полной расчистке слепого конца оврага продолжение в сторону Лисьей, и эту расчистку запросто можно было сделать ещё в середине девяностых — теперь и экскаватор не поможет. Хотя бы оттого, что “нужно знать, где копать”, — *а кто из ныне ходящих знает???*

Теперь не то, что былого входа в Бродяжью — самого этого оврага не найти, не отличить от прочих. Стихия — она быстро берёт своё. Это негэнтропия требует усилий, — иной раз просто неизмеримых.

: Хаос приходит сам. Его и звать не надо —

В Яйцовском блоке “потеряна” свежевскрытая Система Лиса Алиса — *пять километров подземных ходов прописью!* На поверхности несколько десятков одинаковых на вид воронок: какую копать/вскрывать? < «Напёрсточники есть? Отзовитесь, напёрсточники!» >

В Баламутовском блоке в начале восьмидесятых годов Петя-Крот и В. Мальцев описали три раскрытых входа в тамошнюю каменоломню — к 2004 году от них не осталось следов.

И недавно вскрытая нами Страна Чудес Без Тормозов, и лежащая против неё Белая замываются из прорвавшихся в пещеры поноров. Подъём намывного материала за год — не менее 5 см. Та же судьба, увы, ожидает ЗК и УБДУК. За десять лет пол их поднимется на полметра. Но ведь эрозионные процессы не притормаживаются, а ускоряются. Такая, увы, тенденция. В свете которой трендить о светлом будущем красивейших Старицких пещер не приходится. [Кто хочет потрендить — сходите в Инфракрасную страну КА2. По дороге можете заглянуть в СЧБТ и в Белую; прикинуть объём уже уничтоженной части этих полостей. И оценить масштабы понора, что забивает глиной УБДУК и ЗК. Не забудьте осмотреть другие поноры — например, в районе Лисьей. *Весь объём этих понорных оврагов — уничтоженный объём наших пещер.* Подсчитаете эти объёмы хотя бы в первом приближении — можете трендить, сколько угодно.]

— Конечно, наиболее фонтанирующие поноры можно затампонировать, — ныне в нашем распоряжении и гидростоп, и БУЦ, и монтажная пена; при желании на экскаватор можно скинуться, сделать из губящего пещеру оврага водоотвод имени Мосводоканала. А коли вход в пещеру через этот понор и осуществляется — во входе понорном бетонные кольца поставить. Да так, чтобы бетонно-колодезная труба выше уровня не тальвега оврага — выше окружающих полей поднималась на метр. На всякий случай. И от небесных осадков крышечкой от упомянутой организации закрывалась. С надписью соответствующей: «ДОРОГОЙ СИСТЕМЕ БРОДЯЖЬЯ ОТ МОСВОДОКАНАЛА НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ».

: По кругу. По примеру подмосковных Съянов, Киселей и Силикат.

Да с замочком амбарным.

— А ещё можно взорвать преграждающую путь воде дамбу. А ещё нанять зверьков и вынести из Системы намывной материал, а на замываемые со склонов пещерные входы надеть защитные козырьки с грязеводоотводами, —

: прожектов хватает. Да только кто будет этим заниматься: неужели интернетные вульвоболы?.. Неужели те, что шастают по нашим следам и грабят пещеры???

— или опять “те же самые лица”: НК с “Чёрным Солнцем”?

< Не надоело, кстати, упоминание мной одних и тех же имён? Мне лично не просто надоело — остозвездило. “Но других у меня в Старице — увы! — нет.” Потому терпите —

: ведь терпим же мы друг друга? И даже общаемся, и иной раз предпринимаем некие совместные акции. При том, что отношения меж НК и “ЧС”, мягко говоря, “очень непростые” — уж слишком мы разные.

: Разные настолько, что при общем понимании того, что делаем как бы одно общее дело, на личностном уровне отношений — полное неприятие, иной раз до нелицеприятных моментов доходящее. Ибо не нравятся многим в НК суровые казарменные порядки в “ЧС” и исповедуемый стиль командного мышления, — а в “ЧС” не переваривают культурно-творческую и интеллектуальную ориентацию НК, нашу безалаберную свободу.

Но-таки — когда надо, работаем вместе. Потому что приходится. Не взирая на случающиеся скандалы и разногласия. Ибо: куда денешься-то?.. >

— Возвращусь к прерванной мысли:

: Не будут ни НК, ни “ЧС” этим заниматься. Потому что не будут. Работают, копают, топосъёмют, — пьянствуют в своё удовольствие — а чтоб позаботиться о грядущих посетителях вскрываемых ими Систем... “Сволочи, да и только.” И “ЛМ” точно такие же, поверьте мне, — провертели вход в Капкан, а о защитном козырьке не позаботились. Вот вход и накрылся. И в подмосковных Системах они точно так же поступают, уж тридцать лет и три года. “Сигналы были”.

— Простите: а что, должны — заботиться?..

: “Ну-ну...”

— Может, ещё и топо-съёмки наши в Интернете выложить?.. И GPS-привязки входов???

«Халява — пли-из!..»

: Налетай, подешевело.

— Кстати, о “защитных козырьках” и сволочах. Надёжный защитный козырёк, — между прочим, из подобранного на деревенской свалке железа, — был поставлен нами в 1985 году над входом в Лисью, чтобы остановить её привходовой замыв. Да разрушен вандалами — так, что следов не осталось.

Замыв входа пошёл развиваться по экспоненте, — ну и привёл к ожидаемому итогу.

— И учтите: помимо понорно-входовых замывов, пещеры разрушает общая эрозия кровли. Как техногенная, так и “просто карстовая”. С ней-то как собираетесь бороться???. Тоже зверьками — или интернетными флудерами? Или спелеохалявщиков отлавливать и ставить по одному на опасное место в режиме крепикариатиды?.. [Приковывая к

стенам цепями и периодически выклёвывая печень с риском отравиться портвейном.]

Бороться с обвальным разрушением старицких пещер можно лишь одним способом: в режиме кропотливого осмотра и анализа состояния кровли, не “водку пьянствовать и на сталактиты любоваться” – крепить грозящие обвалом места. Бутовыми колоннами. С применением БУЦа и монтажной пены. Да не нарушая ландшафтно-эстетического пространства –

: Способна на это спелеохалява? Может такое хотя бы прийти им в головы???

: ДА НИ ЗА ЧТО!!!

: Максимум, на что они способны — это на интернетный трендџ. Да выкладывание в “ЖЖ” говнофоток.

Из вскрытых не их руками пещер.

— ладно; следуем дальше по нашему скорбному списку:

На Террасном блоке в конце семидесятых годов М. Сохиным было осмотрено более 10 открытых выработок длиной не менее 200 метров — к концу девяностых годов все они стали недоступны в результате обвалов и оползней.

По сообщению Миши, «существенно пострадали от обвалов каменоломни Верхнезмеинового блока; входы в Козловские системы заматы глиной».

Зимней экспедицией Никитского Круга в 1982 г. [Ионкин Андрей (Зелёный Змей), Галкин Иван (Crazy-I), Мамонт (Ростиславов Иван)] на территории Толпинского и Террасного участков было вскрыто и осмотрено несколько пещер, имевших не только поразительной красоты снежно-ледяное убранство – но и вполне приличные натёчно-кристаллические украшения при не менее приличных “спелестологических размерах” [от 100 до 400 м]; всего через 10 лет найти входы хотя бы в часть из них оказалось проблемой.

В девяностые годы экспедициями М. Сохина в Толпинских пещерах «зафиксировано несколько крупных обрушений, существенно изменивших морфологию полостей». Что это означает в переводе на простой язык, понятно?

В Системе Лисья перед её окончательным закрытием мы потеряли правую часть вместе с привходовым участком⁵³; полости Атлантида, Рябинка и Калинка вскрывались никитянами три раза – и три раза замывались глиной или обваливались. Сейчас они закрыты точно так же, как Волчья.

Вход во свежевскрытую ЗК сразу же укрепили навесом,– пещера стала нашей водяной базой, и лишиться её источников воды (мощные водокапы и пара ручьёв) нам не улыбалось. Да и исследование её только начиналось; на очереди была сбойка с УБДУК... Однако весенним гавноходом 2009 года просадило часть склона за нашим навесом — пришлось отложить намеченные дела и срочно заниматься его расчисткой и укреплением.

: Укрепили, казалось, “более, чем достойно”,– и что же? Следующей вес-

⁵³ Иронизировали: «У Лисье Жопу оторвало!»,– но печальной была наша ирония...

ной – сопровождавшейся многократным превышением среднеапрельской и среднемайской нормы осадков (верхнее поле перед спуском в каньон превратилось в болото, засасывающее даже джипы) новый оползень кладёт портал штрека за нашими укреплениями.

: ЗК снова закрыта. И что характерно: группа из Твери, что приезжает по хорошей погоде следом за нами, занимается не вскрытием ЗК, столь нужным для функционирования Баламутовского лагеря — раскопками КА2. “Потому что это безусловно интересней...”

И наверно, престижней.

И не ведает та группа, что новый вход в КА2 уже сотворён нами, — не приходит в голову идея прочесать склон, как дежурно делаем мы в каждом нашем старицком выезде... И к чему утруждаться-то? Есть, кому топтать склоны и искать новое.

В буреломах чёрёмухи среди гребней межточильных отвалов и крапивных зарослей. Не самое светлое гуляние, конечно... А потому “ну его на фиг, пусть дураки по склонам шарятся”.

Где был старый вход – известно, а потому его и копаем.

[Ну да и то хорошо, что копают. В отличие от иных.]

– Ещё пример: в хоженной-перехоженной Дохлой Барсучьей в начале девяностых годов сел один из самых красивых её участков (с обводнённой и раскарстованной тектоникой), — никаких попыток раскопа от завсегдатаев этой известной дыры не последовало. Несмотря на её частую посещаемость. Похоже, нынешнее поколение спелестологов вообще не ведает об этом красивейшем продолжении ДХБ.

: *Уже в девяностые годы навещая пещеры, что были открыты и осмотрены нами в начале восьмидесятых, мы не узнавали их,* — и одновременно возмущались “первооткрывателями семидесятых”: по крокам или топосъёмке в пещере заявлено почти 1.000 м — в реальности мы находим не более 500... Думали, что первооткрыватели “немного преувеличивали свои заслуги” — наивные! Потом нас обвиняли точно так же.

Если кто полагает, что в следующем десятилетии “вдруг стало лучше” — он неисправимый романтик.

: Стало не лучше, а хуже. Уверен: наши топосъёмки середины восьмидесятых теперь можно выбрасывать в корзину, за бесполезностью. [Кому нужны схемы и карты Атлантиды, Рябинки, Калинки, Волчьей, Бродяжьей и Лисьей? А никому – Систем-то больше нет!]

Через десять лет можно будет стирать компьютерные файлы с нашими современными топоуспехами.

Красивейшая зимой и весной Ледяная откровенно падает, заваливается. Её современная длина уж раза в два меньше той, что была в начале восьмидесятых. А в Интернете – флуд: может, заложить бутом её широченные входовые просторы? Чтобы не так сквозило зимним морозным воздухом по гротам и штрекам, и не росли красивейшие ледяные булавы. А ещё – “как бы остановить капёж сводов”? Флуд есть флуд.

Район Щаповой горы – самый истоптанный спелестологами. С 1980 года

не было майских или ноябрьских ид, чтоб не украшали его лагеря любопытствующих спелеков,— Каменку уже давно именуют “Спелеконовой Долиной”. И вот спелестологический результат этой деятельности: на 2009 год из 18, описанных в этом районе пещер, в доступном без работы лопатой посещении осталось *лишь пять*,— неплохая статистика! А каменоломня ТрёхОчковая, *вскрытая восемь лет назад*, так и не пройдена до конца: что поделывать, мешает пытливым исследователям шкуродёр... Хотя и штрек за ним виден в свете самого слабого ‘электробычка’, и рамка на поверхности показывает *штреки, уходящие в сторону Бродяжьей и практически соединяющиеся с ней* —

: Никому нет дела. Бо над Открытием потрудиться надобно, оно ведь в Старице от Открытия уж лет 20 неотделимо,—

— трудиться в лом.

: такая получается “старицкая спелестология”.

При этом все, осмотренные на Щаповой горе в начале семидесятых годов каменоломни, уже в конце восьмидесятых были заматы или просели в при-входовых своих частях — что вызвало их повторное вскрытие новыми исследователями и последующие, весьма неприятные, разборки с приоритетами и “правильными названиями”. В результате чего некоторые Системы до сих пор фигурируют под разными названиями в одних и тех же реестрах — причём топосъёмки их существенно разнятся, так как каждая группа исследователей вскрывала какие-то продолжения пещеры — и при этом не могла обнаружить участков, что были обозначены на старых топосъёмках, да пали “естественной обвальной смертью”.

— Конечно, *качество топосъёмки* влияет на схождение/несхождение карт пещеры < простите мне это небольшое, но важное отступление > — даже при условии неизменившегося спелеоландшафта схемы, сделанные разными группами с применением различного топографического инструмента и разных понятий о точности обрисовки, могут лишь в самых общих чертах походить друг на друга — и при этом в равной степени не соответствовать реальной полости. К сожалению, на практике даже известные спелеогруппы, топосъёмящие с впечатляющей скоростью (и неимоверно кичащиеся этим), делают схемы и карты “как бы отснятых” Систем столь низкой точности, что хоть плачь. [Классический пример лажовости спелеосхем — топосъёмка Никит 1977 года работы Вятчина/Мальцева, на которой отсутствует около 30 % известных на то время ходов; остальные показаны “просто неверно”.] **НО!!! Даже самая лажовая в мире топосъёмка НЕ ОТМЕНЯЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ —**

При проверке мальцевско-вятчинского описания исследованных нами блоков убедились: более половины из описанных ими пещер (куда они проникали, якобы, почти в полный рост свой, без каких бы то ни было раскопок) **на местности отсутствует**. Конечно, отсутствие пещер можно “списать на враньё”,— враньём вообще можно многое объяснить в этой жизни, вплоть до существования Америки и лунных полётов “Аполлонов”. Спелестологи-теоретики, флудящие в Инете, обычно по такому пути и идут. Но спелестологу-практику ясно: *карстовые процессы, усиленные техногенными факторами*

(кислотные осадки, внос в землю избыточного количества химических удобрений, продольная распашка склонов, безбашенное строительство на подработанных каменоломнями участках, взрывные веяния властей) выводят из спелеооборота не менее половины подземных полостей от того количества, что мы открываем ежегодно.

: По самому оптимистическому прогнозу. Пессимистический свой взгляд я огласил выше.

При этом радателям тотального засекречивания старицких спелеозакромов следует усвоить очень простую истину: *непосещаемая каменоломня садится много быстрее, чем посещаемая; обживание каменоломен (укрепление обвалоопасных мест, оборудование входов, водокапов и стояночных гротов) идёт нашим любимым полостям только на пользу.* И нет существенной разницы меж тем, открыта дыра — или наглухо завалена: карсту не прикажешь.

: Конечно, зимнее промораживание входов приводит к естественной отслоёнке “штукатурного плитняка” — но этот процесс протекает в старицких каменоломнях с одной и той же скоростью вне зависимости от распахнутости входа. [Здесь я имею в виду “распахнутость” спелестологическую, а не коммерческую.] Трещины бортового отпора и норы животных приводят к постоянной вентиляции пещер; что, например, до Ледяной — так просветы её входов начисто отвергают мысль о каком бы то ни было её закрытии “ради спасения”. В результате которого (данный проект созрел в некоторых не по эстонски горячих спелеокочанах) мы просто лишимся её ледяного своеобразия, — разрушение же пещеры будет проистекать теми темпами, что определяют кислотность осадков и техногенная деятельность человека.

То есть теми, которыми и происходит. Закрывай — не закрывай вход.

— Дабы не утомить Читателя, подитожу своё ворчание парой очень печальных мыслей:

В настоящее время мы не столь приобретаем старицкие пещеры-каменоломни, сколько теряем их.

В настоящее время основная масса тех, кто именует себя гордыми префиксами “спелео” и “спелесто” (о “-логии” не помышляю) и отрывается в старицких подземных закромах, именует себя так не по праву. Называть эту каловую прорву нужно иначе — слово это матерное, и все его знают.

Участившиеся визиты в Старицу этой прорвы кое-кто выдаёт за “развитие спелестологии” и даже радуется: ура, товарищи, нас с каждым годом становится всё больше и больше!

: Нашли, чему радоваться. Тут ведь в пору не радоваться, а выть. Причём в полный голос. Ибо свидетельствует всё это об обратном —

: коль не исследуются уже описанные блоки, не проводятся вскрытия новых пещер, не изучаются и не картографируются открытые, но до конца не исследованные Системы, а известные закрываются, засираются вусмерть — и не предпринимается никаких попыток их повторного вскрытия или экологической очистки, — не предпринимается даже младенческих усилий

по реальной координации всех наших старицких топосъёмок и копаний — о каком “развитии спелестологии” можно говорить? С кем???

Кто не согласен с моими словами, кто полагает иначе — лопата вам в руки. И здоровенный мешок для мусора. Да не один. Приезжайте, вычищайте, — копайте и топосъёмте, а не флудите в Инете.

Стараясь при этом дважды не вляпываться в одну и ту же кучу дерьма, — или, коль говорить политкорректно, не тратить силы на зряшную работу. Не топосъёмить отснятое и не вскрывать вскрытое. И вообще: поменьше гулять по известному, а побольше искать и открывать новое.

Побольше и подробнее контактировать друг с другом.

: Хотя бы, как в свободное от подземного созерцательного бытия и пьянок время делают в НК; как не отвлекаясь на алкогольно-эстетский отдых делают в команде Министра. И не прячьте результаты своих, якобы имеющих место быть, спелеоподвигов в закрома высокомерия и снобизма. Может, тогда и другие прятать не будут.

— А развитие приложится само собой, вне трендежа на просторах speleo.ru и www.caves.ru.

POST SCRIPTUM

— Перечитав написанное, понял: сколь многое осталось за полями поведанных строк!

— *Ах, как восхитительно звучит **полная версия** нашего хаджа к Белой Скале в околостровом исполнении Володи Байдана: Володя тонкий и интересный рассказчик, способный смаковать даже малозначимый двухминутный эпизод не менее 10 костровых минут напряженного общего внимания —*

: некоторые полагают его изложение слишком занудным — я же просто отдыхаю душой. Ибо даже самое пространное моё повествование против его, воистину тонко-эстетского смакования важнейших деталей (перемежаемое притом добрым чёрным юмором) — конспективная школярская лажа.

: Поверьте.

Я ни слова не сказал об умопомрачительном “звёздном лыжно-спелестологическом выезде “МЖД8М-83”, устроенном экстремалом-инструктором горного туризма и спелеологии Колей Аксёновым [Минотавром], — в неожиданно случившийся 25-градусный морозец две наших группы одновременно должны были посетить Сельцо и ДХБ “смешанным составом”, и естественно, соединиться в условленном месте для триумфального совместного лыжного марш-броска и возвращения домой...

: Март того года даровал нам аж три выходных дня подряд, и всё удалось бы сделать. Кабы не мороз и не отморозенность “отдельных наших товарищей”... Так что полномасштабные ПСР были. И опоздание на все автобусы, и

марш-бросок, и костёр, разожжённый с целью не замёрзнуть до смерти знаменитым (после этого выезда) “ховринским чайником” на вершине самого большого сугроба, который он только смог отыскать в Старицком районе на финале зимы...

: Слушайте, опять же, рассказ Володи Байдана. Он до сих пор не без судороги вспоминает эту историю.

* * *

— Не буду удалять написанную прежде фразу. Не буду ничего изменять в написанном тексте хотя бы оттого, что изменить не смогу. Слишком много боли и ступора, и нет слов:

5 ноября 2010 года Володи Байдана и его жены Марины не стало в жутком ДТП под Ярославлем. Жена Золушки Эльга и их дочь,— они ехали на заднем сиденье машины Володи,— в местной больнице. Перевоз в Москву пока не возможен.

: трейлер, понимаете, выехал на встречу.

А больше ничего написать не смогу. Воспользуюсь строками Юры Дёмна — нашего общего с Володей и Лёшей друга, о котором уже поведал читателю, и не раз,— опубликованными им на caves.ru.

* * *

Есть друзья, которых уважаешь. Есть друзья, которыми восхищаешься. Володя Байдан ...был... другом, которого я по-настоящему любил.

Его было за что уважать. Всегда ровный, спокойный, чуть ироничный и абсолютно добрый человек... я не помню, чтобы он когда-нибудь ругался, повышал голос, скандалил или говорил о ком-либо плохо. Он вообще не стремился кому-то что-то доказывать, или навязывать свою правоту. Он просто спокойно обладал той глубокой внутренней правдой, которая делает человека уверенным и спокойным. Казалось он от рождения просто знает о жизни что-то такое, над чем безуспешно бьются умные философы и теософы уже много столетий.

Им было за что восхищаться. Володя был гениальным природным технарём. Любой механизм в его руках становился послушным и самопроизвольно чинился. Однажды он на моих глазах взял в руки какой-то хитрый прибор (не помню уже, что это было) и, задумчиво повертев его несколько секунд, подробно рассказал о его назначении и устройстве. Я восхитился широтой его технических знаний и опытом: «Володя! Ты и с этим устройством знаком!» «Впервые вижу»,— ответил Байдан.

Он знал названия и свойства множества растений и трав, повадки животных и птиц... Гулять с ним по лесу можно было как с экскурсоводом в Эрмитаже. Казалось он знает вообще всё на свете — о чём не спроси.

И, вместе с тем, в каких-то "деловых" вопросах он был предельно бесхитростен и не понимал, казалось, совсем простых вещей...

С Маришкой они смотрелись забавно, но удивительно гармонично. Было между ними какое-то тихое тепло; едва заметная посторонним трогательная забота. Маришка всегда активная, суеющая, деловая, энергичная, говорливая... Она была не просто человеком действия, казалось, что она — и есть само действие, его причина и воплощение в одном лице.

Это люди, которых мне будет по-настоящему не хватать.

* * *

— Мне тоже. Как и многих иных моих друзей,—
: о ком-то из них я уже сказал на своих не очень весёлых страницах.
Об иных скажу в завершающей части своего повествования.
А пока вернусь к написанному ранее тексту:

* * *

Я почти ничего не поведал о замечательной ковровской команде Киса — Лёше Квасове и Игоре Белове, Майоре и Аннет (что позже стала моей третьей женой),— совместные наши выезды всегда дарили мне удивительно доброе и сказочное настроение, и ощущение Подземли,—

— сравнимое лишь с фантастическим пением Лёши и его игрой на гитаре —

Я опустил завершение “экспедиции Капкан” и героические (именно так!) раскопки Системы Кафе группой “Свалка” — ибо сюжет повествования продиктовал иные слова и строки для окончания той главы.

Намеренно я не стал “объясняться в подробностях” о крушении нашего спелестологического кораблика под названием “РОСС-1 & фирма Паренди”: подождём, когда окончательно утихнет горечь того нашего старицкого поражения.

Также намерено я уклонился от рассказа о находке, вскрытии, исследовании и последующем “звёздном закрытии” Системы КрепкоСлоновья — воля её преоткрывателя, замечательного старицкого спелестолога Андрея Косманёва, для меня значит очень много.

Из сюжета повествования выпало “несколькократное” вскрытие Атлантиды — оправдывая название, после каждого нашего вскрытия этой красивейшей полости природа брала своё...

Об иных старицких открытиях не писал по той простой причине, что моего личного участия в них либо не было вовсе, либо было оно незначительным.

: пусть товарищи герои сами рассказывают о себе.

По крайней мере “Чёрное Солнце” ведёт скрупулёзный дневник своих экспедиционно-полевых работ; надеюсь увидеть хотя бы наиболее важные

страницы из него в интернетном исполнении.

: описывать чужие свершения — увольте.

По непонятной мне самому иррациональной причине не переданным остался ноябрьский выезд 1992 года — когда «Башмаки» под руководством Бати вывели в лыжный старицкий поход своё молодое спелеопополнение (снегу в том году навалило на ноябрьские иды, как в январе, и температура была соответствующая),— естественно, любители туристического экстрима поставили свой лагерь на поверхности (наша часть экспедиции предпочла более комфортную подземную стоянку в Уэме) — и в палатке Молодого Крота самым каноническим образом взорвался “Шмель”...

: Под порывами ледяного ветра, несущего параллельно поверхности земли снежные струи, останки капронового домика выглядели, будто пиратский бриг, выброшенный ураганом на скалы — сходство это не нарушали даже приплавившиеся к капроновым растяжкам носки...

: Множество миниатюрных сценок-приколов выпало из повествования только потому, что “вводное слово” к ним заняло бы слишком много места.

Про запущенный в космос за две бутылки водки прямо из калошинского огорода по просьбе хозяйки огромный пенёк (как ни искали мы его по всей предполагаемой трассе полёта, так и не нашли,— возможно, что земную атмосферу он не покинул, а плюхнулся в Волгу и тем же летом доплыл до Астрахани — жалко, что перед запуском мы не догадались его окольцевать) не писал только потому, что теперь за это могут и посадить. Ибо с противотанковыми минами шутить можно — с государством не шутят.

Какие-то эпизоды-сценки были исключены мной уже потому, что описал их в других своих вещах,— читайте «Катакомбный Итог», «Белый Камень, Чёрная Ночь», «Годы Драконов» и «Где дольше Света длится Тьма» — там о Старице сказано немало. Как и о наших старицких делах, открытиях и неудачах. По сути, каждый год нашего общения только с Лисьей достоин отдельного цикла рассказов, либо доброй повести. Если же говорить о жанре (или типе) повествования, в котором можно было бы описать *всю историю* наших отношений со Старицей без уничтожающих суть и смысл лакун —

: конечно, это роман. Типа “Войны и мира”,—

А значит — есть достойный повод когда-то в будущем, когда мне совсем нечего будет делать < не могу представить столь сказочную картину > погрузиться в КА2 с компом достаточной подземной защищённости — и написать Полновесный Старицкий Роман, не уступающий трём-четырёх толстовским эпосам.

∴ Слово “роман” вытягивает ещё одно, “оставшееся за кадром строки”, размышление: отчего-то все никитские браки (за исключением “сто процентно юго-западной” пары Кира/Натка) своим источником имеют наши поездки в Старицу. Отчего — не знаю. Но я женился четыре раза — и все четыре раза знакомился со своими будущими жёнами в старицких хаджах. Аналогично женились Володя Байдан, Леший, Золушка — и многие другие никитяне.

Мы уверены, что “пещера наших сердец” — Никиты. Но отчего-то Глав-

ные События нашей спелеожизни оказываются связаны со Старицей.

: Здесь родилась идея РОССа и впервые было зарегистрировано неформальное общество с таким названием. Кто в НК полагает, что спелестология заключается в “поиске и копании”, может гордиться не увеличением никитских объёмов — вскрытием и славой Капкана. А также Бродяжкой, Лисьей, ЗК, КА2 — и десятком других, не менее славных и красивых Систем.

Идея проведения в нашей стране первой международной спелестологической конференции “родилась в никитских умах” — но проведена она была в Старице. И если б не эта конференция — слово “спелестология” было бы известно лишь единицам “странствующих и путешествующих под землёй”, а то, что мы ныне называем этим наукообразным словом, представляло бы собой горстку алкающих в каменоломнях спелеотуристов. В лучшем из лучших случаев — по паре десятков человек на регион.

Современное РОСС (которое стало преемником почившего в амбициозных планах “первого РОСС”, а потому называется также, без лишних циферок) было создано ради проведения старицкой конференции и первоначально состояло из никитян. За время проведения конференции включило в себя не только добрую часть всех московских спелестологов, но и наших коллег из Одессы, Питера, Самары — и даже европейского и американского “забугорья”. Старица объединила нас всех и показала: Жанр не умер — живёт и развивается, и открывает впереди столь многое, что говорить о его смерти просто — на просто неуместно.

: Именно Старица своей *живой историей* подарила спелестологии весомый исторический аспект — на который относительно недавние, в историческом смысле, подмосковные пещеры-каменоломни вовсе не претендовали.

Старица пополнила Никитский Круг “Детьми Сталкера”, — и вот какой парадокс (близкий к понятию “военная тайна”): они настолько плотно входят в НК, что никто со стороны не отличает их от “отцов-основателей” — *но Никиты при этом не жалуют*. А вот старицкие наши выезды без “ДС” просто немыслимы. Уж лет 20. В Старице мы — одно целое. Вместе, на равных.

В Старице мы все — ДС. То есть Дети Старицы.

РОСИ (созданное М. Сохиным в подражание РОСС) появилось изначально лишь для того, чтобы официально “застолбить” итоги *его старицких экспедиций*, — комментарии тут излишни.

Министерское “Чёрное Солнце” чисто московская команда, — хоть основатель её родился и вырос в не столь далёком от Старице Волоколамске. В подмосковных Системах они занимаются топосъёмкой и вскрышными работами. Ездят также по другим спелестологическим регионам.

Но топосъёмкой и вскрышными работами в Подмосковье занимаются столь многие, что на этом фоне говорить о каком-то лидерстве или неоспоримых успехах — невозможно. < Что может быть в спелестологии более оспариваемого, чем топосъёмка? Лишь реальные результаты вскрышных работ — и то вряд-ли. > И все мы, так или иначе, навещаем подземные миры наших друзей и коллег — от Кольских рудников до Одесских катакомб, от питерских песчани-

ковых каменоломен до самарских гигантов и дальневосточных фортификаций. Не брезгуем зарубежными спелестологическими ойкуменами — Парижем, Неаполем, Римом,— Чехией и Польшей, Израилем и США, Германией и Англией.

На этом фоне прославиться невозможно —

: Хотя бы потому, что в иных регионах мы всегда – гости-экскурсанты. Те самые “спелеохалявщики”. Местные спелестологи по определению знают больше нас и видят глубже.

В Старицком районе успехи “Чёрного Солнца” столь неоспоримы, что многие считают эту команду не московской, а старицкой.

Потому что в Старице мы — НЕ ГОСТИ.